

ИЗ ТЬМЫ

Алеата
РОМИГ

Автор бестселлеров по мнению New York Times

Девять месяцев назад Сара Адамс очнулась без воспоминаний. Мужчина, который держал её за руку, сказал, что она член очень тесной религиозной общины под лидерством пугающего и харизматичного Отца Габриэля. Поскольку она женщина, то в общине "Света" её главные задачи: не задавать вопросов и подчиняться воле своего мужа.

Но, когда память Сары начала возвращаться и девушка вспоминает своё прошлое, она понимает, что все, что ей говорили до этого — ложь. "Свет" — это коварная и опасная организация, и её тлетворное влияние распространяется далеко за пределы удаленного городка, где удерживают Сару. Всеми силами Сара пытается отделить свои настоящие воспоминания от внушаемых ей мыслей. Ее съедает желание сбежать, но кому можно доверять? И кого из других последователей "Света" также заставили жить этой жизнью, промыв мозги, чтобы они поверили в то, что принадлежат этому месту?

Чем больше она вспоминала, тем более ясно понимала, что Джейкоб, мужчина, который называет себя ее мужем, хранит свои собственные сокрушительные секреты. Но Сара не может бежать одна, оставив невинных позади. Она должна бороться, чтобы уничтожить "Свет".

Перевод: Sweet_Lana

Сверка: helenaposad

Бета-коррект: nazuke, Serenix, Дарья Дмитриева

Редактор: Amelie_Holman

Оформление: Eva_Ber

Аннотация

Джейкоб

Сделав глубокий вдох, я вспомнил номер, который я запомнил и хранил глубоко в памяти. Я удерживал палец на кнопке, пока не засветился экран другого телефона и набрал номер. Запустив пальцы в волосы, я слушал гудки.

Специальный Агент Адлер, мой руководитель, ответил на пятом гудке.

— Агент МакАлистер?

— Да, сэр, — ответил я сквозь зубы.

— Черт! Мы ничего не слышали о тебе больше двух лет. Скажи мне, ты звонишь, потому, что у тебя есть доказательства. Скажи, что мне нужно приготовить бюро и быть готовыми к захвату. Скажи, что у тебя есть то, что нам нужно, чтобы схватить Габриэля Кларка.

— Специальный агент, у нас проблема.

Глава 1

Сара

Больше недели назад

Грануляция была отключена. Видимо, таким должен был быть ответ. Я не была уверена, почему это привлекло мое внимание и почему я должна упомянуть об этом Брату Рафаэлю или Брату Бенджамину. Тем не менее, чем больше я прокручивала и кликала мышкой, тем более очевидной становилась проблема. Из того, что произошло за несколько месяцев, я вспомнила работу в химической лаборатории и поняла, что созданные нами лекарства позволили Отцу Габриэлю делиться его видением с миром.

Большая часть электроэнергии в «Северном Сиянии» поступала от гидроэлектростанции, и мы были вынуждены использовать сухое гранулирование при изготовлении фармацевтических препаратов. Если грануляция этого нового лекарства была отключена, немного дольше, чем у его модельного образца, это может повлиять на скорость абсорбции. Я многое слышала из обсуждений Брата Рафаэля и Бенджамина.

Именно разница в весе готовой продукции вызвала у меня вопрос.

— Сара?

Почему я задаюсь этим вопросом?

— Сара!

Бисеринки пота усеяли лоб, поскольку мои открытия почти заглушили голос Дины. Я думала о том, что для большинства пациентов эта незначительная разница не станет серьезной проблемой, но также я беспокоилась, что для других это может быть опасным для жизни.

— Сара, что ты делаешь?

Ошеломленная, я перевела взгляд от экрана компьютера на заинтересованное выражения лица Дины. У моей коллеги, подруги и сестры жен Собраниа отразился ужас, когда она изучала экран моего компьютера.

— Я... — Слова затихли, когда мой взгляд метнулся от отчета, который находился за клавиатурой к экрану. Во рту пересохло. Я была совсем не в той программе, в которой должна находиться. Я не добавила данные и количества, которые должна была добавить.

Мой пульс тотчас ускорился.

— Ой, Дина, я понятия не имею, что делаю.

Она смотрела прямо на стену, и мои глаза устремились за ее взглядом к часам. Те висели почти под потолком, они были простой округлой формы с серебряным каркасом. Они напомнили мне часы в начальной школе, и когда я была ребенком...

Когда я была ребенком!

Я вспомнила часы из своего прошлого. Это было первое, что я смогла вспомнить почти за год. Закрыв глаза, я пыталась рассмотреть что-то помимо двенадцати цифр и рук в моей памяти. Как будто они прямо передо мной, я увидела всё. Я даже увидела тонкую красную секундную стрелку, бегающую кругами вокруг черных минутной и часовой стрелок. Я дважды моргнула, желая увидеть больше сцен для материализации, и в то же время боялась, что это случится. За часами из моего детства была большая зеленая доска.

Подождите, это бессмысленно. Доски не могли быть зелеными. Кроме того, моя начальная школа должна быть во тьме, месте, которое ушло от меня навсегда.

Как же я могла вспомнить эти часы?

Дина говорила, и, наконец, ее слова прорвались сквозь мои мысли.

— ...Брат Бенджамин вернется с Собрания. Что он скажет, когда увидит, что ты не выполнила свое задание, но взяла на себя смелость...

Я двигала головой вперед и назад, пока закрывала вкладку за вкладкой, которые не помню, как открывала.

— Ты права. Я не знаю, что делаю. Это потому, что что-то в цифрах казалось неправильным, как будто оно не подходило. Мне стало любопытно. Я начала искать...

— Я закусила губу между зубами. — Я признаюсь. — Моя голова стыдливо опустилась. — Братьям Бенджамину и Джейкобу.

Рука Дины заботливо обняла меня за плечи.

— У нас еще есть несколько минут. Я не говорю, что ты не должна говорить Брату Джейкобу. Должна. Но если я помогу тебе, возможно, мы сможем ввести данные, прежде, чем Брат Бенджамин вернется с Собрания. Кроме того, Брата Рафаэля не будет здесь еще час. Он задержится на заседании Комиссии. В зависимости от того, что Брат Бенджамин хочет, чтобы мы сделали, я уверена, мы успеем ввести данные.

Я протяжно выдохнула.

— Спасибо, Дина. Я даже не знаю, откуда я знаю, что делаю. Не знаю. Это просто... — Я знала ответ. Это была та самая проблема, с которой я продолжала сражаться. Это было мое любопытство. — Я не хотела ничего плохого. Миссия Отца Габриэля слишком важна.

Эта важность была реальна. Мы все верили в его миссию.

Дина подтянула свой рабочий стул с высокой спинкой к моему. Колеса легко скользили по гладкому цементному полу.

— Ты хочешь читать или вводить?

Я потянула правильный экран на компьютер.

— Я ввожу. Ты читаешь. Начнем со вчерашнего...

Прошло всего несколько минут после одиннадцати, когда Дина перестала читать и спросила:

— Сара, как ты узнала, как выйти из нашей программы? Я имею в виду, мы не знаем ни одного пароля.

Когда я пыталась вспомнить, память была размытой, как будто кто-то взял под контроль мои движения. Я снова закусила губу. Я не пыталась хитрить или лгать. То, что я хотела сделать, это помочь — понять, почему вес не совпадает. Наконец, я ответила:

— Не знаю. Я не помню.

Мне не свойственно скрывать, но, когда я ответила, я охотно прикрыла правду двусмысленностью. Брат Бенджамин создал эту программу. Я вспомнила, как ввела имя Рейчел и цифры 05. Рейчел однажды сказала мне, что она и Бенджамин были здесь вместе — в «Северном сиянии» уже пять лет. Это было предположение, но я угадала с первой попытки. С этого момента я не думала, а просто нажимала и прокручивала, словно движимая чувством любознательности, которое казалось знакомым, но все же чужим.

Я ответила Дине именно так, потому что, мне придется признаться Брату Бенджамину, как я это сделала. Тогда он сменит пароль, и я больше никогда не смогу выйти за пределы

программы. И хотя совесть здорово донимала меня, стремление сохранить доступ и узнать больше было слишком сильным, чтобы игнорировать его. Поэтому, когда мы работали над выполнением раннего утреннего задания, я одновременно изобрела способ исповедоваться, не раскрывая всего.

Когда последнее число было введено, дверь в лабораторию открылась, и вошел Брат Бенджамин. Летом в «Северном Сиянии» требовалось меньше верхней одежды, чем в холодные, темные месяцы. Брат Бенджамин повесил свою легкую куртку на крючок у двери и провел рукой по волосам.

— Доброе утро, Сестры.

— Доброе утро, Брат Бенджамин, — ответили мы в унисон.

Его брови были нахмурены, словно он задумался. Я знала, что в последнее время в Собрании напряженная обстановка, и Джейкоб все больше времени проводил в других общинах. Я не знала подробностей, лишь то, что это из-за того, что Ксавьер, другой пилот «Света», заболел, и Джейкоб помогал новому пилоту.

Заглатывая стыд за нетипичный для меня приступ непослушания, а также необычное, непреодолимое желание скрыть мое поведение, я кивнула Дине, которая сжала мою руку.

— Брат Бенджамин, — сказала я, — могу я с вами поговорить?

Складки на его лбу углубились.

— Это что-то личное? Хочешь, чтобы я позвонил Джейкобу?

Моей естественной реакцией было покачать головой, но мое обучение было слишком сильным. Я опустила глаза.

— Если желаете. Я хочу рассказать вам о том, что произошло сегодня утром.

С опущенной головой, я не могла видеть его выражение.

— Сестра Дина, не могли бы вы сходить в кофейню и принести три чашки кофе?

Моя грудь поднималась в спокойном ритме. Это мой шанс. Если я признаюсь без присутствия Дины, то могу сделать это, не признаваясь во всем.

— Да, брат, — сказала она, еще раз сжав мою руку.

Когда дверь закрылась, Брат Бенджамин попросил меня продолжать.

Я подняла взгляд.

— Сегодня утром я вводила данные, как всегда. Ну и, у продукции, партии 3F789, вес показался неправильным. — Его губы вытянулись в прямую линию. — Я знаю, что это не место для вопросов. Я не спрашиваю. — Тихо я произнесла молитву Отцу Габриэлю, чтобы Брат Бенджамин не говорил Джейкобу, что я спрашивала. — Это наблюдение. Я вернулась к предыдущим заказам. Вес не сильно отличается, но и не совпадает полностью. Если количество одинаковое, то и вес должен быть равным.

Хотя я ждала выговора, ничего такого не последовало. Вместо этого он сказал:

— Покажи мне.

Я кивнула, сглатывая то небольшое количество слюны, которое смогла собрать, и направилась обратно к своему рабочему месту. Отчет с данными, которые мы успешно ввели, был на моем экране, когда я переместила мышь и вернула компьютер к жизни.

Я указала на цифры. Брат Бенджамин приблизился и уставился на экран. Не спрашивая, он взял мышку и начал кликать и перемещаться к предыдущим отчетам. Все это время я стояла неподвижно, боясь, что он посмотрит историю поиска и узнает, что я получила доступ к информации вне моей компетенции.

Было достаточно плохо, что я сделала это, но не признаваться и быть пойманной было еще хуже.

— Сара, скопируй и пришли мне отчеты за последние три недели по 3F789. Я знаю, у тебя есть другая работа, и я не хочу занимать твой компьютер.

— Брат, я прошу прощения, если...

— Не извиняйся. — Его голос звучал неподдельно. — Так хочет Отец Габриэль. А мы не хотим, чтобы у нас были проблемы.

Мой выдох облегчения заполнил лабораторию.

— Сара, мы больше не будем об этом говорить.

Я хотела спросить, не означает ли это, что он не скажет Джейкобу, но остановилась, внезапно пораженная вихрем неуправляемых вопросов и мыслей, проникающих в мой разум.

Мысленный образ часов меня смущал. Образ простых, ни чем не примечательных часов обосновался в моем сознании. Откуда я знала, что это воспоминания? Возможно, я их видела в «Северном Сиянии». В конце концов, здесь была школа. Дети отправлялись в ясли в пятинедельном возрасте, и шли в школу в возрасте четырех лет.

Но это не ответ на вопрос, почему образ расширился — почему я теперь представляла себя сидящей за маленьким деревянным столом с моим именем, нацарапанным на яркой бумаге, прикрепленной к верхнему краю.

Эта линия мышления была неправильной. Меня научили этому. Мне нужно признаться моему мужу и более внимательно изучить учение Отца Габриэля.

Глава 2

Сара

Двумя днями позже

Каждый вечер среды, каждый в общине «Северного Сияния» посещал службу, но перед ее началом мне нужно было встретиться с одной последовательницей в яслях. Она и ее муж прибыли в «Северное Сияние» приблизительно в то же время, когда случилась моя авария, и ей требовалась помощь с переходом. Ее муж был под присмотром Джейкоба, который поручил помочь найти ее путь к «Свету» мне.

Пока я шла от лаборатории к яслям, я говорила себе сосредоточиться на Сестре Присцилле и забыть о тумане, который сгустился вокруг меня. Странные видения наполнили мои мысли. Я хотела поговорить об этом с Джейкобом. Он мог бы помочь, если бы только не уехал. И у меня не было возможности признаться ему в моих действиях в лаборатории или о том, что наполнило мои мысли.

Из-за того, что происходило в "Свете" он стал отсутствовать все чаще и пропадал на более длительные периоды времени. Я даже не думала, что он вернется сегодня вечером, так как службы в других общинах уже начались. Все, на что я могла надеяться, это то, что в "Северное Сияние" он вернется завтра.

Реальность заключалась в том, что расписание Джейкоба, как и все остальное, целиком и полностью зависело от Отца Габриэля.

Мои мысли вернулись к Присцилле, женщине-последователю, с которой я собиралась встретиться. Мы встречались раз или два в неделю в течение нескольких месяцев. Я пыталась сделать для нее то, что Сестра Лилит сделала для меня после моего несчастного случая, посоветовав ей уроки, для изучения и обсуждения учений Отца Габриэля. Частью моих обязанностей как жены члена Собрания было напоминать ей о ее месте и роли в качестве помощницы своему мужу.

Несмотря на то, что наш с Диной рабочий день в лаборатории закончился, рабочее время обычных последователей все еще продолжалось. Когда я пробралась внутрь большой металлической конструкции, расположенной рядом со школой, голоса маленьких детей заполнили мои уши. Как только дети могли говорить, их начинали учить трактату Отца Габриэля. Я улыбнулась звукам повторяющихся стихов и наставлений. Без сомнения, эти дети вырастут сильными солдатами и служителями "Света".

Каблуки моих сапог стучали по бетонному полу, когда я перешагивала через порог разделяющей перегородки, пробираясь к самым маленьким последователям. В некоторых классных комнатах разрешалось свободное время, которое, как я знала из моих посещений, было очень ценно для маленьких детей. Когда маленькие лица повернулись в мою сторону, «Сестра Сара» послышалось со всех сторон.

Даже дети знали избранных. Хотя, возможно, это была гордыня, мое сердце таяло с каждым их признанием. Я провела много часов, знакомясь с женами и детьми последователей, для которых Джейкоб был назначен наставником, в качестве члена Собрания. Я сердечно надеялась, что в моем лице они видели друга и наставника, так же как и жену Члена Собрания.

Как только я вошла в комнату для новорожденных, Присцилла подняла глаза и

улыбнулась. Это не все, что отобразилось на ее лице, но я ощутила чувство облегчения, когда я подошла.

— Сестра Присцилла, могу я чем-то помочь?

— О, Сестра Сара, спасибо. Благодарю Отца Габриэля. Я знаю, не стоит жаловаться, не сегодня, — ее слова затихли, — это было испытание, и я счастлива, что преодолела его.

Детская комната была недостаточно большой для детей в ней. По-видимому, последователи восприняли завет «Плодитесь и размножайтесь» буквально. В каждой кровати было по двое или трое младенцев. У некоторых были бутылочки, а другие плакали, ожидая, когда их покормят. К счастью, беспокойными были не все. Некоторые спали, они, каким-то образом, были невосприимчивы к воплям, отражающимся от стен.

Видя все это, я покачала головой. И как я раньше не замечала, сколько там младенцев, или насколько в яслях не хватало рук для ухода за ними?

Я пошла напрямик к пухленькому маленькому мальчику, которого держала много раз прежде. Его щечки были красными, а из носика текло, пока его маленькая грудь поднималась с криками. Когда я взяла его, мое внимание привлекла тяжесть его подгузника.

— Присцилла, я думаю, он мокрый.

Она кивнула.

— Отец Габриэль установил лимит на количество подгузников в день. Лимит предназначен, чтобы научить детей контролю. К сожалению, у маленького Тобиаса, должно быть, расстройство желудка. Он уже использовал свою ежедневную норму. И хотя, может, я не должна была менять их так рано и часто, но он был очень грязный.

Я покачала головой в недоумении.

— Тобиас — младенец. Сколько ему? Три месяца?

— Четыре.

— Когда в последний раз ему меняли подгузник?

Слезы застыли в глазах Присциллы. Я не уверена, были ли они из-за моего вопроса или ее собственного разочарования.

— Около четырех часов назад. Я-я не могу...

— Сколько раз в день разрешается менять подгузники детям? — Мой вопрос прозвучал громче, чем я предполагала, и был более эгоистичным, чем могла понять Присцилла. Я хотела ребенка — для Джейкоба и себя, чтобы была семья. Я понимала рассуждения Отца Габриэля о яслях, но контроль? Это же дети. Им нужен комфорт, а не контроль.

— Я-я не...

Я расправила плечи.

— Я часть избранных. Ответь мне.

— Три. Если потребуется больше, кредиты семьи сократятся, и родителям придется отрабатывать дополнительные часы на заводе, чтобы восполнить разницу.

Если они этого не сделают, кредиты других будут сокращены. — Объяснила она быстро и спокойно. — Сестра, у Тобиаса двое других братьев и сестер. Его мать попросила меня не превышать его лимит. Это моя вина — я не должна была менять ему подгузник так часто.

Мои губы вытянулись в прямую линию, внутри бушевало негодование. Разве я никогда не слышала этого прежде? Почему это внезапно расстроило меня? Это, должно быть, из-за моего желание иметь ребенка. Мой материнский инстинкт поднимал свою уродливую голову.

Меня привлекли стопки тканевых подгузников, заполняющих полку под единственным пеленальным столиком в комнате.

— Там много подгузников. — Как только заговорила, я поняла свою ошибку. Присцилла могла быть женщиной, но подвергать сомнению указания Отца Габриэля неприемлемо. — Возможно, — я посмотрела на успокоившегося ребенка на моих руках. Просто то, что я держала его, и мое тело раскачивалось вперед и назад успокоило мальчика. Мои щеки приподнялись в утомленной улыбке, — возможно, к тому времени как придет его мама, Тобиас будет в порядке.

Присцилла сделала глубокий вдох и убрала от своего лица пряди волос.

— Спасибо вам, Сестра. Иногда я задаюсь вопросом...

В это время слезы катились из ее глаз.

Я потянулась к другому ребенку и удерживала по одному в каждой руке. Сидя на одном из двух качающихся стульев, я улыбнулась, когда глаза детей закрылись.

— Ты можешь поговорить со мной, Присцилла. Если хочешь о чем-то спросить другую женщину, это не является допросом. Что тебя интересует?

В течение следующих тридцати минут я укачивала детишек на руках, пока Присцилла порхала по комнате, заботясь о других. Она рассказала об учебе и отвечала на мои вопросы. Она также призналась в своем беспокойстве о том, как изменилась ее жизнь с тех пор, как она и ее муж присоединились к "Свету" в качестве полноправных последователей.

Хотя я не могу сознаться в этом, но я завидовала ее перспективам. Она могла сравнить жизнь во тьме с жизнью в "Свете". Авария, произошедшая почти девять месяцев назад, лишила меня этого.

Присцилла никогда не выражала разочарования в своем выборе, лишь ощущение разочарования. Я задала все правильные вопросы: Любила ли она "Свет"? Хотела ли она следовать за Отцом Габриэлем? Верит ли она в его учения? Любит ли она своего мужа, и доверяет ли ему свои жизненные решения?

Эти разговоры проходили достаточно долго в процессе обращения Присциллы, и я знала, что должна сказать не только Джейкобу, но и Элизабет. Как координаторы новых последователей, Элизабет и ее муж, Брат Люк, знали, что делать. Когда наблюдались затяжные признаки сомнения, был предписан курс действий.

Последний вопрос, который я озвучила: «Любила ли она своего мужа и доверяла ему свои жизненные решения?» — вызвал у меня слабую вспышку стыда. Я не доверила Джейкобу решение остановить прием моих контрацептивов. Я сделала это сама.

Возможно, это и стало причиной моего нового беспокойства. Я чувствовала себя виноватой. Ведь с каждым часом казалось, что я продолжала накапливать новые грехи, и, что, конечном итоге, мне необходимо признаться в этом мужу.

Когда я покинула ясли и направилась к нашей квартире, у меня в мыслях и на сердце была тяжесть. Хотя я не хотела испытать наказание от рук Джейкоба, я жаждала мира, который возвращался, когда я делилась с ним своими проблемами. Вот бы он сегодня пришел домой, но ему это неподвластно. Он был с Отцом Габриэлем в другой общине. Помнится, он упоминал о "Восточном Сиянии".

Рассказ Присциллы о жизни во тьме заставил меня задуматься об образе часов. Я не знала, настоящий ли это образ, или это было то, что всплыло вследствие доброжелательных разговоров с одной из моих сестер. Если бы у меня было больше воспоминаний о детстве, я

бы не смогла выделить их. Только классная комната с часами над зеленой доской, видение, которое теперь расширилось, содержит в себе элегантно закрученный алфавит, отделяющий доску от часов. Учитель на этом изображении был загадкой, но на маленьком столе передо мной было тщательно выведенное мое имя. Не на столе, а на кусочке яркой бумаги. "С" было наклонено вправо и соединено с "а", затем "р" и "а".

Даже при том, что я не старалась вспоминать... изображения продолжали появляться в памяти, создавая туман, который искажал действительность. Наш многоквартирный жилой дом выглядел иначе — так же, как и раньше, но еще больше. Нет. Более простым. Неокрашенные доски показывали последствия погоды на Аляске. Мои туфли стирали изношенные доски лестницы, когда я пробиралась к нашей квартире.

Я покачала головой, пытаюсь избавиться от неопределенности. Вздохнув, я зашла в квартиру и рухнула на диван. Потирая виски, я закрыла глаза, желая, чтобы Джейкоб оказался рядом.

— Остановите это! — Сказала я вслух непонятно кому.

Наша пустая квартира издевалась надо мной.

— Я не хочу этих мыслей. — Необычайная боль разрывала голову. Вот бы я могла лечь спать и не пойти на службу, но это не вариант. Мне пришлось встать и идти.

Мой разум закрутился в вихре мыслей: то и дело всплывали куски и фрагменты, неспособные создать полную картинку, пока изображение Отца Габриэля не исчезло с экрана в передней части храма.

— Сара, ты нехорошо себя чувствуешь? — Спросила Рейчел шепотом.

Я попыталась улыбнуться, когда посмотрела на мою ближайшую подругу.

— Я думаю, что устала. И я скучаю...

Лоб Рейчел придвинулся ближе к моему.

— Ты скучаешь по Брату Джейкобу. Конечно, скучаешь. Я могу спросить Бенджамина, можешь ли ты прийти к нам. Мы могли бы выпить кофе.

Упоминание имени ее мужа напомнило мне о том, что я сделала за несколько дней до этого в лаборатории, и что у меня не было возможности признаться в моем открытии моему мужу.

— Спасибо. Думаю, я просто хочу домой. Может, мне нужно выспаться. Я не могу спать, когда он улетает.

— Даже не представляю, каково тебе. С того самого дня, как мы с Бенджином поженились, я никогда не спала в одиночестве.

— Вы поженились во тьме?

Глаза Рейчел стали шире, когда она оглянулась.

— Сара! — Ее голос звучал тихим шепотом. — Мы в храме, в окружении избранных.

— Она еще больше понизила тон. — Это не место для обсуждения таких вещей.

Мои губы вытянулись в прямую линию.

— Извини, — сказала я с ноткой ехидства. — Я не думала, что разговариваю с Элизабет.

Искра в ее темных глазах сказала мне, что она поняла мое замечание. Элизабет была нашей подругой, однако, она никогда не отклонялась от прямооты и ограничений. Помимо ее работы с новыми последователями, она была ребенком с плаката про повиновение. Она бы

никогда не упомянула про тьму и уж точно не в храме.

— Что? — Сказала Элизабет, поворачиваясь к нам, ее зеленые глаза сияли, а прекрасные рыжие волосы были собраны в хвост. — Я слышала свое имя?

Рейчел посмотрела на меня молчаливым и глумливым взглядом.

— Сара и я говорили о том, чтобы возвращаться домой. Ты и Люк прогуляетесь с нами.

— Это зависит от Люка, — ответила она безоговорочно. Затем ее глаза прищурились. — Но Сара, ты не можешь ходить одна.

Я вздохнула.

— Я хожу одна в течение дня. Сейчас июль. Почти всегда светло.

Она пренебрежительно покачала головой, так как другие жены членов Собрания и Комиссии выходили со своими мужьями один за другим. За пределами наших мест для избранных я заметила других последователей, в основном пары покидали скамейки и направлялись к дверям. Было так много людей, которых я не знала. Быть избранным одновременно благословение и проклятие. Последовательницы, которых я видела, имели удовольствие сидеть со своими мужьями, но все они выглядели измученными.

Когда я подумала о часах работы Присциллы и других, то поняла почему.

Элизабет продолжала говорить.

— ...если светло или темно в небе. Брат Джейкоб попросил Люка или Брата Бенджамина, сопровождать тебя. Ты не можешь спорить.

Моя головная боль усилилась, и я постаралась ответить, как можно менее цинично.

— Я не спорю. Я устала. Вот и все.

— Она скучает по Брату Джейкобу, — вступилась Рейчел.

Осуждение, выразившееся на лице Элизабет, лишь миллисекундой раньше, растворилось.

— О, Господи. Прости. Конечно, скучаешь.

— Дамы. — Глубокий голос Брата Бенджамина прервал наш разговор. — Пришло время отправляться по домам.

Позади Брата Бенджамина стоял Брат Люк. Мы все кивнули в знак согласия, и последовали за мужчинами из церкви на вечернее солнце. Хотя двое мужчин продолжали разговаривать, я позволила себе впасть в молчание. Это было послушание, которому меня научили, но, более того, это был мой собственный способ, чтобы понять, что я чувствую, когда испытываю неуверенность. Единственное, что я сейчас хотела, это залезть в постель и проснуться обновленной.

Утром я буду чувствовать себя, как и прежде.

Это была моя последняя мысль, перед тем, как я закрыла глаза, опустив голову на подушку Джейкоба. Меня окутал запах его кожи, и я заснула.

Глава 3

Сара

По нашей тускло освещенной спальне разнесся пронзительный крик. Он ускорил мое сердцебиение и вытянул меня из ужасного кошмара. Я ждала продолжения, пока не осознала: крики были моими собственными.

— Джейкоб? — позвала я, мой голос дрожал от ужаса, когда я потянулась к мужу. Вместо успокоения мои пальцы уткнулись в холодные пустые простыни. Он в отъезде, все еще в другой общине.

Что только что произошло? Было ли это сном?

Я вцепилась в одеяло, набрала побольше воздуха и медленно выдохнула. Каждый вдох помогал остановить хаос, но этого было недостаточно.

Кто я? Кто он?

Пришли на память вопросы, которые задавал Джейкоб несколько месяцев назад. Они были гарантом моей безопасности. Раньше это срабатывало.

Я — Сара Адамс и мой муж Джейкоб Адамс.

Отодвигая образы из моего сна, или кошмара, подальше, я представила утешительные объятия Джейкоба. Медленно я откинула одеяло, мне был нужен прохладный воздух, чтобы охладить покрытую потом кожу. От того, как билось сердце в груди, я, возможно, бежала марафон, а не спала.

В моем сне я пыталась выбраться из машины, а затем последовал мощный взрыв.

Это был сон, успокаивала я себя, просто кошмар. Авария, которая приключилась со мной почти девять месяцев назад, была другой. Я не могла её вспомнить, но мне сказали, что я получила травму и потеряла сознание. В кошмаре я была вдали от обломков.

Я покачала головой.

Это выглядело таким реальным.

В моем сне я не смогла рассмотреть прошлое из-за тьмы, но я знала, что не пострадала.

Мои руки обвилились вокруг живота, когда воспоминания всплыли картинками в моей голове. Кто-то делал мне больно — намеренно причинял мне боль, и там раздался голос — низкий голос.

Голос Джейкоба?

Нет. Он не мог причинить мне боль.

Все мое тело вздрогнуло, кожа покрылась мурашками. Сидя, я потянулась к прикроватной лампе. Дрожащими пальцами я повернула выключатель, и мои глаза привыкали, пока мягкий свет смешивался с летним солнечным освещением.

Я закрыла веки и постаралась сконцентрироваться на вопросах Джейкоба.

Кто я? Кто он?

В этот раз я произнесла слова вслух, молясь о том, что, если я говорила правду, то изображения исчезнут.

— Я Сара Адамс. Он мой муж — Джейкоб Адамс.

Я поднялась с кровати и отправилась в ванную. Включив свет и кран, я набрала в ладони прохладную воду и плеснула в лицо. Тогда я потянулась к стакану, и начала набирать воду в него, метафорическую плотину, которая была построена, чтобы сдержать мое прошлое.

Мой разум заполнился уже не простыми изображениями, а сценой за сценой.

Впервые с тех пор, как ко мне вернулась память, я узнала женщину в зеркале. Я узнала себя.

Записанное на цветной бумаге имя, на столике из детства, не было именем "Сара".

"С" все еще была там, но остальные буквы были другими.

Я узнала мои собственные голубые глаза и светлые волосы.

Я вспомнила их длину и то, как они привычно струились по плечам.

Хотя я встретила свой взгляд всего на миллисекунду, я также рассмотрела свою панику — не только рассмотрела, я ее почувствовала. От того, как скрутило живот, я поняла, что то, что я только что испытала, не было кошмаром. Это была моя реальность — мое прошлое, которое, как я думала, исчезло навсегда.

При этом осознании мои мышцы потеряли упругость. Вода брызнула на туалетный столик и зеркало, когда стакан, который я держала, упал на дно раковины. Больше не способные удерживать мой вес, колени подкосились, и я сползла на пол.

— Боже мой! Это правда? Этого не может быть. — Я разговаривала с пустой ванной. — Джейкоб? Авария. Это произошло не просто так. Это подстроили? — Я очень хотела, чтобы он сделал все правильно, исправил это.

Кислота поднималась из глубин моего желудка. Обед, который я давно съела, отказывался усваиваться. Моя ночная сорочка прилипла к влажной коже, и я бросилась в туалет. Как старая кинолента, сцены продолжали меняться в моих, наполненных слезами глазах: мое пробуждение, мой ускоренный курс "жены члена Собрания", наше временное изгнание, мои напоминания... Почти год моей жизни — жизни Сары. Все внутри болело, пока мое тело билось в конвульсиях. Снова и снова меня рвало, очищая от всего, что я знала, во что верила — всё ложь.

Когда, наконец, силы вновь вернулись ко мне, я встала, ополоснула рот и снова плеснула в лицо водой. На этот раз, когда я смотрела на женщину в зеркале — на себя, ужас, который я видела, исчез, сменившись ощущением предательства. Боль и тоска нахлынули на меня, обрушились, пропитав мое тело, душу и разум.

Я пыталась бороться с этим, спорила сама с собой. Если бы только Джейкоб был здесь, чтобы помочь мне понять.

Выключив воду, я сползла вниз по стене и осела на холодный кафель. Прижимая колени к груди, со слезами, покрывающими щеки, я вновь воссоздавала события, которые должны были остаться навсегда потерянными.

Впервые почти за год, я могла ответить на вопрос Джейкоба — я знала.

— Я — Стелла Монтгомери! — Мое заявление отразилось от стен, сердце заболело.

Это должно быть настоящим.

Вранье! Меня кормили ложью. И, как кубики льда после пробуждения, я приняла всех и каждого.

На смену голосу пришли всхлипы, пока я сражалась, чтобы придать смысл тому, что случилось. Ничего не имело смысла. Все, кем я дорожила — мой муж, друзья, сестры и братья — все были фальшивкой.

Подняв левую руку, сквозь расплывчатое зрение, я смотрела на простое золотое кольцо. Я не Сара Адамс, и я не была замужем. Грудь болела, когда сердце, умоляло меня ошибаться, верить, что жизнь, которой я жила, была моей, но я не могла.

Я Стелла Монтгомери, журналист, освещающий запутанные случаи, на телеканале

WCJB в Детройте.

Я знала, что это правда.

У меня была карьера и жизнь, с настоящей семьей и друзьями. Я вспомнила голубые глаза, пронзительные голубые глаза. У меня был парень по имени Дилан, Дилан Ричардс, который был детективом.

Дыхание зацепилось за внутренний голос, предупреждающий меня не задавать вопросов. Это не мое дело. Как женщина, я должна принять. Я должна молиться Отцу Габриэлю и признаться Джейкобу.

К черту это!

Задавать вопросы было тем, что я делала, тем, что я сделала. Это часть моей работы. Неудивительно, что это настолько трудно.

Придерживаясь за стены, я направилась обратно в нашу спальню.

Наша спальня.

Я снова обхватила себя, когда мой, теперь пустой, желудок скрутило. Джейкоб и я на самом деле не были женаты. Я не была против секса до брака, воспоминания обо мне и Дилане были тому подтверждением. Но когда я устала на кровать, где я занималась любовью с моим мужем, всплыл новый вопрос.

Меня изнасиловали?

Я покачала головой. Нет. Несмотря на ложь на каждом шагу, мое сердце подтвердило, что этого не было. Джейкоб не принуждал меня, но опять же, была ли ложь, которую он мне скармливал лучше, чем это?

Лгал ли он? Знал ли правду?

Я не хотела думать об этом...

Черт! Тошнота. Что, если я беременна?

Я даже не знаю его имени. Моё — не Сара. Возможно, его имя не Джейкоб. У меня не может быть ребенок от мужчины, которого я не знала. Плотнее кутаясь в халат, я посмотрела на часы — почти четыре часа утра.

Из-за вихря в голове я знала, что не смогу заснуть. Вместо этого я медленно прошла через нашу тихую квартиру, оценивая все заново, пока проходила по короткому коридору, через гостиную и на кухню. С открытыми шторами, даже в этот ранний час, вечный летний солнечный свет позволил мне увидеть наш мир. Все вокруг меня было моим прошлым. Единственное, о чем я думала, что когда-то представляла, что Джейкоб и я были созданы друг для друга, всего несколько часов назад я обдумывала перспективы для нашего совместного будущего.

Больше нет.

Обман бросал тень на все, куда бы я ни посмотрела.

Мои руки дрожали, когда я встала и медленно повернулась, бездумно, по кругу. Все неправильно. Я окружена ложью.

Как это случилось? Почему? Кто сделал это со мной?

Я хваталась за крупы надежды.

Возможно, от Джейкоба так же скрыли правду. Быть может, он полагал, что мы действительно женаты. Могли ли мы оба быть жертвами?

Я оперлась о стол и села, не зная, каким мыслям доверять.

— Дорогой Отец Габриэль... — говорила я между всхлипываниями, — пожалуйста, прогоните эти нечестивые мысли. Я признаю, что помню мою прежнюю жизнь... нет, я

признаю, что позволила злу...

Я сделала глубокий вдох.

Мысли не были злом. "Свет" — был.

Я смотрела на плиту, на которой готовила ужин для мужа. Я хорошо готовила, хотя вспомнила, что как Стелла я не готовила. Как Стелла я не была готова к совместному владению даже аквариумной рыбкой. Но в жизни, которой я была вынуждена жить, я готова родить ребенка.

Почему я вынуждена стать той, кем не была?

Пока я тут... Я была Сарой. Все это бессмысленно.

Встав, я подошла к шкафу и потянулась за пакетиком чая. Когда я начала наполнять чайник водой, я решила, что хочу кофе. Я нуждалась в кофе. Я раздобыла чай, когда готовилась забеременеть. С растерянностью и болью, заполнившими сердце и душу, я отказывалась считать, что беременность возможна. В конце концов, я прекратила прием контрацептивов всего... Я произвела расчеты... почти две недели. Люди не беременеют в первый месяц.

Как они сделали это? Почему они сделали это? Что будет теперь, когда я знаю?

Пока кофейник закипал, я вернулась за кухонный стол и рухнула на стул. Мне нужно больше, чем кофе. Мне нужно сбежать из "Северного Сияния" и вернуть свою жизнь. Мне нужно найти способ освободиться от "Света".

"Свет"!

Обрывочные кадры формировали полные кинематографические ролики. Я, Стелла, изучала «Свет». Это было последнее, что я могла вспомнить о своей жизни в Детройте.

Другие аспекты моей жизни вернулись: родители, сестра, Дилан; Бернارد — мой босс; Трейси, мой друг; и Фостер — мой напарник.

Хотя ложь, которой меня кормили, и которую я охотно потребляла, вызывала у меня отвращение иметь прошлое, которого я не помнила. Это волновало. Голова раскалывалась, когда зияющие дыры, которые, как я думала, навсегда останутся пустыми, с рекордной скоростью заполнялись настоящим прошлым. Тем, которое было скрыто.

Или это очередная ложь? Я не могу быть уверенной.

Если я не принадлежу этому месту, то почему я здесь?

И тут меня осенило. Я не единственная.

Я подумала о Тобиасе, о всех других младенцах и детях, которые звали меня по имени. Я перебирала последователей, избранных и тех, кого я не знала, — женщин, мужчин, детей. Сколько из них жило ложью? Сколько из них лгали?

Мои друзья... еще большее разочарование. Знают ли они, что лгут?

Поток мыслей прекратился, пока мой взгляд блуждал по нашей маленькой квартире, и я стиснула зубы.

Отец Габриэль живет так же, как и мы — чушь собачья!

Блумфилд-Хиллс. Новые изображения цеплялись за мою недавно освоенную систему веры: у Отца Габриэля был огромный, вытянутый, многомиллионный особняк в Блумфилд-Хиллс с собственной взлетно-посадочной полосой.

Мое сердце продолжало трещать по швам.

Последние девять месяцев я была вынуждена обращаться к Джейкобу, искать не только его одобрение, но и его руководство. По общему признанию, все еще была часть меня, которая этого хотела. Мне хотелось закрыть глаза и рассказать ему все это, но недавно

пробужденная часть меня знала, что я не могу.

Джейкоб рассказывал мне истории о нашем прошлом, прошлом, которого, как сейчас я знаю, никогда не существовало. Наши отношения основаны на лжи, которую он увековечивал снова и снова, пока я не поверила каждому его слову. Он придумал эти истории или ему сказали рассказать мне об этом? Он не раз говорил, что у него тоже есть правила.

Несмотря на доказательства, я хотела верить, что мой муж делал то, во что верил.

Голова упала на сложенные руки, как же я хотела, чтобы мои новые мысли прекратились.

Он не был моим мужем.

Внутри бушевала битва между желанием узнать и готовностью принять. Сердце говорило мне, что Джейкоб любил меня и всегда делал то, что было лучше, но образы, воспоминания, все это рисовало совершенно другую картину.

Нехотя я признала, что Джейкоб должен быть частью этого обмана. Ведь он не только играл в ложь о нашем браке, и о нашем прошлом, но и летал на самолетах. Он пилот Отца Габриэля. Он был с ним прямо сейчас в "Восточном Сиянии".

Появилась новая мысль.

Могло ли "Восточное Сияние" быть в Детройте, а точнее в Блумфилд-Хиллс?

Если это так, то Джейкоб знал об особняке. Он знал и о взлетно-посадочной полосе. Он знал, что Отец Габриэль не живет так, как он наставлял.

Мой недавно опустошенный желудок продолжало скручивать. Мало того, что мне нужно было уйти, но также на случай, если я беременна, мне нужно было избавить моего ребенка от этого безумия.

Я выглянула в окно на яркое, ясное летнее небо. Я на Аляске. На Дальнем Севере. Где были стены и белые медведи. Это не только физическая тюрьма, но и психологическая. Я должна думать. У меня должен быть план. Я должна приказать своему сердцу забыть мужчину, который был моим утешением, учителем, и судьбой. Ради моего выживания, моего возможного ребенка, а также ради других — мне нужно что-то придумать.

Я налила чашку кофе, и пока в темную жидкость лились сливки, в моем сознании продолжали возникать вопросы. По мере того, как мерцание моего бывшего «Я» пробивалось сквозь неуверенность, я поняла, что больше не нуждаюсь в одобрении Джейкоба. Я сама предоставила его себе. Мои мысли вернулись к родителям, моей сестре и Дилану, как они, должно быть, страдают из-за моего исчезновения. Это должно было быть так же, как с исчезновением Минди.

Черт! Минди!

Моя рука трепетала над сердцем. Минди тоже была здесь, со мной. Я уверена. Я вспомнила белокурую женщину, которая несколько месяцев назад говорила с Элизабет. Теперь стало понятно, почему она выглядела знакомой. Она не Мэри. Она — Минди Роузмонт, моя лучшая подруга из тьмы. Однако, так же как я не узнала ее, она не узнала меня. Скорее всего, ее прошлое было стерто, оставив её без воспоминаний о подлинной личности.

Сколько таких, как я было здесь? Сколько женщин, и, может, мужчин были запрограммированы?

Сидя за столом, я потянулась к теплой чашке кофе и робко поднесла ее ко рту. Я научилась быть осторожной. Странно, что тепло больше не ощущалось под кончиками

пальцев, ведь раньше я обжигалась. Глядя на пар, я закусила губу и опустила слишком горячий кофе обратно на стол. С отвратительным предчувствием я повернула запястья и уставилась на сожженную плоть на подушечках пальцев.

О, Господи!

Я была одной из тех женщин — с сожженными кончиками пальцев, со стола доктора Трейси Хауэлл в морге округа Уэйн. Женщины, для которых всё закончилось смертью.

Новый холодок пробежал по моей спине, и я запахнула халат плотнее. Я не расследовала историю жизни и смерти — я проживала её!

Глава 4

Сара

После раннего пробуждения до моих открытий, я провела большую часть дня, продираясь сквозь густой туман замешательства. Все это требовало усилий и концентрации. Задачи, ставшие второстепенными, теперь казались чужими. Кое-что столь же простое, как приготовление собственного завтрака заставило мои мысли вернуться в прошлое. Когда из-за ломтиков бекона, на чугунной сковородке, я наполнила квартиру дымом и, как следствие, пожарными.

Я усомнилась в действительности каждого образа, который вспомнила. Это были воспоминания, или мысли, которые мимолетно казались реальными? Без предупреждения закрадывались сомнения. Можно ли этому верить? Я вспомнила свою жизнь или это мое воображение? Когда на сковородке потрескивал бекон, я рассуждала о том, что, поскольку, у нас не было пожарных в "Северном Сиянии", то изображения мужчин в тяжелых куртках и шлемах были настоящими — это память из тьмы.

Здесь, в случае пожара, было понятно, что каждый мужчина-последователь сделает то, что необходимо. Я не знала бы этого, если бы не подслушала, как Джейкоб говорил об этом одному из прикрепленных к нему последователей. Угроза, казалось, не вызывала беспокойства, но учитывая, что большая часть зданий, помимо стены, окружавшей общину, была из древесины, то огонь мог быть разрушительным.

Методично мне удалось завершить каждую из задач: завтрак и работа в лаборатории.

Я прекрасно осознавала все, что делала и говорила, взвешивая каждое слово в моих беседах, независимо от того, с кем они велись. Когда я вводила данные на компьютере, потоки мгновенных мыслей протекали через меня, неоспоримое желание получить информацию. Такие вопросы, какие я не позволяла себе задавать в течение нескольких месяцев, бомбардировали мои мысли. Почему меня отправили работать в химическую лабораторию? Кто-нибудь знал, чем я занималась раньше? Что стояло за изготовлением препаратов? Была ли это филантропия, или за этим скрывалось нечто большее?

Когда мои пальцы зависли над клавишами и пароль Брата Бенджамина повторялся в голове, я не была уверена, что хотела найти что-то или даже то, что я искала. И вот через мгновение я вернусь к своему предписанному заданию с чувством вины, подавляющим любознательность, напоминающим мне о моем месте, как женщины и как жены члена Собрания.

Весь процесс — от восторга из-за воспоминаний до сомнений и стыдных вопросов — приводил в бешенство, тревожил и утомлял.

К обеду я была измотана. Нужно сменить декорации, я попросила Дину проводить меня в кафе. Новое окружение не помогло. Что-то в моих откровениях все изменило. Я больше не видела процветающего маленького городка, то была огороженная территория или лагерь. Я боролась с необходимостью поднять глаза и по-настоящему изучить мир, в котором жила.

Меня научили держать глаза опущенными. Тем не менее, я очень хотела стоять и смотреть, как я делала это наедине в своей квартире. Я хотела зайти в здания вдоль грязных улиц и дорожек. Теперь они казались прочными, но простоватыми. В то время, как некоторые, такие как кафе и школа, были изготовлены из листового металла, большинство из них были сделаны из дерева, так как ангар для самолетов.

Следователь во мне, пытался вырваться на свободу, чтобы рассмотреть связи, из-за которых я никогда раньше не остановилась бы, чтобы заняться изучением окружающей обстановки. Джейкоб сказал, что возле электростанции, сразу за стеной общины, была небольшая пилорама, где работали последователи, чтобы превратить столетние деревья в древесину. Иначе, как бы они построили это место у черта на куличиках? Доставлять самолетом строительные материалы было сложнее и дороже. Из того, что я могла вспомнить о самолетах, которые Джейкоб показывал мне, ни один из них не был достаточно большим для этого.

— Ты когда-нибудь думала о людях, которым помогают лекарства от Отца Габриэля? — спросила я, пока жевала холодный сэндвич с индейкой.

Дина пожала плечами.

— Думаю, нет. В смысле, его миссия творит замечательные вещи. Я и представить себе не могу, как бы обходилась без удовлетворения своих потребностей.

— А они есть?

— Они?

Я наклонилась ближе.

— Потребности.

Дина кивнула.

— У меня — да. Это то, чему учит Отец Габриэль. Любые неудовлетворенные потребности — вовсе не потребности, а желания.

— Да, это то, что он говорит. А что думаешь ты?

— Сара! Я не знаю, что на тебя нашло, но я не подвергаю сомнению учение Отца Габриэля, и тебе не советую.

— Я не подвергаю сомнению. Мне просто любопытно.

— Ты без пищи, крыши, или чистой одежды? — спросила она.

— Нет.

— Что насчет душевных потребностей?

— Что насчет них? — повторила я.

— Они удовлетворены?

Я сделала глоток воды.

— Да, конечно.

— Это не тема для любопытства.

— Знаю. — Я опустила голову. — Я думаю, что просто скучаю по Джейкобу. — Слава Богу, у меня было оправдание. Иначе я не знаю, как смогла бы объяснить свое странное поведение.

Когда мы собирались выйти из магазина, вошла группа из трех женщин-последователей, их головы склонились, когда они окинули комнату взглядом. Головы каждой были покрыты шарфами, какие я видела у женщин, которые работали в теплице, где выращивали свежие фрукты и овощи для ежедневного потребления. Только когда бледно-голубые глаза одной из женщин посмотрели в мою сторону, я узнала ее. Эти глаза я знала годами. У меня не было никаких сомнений. Я смотрела на мою подругу Минди Роузмонт.

Без раздумий, я встала и двинулась в ее сторону. Боль от ее исчезновения, посещения морга, всё вернулось. Комок образовался в задней части горла, когда мои руки свело от боли, так мне хотелось ее обнять. Она была здесь, в целостности и сохранности. Прежде чем я смогла обработать или отфильтровать свои мысли, я потянулась к ее руке.

— Ми... — Я не стала называть ее имя, которое начало слетать с моих округлившихся губ, когда заметила, как на ее лице отобразилось выражение потрясения.

— Сестра, я... в чем-то проблема? — спросила она мягким и слабым голосом. Две другие женщины стояли, уставившись на меня, как и Дина.

Мои мысли ускорились. Я вспомнила, что видела ее раньше в храме, говорящей с Элизабет. Я должна что-то придумать.

— Нет, — успокоила я ее, надеялась увидеть какое-либо узнавание во взгляде. Не увидела. — Я-я... — Я подбирала слова. Моя аудитория слушала внимательно. — Сестра Мэри? Правильно?

— Да, — ответила она, посмотрев теперь туда, где я держала ее дрожащую руку.

— Пожалуйста, посмотри вверх.

Она посмотрела.

— Сестра Элизабет попросила меня поговорить с тобой. Мы можем минутку пообщаться? — Ложь оставила отвратительный привкус на моем языке, но я не могла думать ни о чем другом.

Мэри кивнула, сначала мне, а затем ее подругам. Я посмотрела на Дину, чьи глаза округлились от удивления.

Черт! Мне нужно придумать, что сказать и ей тоже.

— Сестра, — сказала я, обращаясь к Дине. — Я вернусь в лабораторию через несколько минут.

— Я могу подождать.

— Все в порядке. Это не займет много времени. Элизабет попросила меня об одолжении. — Мои объяснения, казалось, удовлетворили Дину, потому что она улыбнулась и направилась к двери.

Отпуская Мэри, я отошла назад к столу, где мы с Диной обедали.

— Пожалуйста, присаживайся.

— Я не могу задерживаться, — сказала она, когда послушно опустилась на стул.

Конечно, она не задержится. Она должно быть на своем рабочем перерыве.

— Я не хочу прерывать ваш обед, и я хочу, чтобы вы знали, что ничего, из того, что будет сказано, не будет повторено.

— Что?

— Иногда я помогаю Сестре Элизабет и Брату Люку. Вы можете только представить, насколько они заняты. — С каждым словом и предложением лгать становилось легче.

— Сестра Элизабет очень отзывчивая.

Она продолжала смотреть на свои руки, которые теперь были у нее на коленях. Вид ее с двумя другими женщинами, вызвал во мне образ женщин, пересекающих улицу в Хайленд-Хайтс. Я не могла думать об этом сейчас.

Я стала говорить тише.

— Мэри, пожалуйста, посмотри на меня. Я кажусь тебе знакомой?

Мэри посмотрела вверх и вниз.

— Да.

Мое сердце подскочило.

Она продолжила:

— Я видела вас в храме, с другими избранными.

И утонуло.

Я вспомнила свою давнюю беседу с Элизабет о жестоких мужьях. Я осмотрела лицо и тело Минди. Блузка с длинными рукавами закрывала руки, а джинсы закрывали ноги. Но, к счастью, я не видела признаков жестокого обращения на ее лице.

— С тобой все в порядке?

Она кивнула.

— Ты уверена?

Ее светло-голубые глаза заблестели от слез.

— Вы собираетесь рассказать что-то Сестре Элизабет? Адам узнает об этом?

— Нет! — Я понизила голос. — Нет, Мэри. Ничего плохого в этом нет. Я ничего не скажу Элизабет. Мне жаль. Я не хотела тебя пугать.

— Н-но я думала, вы разговариваете со мной по просьбе Элизабет?

— Так и есть. Просто задумайся на минуту. Мы могли встречаться раньше?

— Раньше? — спросила она. — Мне жаль. Я не помню того, что было раньше. — Она подняла глаза. — Вы имели в виду в "Свете"? Нам не разрешают говорить о том, что было до этого.

— Ты помнишь тьму? — спросила я шепотом, с надеждой и внезапным любопытством, лишили ли и других, таких как я, воспоминаний.

— Нет. Адам говорит, что мы были женаты до того, как приехали сюда. Я же ничего не помню.

Я склонила голову.

— Случилось что-то, что повлияло на твою память?

Ее нижняя губа исчезла между зубами в знакомой привычке.

— Я не помню. Адам сказал, что я упала. Я очнулась в клинике около года назад. Это все, что я знаю.

Мое сердце билось так быстро, когда я подумала, что это происходит со всеми женщинами "Северного Сияния".

— Ты повредила себе что-то, когда упала?

— Да, я сломала руку и повредила голову. — Она ерзала на своем стуле, когда искала своих подруг. Они сидели за другим столом и ели.

— Я иногда бываю неуклюжей. Было ли что-нибудь еще, о чем Сестра Элизабет хотела, чтобы вы меня спросили?

Чувство вины тяжестью осело в моем желудке.

Ложь, вопросы, и сейчас я прерывала ее обед.

Мои глаза вернулись к столику ее подруг.

— Мне жаль. Я не хотела, чтобы ты пропустила обед. Они взяли тебе еду?

Ее голова подвигалась из стороны в сторону.

— У нас есть только норма на собственную порцию. Никто не может получить больше одной.

Мы с ней жили одной и той же жизнью, но это было не то же самое. Моя жизнь была жизнью избранной. Часто мы с Диной в лаборатории готовили бутерброды для всех. Как я раньше не замечала и не понимала иерархию в "Свете"?

— Ох. Тогда, пожалуйста, иди. Мне жаль, Мэри. Но в следующий раз, когда увидишь меня, пожалуйста, не нужно меня бояться.

— Я-я не боюсь. Вы кажетесь хорошей. Сестра Элизабет — хорошая, и Сестра Эстер, жена нашего куратора. Я не знаю других избранных. Я даже не знаю вашего имени.

Я попыталась улыбнуться.

— Меня зовут Ст... Сара, Сестра Сара. Пожалуйста, не стесняйся обращаться ко мне в любое время.

Она посмотрела на свои руки, ожидая, чтобы я отпустила ее, и мой желудок скрутило.

— Если ты поторопишься, у тебя будет время поесть?

— Да, — без раздумий ответила она.

— Тогда, пожалуйста, иди. Спасибо, что поговорила со мной.

— Спасибо вам.

Я тихо сидела и наблюдала за тем, как она поспешила в очередь, а затем к стойке. Из глубины своего кармана она достала белый листок. Это был ее талон на обед.

Еще больше вопросов атаковали мой разум. Все ли прибывшие пережили опыт с "несчастливым случаем"? Почему? Сколько часов в день она и ее муж работают? Чем они заняты в теплице? Что делают остальные на производственном заводе?

Возвращаясь в лабораторию, я размышляла о раздвоении Мэри и Минди. Она больше не была уверенной в себе женщиной, которая была моей соседкой по комнате, однокурсницей и лучшим другом. Каким-то образом, "Свет" превратил всех нас в Степфордских жен.

Когда я вошла в лабораторию, Дина посмотрел на меня, молча спрашивая о моем необычном поведении. Только когда мы остались одни, она, наконец, спросила:

— Элизабет? Что она от тебя хотела?

Я облизала губы и пожала плечами.

— Она хотела, чтобы я спросила эту последовательницу о ее воспоминаниях.

Дина сморщила нос.

— О воспоминаниях? О каких? И почему ты?

Мои глаза распахнулись.

— Не знаю. Элизабет наша подруга. Я не могу представить, как она просит меня сделать что-нибудь, что я не должна. А ты могла бы?

— Нет. Это выглядит странно.

— Я тоже так думала. Это не имеет значения. Последовательница ничего не помнит.

Хотя Дина казалась удовлетворенной, я молча произнесла молитву. «Пожалуйста, Отец Габриэль, не дай Дине ничего сказать Элизабет».

Перед окончанием рабочего дня, к моему рабочему столу подошел Брат Бенджамин.

— Сестра, утром на Собрании я узнал, что Джейкоб вернется сегодня. Он будет дома к ужину.

На лице растянулась улыбка, прежде чем у меня появилась возможность ответить.

— Спасибо, Брат Бенджамин. Это лучшая новость, которую я слышала за последние несколько дней.

Он подмигнул.

— Почему бы тебе не отправиться домой пораньше и не приготовиться к его возвращению. Я уверен, он скучал по домашней еде.

Хотя я вдруг разволновалась о мысли столкнуться с ним — мужчиной, который так тяжело работал, чтобы убедить меня в том, что я была его женой. Мое тело и разум находились в противоречии. По правде говоря, я скучала по нему.

Глава 5

Джейкоб

Я звонил по телефону, когда миновал последние ворота, чтобы попасть в общину. Было почти пять часов, и я надеялся, что Сара будет дома после работы. В эту поездку меня не было три ночи. Мне не нравилось покидать ее на несколько часов, а тем более дней.

Эта командировка была потрачена исключительно на "Восточное Сияние". В то время как Отец Габриэль делал все, что хотел в своем особняке, мы с Микой оставались вдали от бассейна и теннисных кортов, ютясь в небольших хозяйственных постройках.

Когда я впервые приступил к этому назначению, я решил было исследовать большой дом, пока не обнаружил камеры. За каждым движением, которое мы с Микой совершали в имении, или, по крайней мере, внутри хозяйственных построек, наблюдали. Поздно ночью я сидел на веранде и смотрел на большой дом. Меня скрывала темнота, но особняк хорошо просматривался, во многих окнах горел свет, дом выглядел как рождественская елка. Даже с расстояния от хозяйственных построек я видел множество людей, празднующих что-то с нашим лидером.

Хотя моя работа заключалась в том, чтобы проникнуть в "Свет", мое обучение говорило мне, что я могу достигнуть цели, только следуя правилам Отца Габриэля. Он лично запретил мне и Мике приближаться к особняку. Я не оказался бы там, где сейчас, если бы нарушил этот простой приказ.

Всякий раз, когда бывал в "Восточном Сиянии", я редко покидал территорию. Если я делал это, это должно быть связано с посещением храма. Обычно Элайджа, член Собрания из "Восточного Сияния" прогонял нас. В прошлую среду Брат Уриэль, старший комиссар "Восточного Сияния", был с ним. Во время нашей поездки у меня было отчетливое впечатление, что меня проверяли. И если я был прав в своих догадках, то надеюсь, мои обязанности будут расширяться, как и мои знания о "Свете".

Я верил, что был очень близок к тому, чтобы узнать больше о распространении лекарств. Каждый новый фрагмент информации приближал меня еще на шаг к завершению миссии и возвращению к моей настоящей жизни.

Хотя мысль о том, чтобы покинуть "Свет" мотивировала, теперь она также печалила и беспокоила меня. Я поднимался по лестнице к нашей квартире, к новой части моей жизни, которая демонстрировала мое повиновение и обязательства "Свету" — моей жене, которая была единственной частью, без которой я не мог представить себе дальнейшую жизнь.

Я сделал глубокий вдох и отстранился от мысли о жизни во тьме, за пределами "Света". Потянувшись к ручке двери, я вставил ключ, дождался щелчка замка и открыл дверь.

Стоя именно там, где ей говорили стоять, она была самой красивой женщиной в мире. Несмотря на то, что ее голова была склонена, волосы собраны в короткий хвост, я мог видеть, как приподнялись в улыбке ее скулы. Я взял ее за подбородок и поднял эти светло-голубые глаза к моим.

— Миссис Адамс, я скучал.

Ее голова наклонилась, и глаза закрылись, когда она прижалась щекой к моей ладони.

— Я скучала по тебе.

Стресс от назначения, напряжение полета, все исчезло, когда я услышал мелодичный голос Сары. Как только я вошел в квартиру, аромат готовой еды воплотил в жизнь другого

рода голод, возникший от вида и прикосновений моей прекрасной жены. Я притянул ее ближе и поцеловал мягкие губы.

Почти сразу я потянулся к ее плечам и отступил назад. Удерживая ее на расстоянии вытянутой руки, мои темные глаза сузились, когда я всмотрелся в ее лицо. Это было только мгновение, но что-то показалось мне совсем другим.

— Сара? — Я выровнял тон. — Ты хочешь мне о чем-то рассказать?

Ее глаза расширились, а затем снова вернулись в норму.

— Мне не хватало тебя, — сказала она. — Мне не нравится оставаться одной три ночи подряд.

Было что-то большее. Я чувствовал. Взяв ее за руку, я повел Сару к дивану.

— Скажи мне. Или ты хочешь, чтобы я спросил еще раз?

Ее грудь поднималась в глубоком дыхании, когда плечи распрямились.

— Два дня назад в лаборатории я нашла ошибку. Я не должна была. Я и не искала ее специально, но как только обнаружила, я пошла дальше и...

Я не прерывал, пока слова ее исповеди лились одно за другим. Она говорила, а я молился Отцу Габриэлю, чтобы всё, что она натворила, не требовало исправления. Если бы это было так, я бы сделал это. Однако, после того, как я был вдали от нее, последнее, что приходило на ум — это наказание.

— ...Брат Бенджамин сказал, что рад, что я обнаружила её. Он сказал, что нам не стоит вспоминать об этом еще раз, но я знаю, что ты должен знать.

— В это вовлечен Брат Рафаэль?

Она покачала головой.

— Не со мной. Я не знаю, говорил ли с ним Брат Бенджамин. Больше об этом никогда не упоминалось, но Дина видела, как я обнаружила ошибку. Ей пришлось помочь мне наверстать мою работу. Ну, ей не пришлось... она сама предложила.

— Это было до или после того, как ты сказала Брату Бенджамину?

— До.

Я потянулся к ее рукам, аккуратно сложенным на коленях, и почувствовал легкую дрожь.

— Сара, посмотри на меня. — Она послушно подняла глаза. — Еще раз скажи мне, что сказал Брат Бенджамин.

— Он сказал, что об этом никогда больше не будет упомянуто.

Я поднял ее руки к своим губам. С каждым поцелуем костяшек пальцев, напряженность в ее руках таяла, и я снова видел доверие в ее взгляде.

— Было правильно с твоей стороны рассказать мне об этом. Мы не будем говорить об этом снова.

Кончики ее губ приподнялись.

— Спасибо, Джейкоб.

— А сейчас, что ты приготовила? Запах невероятный.

Как будто я снял всю тяжесть мира с ее плеч, она вскочила с дивана и направилась в сторону кухни, список того, что она приготовила слетел с ее губ. Я вслушивался не только в слова, но и в звук ее голоса.

За последние девять месяцев я влюбился в свою жену. Частично это было, несомненно, обучение и манипулирование "Света". Но это еще не все. Я испытывал непреодолимое желание защитить ее от темноты, которая скрывалась в "Свете".

Слово Отца Габриэля учило каждого мужа нести бремя его семьи. Это моё место. Не были времена, когда я задавался вопросом, что было бы, если бы мы находились в более равных отношениях, где я тоже мог бы поделиться своими проблемами, как только что сделала она.

Это не значит, что Сара ничего не делала для того, чтобы помочь мне. Она делала. Это значит, что я не мог поговорить с ней. Я не мог поговорить обо всем. Это никогда не волновало меня ранее. Сейчас же, каждый раз, когда она признавалась в проступке и делилась со мной, я жаждал того явного облегчения, которое ощущала она.

Согласно учению Отца Габриэля, мужчины получали это чувство облегчения, признаваясь Собранию или Комиссии. Мой случай был другим. Я не мог исповедоваться в своем беспокойстве по поводу прекращения миссии ФБР. Я должен справиться с этим сам.

Глава 6

Сара

Мое сердце бешено билось, пока я болтала об ужине, о том, чтобы Джейкоб питался домашней едой. Я даже не была уверена в том, что говорила. Я больше знала о том, о чем умалчивала, в чем не призналась. Так или иначе, в этом испорченном сценарии, этой притворной, нелепой, возмутительной жизни, где я приговорена существовать, мужчина, который слушал мой бредни, знал меня. Он знал мои мысли, хотя я еще не проронила ни слова. Через несколько секунд после прибытия он знал, что есть что-то, о чем я не сказала.

Это новое открытие потрясло меня до глубины души.

Джейкоб знал меня, возможно, гораздо лучше, чем я сама.

Но он не знал меня настоящую. Он знал сотворенную меня.

Так странно. Пока я продолжала говорить о еде, лаборатории и о чем-то еще, о чем я могла думать, я не позволяла своим мыслям останавливаться на последствиях своих сокровенных знаний.

Я боролась с желанием признаться о воспоминаниях. Как бы странно это ни звучало, это была настоящая битва. Следователь и независимая женщина, которой я когда-то была, знала, что рассказать об этом Джейкобу или кому-либо еще в "Свете" было опасно, наверное, это смертный приговор. Воспоминания о телах в морге округа Уэйн заставляли меня держать язык за зубами. Тем не менее состояние, в котором я пребывала в течение последних девяти месяцев, сдерживало на кончике языка слова о том, что я помню тьму.

Когда Джейкоб потянулся к моей руке и благословил наш ужин, тщательно приготовленная еда потеряла привлекательность. Я почувствовала, как бисеринки пота проступили на лбу, когда я волновалась о том, что не смогу сдержаться.

Что, если я признаюсь в своих воспоминаниях во сне?

Что, если он спросит, а я не смогу сдержаться?

Моя внутренняя борьба продолжалась весь ужин, и пока я убирала на кухне. На уборку мне понадобилось больше времени, чем обычно, я намеренно избегала того, что, как я знала, приближалось. Джейкоба не было три ночи. То, как его теплая рука накрыла мою даже после того, как он благословил еду, и его мягкие губы встретились с моими, когда он вошел в квартиру, предупредило меня о его будущих намерениях.

Я втянула нижнюю губу между зубами, представляя наше ближайшее будущее. Если я признаюсь в своих новообретенных знаниях или восстановленных воспоминаниях, как Член Собрании, Джейкоб должен будет рассказать Комиссии о моем признании.

Воспримет ли он мои воспоминания как ложь? Накажет за то, что я развлекаюсь такими мыслями? От каждого нового вопроса мои проблемы становились все больше.

Я хотела верить, что он выслушает и поможет. Мое сердце хотело. Но мой любознательный ум опасался худшего. В лучшем случае он тоже был пешкой и не поверит мне. В худшем он был глубоко вовлечен в эту ложь, и мои знания станут угрозой.

Если я хочу выжить и найти выход из "Северного Сияния", я должна продолжать поддерживать фарс, что я Сара Адамс, довольная Степфордская жена Члена Собрании Джейкоба Адамса.

Выкручивая кухонную губку от лишней мыльной пены, я решила еще раз протереть столешницу. Как только я собралась обернуться, облако аромата кожи и мускуса проникло

сквозь запах мыла, и оповестило меня о присутствии мужа. Я потерялась в своих мыслях и не слышала, как он подошел. Я закрыла глаза, когда его крепкие руки обняли меня за талию, а губы приблизились к моей шее.

— Я скучал по тебе.

Его глубокий голос проник в мое сердце, в то время как тепло его объятий крушило непреступные стены, которые я возвела вокруг себя, чтобы держаться от него подальше. Моя голова упала на его грудь, пульс ускорился. У меня всегда была возможность сказать ему «нет», но я никогда ею не пользовалась.

Если я сделаю это сейчас, заподозрит ли он что-то?

Порхающие поцелуи скользнули по моей коже, а жесткая щетина на подбородке Джейкоба только усиливала ощущения.

Мой разум твердил правду. Мы не были женаты на самом деле. Он был частью лжи.

Слова, которые час назад были громкими и убедительными, потускнели, когда по моему телу заскользили руки Джейкоба.

Кухонная губка упала обратно в мыльную воду, и я провела ладонями по его предплечьям. Джейкоб не только знал меня, он знал мое тело. При идеальной комбинации произнесенных баритоном слов и касаний мои внутренности начали реагировать.

Соглашаться с ним — вот что мне нужно делать, чтобы выжить.

Мое сознание пыталось повторять эту мантру.

Убедить его, что ничего не изменилось. Не колебаться. Он узнает. Я слышала слова, хотя они не были произнесены.

Это была интересная сделка с собой, чтобы оправдать то, что могло быть воспринято, как недопустимое поведение. В конце концов, я собиралась спать с мужчиной, который на самом деле не был моим мужем; мужчиной, который лгал мне, наказывал меня, и все же мое тело было готово — более чем готово. Когда я медленно повернулась к нему, мои руки обхватили его твердый торс, я отбросила свои новые откровения и сосредоточилась на мужчине, который меня хотел.

Пока он вел меня по коридору, я не думала об обмане или лжи. Я думала об оправдании, которое давала другим про свое необычное поведение — я скучала по Джейкобу.

Позже ночью, когда тяжелые занавески закрывали вечно сияющее летнее солнце, Джейкоб прижал меня к груди и вздохнул. Его дыхание прошло по моим волосам, его сердце билось за моей спиной.

— Что-нибудь произошло, пока меня не было?

После занятия любовью, мне снова пришлось сдерживаться. В его объятиях я жаждала открытости, которую мы разделяли, и облегчения, которое пришло бы от полной честности. И затем, так же быстро, я напомнила себе, что это не настоящая открытость или честность — не с его стороны. Если бы это было так, он бы не лгал мне.

— Я не понимаю, почему ты об этом спрашиваешь, — ответила я.

Его подбородок двигался по моим волосам, когда он качал головой от моего хитро озвученного вопроса. Я не могла не улыбнуться, когда повернулась к нему.

— Это был не вопрос, — подтвердила я.

Он поцеловал меня в лоб.

— Нет, миссис Адамс, не вопрос. Но я мог бы сделать вывод...

— Ты мог бы, — сказала я с намеком на смех, пытаясь отвлечь его от первоначального вопроса. Его использование моей фамилии казалось таким привычным, что фальшь почти не

чувствовалась.

— Если бы я это сделал, то взял бы дело в свои руки. — Он игриво обхватил мою попку. — Я мог бы сказать, что ты изменилась с тех пор, как я вернулся домой. Когда произошел инцидент в лаборатории?

Я сделала глубокий вдох и опустила подбородок на грудь.

— В понедельник.

— Хмм.

Хотя я задавалась вопросом, чтобы это значило, я знала — не спрашивать.

— Ясно, — сказал он.

Я покачала головой, закрывая глаза. Может быть, если бы я не засыпала, я бы знала, что он имел в виду. Но если бы я не уснула, то рисковала сказать больше, чем хотела. Несмотря на то, что я не была полностью честна, мои веки отяжелели, а дыхание Джейкоба стало ровным. В мгновение ока мы оба провалились в сон.

По прошествии недели с каждым днем становилось еще сложнее, чем раньше. Каждый день воспоминания смешивались с эмоциями. Работала я в лаборатории или занималась бытовыми делами, такими как сортировка стирки, что-то из тьмы проникало в мои мысли. Некоторые воспоминания были приятными: в моей квартире или доме Дилана. Это всегда начиналось, как прелюдия к большому: моя рыбка (его звали Фред) или задний двор Дилана и то, как он жарил стейки или лосося на теплом воздухе Детройта. Некоторые из них были настолько интенсивными; они были больше, чем изображения, там были также звуки и запахи. Подлинность каждого из них сложно отрицать.

Даже летом воздух в "Северном Свете" оставался холодным. Я обнаружила, что жажду угнетающей влажности Мичигана, которую так ненавидела.

Каким-то образом я научилась отключать "прежнюю" меня, когда я была с Джейкобом. Я не уверена в том, как это делала, но я делала. Я сосредоточилась на нем, на нас. Всякий раз, когда "прежняя" я пыталась прорваться, я становилась сверхтревожной, опасаясь перемены в выражении Джейкоба, боясь, что он увидит, как бушует моя внутренняя битва. Может, это была просто паранойя, а, может, на самом деле. В любом случае я постоянно беспокоилась о том, что выдам себя.

Мои другие битвы шли вокруг женщин-последователей. Со временем я поняла, что те женщины, которые вспоминали тьму, как Элизабет, пришли к "Свету" по собственному желанию, в то время как другие, такие как Дина и Мэри-Минди, пришли, как я — принудительно, и вынуждены принимать жизнь, которую они не могли подвергнуть сомнению.

Пока мы все надавливали пальцами на молитвенную губку, я размышляла об отсутствии у нас отпечатков пальцев, женщины в морге подпитывали мое желание покинуть "Свет". Мир должен узнать, что происходит.

Я была следственным журналистом. Судьба, так или иначе, дала мне эту работу. Я была обязана не только разоблачить этот фарс, но и спасти своих сестер и детей "Света".

Хотя я с нетерпением ждала посещений детского сада, теперь я входила в двери и видела маленькие доверчивые лица, которые разбивали мне сердце. Младенцы и дети не выбирали эту жизнь. Они были пленниками за стенами общины, как и все мы. Я не могла ничего узнать о мужчинах. Я хотела спросить, все ли они приходят добровольно, или кто-

нибудь из них оказался здесь в результате «несчастливого случая». Конечно же, я не могла.

С течением дней прошлая я нашла способ раздобыть информацию.

Я меньше говорила и больше слушала. Когда Джейкоб говорил с другими людьми, я склоняла голову и впитывала как можно больше. Пока я тихо сидела в кафе, забирала наши продукты или стирала, я слушала. Поскольку мы все были обучены оставлять тьму в прошлом, я мало что узнала об этом, но я поняла другие вещи.

В какой-то момент Рейчел упомянула лекарства. Когда я впервые пришла в себя, мне давали многие из них. Я не хотела спрашивать при Элизабет, но простой комментарий, который я, возможно, не заметила бы раньше, заставил меня задуматься. Был ли у "Света" препарат, который делал нас более адаптируемыми — более покладистыми? Очевидно, у них было что-то, что убрало мои воспоминания, давая возможность создавать новую форму памяти. Поскольку единственным препаратом, который я регулярно принимала после выписки из больницы, были контрацептивы, я пришла к выводу, что те таблетки подавляли память. Только после того, как я прекратила принимать контрацептивы, и после того, как препарат успел покинуть мой организм, воспоминания вернулись. Если "Свет" мог сделать это, то я предполагала, что возможно все.

С тех пор, как вернулись воспоминания, я постоянно ходила по краю. Хотя я была прилежной, рассказать о моем контроле над рождаемостью было одной из вопиющих ошибок, которые я сделала. К счастью, это произошло с Рейчел. Я говорила себе, что могла оправдать это возрастающим стрессом или, возможно, дружескими чувствами, но независимо от причины, после того, как слова слетели с моих уст, я опасалась худшего и молилась о лучшем.

Я не хотела ничего говорить.

С каждым таким случаем, мой страх и паранойя нарастали.

У меня был план.

Я хотела покинуть "Северное Сияние" с Джейкобом.

Больше, чем месяц тому назад я упоминала о том, что хотела полететь с ним. Тогда я хотела проводить с ним больше времени. Теперь я хотела сбежать. Он никогда не говорил мне, что ходатайствовал перед Комиссией; но, однажды в лаборатории Брат Бенджамин вскользь упомянул об этом.

Мой план состоял в том, чтобы улететь с Джейкобом. Мне было все равно, куда он меня возьмет. Меня не волновало, будет ли это «Фэрбенкс», где он часто пополнял запасы, или другая община. Я уже сделала вывод, что "Восточное Сияние" находилось в Хайленд Хайтс. Не имеет значения, было это "Западное" или "Восточное Сияние", везде, куда бы мы ни отправились, мы будем менее удаленными, чем в Заполярье.

Как только Джейкоб доставит меня в другое место, мой план был прост: я найду телефон и позову на помощь.

Пока проходили дни и ночи, я раздумывала над тем, кому позвонить. Я думала о родителях, Бернарде и Дилане. Независимо от того, как я рассматривала это, Дилан был, наверное, лучшей альтернативой.

Я вспомнила интернет статью, на которую наткнулась, когда исследовала "Свет". Речь шла о женщине, которая утверждала, что её похитила секта.

Даже сегодня это слово вызывало холодный озноб по моей спине.

Женщина на том форуме утверждала, что власти не поверили, что ее удерживали против воли. Они утверждали, что ее история не верна, потому что перед похищением она

злоупотребляла наркотиками. Я этого не делала. Я рассчитывала, что моя история будет более правдоподобной. И даже если местные власти не поверят мне, Дилан поверит, и он был детективом. Более того, я не могла дождаться, чтобы сообщить ему, что я жива.

Последнее воспоминание о моей старой жизни было о конце октября прошлого года.

Когда я сидела на службе и слушала проповедь Отца Габриэля, мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы улыбаться, кивать и склонять голову. То, что я действительно хотела сделать, так это нахмуриться и спросить, как он мог так поступить со столькими людьми, которые не только были последователями, но и доверяли ему.

С каждой минутой правда становилась яснее. Мне нужно выбраться отсюда!

Глава 7

Сара/Стелла

Было утро, и Джейкоб уже отправился в ангар. Он сказал мне, что направляется к "Западному Сиянию" и не вернется до завтра. Стало быть, необходимость вырваться на свободу росла. После завтрака я вымыла посуду, оставалось еще более часа до того, как мне нужно явиться в лабораторию, и я решила прогуляться. С каждым днем погода становилась все теплее. Хотя я надеялась, что свежий воздух поможет очистить голову, я также стала зависима от изучения и наблюдения за общиной сквозь новую призму.

Каждый мимолетный взгляд на мир вокруг меня открывал новую парадигму. Я больше не видела оживленную общину. Теперь, как журналист-следователь, я видела вещи такими, как они есть. Наша кофейня и магазины были просто складами, разделенными перегородками и заполненными только материалами, которые Комиссия сочла необходимыми. Стены, окружающие общину, больше не служили нашей защитой; они были нашей клеткой, призванной держать нас всех мирно внутри.

Я задавалась вопросом, действительно ли они необходимы. В конце концов, не то, чтобы на краю крайнего Севера у последователей было много вариантов куда идти. Тем не менее стены сделали любое понятие побега невозможным.

Я вспомнила, что после того, как мы с Джейкобом были приговорены к нашему временному изгнанию в ангаре, единственным приемлемым способом выйти за стены и многочисленные ворота было в транспортном средстве. Никто не выходил пешком.

По этой причине мало кто имел доступ к транспортным средствам. В первую очередь это были избранные и те последователи, у которых было разрешение на работу за стенами, те, кому нужен доступ к таким местам, как ангар для поставок, электростанция или мельница.

Мир, в котором я вынуждена жить, становился понятнее с каждым днем. Наши постройки в основном можно было обойти пешком. Дорожки, утрамбованные снегом зимой и покрытые засохшей грязью летом, соединяли между собой объекты. Квартиры, в которых мы жили, были ближе к храму и главным зданиям, чем жилье неизбранных последователей. В то время как наши находились в здании, которое выглядело, как трехэтажные казармы, их квартиры располагались в том, что напоминало разрушенные общежития в студенческом городке. Каждое здание защищало людей от сил природы, быть привлекательным ему было необязательно. Поскольку, чтобы добраться от квартиры до работы или общественных центров не требовался транспорт, все не используемые единицы техники стояли на парковке рядом с главными постройками.

Отправившись на утреннюю прогулку, я прошла мимо жилища последователей и к окраине, в направлении, в котором мы с Джейкобом часто бегали. Поскольку это было с другой стороны от теплиц и производственных зданий, в этой части было меньше людей. Уединение давало мне ощущение свободы, позволяя поднять глаза и по-настоящему видеть.

Только когда я добралась до места, где было много автомобилей, я узнала грузовик Джейкоба, припаркованный в ряду транспортных средств. Это привлекло мое внимание, потому что Джейкоб уехал. Он оставил бы его у полевого амбара или в ангаре. Сделав единственный логический вывод, я поняла, что это Томас, новый пилот, пригнал его в общину.

В тот же самый момент, мое сердце загрохотало в груди: Томас был моим билетом на свободу.

Я осмотрелась. Не видя любопытных глаз, я поспешила к грузовику и спряталась под одеялом на коврике на заднем сиденье. С каждой минутой я размышляла о возвращении Томаса. Я видела его раньше за пределами общины. Я не была уверена, почему ему разрешили войти. Ксавьер никогда здесь не бывал. Однако я знала, что это он. Однажды, сидя в кафе с Рейчел, я заметила его. Он был крупным мужчиной, примерно одного с Джейкобом возраста, с по-военному короткой стрижкой.

Рейчел и я, обе признали Томаса, как новенького. Было в нем что-то, то, как он вел себя: кивая и устанавливая зрительный контакт с женщинами прежде, чем здоровался. Мужчины "Света" не делали этого. В основном, мужчины-последователи не признавали последователей-женщин. Как однажды сказала мне Элизабет, они не обязаны нам ничего говорить. Если пути мужчины и женщины пересекались, женщина опускала взгляд, а мужчина проходил вперед.

Так и было.

Я втянула воздух, когда дверь открылась и захлопнулась. Из своего потайного места, я мельком увидела мужчину и поняла, что оказалась права. На водительском месте сидел Томас. Медленно он завел двигатель и развернулся к воротам. Я боялась, что он мог услышать, как громко бьется мое сердце, когда грузовик замедлил ход, и он вводил код на первых, вторых и, наконец, последних воротах.

Когда грузовик рванул вперед, из глубин поднялось ощущение свободы. Восторг от прохождения последнего барьера боролся со страхом перед неизвестностью. Я не была за стенами общины с момента возвращения из нашего с Джейкобом изгнания. И до последней недели это меня не беспокоило. Учитывая то, как шины грузовика сталкивались с покрытием, дорога была такой же неровной, как и в тот далёкий раз.

Я боролась с желанием сделать глубокий вдох и наполнить легкие воздухом за пределами этих стен. Я не могла. Я не была по-настоящему свободна, еще нет. Как только я решусь открыть свое присутствие Томасу, и если он решит вернуть меня обратно, я знала, что буду наказана. Я не знала, насколько сильно.

Что если в конечном итоге я умру, как женщины в морге Трейси? Будет ли это решение Джейкоба, Комиссии или Отца Габриэля?

Несмотря на то, что сильно рисковала, я не могла оставаться в "Северном Сиянии" еще даже хоть на один день. Мне нужно вернуться к своей жизни и сделать все возможное, чтобы помочь моим сестрам и детям. Я хотела спасти Минди. В конце концов, она была частью причины, по которой я впервые узнала о "Свете".

Я молча произнесла молитву к Отцу Габриэлю, что я не подведу ее или всех остальных.

Мое сердцебиение отдавало в ушах, когда шум дороги исчез, и грузовик остановился. Хотя прошло много времени с момента нашего изгнания, я была относительно уверена, что мы не проехали достаточно долго, чтобы добраться до ангара. Я затаила дыхание, когда открылась дверь водителя, а затем дверь рядом со мной. Когда с меня было сорвано одеяло, я не знала, чего боялась больше: Томаса, моего возможного наказания или белых медведей, которые могли быть рядом.

Томас ухмыльнулся, откидываясь на пятках, чтобы лучше рассмотреть и покачал головой.

— Посмотрите, что у нас тут.

Я переместилась с пола на сиденье.

— Пожалуйста, я умоляю вас помочь мне.

— Вы умоляете меня? Мне нравится, как это звучит.

Мой желудок скрутило.

— Если вы отвезете меня куда угодно, лишь бы подальше отсюда, я вам заплачу.

— Вы можете? — Он коснулся моей щеки, когда я решила остаться неподвижной. —

Скажите мне, милая леди, почему вы прячетесь в задней части этого грязного старого грузовика?

Вот дерьмо! Наверное, я должна была дождаться, пока Джейкоб получит одобрение.

Я хотела взглянуть на него, и мне было интересно, насколько хорошо меня обучили.

Даже сейчас, когда я знала, что это неправильно, у меня были физические трудности сделать то, что я считала естественным. Кивнув, я сглотнула и спросила:

— Вы Томас, замена Ксавьера, верно?

Он кивнул.

— Я не думал, что они позволяют вам, женщинам, знать, что происходит.

— Они и не позволяют. — Должна ли я сказать ему, что я жена Джейкоба? — Я хороший слушатель.

— И, Мисс Хороший Слушатель, вы ожидаете от меня, что я вам помогу?

Я должна была попробовать.

— Мне здесь не место. Я даже не знаю, как сюда попала. Я здесь уже почти год, но у меня есть жизнь вне "Северного Сияния". — Слова у меня находились быстро, одно за другим. Я надеялась, что он слушает достаточно хорошо, чтобы понять. — У меня есть... была работа, хорошая работа. У меня есть деньги, и у моей семьи тоже. Если вы сможете вытащить меня из этой общины и увезти, я прослежу за тем, чтобы вы получили компенсацию.

Его светло-карие глаза сузились, когда сканировали меня с головы до ног и обратно. Джинсы и свитер, которые я носила, по-видимому, испарились, когда его выражение изменилось. Казалось, он мог видеть, что было под одеждой. Наконец, он сказал:

— Значит, ты говоришь, что тебя похитил "Свет"?

Я кивнула.

— Что бы сказал Отец Габриэль, если бы я развернул этот грузовик и вернул тебя обратно?

Слезы покатались из моих глаз.

— П-пожалуйста, вы моя единственная надежда. Если вы вернете меня обратно, я не знаю, что будет, но из этого не выйдет ничего хорошего.

Чем дальше он стоял с открытой дверью, тем больше меня волновали медведи.

— Вы не знаете, здесь вокруг действительно есть белые медведи?

Он засмеялся.

— Так вот что тебе наговорили?

Я села ровнее. Все, что говорил мне Джейкоб, — ложь?

Он открыл дверь на сиденье переднего пассажира.

— Вот, прелестная леди, сядьте сюда. — Он похлопал по сиденью. — И убедите меня помочь.

Убедить его?

Медленно я переместилась с заднего сиденья. Когда оба моих сапога стояли на твердой

земле, я рассмотрела редкие деревья на обочине дороги. Если здесь не было белых медведей, возможно, я могла убежать. Рука Томаса схватила мою.

— В грузовик.

Я сглотнула и кивнула, перешла на переднее сиденье. После того, как он закрыл обе двери и перешел на сторону водителя, я снова рассмотрела идею побега. Вероятность успеха была недолгой, поскольку Томас открыл дверь водителя и залез в грузовик.

— Давай, — сказал он, его самоуверенная улыбка снова была на месте. — Убеди меня.

— Я... я не уверена, что вы имеете в виду. Я же сказала, что мне здесь не место. Мне просто нужно, чтобы кто-то увез меня, чтобы кто-то мне поверил.

Одна из его скул приподнялась, когда его губы вытянулись в кривой улыбке.

— Я слышал истории. Понимаешь, ходят слухи. Вот почему я хотел вступить в общину. Я хотел узнать, правда ли это.

— Я не уверена в том, что вы слышали, но, пожалуйста, помогите мне. — Грузовик все еще не двигался. — Я никому не расскажу, что вы к этому причастны. Я обещаю. — У меня перехватило дыхание, когда он протянул руку и снова коснулся моей щеки. — Пожалуйста, не трогайте меня, — попросила я, отстраняясь, вернулась тошнота.

Заправляя мои теперь уже отросшие до средней длины волосы за ухо, он наклонился ближе. — Видишь ли, милая леди, я слышал, что вы — сучки в "Свете" — послушные. Иначе вас наказывают. — Его глаза прошлись вверх и вниз по моей фигуре, слишком долго задержавшись на моей груди. — Это правда?

О, Господи, что я делаю?

— Я-я обещаю, моя семья заплатит.

Он засмеялся, зловоние его несвежего дыхания заполнило застоявшийся воздух в кабине.

— Если ты думаешь, что твоя семья заплатит мне больше, чем Отец Габриэль, то твоим папочкой должен быть Билл Гейтс, а я не слышал ничего о пропавшей без вести дочери Билла Гейтса. Но не волнуйся, дорогуша, я думаю, мы можем это решить. — Его рука проделала путь от моего уха вниз к шее и груди.

Я ударила его по руке.

— Забудь об этом. Отвези меня обратно. Я совершила ошибку.

Томас завел грузовик и засмеялся глубоким резонирующим смехом.

— Люблю дерзких сучек. Их приручать еще забавнее.

Закусив губу, я тихо сидела, пока грузовик подъезжал к ангару. Мой разум искал возможности. Брат Мика. Если бы он был в ангаре, возможно, я бы могла убедить его, что Томас похитил меня против воли. Когда я размышляла над вариантами, мне было все равно, что подумает брат Мика или кто-либо еще, или о моем возможном наказании. Я просто хотела сбежать от Томаса.

Даже несмотря на то, что я жила в ангаре, в жилых помещениях в течение двух недель, я никогда не видела здание снаружи, взлетно-посадочную полосу или сам ангар. Когда Джейкоб впервые привез меня сюда, мои глаза были под повязкой, а когда я смогла видеть, то была зима, было темно и лежал снег. Теперь, когда мы подъехали сюда при дневном свете, я рассмотрела площадки для транспортных средств и увидела, каким на самом деле огромным было здание. Несмотря на то, что я не видела никаких других машин, я не отказывалась от надежды. Очевидно, здание было достаточно большим, чтобы брат Мика мог припарковаться внутри.

Пульс снова ускорился, когда Томас нажал кнопку гаража и грузовик Джейкоба зарулил на площадку около жилых помещений. Это неправильно. Это грузовик Джейкоба и стоянка Джейкоба. Это место, куда он привез меня, и где я чувствовала себя, словно новобранная. Кем, в действительности, я и была. Вот только я не знала этого.

Томас не произнес ни слова с тех пор, как сказал мне, что хотел меня приручить.

Я не знала, кто говорит правду о белых медведях. Тем не менее я подождала, пока дверь гаража закроется, прежде чем действовать. Как только автомобиль остановился, я открыла дверь и побежала к ангару. Открыв дверь на противоположной стороне гаража из жилой части, я закричала:

— Мика, брат Мика! Вы здесь? Помогите! Брат Мик...

Рука Томаса накрыла мой рот, заглушив слова. Я закрыла губы, проглатывая отвратительный вкус грязи и пота.

— Шшшш, — угрожающе прошептал он мне на ухо, когда прижал меня спиной к себе. — Ты же будешь хорошей девочкой, или мы начнем с наказания прямо сейчас.

Когда он развернул меня лицом, я кивнула, все время прислушиваясь к звукам, которые слышала, когда другие были в ангаре. Несмотря на то, что я ничего не слышала, я не могла позволить Томасу взять меня без шанса спастись. Его глаза сузились, предупреждая, когда он медленно убрал ладонь от моего рта.

Сразу же, как освободилась, я закричала:

— Помогите! Мика! Это Сара! Пожалуйста...

Мой мир стал вращаться, когда рука Томаса ударила мою левую щеку.

— Заткнись, мать твою!

Я сглотнула, ощущая медный вкус собственной крови. Пока я боролась с головокружением, вызванным его ударом, мои ноги повиновались, и он потащил меня к жилым помещениям. Как только Томас открыл дверь, моя грудь заныла от воспоминаний о Джейкобе и прошлом. Мне нужно покинуть "Свет". Я хотела уйти. Но независимо от несправедливости, с которой я столкнулась, Джейкоб никогда не относился ко мне так, как Томас.

Томас толкнул меня вперед. Я неловко сгруппировалась и приземлилась на один из кухонных стульев.

— Сиди здесь. И ни единого гребаного движения. — Он потер свой явно твердый член. — Я бы хотел получше взглянуть на подарочек Отца Габриэля, но я не знаю, кто сюда может заявиться. — Его губы расплылись в широкой улыбке, обнажая испорченные зубы. — И я не собираюсь делать это быстро. Думаю, это может подождать до тех пор, пока мы не окажемся в «Фэрбенксе». Не волнуйся, прелестная леди, как только мы окажемся там, у нас будет время и уединение, которые мы хотим.

Мой желудок скрутило.

— Т-томас, меня сейчас вырвет.

Он подтянул меня за руку и толкнул в сторону ванной. Без сомнений, моя рука и лицо были в синяках.

— Иди. Не оставляй следов. Я не потеряю эту работу из-за тебя.

Кивнув, я бросилась в ванную и закрыла дверь. Там не было замка.

Дерьмо!

Мое сердце замерло.

— Я заберу свои вещи наверху, — крикнул он через дверь. — Когда ты выйдешь, сядь

там, где я тебя оставил. Если ты этого не сделаешь, я познакомлю свой ремень с твоей симпатичной задницей.

Звук его смеха затихал по мере удаления шагов на лестнице.

Глядя на женщину в зеркале, я заметила, что моя левая щека уже начала опухать. Хотя кончикам пальцев не хватало чувствительности, когда я прикоснулась к покрасневшей с фиолетовым оттенком коже, но ощутила нежность. Мотая головой, я обдумывала варианты. Я могла убежать. Если получится, мне нужно вернуться в общину. Я не выживу здесь самостоятельно, с белыми медведями или без них. Даже если я вернусь в общину, и меня оставят в живых, я боялась, что никогда не убегу из "Северного Сияния".

Интуиция — или бред? — говорили мне, что это может быть мой единственный шанс.

Мои мысли вернулись к Минди и другим. Если я сбегу с Томасом, у меня будет возможность спасти не только себя, но и остальных. Сделав глубокий вдох, я смирилась со своим решением. Я открыла дверь ванной и осмотрелась.

Смириться с выбором не означает отдаться мужчине этажом выше. Прислушиваясь к звуку шагов Томаса наверху, я бросилась на кухню и открыла ящик. Я заглянула в его глубины, зная, что в нем есть. Там были лежащие бок о бок ножи. Я рассмотрела возможности: мне нужен такой, чтобы причинить достаточно большой вред, но он должен быть небольшого размера, чтобы я могла его спрятать.

Когда шаги сверху замолкли, я задержала дыхание. Я повернулась к лестнице, но Томаса там не было. Шаги снова раздались над моей головой, и я схватила четырехдюймовый нож для чистки овощей, прислушиваясь к звуку передвижений Томаса, аккуратно закрыла ящик. Приподняв штанину джинсов, я спрятала нож в ботинок и быстро пересела за стол. Считая его шаги по лестнице, я сидела и пыталась выровнять дыхание. Так как я не могла видеть, когда Джейкоб и я впервые переехали сюда, я запомнила количество шагов. Томасу оставалось сделать еще четыре, прежде чем он ступит на площадку.

Только мои глаза двигались, когда я смотрела, как он ступает на нижний уровень. Он посмотрел в мою сторону, прежде чем пройти мимо меня в ванную.

— Хорошая девочка, — окликнул он, незадолго до того, как звук его мочеиспускания эхом отозвался сквозь жилые помещения.

Я сделала глубокий вдох. Великолепно!

Сжимая зубы, я подумала о том, как сильно ненавидела фразу «хорошая девочка». Это была такая снисходительная форма похвалы.

Послышался звук смыва воды в туалете и Томас вернулся.

— Я подумал, что ты могла бы попытаться оставить что-то там, типа сообщения. Либо ты быстро учишься и не хочешь, чтобы твою задницу отхлестали, или ты не очень сообразительная. В любом случае, я не могу дождаться, когда отвезу тебя к себе и выясню это. — Он наклонялся, до тех пор, пока наши носы не оказались в нескольких миллиметрах друг от друга. Его дыхание разило выпитым кофе, скручивая мой желудок еще сильнее. — Независимо от того, насколько хорошо ты будешь повиноваться, — он подчеркнул слово, — я уверен, что найду какую-нибудь причину сделать эту задницу красной.

Хотя я прикусила губу и приказала себе не двигаться, я не смогла остановить дрожь, когда он протянул руку, чтобы снова заправить мои волосы за ухо.

— Не смотрите так взволнованно, милая леди. Уверен, я не так развратен, как вы привыкли. — Он пожал плечами. — Или, может быть, и так. — С ухмылкой он добавил, — Тебе нужно будет рассказать мне об этом.

Я проглотила мой ответ: возможно, Джейкоб и лгал мне, но он не был насильником.

Почему я решила, что это хорошая идея?

Когда Томас потянулся к моей руке, я отстранилась.

— Я могу идти сама.

Он засмеялся.

— Пока что.

Я встала, и он сказал мне идти перед ним. Когда мы пробирались через ангар, я присматривалась к каждому участку, который мы проходили: гараж, длинный коридор и двери в офисы и мастерские. Каждый участок подтвердил мой страх, что мы действительно одни. В ангаре, последнем, самом большом, я увидела потрясающий самолет Отца Габриэля. Хотя месяцы назад я могла только почувствовать его на ощупь, я знала, что это должен был быть тот самолет с мягкими кожаными креслами. Это означало, что Джейкоб взял меньший самолет, тот, которому необходим лишь один пилот.

Это означало, что Мика мог прийти в любую минуту. Я попыталась задуматься о том, как увильнуть, но когда Томас откашлялся и указал на дверь, я зашагала в этом направлении.

Мы вышли наружу на почти полуденное солнце, и прохладный ветерок пронесся по моим волосам, заставив их развеяться вокруг лица. Опасаясь, что изменения температуры станут заметными, я скрестила руки на груди.

Мы вышли из здания на другом конце от жилых помещений. Щурясь от яркости, я увидела наш пункт назначения. На взлетной полосе был маленький белый самолет с красной полосой, большие буквы и цифры на хвосте. В отличие от любого из самолетов, на которых летал Джейкоб, у этого был только один пропеллер.

Томас открыл заднюю дверь самолета. Я предположила, что на пути к "Северному Сиянию" открытая площадь фюзеляжа была заполнена припасами. Теперь, когда он пуст, Томас разложил сиденье и наклонил голову.

Давай, Сара... Стелла...сделай это. Это твой единственный шанс выбраться отсюда.

Вздыхнув, я поднялась на борт и села в кресло очень похожее на такое же в грузовике Джейкоба. Там не было никаких причудливых ремней, просто самые обычные. Прежде чем я потянулась за ними, длинные руки Томаса потянулись через меня, вытащили ремень и туго пристегнули. Как только я оказалась пристегнута, он опустил руку на мое колено и улыбнулся.

— Три с половиной часа, — подмигнул он. — Возможно, ты захочешь отдохнуть. Тебе это понадобится.

Нет, если я воткну нож в твою артерию первой, ублюдок!

Глава 8

Сара/Стелла

Томас посоветовал мне поспать, но когда мы пролетали над Аляской, а солнце садилось, мои нервы были натянуты до предела. Кроме того, каждый раз, когда самолет менял высоту, я была уверена, что меня вырвет. Я даже искала какой-нибудь пакет, но не нашла. Боязнь того, что сделает Томас, если меня вырвет в самолете, была главной мотивацией, удерживающей мой завтрак там, где он находился.

Все, о чем я могла думать — это об освобождении. Не имело значения, что за окном и внизу были одни из самых величественных пейзажей, которые я когда-либо видела. Я всегда думала, что Аляска покрыта снегом, однако в "Северном Сиянии" у нас никогда не было много снега. Это не потому, что там было недостаточно холодно. Это потому, что широта находилась далеко на севере, где редко было достаточно влажности. Разумеется, я заметила, что чем дальше мы летим к югу, к Фэрбенксу, тем больше ландшафт внизу был покрыт глубокой зеленью, переходящим в коричневый с кристально чистыми озерами. Пока я обдумывала свои варианты, прекрасное голубое небо, которое я привыкла видеть, затянуло зловещими облаками.

Громкий рев двигателя и пропеллера не позволяли Томасу и мне говорить. Прежде чем мы взлетели, он надел на меня наушники, но, в отличие от него, у меня не было микрофона. Я не была уверена, сможет ли он говорить со мной. Если он и мог, то он этого не сделал. Может быть, он думал, что я действительно буду спать.

Когда я посмотрела вверх — на переднюю часть самолета, я разглядела короткие волосы и плечи Томаса со всех сторон. Я с сожалением вспомнила первый раз, когда просила Джейкоба взять меня с собой в его полеты. В то время я хотела быть с ним. Однако теперь, когда я была вдали от "Северного Сияния", и мои перспективы были иными, я подумала о том, что я не хотела бы снова встретиться с Джейкобом, и не позволяла себе думать о том, что он сделает, если найдет меня. Страх превратился в негодование только от одной мысли о его возможном наказании.

С каждой милей я сосредотачивалась не на мужчине, которого покинула, или на том, кто управлял самолетом, а на том, кто мог мне помочь. Я думала о Дилане.

Я вспомнила все о нем, от его ярких голубых глаз до крепких мышц — все, кроме его номера. Он был вбит в моем телефоне. Я попыталась представить экран. Я вспомнила звук его звонка, но я не могла визуализировать его. Мой единственный вариант — позвонить в Департамент полиции Детройта. В конце концов, я смогу найти их номер в Интернете.

Все, что мне нужно сделать, это ускользнуть на несколько минут и одолжить чей-нибудь телефон. Я не думала, что это будет легко, так как я летела с сумасшедшим, который уже ударил меня, отчего моя щека заплыла. Но если мне удастся, выигрыш будет того стоить.

Я хотела услышать голос Дилана.

Он узнает, что я жива.

Небольшая улыбка промелькнула на моем лице, от осознания того, что мужчина, образ которого я не могла воссоздать, был реальным. В то же время осознание ранило. Если бы я только прислушалась к его предупреждениям о Хайленд-Хайтс. Одна из первых вещей, которые я сделаю, когда мы снова будем вместе, — извинюсь за душевную боль, которую я, несомненно, ему причинила.

По мере того, как внизу стали мелькать очертания города, я предположила, что мы близки к месту нашего назначения. Вдалеке было больше гор, но под нами начал материализоваться плоский город. Постепенно здания ставились ближе друг к другу. Хотя Фэрбенкс был самым большим городом на Аляске, я не думаю, что Томас будет приземлять свой небольшой самолет в Международном аэропорту Фэрбенкса. Поскольку он был заменой Ксавьера, я задалась вопросом, много ли он летал по поручениям Отца Габриэля. Если он делал это, то, вероятно, взлетал с частной взлетно-посадочной полосы. Я молилась, чтобы она не была похожей на ту, что была в Блумфилд-Хиллз, и эта была бы более публичной. Чтобы у меня был шанс сбежать, мне нужны люди.

Мысли о том, что мое будущее в моих руках, заставило ладони так сильно сжаться в кулаки, что ногти впились во влажные ладони. Мой мозг следователя рассматривал все возможности, которые могут возникнуть с Томасом на складе. Каждый сценарий был хуже, чем предыдущий, и ни один из них не включал мою возможность позвониться до Департамента Полиции Детройта.

Верь в себя.

Вернулись ко мне слова. Я не могла спрогнозировать далеко вперед; я должна была подумать над своими ближайшими задачами. Побег от Томаса должен был быть моей главной задачей.

Когда наша высота начала уменьшаться, я скрестила ноги и медленно подняла край джинсов. Мое сидение располагалось прямо за спиной Томаса, и я надеялась, что он не сможет понять, что я делаю. Я также надеялась, что, поскольку он говорил в микрофон, его внимание было приковано к другому. Сняв рукавицу, я опустила руку в ботинок. Ручка ножа располагалась напротив лодыжки, и обшитое лезвие было рядом с ногой, но, не расстегивая ботинок, я бы не смогла дотянуться до ножа.

— Сара.

Я подпрыгнула от раздавшегося через наушники голоса Томаса. Я подняла глаза к передней части самолета, и наши взгляды встретились в зеркале заднего вида.

— Не пытайся говорить. Я не слышу тебя, так что слушай.

Я сжала губы и кивнула. Впереди него было окно и приборы. Я небрежно опустила край джинсов, благодарная за то, что он, кажется, ничего не заметил.

— Это маленький аэропорт, — сказал он, — но я не хочу, чтобы ты устраивала сцены. Если вдруг ты решишь послушаться меня, я буду более чем рад вернуть тебя к Отцу Габриэлю, но этого не случится до тех пор, пока я с тобой не закончу.

Борясь с тошнотой, я сжала губы и покачала головой.

Он повернул голову к боковому окну, когда щелкнул выключателем и начал с кем-то разговаривать. Вот так просто, он перевернул мой мир, предупредив меня о будущем, которое я уже представила.

Сжимая кулаки, я сосредоточилась на своей второй цели. Я должна связаться с Диланом. Я знала, что, если смогу связаться с ним, моя история не закончится так, как у MistiLace из статьи в Интернете. Кроме того, я не смогу добраться до международного аэропорта Фэрбенкса и отправиться домой в Детройт, даже если бы захотела. У меня не было с собой документов. Служба безопасности не позволит мне вот так просто путешествовать. Мне нужна помощь полиции. Дилан мог помочь мне в этом.

Когда самолет коснулся земли, я разжала кулак и посмотрела на свои пальцы. Черт, забудь о документах, у меня даже не было отпечатков пальцев.

Маленький самолет подпрыгнул, когда Томас остановил нас возле ангара, и я огляделась. Этот ангар даже не выглядел таким большим, как тот, что у "Северного Сияния". У этого было только две взлетно-посадочные полосы, идущие в противоположных направлениях, большая вымощенная зона и ангар. Старое цепное ограждение по периметру. Я закусила нижнюю губу между зубами, ждала и думала о моем ноже. Ему придется подождать. Я боялась, что не смогу дотянуться до него, не привлекая к себе внимание. Если и был какой-то шанс на успех, то это должно было стать неожиданностью.

Сняв наушники, Томас наклонился в бок и вытянул шею. С отвратительной зубастой усмешкой он сказал: — Добро пожаловать в твой новый дом.

Сняв наушники, я ответила: — Я знаю, что ты думаешь о женщинах в "Свете", но ты ошибаешься. Отец Габриэль не допустит, чтобы это осталось безнаказанным. Ты выкрал меня из "Северного Сияния".

Я играла с огнем, но я должна была попытаться. За последние несколько дней я стала лучше лгать. Это то, что Сара или любая другая женщина из "Света" никогда бы не сделали. Теперь настало время идти ва-банк.

— Это было испытание, — продолжала я, — проверка, придуманная Отцом Габриэлем, и ты потерпел неудачу. Он действительно заботится обо мне. Я — жена Члена Собрания. Я не хотела уезжать. Я говорила то, что он велел мне сказать. Это было для "Света". Ты новичок. Отец Габриэль проверял твою преданность. И ты провалил проверку.

С каждой моей фразой, самоуверенная ухмылка Томаса тускнела, весь цвет сошел с его румяных щек.

— Ты лжешь. Ты лжешь, чтобы спасти свою задницу.

Я скрестила руки на груди и повернулась к окну.

— Ты можешь отвезти меня обратно и подлизываться к Отцу Габриэлю, или ты можешь отпустить меня, и я свяжусь со своим мужем.

Он отстегнул ремень безопасности и полностью повернулся ко мне.

— Как, черт возьми, ты собираешься это сделать? У ваших людей нет телефонов.

Я уверенно подняла подбородок.

— У избранных мужчин есть. Мне сказали, как найти моего мужа. — Всё. Это было всё или ничего. — Кроме того, он пилот. Он приедет за мной.

Плечи Томаса расслабились, и он покачал головой.

— Сучка, ты заставила меня собраться за минуту. Я буду наслаждаться твоей поркой...

— Что? — Я спросила недоверчиво. — Мой муж — пилот.

— Нет, я слышал, как ты звала Мику.

Я покачала головой.

— Не Брат Мика. Я жена Джейкоба. — Я потянулась за своей цепочкой, и вытащила ее из-под свитера. — Видишь эту цепочку? Такую носят только избранные. Джейкоб — член Собрания и пилот Отца Габриэля!

— Дерьмо!

Когда он открыл дверь, я быстро отстегнула ремень безопасности и метнулась в другой бок самолета. Мое сердце билось в два раза быстрее, пока я дергала ручку. Однако мои усилия были напрасны; дверь была заперта. Мои голубые глаза стали величиной с блюдце, когда Томас заглянул в окно, несомненно, зная, что я хотела сбежать. Мои мысли были словно в тумане. Я молилась Богу и Отцу Габриэлю о чуде, которого я не заслуживала.

Как только Томас начал открывать дверь, словно из ниоткуда выбежали двое мужчин в

темных куртках с жетонами. Передняя дверь самолета была все еще открыта, и по ветру я услышала громкие голоса. Мужчины кричали на Томаса, и у одного в руках был пистолет.

Я с недоверием смотрела, как Томас забыл обо мне и развернулся в их сторону. Были доли секунды, когда его тело нерешительно дернулось. Возможно, он подумывал о побеге, но так же быстро он поднял руки вверх. За шумом ветра и крови в моих венах, казалось, что весь остальной мир был безмолвным. Я не могла разобрать ни слова. Вместо этого, я как будто смотрела немой фильм и молилась, чтобы хорошие парни победили.

Я сидела не двигаясь, когда один из мужчин завел руки Томаса крепко за спину и увел его. Может быть, если я буду неподвижна, они не узнают, что я здесь. И вот другой мужчина в темной куртке посмотрел в мое окно. Когда он кивнул, я поняла, что моему желанию не суждено сбыться.

Открыв дверь, он спросил:

— Мэм, с вами все в порядке?

Я выпустила воздух, который задержала и ответила:

— А-а вы полиция?

— Нет, мэм, Маршалы Соединенных Штатов. — Он протянул мне руку.

Я вышла из самолета, думая о том, какую историю мне следует поведать. О том, что меня похитили почти год назад, или о том, что меня похитили сегодня.

— Спасибо, — тихо произнесла я, заставляя себя заглянуть в глаза пожилого джентльмена.

— Мэм, что случилось с вашей щекой.

Я опустила глаза.

— Это сделал он.

Челюсти маршала сжались, когда он потянулся за телефоном.

— Простите, мне нужно сделать один звонок.

На мгновение я уставилась на его телефон, затем кивнула и обхватила руками свое тело, ветер развеял волосы вокруг моего лица. Пока маршал спокойно разговаривал, я полностью развернулась и вышла из самолета на частную полосу. Я не планировала этого, но мне было все равно.

Я, наконец, свободна.

Облегчение заполнило мой организм, и предательская слеза скатилась со щеки.

Все закончилось. Все действительно закончилось.

Я больше не была в ловушке, проживая чужую жизнь возле Полярного Севера. Я была жива, с Маршалом США, в городе Фэрбенкс.

Когда он закончил звонок, маршал развернулся ко мне и предложил свою руку, для рукопожатия.

— Мэм, зовите меня шериф Хилл.

Прислушиваясь к внутреннему голосу, который я с таким трудом пыталась подавить, однако, теперь я знала, что это была настоящая я — Стелла — я тревожно пожалала его руку.

— Спасибо, шериф Хилл, пожалуйста, могу я воспользоваться вашим телефоном?

Я предположила, что должна представиться, но не знала как. Моя первая задача была выполнена, теперь нужно связаться с Диланом.

В темных очках-авиаторах шерифа Хилла отразилось полуденное солнце, когда его взгляд сместился с его телефона на мое лицо.

— Давайте для начала доставим вас в безопасное место. Вы выглядите

шокированной. — Если бы он только знал. — У нас есть женщина-Маршал, которая сможет убедиться в вашем благополучии, и затем мы сможем двигаться дальше.

Плащ свободы, что я потеряла почти год назад, повис тяжелым бременем на моих плечах. В то же время меня охватило облегчение. Напряженные мышцы расслабились, заставив меня споткнуться.

Шериф Хилл прикоснулся к моему локтю.

— С вами все в порядке? Вы можете идти?

Закусив нижнюю губу зубами, я кивнула.

— Я так рада. Я испугалась того, что он собирался сделать.

— Да, мэм, мы получили предупреждение и ждали его прибытия.

— Предупреждение? — спросила я, более чем обеспокоенно. — От кого?

Это "Свет"? Они знали, что я с ним?

— Мэм, важно то, что вы в безопасности. — Представитель Хилл продолжал говорить, когда подвел меня к темному внедорожнику без номерных знаков и помог мне сесть на заднее сиденье.

Как только он оказался на месте водителя, и мы тронулись, я спросила:

— Что случилось с Томасом?

— Его забрал мой напарник. Мы подумали, что, судя по вашим отметинам, вы будете не очень рады ехать с ним в одном автомобиле.

Мои пальцы дрогнули, когда я откинулась на сиденье.

— Спасибо. Как только мы доберемся до станции, мне нужно позвонить.

— Мистер Хатчинсон схватил вас против вашего желания?

— Мистер Хатчинсон? — переспросила я.

Глаза представителя встретились с моими в зеркале заднего вида.

— Мужчина, который был с вами, Томас Хатчинсон.

— Да, но...

— Но? — переспросил он.

Я снова покачала головой.

— Пожалуйста, как только я позвоню, я смогу все объяснить.

— Да, мэм. После того, как мы доберемся до станции и получим ваше заявление.

Я откинулась назад и наблюдала за городскими улицами. В "Северном Сиянии" было больше людей, чем я видела на этих городских улицах. Когда мы ехали, я восхищалась миром, который я воспринимала как что-то само собой разумеющееся. Магазины и рестораны быстрого питания на каждом перекрестке. Я забыла, насколько нормальной была тьма. Это было не страшно и неизвестно, как говорили мне в "Свете". Вместо этого, это было приятно знакомо.

Станция Маршалов Соединенных Штатов была небольшой, напомнив мне больше дом, чем полицейский участок. Шериф Хилл припарковался на участке, покрытом гравием, в основном заполненный внедорожниками. Как только он вышел из машины, то открыл дверь и помог мне. Как только мы начали идти, трение с внешней стороны моей ноги напомнило мне о моем ноже. Я думала о том, как мне признаться в этом, пока он не спросил, не хочу ли я что-то съесть или выпить.

Внезапно мысль о еде захватила все мои мысли. Я не ела с тех пор, как приготовила завтрак для Джейкоба.

— Который сейчас час?

Когда мы вошли в здание, Шериф Хилл посмотрел на часы, висящие над пустой стойкой регистрации.

— Уже почти четыре.

Часы были большими, круглыми и ровными, как и мое первое воспоминание о темноте. Несмотря на мою слабость из-за чувства голода, это заставило меня усмехнуться.

— Спасибо, я бы не отказалась что-нибудь поесть.

Под часами был большой круглый знак, на котором я прочитала "ОТДЕЛ ЮСТИЦИИ МАРШАЛ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ". Маршалы США не должны быть очень заняты Фэрбенксе. Я вспомнила полицейский участок в Детройте, когда несколько раз ездила туда по работе, или навещала Дилана. Там всегда было шумно. В сравнении с тем, этот офис казался заброшенным.

Шериф Хилл провел меня по коридору, открыл дверь и провел меня в комнату.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Я принесу вам что-нибудь поесть. Вы можете воспользоваться туалетом, который находится в конце коридора. Через несколько минут шериф Стивенс, женщина-офицер, о которой я вам рассказывал, будет здесь и поговорит с вами.

— Спасибо, — ответила я, когда присела. Прежде чем дверь закрылась, я спросила, — Шериф Стивенс примет мое заявление? Я бы хотела сделать звонок.

— Это займет всего несколько минут.

Дверь закрылась, и я вздохнула. Я оглянулась в типичной комнате для допросов, отметив светлые стены, плиточный пол и металлический стол с четырьмя стульями. Вокруг не было никаких окон, но на одной стене было большое зеркало, которое по моей относительной уверенности, на самом деле было односторонним окном. С моей стороны стекла я увидела только свое собственное приглушенное отражение. Хотя цвета не казались правильными, я могла сказать, что мой глаз еще больше опух.

Через несколько минут я приняла предложение шерифа Хилла о туалете. Когда я медленно открыла дверь, то выглянула в обе стороны. Несмотря на то, что я ожидала увидеть кого-то, вместо этого коридоры были пусты. Войдя в ванную комнату и включив свет, я съежилась, увидев женщину в зеркале.

Проклятье, Томас неплохо меня огрел. Синяк был гораздо более заметен под лампами накаливания.

Не желая упустить мисс шерифа Стивенс, я поторопилась вернуться в комнату.

Поедая сэндвич с индейкой и чипсы не первой свежести, которые достал для меня шериф Хилл, я обдумала свое заявление и решила, что сначала скажу маршалу, что Томас выкрал меня. Затем, когда мне дадут сделать телефонный звонок, я позвоню Дилану и скажу ему, что я жива и расскажу о "Свете". Если я сначала расскажу маршалам эту историю, и они не поверят мне, у меня не будет возможности позвонить Дилану.

Я вдруг подумала о разнице во времени между Фэрбенкс и Детройтом. Я не знала, какой она была. Я знала, что по тихоокеанскому времени на три часа раньше, чем в Детройте. Я предположила, что с Аляской разница может быть в четыре часа. Мое сердце замерло. Дилан не мог быть в участке так поздно.

Невзирая на это, я решила убедить их дать мне его номер. Я бы сделала все возможное, чтобы не остаться в этом аду, даже если в Детройте была ночь.

Выпив воды из бутылки, я продолжала ждать шерифа Стивенс. Возможно, это было из-за еды или, возможно, прилив свободы, но с каждой минутой, моя тревожность усиливалась.

Молча, я наблюдала за дверью.

Пока я ждала, впервые с ночи, когда вернулись мои воспоминания, я мысленно вернулась к аварии — предполагаемому крушению грузовика — которая не только привела к потере памяти и изгнанию, но также ознаменовало конец моей жизни, как Стеллы Монтгомери и началу моей жизни, как Сары Адамс. Даже сейчас я не могла вспомнить, что предшествовало аварии. Последнее, что я помню — это то, как до этого я была на стоянке в Детройте. Я вспомнила, как очнулась в искореженном грузовике, без зрения, выползая из обломков и выбираясь в темноту. Мои зубы сжались, когда я вспомнила о сильной боли в ногах и ребрах. Моя рука прижалась к опухшей щеке, той же щеке, которая была ушиблена тогда.

Расхаживая по маленькой комнате, я вспоминала о жестоких, злобных ударах, которые обрушились на меня, когда я лежала в ловушке на холодной твердой земле. Слезы выступили, когда я пришла к тому же выводу, что и той ночью, когда вернулись мои воспоминания. Меня били ногами и намеренно причиняли боль, пока на протяжении всего нападения ветер скользил вокруг меня, свистел в ушах и наполнял разум белым шумом пока... голос.

В моей голове я слышала, как глубокий, требовательный голос приказывал мне остановиться, хотя я не знала, что я сделала. А потом меня подняли на руки.

Сэндвич с индейкой сделал кульбит в животе, когда запах мускуса и кожи вернулся. Я открыла глаза и осмотрелась в маленькой комнате. Воспоминание было таким интенсивным, что казалось, что я действительно чувствую его запах, но нет. Это не было настоящим.

Это было знакомым — это запах Джейкоба. В глубине души я знала, что Джейкоб был тем, кто поднял меня. Он был поблизости в момент аварии. Он был тем, кто кричал и кто причинял мне боль?

Я попыталась разработать другой правдоподобный сценарий, что-то помимо того, чтобы идентифицировать его, как моего нападавшего. Ничего не приходило на ум, никаких других возможностей

В конце концов, вернулся шериф Хилл, извинился за задержку шерифа Стивенс и пообещал, что она скоро будет здесь.

— Могу я сделать звонок? Мне просто нужно использовать компьютер...

— Мэм, скоро. Я обещаю, — сказал шериф Хилл и снова исчез за дверью.

Облегчение, которое я испытала в аэропорту, начало исчезать. Это казалось неправильным. Кто-то должен был принять мое заявление.

С каждой тикающей минутой я вспоминала, кто я. Я больше не была послушной Сарой. Я была Стеллой, и я жива. У меня были родители, сестра и парень, которые заслужили узнать, что я нашлась. У меня были друзья, которых нужно проинформировать. Были люди, которым нужно помочь, и организация, которую нужно разоблачить.

С гневом я встала, отшвырнув металлический стул по твердой плитке на полу и направилась к двери. Как только я достигла двери, та открылась. Шериф Хилл перехватил меня, и я задохнулась.

Представитель Хилл был не один.

Своей следующей репликой он все забрал. Моя новообретенная свобода исчезла, когда он сказал:

— Мэм... здесь ваш муж, чтобы отвезти вас домой.

Глава 9

Джейкоб

Несколькими часами ранее

Это авантюра, но это наш единственный шанс. Если Рейчел права, и Сара не только вспомнила свое прошлое, но и нашла способ покинуть "Северное Сияние", Томас был ее единственным вариантом. Если вдруг она была с ним, его самолет нужно перехватить. Если Рейчел ошибалась, то у нас нет выбора и времени. Когда я летел обратно в Фэрбенкс, все, о чем я мог думать — это как можно быстрее добраться до нее, Сары или Стеллы, я не знал. Когда я покидал штат Монтана, ее местонахождение до сих пор было неподтвержденным.

Моя "Цитата X" летела значительно быстрее, чем "Цесна 206" Томаса. Возможно, он покинул "Северное Сияние" с Сарой прежде, чем я вылетел из Вайтфиш, но, несмотря на сложные погодные условия, я был в состоянии нагнать их.

Весь полет, неуверенный, найду ли я Сару в Фэрбенксе, я рассматривал план специального агента Адлера. Это было блестяще и полностью зависело от Сары. Если я найду ее, то должен буду убедить помочь мне. Если я достигну обеих целей, мы вернемся в "Северное Сияние". Возвращение дало бы ФБР больше времени, чтобы синхронизировать рейды во всех общинах. Это был единственный способ снизить человеческие жертвы, в случае если начнется рейд в одной из общин. Если я не смогу найти Сару или убедить ее, тогда операция закончится.

Все.

Три года работы под прикрытием, внедрение в "Свет", изучение путей, доказывающих мою лояльность... все сделано. Времени у меня было до завтрашнего утра, чтобы передать ответ Сары специальному агенту Адлеру.

Агент Джейкоби МакАлистер не был готов к этому. Я слишком многому научился и был слишком близок.

Когда я приблизился к Фэрбенксу, то продолжал молиться о том, чтобы она была там. Быть уверенным в ее безопасности стало для меня первостепенным. Я имею в виду, если она была там, то Джейкоб Адамс решил, что он хочет, чтобы Сара сказала «нет». Но это не вся правда. Как ее муж, я хотел сделать выбор за нее. С тех пор, как я принял ее как свою жену, я беспокоился о том, чтобы защитить ее, когда рейды, наконец, стали так близки — не "если", а "когда". Они были неизбежны. Я был в ужасе от того, что кто-то будет исполнять возможный план на случай непредвиденных обстоятельств, пока я отсутствую. Вот почему я изложил ее просьбу полететь со мной перед Комиссией. Она всегда была умной и любознательной, и по ее просьбе я надеялся, что она предоставила мне возможность спасти ее.

Независимо от того, какое решение было принято, ее жизнь, как Стеллы Монтомери закончилась. Если она найдет способ вернуться обратно в Детройт, я знал, что произойдет. "Свет" устранил ее, как угрозу. Ни при каких обстоятельствах она не сможет вернуться в родной город. Это слишком опасно.

Если предположить, что она нашлась, и решит не помогать, то федеральное агентство было готово принять ее в программу защиты свидетелей. Рейды произойдут завтра. Если мы с Сарой не вернемся в "Северное Сияние", ФБР опасалось, что это вызовет подозрения и поставит на карту еще больше жизней.

В этом случае Отец Габриэль рассмотрит наше с Сарой дезертирство, как первое звено в цепочке, которая потянет его вниз, операция по его поимке должна быть закончена и ФБР должны действовать. Бюро не собиралось подвергать опасности обнаруженные мной сведения. Несмотря на то, что до сих пор существовали пробелы, например, расположение денег, я раскрыл достаточно, чтобы остановить деятельность "Света" и упрятать за решетку Отец Габриэля на очень долгое время.

Без всякого сомнения, с каждой милей, пока я молился, чтобы она была в Фэрбенксе, я раздумывал о том, вернуть ли ее в "Северное Сияние" и продолжить миссию, или передать ее в программу защиты свидетелей, и обеспечить ее безопасность.

Когда Хилл позвонил на мой одноразовый телефон, чтобы сказать, что Сара у них, и о том, что сделал Томас, я все еще был в воздухе и не мог принимать звонки. Только когда я приземлился, я прослушал голосовую почту. Узнав, что она в безопасности, я с облегчением опустился на колени; однако, по мере того, как его сообщение воспроизводилось, и я услышал, что Томас ударил Сару, оставив на ее глазу отметины, моя хватка на телефоне почти раздавила его.

Я напомнил себе, что самым важным было найти Сару.

Я придумал историю, чтобы помочь скрыть ее побег. Я связался с Братом Даниэлем и сказал ему, что в Вайтфише запасы для меня не были готовы. Я не смог достать нужные мне предметы, поэтому отправился в Фэрбенкс.

Чтобы эта история была правдоподобной, мне пришлось покупать припасы. Поскольку я не мог оставить Сару наедине, когда заберу ее, мне нужно оставить ее в офисе маршалов, где я знал, она будет в безопасности. Согласно информации специального агента Адлера она контактировала только с двумя маршалами, а Маршалл Хилл был единственным, кто разговаривал с ней.

У Адлера не заняло много времени, чтобы изучить план полета Томаса и обнаружить, что он направляется в Фэрбэнкс. К сожалению там не было полевого отделения ФБР. На Аляске был всего один офис в Анкоридже. В этом случае ФБР приходилось выбирать Маршалов США или местную полицию. Адлер решил связаться шерифом Хиллом и привлечь Маршалов США к участию в нашей операции. Не раскрывая слишком много, он объяснил настоятельную необходимость найти, защитить и изолировать Сару, а также позаботиться о Томасе.

После сообщения о том, что Томас бил Сару, я хотел быть одним из тех, кто позаботится о нем. Однако, несомненно, мой метод не одобряют, и времени было недостаточно.

Я позвонил Брату Даниэлю, используя телефон в номере мотеля, и сообщил об изменении планов с закупкой материалов. Наконец, я прибыл в офис Маршалов и, сидя за окном, наблюдал за женщиной, которая уже почти год была моей женой. Несмотря на то, что я хотел пойти к ней прямо сейчас, Хилл настаивал на том, чтобы я сначала понаблюдал за ней, рассмотрел ее травмы. Даже, несмотря на то, что я видел это только через стекло, мои зубы и кулаки сжались.

— Скажите мне, что Томас больше не является угрозой, — сказал я, хотя моя челюсть не двигалась.

— Агент, он потеряется в системе на большее количество лет, чем вам нужно, чтобы выполнить задание, — сказал Маршалл Хилл, уверенно пожав плечами, так как это мог сделать только человек с многолетним опытом. — С его дерзким отношением и влечением к причинению женщинам боли, может быть он найдет за решеткой больше, чем рассчитывал.

Кто знает?

Я кивнул, мышцы в шее и плечах кричали от напряжения.

— Что она сказала в своем заявлении?

— Я не принял заявление.

Я повернулся к пожилому мужчине с пустым выражением.

— Что вы имеете в виду? Она была здесь в течение многих часов.

— И если бы я принял заявление, то должен был бы записать его. Если я забыл принять заявление или записать ее задержание, то, возможно, этого и не случилось.

Я вдохнул. Надув щеки, я медленно выпустил воздух.

— Она сказала...

— Она ничего не сказала. Она пыталась, но я продолжал говорить ей, что мы скоро будем готовы. — Он кивнул в сторону окна. — В основном, она просила сделать звонок.

— Если она решает... они позволяют ей позвонить семье. — Я не мог сказать, решит ли она войти в программу защиты свидетелей. Сколько бы я не убеждал себя, когда летел в Фэрбенкс, что лучшей возможности обеспечить ее безопасность может не быть, но когда она в соседней со мной комнате, я не мог даже представить, что отпущу ее.

Не то, чтобы в мои намерения входило ее убедить. Вероятно, я был последним человеком, кого она хотела увидеть. Хорошо, возможно в ее глазах я был немного лучше Томаса, но это не говорит о многом. Я должен что-то придумать. Все и каждый были замешаны в этом.

Сначала мне нужно забрать ее из офиса маршалов. Я провел руками по волосам, когда Сара встала и пошла.

— Нам лучше... — сказал Хилл, когда мы вышли из комнаты.

Мои шаги замедлились, я увидел, как Сара подходит к двери. Сразу же поднялась температура. Что-то не так с ее походкой. Хилл сказал, что Томас ударил ее только по лицу. Как будто все в порядке, но то, как она шла... закусив щеку, я вдруг подумал, не сделал ли он больше.

Да поможет мне Бог, если он коснулся ее интимно... После этого, я расшифрую его гребаные документы и заставлю его заплатить.

Я подошел к двери комнаты для допросов, как только шериф Хилл открыл ее и сказал:

— Мэм... здесь ваш муж, чтобы отвезти вас домой.

Когда я подошел к Хиллу, мой взгляд встретился с Сарой. Хотя ее взгляд оставался неподвижным, ее ноги сделали шаг назад. В эту секунду я не увидел ужасного фиолетового синяка. Все, что я видел, были самые красивые светло-голубые глаза, которые смотрели на меня. В этом великолепном взгляде был калейдоскоп эмоционального шока, страха, недоверия и негодования. Все это было смешано вместе с болью и разочарованием. Я искал любовь, которую, готов поклясться, видел еще этим утром. Страх брал верх в борьбе эмоций.

Мне необходимо перефокусировать ее мысли, я выровнял голос.

— Сара.

Ее шея выпрямилась. Несмотря на ее глаза, в ней была сила. Она боролась не только со мной, но и с месяцами обучения, подчинения и подготовки. Стелла и Сара боролись на моих глазах. Если бы она выслушала мои истинные намерения. Я не был Джейкобом, не совсем.

Ее протесты начались мягко, а затем ее глаза распахнулись, и Стелла стала сильнее.

— Нет, — прошептала она. Затем, прочистив горло, она повторила, — Нет. Этого не может быть. — Я ступил ближе.

— Нет, — сказала она громче. Повернувшись к Маршаллу Хиллу, она заговорила громче, — Я не его жена. Нет! — На ее лице внезапно отразился ужас, когда она поняла, что он не поможет. — Маршалл Хилл, пожалуйста! Вы даже не приняли мое заявление.

— Сара, — я повторил спокойно. — Пришло время вернуться домой. Нам нужно поговорить.

Когда я подошел к ней вплотную, она скользнула к стене, пробираясь к двери, как будто ей бы позволили убежать. Вместо того чтобы посмотреть на меня, она глазами искала Хилла, когда она умоляла: — Нет! Не слушайте его. Меня зовут...

— Замолчи! — закричал я, и мой голос эхом отразился от стен маленькой комнаты. Мы не раскрыли никому из маршалов ее истинную личность. Это небезопасно. Специальный агент Адлер был уверен в Хилле, но мы подозревали, что сила "Света" может распространяться далеко. Мы не могли так рисковать.

Я не хотел ее напугать, но когда она повернулась ко мне, клянусь, я увидел там неприкрытый ужас. Выражение ее лица было похоже на то, чего я никогда раньше не видел, даже когда я этого заслуживал. На этот раз всё было по-другому. На этот раз я не собирался исправлять ее или наказывать. Я старался спасти ее.

Она упала на землю, вытаскивая сердце из моей груди и швыряя его на пол под ноги. Ее крики и мольбы вернулись с рокочущим звуком одного моего слова-команды.

— Пожалуйста... Я не его жена... Пожалуйста, поверьте мне... Я не Сара... Я...

Я опустился перед ней, нужно остановить ее слова и сохранить тон уверенным. Я поднял ее подбородок, заставив наши глаза встретиться. Фиолетовый синяк насмехался надо мной, говоря о том, что я уже не смог сохранить ее в безопасности. Не желая причинить ей боль, я мягко прикоснулся к ее опухшей щеке большим пальцем и сказал:

— Сара, нам нужно идти. Сейчас, — подчеркнул я. — Не заставляй меня повторять.

Мои слова пришли слишком легко. Я так долго жил этой ролью.

Пока мои руки удерживали подбородок Сары, ее голова качалась из стороны в сторону, ее глаза были закрыты в подчинении. Ее отчаяние разрывало мою грудь, разрывая мое сердце на мелкие части.

Я прикоснулся к ее руке.

— Сара, все в порядке. Мы позаботимся об этом. Я обещаю.

Закусив губу, она неохотно встала. Поражение и предчувствие беды сочлились из каждой ее поры. Она сделала несколько шагов и остановилась, ее голова была все еще опущена вниз, она посмотрела на меня одними только глазами и спросила:

— Ты будешь...?

Я прикоснулся рукой к ее спине и направил к двери.

— Тсс, не здесь, Сара. Мы обсудим это наедине.

Я отвел ее к грузовику, который одолжил в частном ангаре. В ней продолжалась битва: Сара против Стеллы. Она распрямила шею и ее губы вытянулись в линию, и затем так же быстро она склонила голову. Того времени, пока мы добирались до мотеля в тишине, мне было достаточно. Без сомнения, смертельная хватка на рулевом колесе свидетельствовала о моем собственном недовольстве.

О чем, черт возьми, я думал, пытаюсь убедить ее вернуться? Черт, была прекрасная возможность, что этот план взлетит в воздух на наших глазах. В нем слишком много переменных.

Что если Бенджамин или Рейчел разговаривали с Братом Рафаэлем? В конце концов,

Брат Рафаэль был наставником Бенджамина и одним из членов Комиссии. Он мог быть милым и добрым, но он знал, что на самом деле происходит в "Свете". Он был тем, кто продолжал разработки фармацевтических препаратов.

Я понял, почему Отец Габриэль делал то, что делал. Я видел его особняк и слышал, как он чувствовал своё богатство.

Но чем это было для Рафаэля, Уриэля или Майкла?

Они были частями сложной головоломки. Они работали усердно, но мне они казались крайне обделенными.

Пока мы ехали, Стелла постоянно смотрела в мою сторону, готовая забросать меня тысячами вопросов, и так же быстро Сара подавляла каждый из них. Сара знала о последствиях вопросов. Она испытала это больше раз, чем мне хотелось вспоминать.

Прямо сейчас я хотел ее вопросов. Я нуждался в них. Я трусил и нуждался в ней, чтобы начать этот разговор, хотя я понятия не имел, куда это нас заведет.

Когда я остановил грузовик на парковке старого мотеля, я глубоко вздохнул и посмотрел в ее сторону. Наши взгляды встретились, и я не хотел ничего, кроме как взять ее на руки и заставить ее забыть часы, которые она провела с Томасом. Я хотел, чтобы она чувствовала себя в безопасности, чтобы рассказала мне правду о том, что он сделал. Я хотел увидеть любовь, которую, как я думал, видел почти двадцать часов назад.

Но я был проклятым дураком, потому что то, что я увидел в ее голубых глазах, было вихрем презрения и подозрения. Несмотря на то, что меня учили верить, я не мог допустить, чтобы что-то случилось. Это было до нее.

Я выдохнул.

— Здесь мы проведем ночь.

— М-мы не собираемся возвращаться в "Северное Сияние" сегодня?

Моя бровь приподнялась от ее вопроса. Я был выдрессирован так же хорошо, как и она. Урок за уроком был прочитан, изучен и в конце концов извергался на других последователей. Начиная с "Восточного Сияния", меня заставили поверить, что мужчины были более сильным и умным полом. Мы принимали решения. Женщины не задавали вопросов. Они не могли.

— Я... я сожалею. — Ее подбородок опустился, и губы задрожали.

Я прикоснулся к ее подбородку и направил пристальный взгляд ее голубых глаз на себя.

— Нет, Стелла, с этим покончено. Никогда не извиняйся за свои вопросы. Я должен тебе целую жизнь ответов, и начнется она этим вечером.

Глава 10

Сара/Стелла

Что он только что сказал?

Отпустив мой подбородок, Джейкоб сказал:

— Давай зайдем внутрь? — это больше походило на вопрос, чем на команду.

Впервые после того, как Шериф Хилл передал меня Джейкобу, с того момента, когда я поняла, что мой кошмар не закончился, моя грудь наполнилась воздухом и я выпрямилась. Внезапно, мой рот скривился, и я повернулась в его сторону. Настала моя очередь прищуриваться.

Вздыхнув, Джейкоб коснулся моей руки.

Я оттолкнула его.

— Какого черта? Как ты только что меня назвал? — спросила я с большим гневом в голосе, чем когда-либо позволяла себе с ним.

Однако он смотрел с таким выражением, которое не пугало меня. Я не понимала и не знала, что произошло, но что-то изменилось. Это больше не был Джейкоб — мой педант: он был мне равным. Что-то в его темных глазах говорило, что он чувствовал то же самое.

В свете фонарей на парковке перед мотелем я смотрела на мужчину, который утверждал, что он мой муж. Его лицо выглядело старше и более уставшим, чем я помнила. Медленно он провел рукой по своим темным волосам и утомленно произнес.

— У нас обоих был долгий день. Давай выберемся из грузовика и зайдем внутрь, где мы сможем поговорить. Ты заслуживаешь ответы.

— Ответы? Ответы? — Мой голос становился все громче с каждым словом. — Я, черт возьми, заслуживаю гораздо большего!

— Сара.

— Нет! Нет! Я не Сара! — Кровь прилила к моим ушам и лицу. Тело дрожало, пока из меня испарялись девять месяцев покорности. Я теряла контроль, и понимала это. — Я Стелла! И ты знал! Ты знал! Мать твою! Ты знал это с самого начала!

Не в силах больше сидеть на месте, я потянулась к двери и распахнула ее. Хотя Джейкоб продолжал говорить, его слова не воспринимались мной. Как только мои ноги коснулись асфальта, я побежала, нож, спрятанный в ботинке, снова натирал мне ногу. С каждым новым шагом мир становился все более расплывчатым. Я рвалась вперед, каждый шаг становился все более важным, чем предыдущий. Я не знала, куда я иду, но мне нужно было туда попасть.

Далеко на севере, у "Северного Сияния", в это время года световой день был очень длинным, но, к счастью, в Фэрбенксе с этим порядок. Я столько времени провела в офисе маршалов, что небо теперь было черным. Когда я бежала, то представляла, что тьма — это моя оболочка, мой плащ-невидимка, позволяющий мне избавиться от постоянного кошмара. Но, увы, это не так. Прежде чем я успела дойти до следующего парковочного места, Джейкоб схватил меня за плечи.

Прижавшись губами к задней части моей шеи, он тихо прошептал:

— Ты можешь ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь. Просто, пожалуйста, доверься мне еще на несколько часов. Если ты этого не сделаешь, боюсь, остаток твоей жизни будет недолгим.

Я повернулась к нему. Под уличными фонарями в глазах мужчины, которого я хотела

ненавидеть, я увидела то, что, как я подозревала, было самым честным выражением, которое я когда-либо видела. Тем не менее, я спросила:

— Ты угрожаешь мне?

Он покачал головой.

— Я пытаюсь спасти тебя.

— Я-я не понимаю.

Отпустив плечи, он потянулся к моей руке. Я не сопротивлялась, когда он переплел наши пальцы.

— Я все объясню. Я расскажу тебе все. — Он поднял наши руки и поцеловал костяшки моих пальцев. — Ты сама примешь решение. — Глядя на мою руку, он улыбнулся. — Ты все еще носишь обручальное кольцо.

Я посмотрела на наши переплетенные пальцы и пожала плечами. Он прав. Я не была уверена, почему не сняла его, но я этого не сделала.

— Пожалуйста, — умолял он, — заходи в комнату и позволь мне объяснить.

Чувствуя тепло его руки и слыша запах кожи и мускуса, я кивнула. Я не понимала, что произошло, но где-то между офисом маршалов и мотелем мой муж изменился. Может быть, мы оба изменились. Когда мы молча шли рука об руку, я ничего не знала.

Как только мы зашли в комнату, Джейкоб запер дверь и повернулся в мою сторону. Мое сердце заныло, когда я рассматривала красивого мужчину перед собой. От его темных волнистых волос до карих глаз, твердого подбородка и широких плеч. Я увидела бурю эмоций, которую прежде не замечала. Его обычная уверенность сменилась печалью и страхом.

Не убирая руки от волос, он сказал:

— Прежде чем я начну, мне нужно знать... — Его грудь стала шире и опала со вздохом. — Скажи правду. Что Томас с тобой сделал?

Хотя его тон не был требовательным, у меня не было причин лгать. Сидя на краю кровати, я вздохнула.

— Он напугал меня и ударил, но это все.

— Он не...?

Я не могла не улыбнуться на искреннюю заботу. Я покачала головой.

— Нет. Он сказал, что хочет, когда мы доберемся до Фэрбенкса, но как только мы приземлились, появились маршалы. — Вспоминая сцену, я встала. — Были ли они действительно Маршалами США или были частью "Света"? Откуда они узнали, что я там? Что случилось с Томасом?

Хотя мои вопросы вылетали быстро и яростно, он медленно и вяло качал головой.

— Сара, мне много чего нужно тебе объяснить.

Я выпрямилась.

— Не называй меня так. Ты знаешь мое настоящее имя. Используй его!

— Стелла, — сказал он.

Мое имя звучало с болью на его губах, как будто оно рвало его на части. От тоски, звучащей в одном этом слове, мне захотелось сказать ему, чтобы он забыл об этом и просто называл меня Сарой, но я прикусила губу, останавливая слова. Я была той, кто в течение последних девяти месяцев жил ложью, той, кто был вырван из реальной жизни; он заслужил почувствовать часть боли, которую чувствовала я. Мой взгляд опустился на его пояс.

Боль.

Все, что я должна была сделать, это посмотреть на его проклятый ремень, чтобы напомнить себе, что именно этот мужчина причинил мне боль... контролировал меня... промывал мозги не только мысленно, но и физически. С каждой секундой молчания мое презрение росло. Скрестив руки на груди, я выдохнула и отвернулась.

— Не надо, — сказал он, его теплая рука прикоснулась к моему плечу и пальцам.

Развернувшись к нему, я завопила.

— Нет! Ты не должен. Не прикасайся ко мне. Я не твоя жена. Ты знаешь это. Ты знал это и, тем не менее, ты... — Мои слова стали несвязными. — Ты... заставил меня... — Качая головой, я отошла так далеко, как только могла в маленькой комнатке мотеля, отказываясь плакать. — Джейкоб... Я...

Когда я повернулась к нему, он сидел на краю кровати, его локти упирались в колени, и руки поддерживали голову. Его обычно гордые широкие плечи поникли. Не в состоянии увидеть его лицо, я смотрела, чувствуя исходящее от него поражение.

Наконец, все еще глядя вниз, он сказал:

— Меня зовут не Джейкоб, но ты, вероятно, уже это поняла.

Когда его темные глаза посмотрели на меня, я кивнула.

— Я предполагала. Seriously, разве возможно, чтобы у каждого в общине было библейское имя? Думаю, я догадалась, что большинству из нас были даны имена, которые начинаются с той же буквы, как и наши настоящие имена.

Он пожал плечами.

— Ты права. Это помогает легче принять новую реальность и заместить воспоминания. Мое настоящее имя — Джейкоби МакАлистер, и то, что я расскажу, будет причиной, почему Стелла Монтомери никогда не сможет вернуться к ее жизни в Детройте.

Сострадание, которое мое сердце испытывало к этому мужчине, испарилось.

— Тогда не говори, — сказала я с тревогой. — Что бы это ни было, Джейкоб, пожалуйста, не говори. Я хочу вернуться. Мне нужно вернуться.

Хотя он печально покачал головой, уголок его губ приподнялся.

— Видишь ли, Стелла, это не так и просто. Ты только что назвала меня Джейкобом. Сара — вот кто ты для меня.

Я кивнула. Я даже не поняла, что назвала его по имени.

— Джейкоби, — сказала я, это имя звучало чуждо. — Пожалуйста, не говори, что бы это ни было. Просто дай мне уйти. Мне нужно. У меня есть связи. Я могу спасти Минди. Я могу спасти других.

— Минди? — спросил он.

— Она моя подруга. Она была одной из причин, почему я стала вести расследование по "Свету".

Он сел ровнее.

— Что? Ты вела расследование по "Свету"? Ты из полиции?

— Я не из полиции. Я была, или я — черт, я больше не знаю, — журналистом по расследованиям. Я отслеживала кое-какие следы, которые привели меня к "Свету"

Он встал, снова запустив пальцы в свои волосы.

— Дерьмо! Я не знал. Они не сказали. Все, что они сказали, что ты была избрана.

— Что? Что ты имеешь... Я была частью избранных, или я была избрана?

— Большинство мужчин не видят своих жен до прибытия в общину, со мной другая ситуация. Я пилот. — Он усмехнулся по-настоящему. — Видишь, не все ложь.

— Военный? — спросила я.

Он кивнул.

— Это тоже правда, как и Ирак. В общем, из-за того, что я летаю в разные общины, примерно за неделю до того, как тебя схватили, брат Уриэль, из...

— "Восточного Сияния", — перебила я. — Уриэль Харрис или Харрисон.

Глаза Джейкоби расширились, глядя на меня, как будто мы никогда не встречались.

— Черт! — воскликнул он. — Да. Ну, он отвел меня на тот фестиваль в Дирборне, штат Мичиган.

Настала моя очередь рухнуть на кровать.

— Ты видел меня там? Ты видел меня с Диланом?

— Да, я видел тебя. — Он сел рядом. — Ты помнишь, я рассказывал, как в первый раз, когда тебя я увидел, я знал, что ты моя?

Я кивнула, пытаюсь забыть эмоции, которые чувствовала в ту ночь, в тот вечер, когда он начал описывать мне картину нашего прошлого.

— Ну, это правда. Я видел тебя с Ричардсом...

Ахнув, я прикрыла губы обожженными кончиками пальцев.

— Ты знаешь его имя?

Он кивнул.

— Но, как я уже сказал, я знал, что ты моя. Я говорил не образно. Брат Уриэль сказал мне, что это ты. Я помню, как ты слушала, как ты смеялась, насколько ты была беззаботной. В то же время я знал. Я знал, что все это закончится.

Я не могла понять.

— Почему? Зачем? Зачем ты это сделал?

Джейкоб схватил меня за плечи.

— Я этого не делал. Ты не поняла? Не мне это решать. Отец Габриэль сказал, что у меня должна быть жена. Я тебя не выбирал. Тебя выбрали для меня.

— Значит, ты не хотел меня?

Он нежно прикоснулся к моему лицу и, стараясь не повредить глаз, обхватил мои щеки.

— Мне не нужна была жена. Я пытался избежать этой участи. Но с самого первого раза, когда я тебя увидел, я захотел тебя.

Он отпустил мое лицо и встал. Пока он расхаживал по комнате, нарастала тишина. Каждый шаг по ковру был ударом мистического барабана, и каждый из них увеличивал давление, пока он не взорвался.

— Я знаю, что это делает меня таким же чертовски неправильным, как и все они! Но я хотел! Черт возьми, я хотел тебя. И как только ты оказалась в "Северном Сиянии"...как только ты оказалась там, и ты была моей, я делал все, что мог, чтобы спасти тебя.

Возмущение росло, я встала.

— В самом деле? Правда? Обманывая меня, исправляя... Черта с два... Избивая меня чтобы спасти?

— Да, Сара, да.

— Стелла! Используй мое чертово имя!

В два шага он был возле меня, его большие руки удерживали мои плечи, наши носы почти соприкасались. Тепло нашего дыхания росло, его грудь коснулась моей.

— Стелла. — Он выровнял тон, но разделял слова, делая акцент на каждом. — Каждый. Мой. Проклятый. Поступок. Был. Для. Тебя. — Один лишь шепот разделял нас, и его губы

накрыли мои. Их тепло было огнем, который воспламенил мое тело так, как я больше не хотела признавать.

Я потянулась к его плечам и оттолкнула.

— Нет!

В глубине его глаз отразилась боль.

— Нет! — продолжила я. — Ты хочешь, чтобы я поверила, что ты не бил меня ремнем.

Что ж, я не верю.

— Подумай, Сара. Подумай о картине в целом.

Я была слишком расстроена, чтобы снова исправлять имя.

— Подумать о картине в целом. Пошел ты, Джейкоб, или Джейкоби, или кто ты там, черт возьми! Я не вижу картины. Не вижу. Помнишь? Это я ходила с напоминаниями на заднице!

— За нами постоянно следили. Каждое столкновение было испытанием. Если провалился я, провалилась ты. Если терпела неудачу ты, я тоже терпел неудачу. В единственный раз, когда я тебя наказал, были свидетели. Этого от меня ожидали. Только один раз я сделал что-то, что никто не смог бы засвидетельствовать. — Раскаяние заполнило его слова. — Это было в клинике, когда я ударил тебя, но даже это, как и в другие разы, было для твоего блага.

В голове все перемешалось. Я думала обо всех случаях, когда он меня наказывал. Я попыталась вспомнить, что предшествовало или следовало за каждым наказанием. Он прав. Было так много раз, когда я ожидала, что он это сделает, и он этого не делал. Но были и другие случаи, когда я думала, что мое прегрешение было незначительным, а он наказывал. Я опустилась на кровать. У каждого случая были свидетели.

— Почему? — спросила я. — Почему просто не позволить мне потерпеть неудачу?

Глаза Джейкоба расширились, когда он упал на колени у моих ног.

— Ты сказала, что расследовала деятельность "Света"? — Он перевернул мою руку и коснулся пальцев. — Ты знаешь, что происходит, когда кто-то терпит неудачу?

Я сглотнула и кивнула.

— С первого раза, когда я увидел тебя на том фестивале, я знал, что провал — не вариант. Я не знал точно, почему тебя выбрали. Теперь я подозреваю, что это было потому, что ты слишком близко подобралась к ним, но несмотря ни на что, я знал, что тебе нужно жить. Я бы не позволил им тебя изгнать.

Я покачала головой.

— Но нас изгнали.

— Это не было настоящим изгнанием. Все время, что я был со "Светом", я никогда не слышал о временном изгнании, пока это не случилось с нами. — Он провел рукой по волосам. — В ночь после службы, когда Отец Габриэль сказал, что мы должны быть изгнаны, мое сердце перестало биться. Я был так чертовски напуган.

Я прикоснулась к его лицу, и мои ладони обхватили колючие щеки, я видела его боль.

— Это был первый вечер, когда я пошла на службу, да?

Он кивнул, его лицо все еще было в моих руках.

— Тем вечером ты был таким тихим. Я боялась, что я...

Джейкоб погладил меня по щеке.

— Это была ночь, когда я фактически подтвердил, что ты моя жена, что твое тело принадлежит мне. Несмотря на все, что они сделали с тобой, и все, через что ты прошла, ты

все еще была такой же прекрасной, такой же сильной и, тем не менее, такой же напуганной. Я не должен был, но я хотел сделать это как можно лучше. — Он покачал головой. — И я не смог. Я не хотел причинять тебе боль.

Мои глаза сузились.

— Они? Они сделали со мной? Это сделал ты. Я помню, как мне было больно. Я помню твой голос. Ты был тем, кто причинил мне боль! Не было никакого несчастного случая. Отец Габриэль изгнал нас за то, чего никогда не было!

— О, Боже, нет! Да, я был там, но не я причинил тебе боль. Они заставили меня смотреть. Я должен был вести себя тихо и следовать Божьему плану... — Он снова встал и зашагал. — Черт возьми! Это был не Божий план. Это был Отец Габриэль. Я должен был молчать, но я не мог. Я накричал на него. Я сказал ему остановиться. Если бы я не был в Собрании, черт, если бы я был простым последователем, мне бы никогда не сошло с рук то, что я сделал. Но я не мог смотреть, как он причиняет тебе боль. Когда он не остановился, я сам остановил его. Я унес тебя. — Он снова сел передо мной и потянулся к моим рукам. — Из всего, что я наделал, пожалуйста, знай, что этот проступок не был плохим.

— Отец Габриэль? Это он бил и пинал меня?

Голова Джейкоба отрицательно качнулась.

— Нет, черт возьми, нет. Не он делает грязную работу. Он всегда в стороне.

— Тогда кто?

Джейкоб закрыл глаза. Когда он открыл их, в них переплелись печаль и сожаление.

— Ты помнишь, как сказала, что тебе не нравится Брат Авраам, что он заставляет тебя чувствовать себя некомфортно?

— О, Господи. — Мой желудок скрутило.

— Для этого была веская причина.

— Отец Габриэль в курсе?

Джейкоб кивнул.

Я прищурилась.

— Ты не будешь его защищать? Я... Я не понимаю.

Он опустил на колени, как сказал мне не делать. С грустью в глазах он признался:

— Стелла Монтгомери, меня зовут Джейкоби МакАлистер. Я уже более семи лет являюсь агентом ФБР. Последние три года я провел под прикрытием в «Свете».

Я не могла двигаться и говорить. Кусочки головоломки, которые я пыталась сложить воедино весь последний год, вдруг встали на свои места. С первого раза, когда я увидела белое здание, в котором размещался "Свет" в Хайленд Хайтс, я безуспешно пыталась соединить кусочки. Даже те части, которые я выяснила, как Сара, теперь объединилась, вставая на место, как ключ в замке... замке, который, как я медленно осознала, означал потерю моего прошлого.

— Это то, что ты не мог рассказать? То, что ты рассказал, никогда не позволит мне вернуться в Детройт. Да?

Он кивнул.

— Тогда возьми свои слова обратно. Я не хочу ничего знать!

Джейкоб снова взял мои руки.

— Я не могу взять свои слова назад. Теперь ты понимаешь? Ты понимаешь, насколько важен был твой успех?

— Потому, что если провалюсь я, провалишься и ты?

Его губы вытянулись в прямую линию.

— Да.

— Джейкоб. — Я покачала головой. — Джейкоби, что ты имеешь в виду? Как ты нашел меня так быстро? "Свет" подсказал или ФБР?

Он выдохнул.

— Существует гораздо больше тайн в "Свете", чем ты знаешь. Я провел последние три года, пытаюсь разобраться в этих секретах, пытаюсь узнать, что на самом деле происходит. Ты была моим последним испытанием. Хотя я гордился тем, как быстро и хорошо я освоил пути и учения "Света" и Отца Габриэля, я думаю, они подозревали, что я не такой, как они. Но только до тебя. Ты убедила их в том, что я такой как они. Я не хотел жену, — он встал и снова начал ходить... — по многим причинам. Очевидной была та, что это все обман. Это — моя работа. Другой была та, что я не согласен со всеми их методами. Я мог проповедовать это и преподавать это новым последователям. — Он пожал плечами. — Я думал об этом как об армии. Оправдывал тем, что это будто принимать и отдавать приказы, но взять жену — кардинально все меняло. Взять жену означало, что я должен был жить этим. Я не хотел этого делать. Несмотря на то, что Брат Даниэль был всегда ко мне благосклонен, Брат Тимоти относился негативно. Я подозреваю, что он причастен к тому, чтобы заставить меня взять жену. Он хотел моего провала.

Я ненавидела этого мужчину, даже звук его имени.

— Зачем? Какие у него проблемы с нами?

Джейкоб пожал плечами.

— Я подозреваю, он недолюбливает тебя, потому что ты моя жена. Я действительно не знаю, почему он не любит меня. И, честно говоря, я никогда не беспокоился об этом, пока...

Я прикоснулась к своим волосам, которые теперь были ниже плеч.

— Я?

Его щеки покраснели, а карие глаза засияли.

— Боже, я ненавидел их за то, что они сделали, но Сара, я любил тебя гораздо больше. Ты была такой сильной. Этой ночью я поверил в тебя. В нас. Если то, что они сделали с тобой, не сломало тебя, я знал, что ты выживешь, и я знал, что не останюсь ни перед чем, чтобы не только завершить миссию, но и освободить тебя.

Я помнила ту ночь.

— Это действительно был наш первый раз?

Его кадык дернулся.

— Я обещал тебе — это было, когда ты все еще была без сознания. Я обещал, что дам тебе время. Мне нужно было заставить тебя поверить, что ты Сара Адамс, чтобы сохранить тебе жизнь, но то, что мы делали наедине, было другим. Я поклялся, что никогда не буду принуждать тебя. — Его улыбка погасла. — Так поступают не все мужчины в "Свете". Я в Собрании. Я знаю сплетни.

У меня побежали мурашки по коже, когда я подумала о жене Брата Авраама.

— Дебора?

Челюсти Джейкоба сжались.

— Авраам — настоящий ублюдок. — Его глаза умоляли. — Я никогда не принуждал тебя, и я никогда не лгал о своих чувствах. — Он провел рукой по лицу. — Ты можешь ненавидеть меня вечно, и завтра мы можем расстаться и больше никогда не увидеть друг друга, но, если это произойдет, я умоляю дать мне шанс, дать мне знать, что ты понимаешь,

почему я так поступил. И что ты знаешь, я никогда не хотел навредить тебе.

Это было много, слишком много. Он хотел слишком много. Я не была готова дать ему то, что он просил, пока нет.

— Что ты имеешь в виду, что завтра мы можем расстаться? Что произойдет завтра?

— Завтра зависит от тебя.

Когда это всё зависело от меня?

Глава 11

Дилан

Я провел пальцами по волосам и вздохнул, телефон продолжал звонить. Каждую неделю один и тот же звонок. Каждую неделю один и тот же разговор. Когда я посмотрел на экран телефона и прочитал имя Беверли Монтгомери, у меня было огромное желание нажать на кнопку "сбросить".

Четвертый звонок.

Пятый.

Она будет продолжать звонить.

— Здравствуйте, миссис Монтгомери, — сказал я, пытаюсь говорить своим самым спокойным тоном. Если бы я пропустил этот звонок, он бы перешел на голосовую почту. Она либо перезвонила, либо оставила бы голосовое сообщение. Если бы она оставила сообщение, я был бы вынужден перезвонить ей. Было проще поговорить сейчас — словно сорвать пластырь.

— Бев, — исправила она. — Сколько раз просить называть меня "Бев"? Я не побеспокоила тебя?

— Нет, Бев. Я закончил и направляюсь домой.

— Прошла еще неделя с тех пор, как Стелла... — Ее голос на мгновение затих. — Я просто не могу в это поверить. Мой ребенок пропал почти девять месяцев назад. Пожалуйста, скажи, что ты узнал что-то новое, что-то, что может помочь.

Я покачал головой, когда мой немаркированный «Додж Чарджер» влился в вечерний трафик Детройта.

— Хотелось бы мне. Как ты знаешь, я не участвую в расследовании.

— Мы знаем это, но ты работаешь в полиции. И ты был ее парнем.

Я хотел исправить Бев, сказав, что я хотел по-прежнему быть ее парнем, но это лишь направит разговор в то же русло, что и предыдущие такие же. В русло эмоций, а я не был готов к этому сегодня.

Она продолжила.

— Конечно, они сообщат тебе... — Слова Беверли Монтгомери начали прерываться.

Слишком много для того, чтобы избежать эмоций.

— Правда в том, что они этого не сделают, — объяснил я. — Моя работа не связана с поиском пропавших без вести. Они не могут говорить мне каждый раз, когда узнают что-нибудь новое. Кроме того, из-за наших со Стеллой отношений, они с меньшей вероятностью расскажут мне что-то, пока не узнают наверняка. Они не захотят меня обнадеживать.

— Но... если они что-то найдут, что-то, что не принесет надежд. Если они найдут ее, — она не могла скрыть крик, прежде чем прошептала, — тело.

— Ничего подобного не произошло. Я обещаю, если что-нибудь подобное обнаружат, я с вами свяжусь.

— Странно, когда взрослые дети живут своей жизнью, для родителей это в порядке вещей. Дни и недели могут пройти без разговоров, и все в порядке, потому что это означает, что ваши дети делают то, к чему вы их готовили — были независимыми, взрослыми, а затем в одно мгновение все это может измениться...

Я стиснул зубы, пока слушал. Мать Стеллы однажды рассказала, что ее терапевт

считает, что говорить со мной будет полезно. Иногда разговоры были более оптимистичными, о сестре Стеллы, которая в разводе. Недавно она снова вышла замуж. Видимо, потеря сестры — хорошо, пропажа без вести, — заставила ее пересмотреть свой выбор. Мужчина, за которого она вышла замуж, был ее другом, и теперь они ждали ребенка. Беверли была в восторге от перспективы стать бабушкой. И потом она снова подумала о Стелле и о том, как той понравится быть тетей. Некоторые разговоры были слишком сложными для того, чтобы их продолжать.

— ...спасибо тебе.

Я слушал и одновременно наблюдал за трафиком. Я не расслышал, почему она поблагодарила меня, но не хотел переспрашивать.

— Пожалуйста. Я с нетерпением жду ваших звонков.

— Я хотела бы... ну, много чего. Я помню, как рада была Стелла, когда пригласила тебя в наш дом на Рождество. Я никогда не перестану надеяться, но я хочу, чтобы ты знал, мы будем всегда думать о тебе, как о части нашей семьи, даже если ты... — она сделала глубокий вдох, — найдешь кого-то другого.

— Я ни с кем не встречаюсь, но, может быть, когда-нибудь. Я тоже не готов сдаваться.

— Я хотела тебе сказать, — голос Беверли наполнился новым волнением.

— Что?

— Бернارد Купер звонил на днях.

Я почувствовал, как моя рука стиснула руль.

— Серьезно?

— Да. Новостей мало, но поскольку Стелла и Минди пропали без вести, в WCJB было проведено внутреннее расследование. Они наняли криминалиста. Знаешь, они не нашли ни одного из личных ноутбуков девушек, но смогли обнаружить удаленные файлы с сервера телевизионной станции.

— Правда? Что обнаружили?

— Пока ничего. Но он был очень взволнован возможностью узнать больше. Я тоже. Кое-что — это лучше, чем ничего.

— Пожалуйста, держите меня в курсе происходящего с Бернардом.

Она вздохнула.

— Я буду. Я переживаю, что он ничего не сказал тебе.

— Мы говорили совсем немного, сразу после того, как она... но мы больше не встречались с глазу на глаз.

— У меня такое чувство, что мистер Купер чувствует себя ответственным, как отец, который не сделал все, чтобы уберечь своих детей. Он тяжело переживает исчезновение обеих девочек.

Я был уверен, что так и было. Он должен чувствовать ответственность, отправляя Стеллу в Хайленд Хайтс. Я говорил ей снова и снова держаться подальше от этих мест. Она не хотела слушать. Когда она отправилась в особняк Габриэля Кларка на Блумфилд Хиллс, мои руки были связаны.

Ее судьба оказалась лучше, чем могла быть.

Это то, что я сказал себе, когда отключил звонок. Немного позже я добрался до моего дома в Браш Парк и проверил Фреда. Он пребывал в блаженном неведении обо всем, что произошло, пока плавал кругами в своем маленьком аквариуме.

— Все в порядке, парнишка, — сказал я, пока сыпал корм для рыбок в воду. — Счетчик

обнулился. Нам не нужно будет разговаривать об этом еще неделю.

Глава 12

Джейкоб/Джейкоби

Я взял Стеллу за руку, и на этот раз она не отстранилась. Я не мог просить ее вернуться в "Северное Сияние". Это было несправедливо. Присев рядом, я попытался улыбнуться. Что если это наш последний раз вместе?! Тогда, может быть, у нее останутся теплые воспоминания обо мне.

— Прежде чем наступит завтра, не могла бы ты рассказать о своей памяти?

— Что я вспомнила?

— Нет, про твою память. Когда она вернулась?

Стелла вздохнула и легла на кровать. Хотя ее ноги все еще были на полу, голова оставалась лежать на постели, а светлые волосы, раскинутые вокруг лица, напоминали ореол. На шее была серебряная цепочка с крестиком, которую я надел в ночь ее первой службы. Как и обручальное кольцо, с того дня она носила ее постоянно. Я не заслуживал Стеллу, а она не заслуживала этого. Стелла приподнялась на кровати, подложила под спину подушки, и, прислонившись к изголовью, осмотрела комнату.

— Что? — спросил я.

Она пожала плечами.

— До меня только дошло, что здесь всего одна кровать.

Я встал, подошел к маленькому столику у окна и сел в кресло.

— Она твоя. Я могу спать в кресле. Я делал это на протяжении почти трех недель.

Она кивнула и улыбнулась.

— Теперь понятно.

— Даю слово.

Она похлопала по матрасу рядом с собой.

— Я не собираюсь заниматься с тобой сексом, но ты можешь здесь спать.

— Ты...?

— Джейкоб, я не знаю, сколько нам удастся поспать. Нам нужно о многом поговорить.

Я вновь пересел на кровать.

— Так что с памятью?

— Она вернулась больше недели назад. Когда ты улетел на несколько ночей. Ты был в Восточном... Детройте.

Я кивнул.

— Не могу поверить, что я этого не знал.

Она скрестила руки на груди и покачала головой.

— Я боялась, что ты догадаешься. В тот момент, когда я снова увидела тебя, я поняла, что не могу скрыть это от тебя. Поэтому я даже не пыталась. Когда я с тобой, я "отключала" Стеллу. Мне приходилось.

— Что ты имеешь в виду, говоря "отключала"?

Она повернулась ко мне.

— Как ты справлялся? Я имею в виду, три года — это очень долго.

Я уставился в потолок — неровный, когда-то окрашенный в белый цвет. Со временем, краска выцвела до бледно-желтого.

— Знаешь? — сказал я. — Я тебя понимаю. Когда я впервые отправился в "Восточное

Сияние", мне приходилось думать о том, что я говорил и делал, но потом, со временем я стал Джейкобом.

Я вспомнил обучение. Женщины были не единственными, кому выдавали инструкции. Для мужчин это называлось иначе — тренировки, что придавало всему военный оттенок. Первые несколько недель в «Восточном Сиянии» были своего рода тренировочным лагерем для новобранцев. Именно тогда отсеяли тех, кого посчитали непригодными. Слово Отца Габриэля стало нашим кредо, где образ мышления «Света» либо принят, либо отвергнут.

Те, кто его отвергли, не достигли успеха. Они не стали Членами Собрании. Я учился. Я слушал, и я показал себя. Я не мог потерпеть неудачу.

Вспоминая все это, я вздохнул и продолжил.

— В глубине души я остался верен цели, но мне больше не нужно было думать. Я просто был.

— Так со мной...? — Она оставила вопрос открытым.

Было так много путей, которыми я мог пойти.

— С тобой у меня было время. Ты была без сознания целую неделю.

— Ты на самом деле был со мной, или мне это только казалось?

— Я оставался с тобой. — Я не хотел говорить, что доктор Ньютон успел причинить ей много вреда, пока я добрался до нее. Ей не нужно знать, насколько он порочен. Только когда она кивнула, я продолжил. — Итак, у меня было время разобраться с вопросами. Я говорил с тобой. Я исповедовал правду о наших отношениях.

— О том, что у нас их не было?

— Нет. Я сказал, что для меня все новое, но я также сказал тебе, что видел тебя, и я делал все возможное и невозможное, чтобы ты смеялась, как тогда.

Уставившись в пустоту, она вытерла слезу.

— Мне очень жаль.

Сара покачала головой.

— Дело в том, что у тебя получилось. В этом гребанном мире я не была настолько уж несчастной. Сначала — да, но потом я почувствовала... Я не знаю... — Она повернулась ко мне. Ее щеки были в красных пятнах, как случилось, когда она плакала. — Я хочу тебя ненавидеть. Когда воспоминания впервые вернулись, я надеялась, что ты тоже жертва. Вот, в чем я пыталась себя убедить. Но теперь, зная, что ты знал, что ты был частью этого... Я хочу тебя ненавидеть. Дело в том, что как Сара я сильно отличаюсь от Стеллы. Совершенно разные, не лучше и не хуже. У Стеллы была карьера и домашняя рыбка. — Она засмеялась. — Надеюсь, Дилан присматривает за Фредом.

Я сомневался, что этот мудака сделал хоть что-нибудь, но об этом я тоже ничего не сказал.

— Фред? Это твоя рыбка?

Ее глаза блестели от невыплаканных слез.

— Да. Я чувствую, что во мне живут два разных человека. У Стеллы была рыбка. Сара — хотела ребенка.

— Ты понимаешь, почему я сказал нет?

Она кивнула.

— Теперь понимаю, но я... — Она опустила взгляд.

— Я знаю, что ты сделала. По этой причине вернулась твоя память.

Ее взгляд вернулся ко мне.

— Ты знал? Как ты узнал?

— Лекарства, которые блокировали память, были в контрацептивах. Мне рассказала Рейчел.

Она кивнула, подтверждая свою теорию, а затем обиженно фыркнула.

— Вот тебе и дружеская тайна.

— Справедливости ради, она не говорила мне до сегодняшнего дня.

— Сегодня?

— Ну, кажется, что прошло больше времени. После инцидента с Братом Тимоти Сестрой Лилит и твоими волосами я не хотел оставлять тебя наедине, тем более, что мне пришлось улететь на всю ночь. Поэтому после того, как мы вернулись в общину, при первом же удобном случае я купил телефон. Знаешь, одноразовый, не отслеживаемый?

Она кивнула, широко раскрыв глаза.

— Я воспользовался ситуацией. Элизабет слишком предана общине и правилам. Я знал, что не могу попросить ее нарушить правила.

— Так ты попросил Рейчел?

Я кивнул.

— Бенджамин тоже в курсе. Мы все хотели верить, что тот телефон никогда не пригодится.

Сара протянула руку. Я перевернул руку, чтобы наши ладони соприкоснулись и пальцы переплелись.

— Понимаешь, — сказала она, — я так запуталась. Ненавижу эту ложь, но вещи вроде этой кажутся реальными.

Я притянул ее руку и поцеловал костяшки пальцев.

— Я говорил тебе, что не лгал о своих чувствах.

Хотя она и вздохнула, но не отдернула руку.

— Итак, — сказал я, — твои воспоминания вернулись больше недели назад, а когда ты была со мной, ты была Сарой? — Она кивнула. — Сегодня утром, перед моим отъездом, ты сказала, что любишь меня. — Она снова кивнула. — И это была ложь?

— Сара любит Джейкоба. — Она сжала мою руку. — Это все, что я могу тебе дать.

Настала моя очередь кивнуть.

— Что случилось с Томасом?

Она быстро повернулась ко мне.

— Я же говорила, ничего.

— Нет, я верю. Я спрашиваю, как ты оказалась рядом с ним. Помощник шерифа Хилл сказал, что ты настаивала, что тот вынудил тебя, но... что это значит?

Она вздохнула.

— Я пошла прогуляться перед работой, и увидела твой грузовик.

— Мой грузовик?

— Я знала, что ты не оставлял его снаружи. Ты уехал. Я и раньше встречала Томаса в общине, и не понимаю, почему он так себя повел. Ксавьер никогда этого не делал, и я рискнула.

Мой пульс ускорился.

— Ты говорила с ним в общине, где вас могли видеть другие?

Она покачала головой.

— Нет, я убедилась, что никого вокруг не было, и забралась в грузовик. Я спряталась на

заднем сидении, на коврике под одеялом.

Хотя она подвергла невероятному риску наши жизни, я улыбнулся и восхищенно покачал головой.

— Проклятье, а ты смелая.

— Глупая. Я понадеялась на удачу, и это почти стоило мне больше, чем я была готова заплатить.

Я не знал, как ответить. Это стоило всего нам обоим.

— Я думала, что все в порядке до тех пор, пока он не проехал через ворота, а затем через несколько минут остановил грузовик. Он знал, что я там. — Ее глаза широко распахнулись. — Джейкоб? То есть Джейкоби?

Я притянул ее руку и снова поцеловал костяшки пальцев.

— Я буду в порядке, если мы будем придерживаться Джейкоба и Сары. Недавно я что-то слышал о Саре, и я уверен, что Джейкоб чувствует то же самое.

— Я не могу...

— Я не прошу тебя об этом, — успокоил я. — О чем ты хотела спросить?

Ее ярко-голубые глаза смотрели на меня невинным взглядом Сары, который я обожал.

— Здесь на самом деле водятся белые медведи?

— Да! — Из всех вопросов, которые она могла задать, этот вызвал у меня улыбку. — Я видел их своими глазами, совсем недалеко от взлетно-посадочной полосы.

— Тогда, я надеюсь, он получит по заслугам.

— Тебе не стоит о нем волноваться.

— Ты скажешь почему?

— Я расскажу тебе все. Тебе больше не нужно спрашивать меня об этом.

Она кивнула.

— Я не знаю подробностей, но Маршалы Соединенных Штатов позаботились о нем. — Когда ее лицо побледнело, я осознал, как это прозвучало. — Не так, как о мертвом. Твое заявление, что он забрал тебя против воли, дало им основания. Помощник шерифа Хилл гарантировал, что Томас потеряется в федеральной системе дольше, чем мне нужно.

— Дольше, чем тебе нужно? Что это значит?

— Мое задание еще не завершено. ФБР необходимо больше времени, чтобы скоординировать рейды, и мне нужно еще кое-что выяснить. Сегодня был всего лишь второй раз за почти три года, когда я разговаривал со своим куратором. Томас — слабое звено. Он с легкостью мог поговорить с Отцом Габриэлем. Его нужно заставить замолчать.

— Ты возвращаешься? Я все испортила? — Она вздохнула, поправила подушку и откинулась назад.

— Как я говорил, все зависит от тебя. — Когда я посмотрел на Сару, она лежала на боку, подтянув колени. — Что такое?

Лицо Сары побледнело. Закрыв глаза, она покачала головой.

— Думаю, я просто голодна.

— Черт, извини. Я не подумал. — Я встал. — Когда ты последний раз ела?

— В офисе маршалов. Возможно, это из-за стресса.

На ее лбу выступили бисеринки пота.

— Давай я принесу тебе поесть. Уже поздно. Может, что-то из фастфуда?

Она кивнула.

— Спасибо. Думаю, это должно помочь.

— Если я оставлю тебя одну? — Я посмотрел на телефон на тумбочке у кровати. — Я не могу. Я не могу оставить тебя одну.

— Не уверена, что составлю тебе компанию. Мне не очень хорошо.

Даже если я вытащу телефонный шнур из аппарата, она всегда сможет пойти в соседнюю комнату и одолжить телефон. Я не мог этого сказать, но на самом деле она тоже была слабым звеном.

Оглядевшись, я нашел пластиковые стаканчики. Достав один, я наполнил его водой и протянул Саре.

— Держи, попробуй выпить воды. — Ее голубые глаза открылись, она приподнялась, чтобы сесть.

— Спасибо, — сказала она, взяв стаканчик. Хотя вода пролилась в ее дрожащих руках, она улыбнулась. — Это напоминает мне о клинике.

Я смотрел, как к ее щекам возвращается цвет. Как только она закончила, я забрал стаканчик из ее рук и провел пальцем по ее правой щеке.

— Видишь, у нас есть прошлое.

Я крутил ручку маленького ножа в пальцах, вышагивая по комнате, пока Сара спала. Мне следовало присоединиться к ней, но я не мог заснуть. В голове кружился вихрь мыслей. Хотя я ненавидел то, что Томас с ней сделал, нож заставил меня улыбнуться. Я не мог поверить, когда она достала его из ботинка. Очевидно, это и была причина, по которой я подумал, что ее походка выглядит странно. Я боялся, что ублюдок домогался ее, но Сара была намного храбрее, чем я думал.

В конце концов, я набрался смелости задать ей вопрос, который мучил меня с тех пор, как мне позвонила Рейчел. Я спросил, была ли она беременна. Ее ответ заставил меня чувствовать себя ни лучше, ни хуже. Она сказала, что не знает. Прошло всего три недели с момента ее последней менструации, так что еще слишком рано, чтобы строить догадки. Я не был уверен, что это точно. Хотя прошло три года с тех пор, как я смотрел телевизор — да, даже в мотелях я этого не делал, я хотел остаться в режиме Джейкоба — мне казалось, я помнил рекламные ролики, в которых говорилось о домашних тестах на беременность, которые могли определить результаты раньше. Она крепко спала, и я думал о том, чтобы поехать в магазин и купить его. Но я не был уверен, что готов узнать.

Мы так много говорили, но я так и не спросил ее, что будет утром. Как только Сара съела фаст-фуд, она начала зевать, и я решил, что это может подождать. Очевидно, будущее было таким, что никто из нас не готов принять решение. Однако мы проделали работу над прошлым. Возможно, это из-за того, что оно было относительно коротким, но мы закрыли почти все вопросы, и я сделал все возможное, чтобы объяснить, что стояло за каждым решением. Время запретов на ее вопросы закончилось. Чтобы в будущем был шанс, ей нужно все понять. Изменения в динамике были еще более тревожными. Мужчина из «Света» хотел взять все под свой контроль и сказать ей, что делать. Мужчина, которым я когда-то был и надеялся стать снова, ценил партнерство, а не покорность.

Сара была не единственной, кто ощущал себя, как два разных человека. Мои две ипостаси просто разрывали меня.

Я не хотел просить ее вернуться в "Свет". Это слишком опасно. Опять же, мысль о том, что я больше никогда не увижу ее снова, создавала пустоту. Была причина, по которой

агенты оставались одинокими. Она лежала в постели в одних трусиках и лифчике. Нет, дело не в том, что я ждал от Сары. Просто я чертовски сильно ненавидел иметь Ахиллесову пяту.

Она делала меня уязвимым. Только по этой причине я должен отказаться от просьбы и сообщить специальному агенту Адлеру, что она сказала «нет». Затем я должен поцеловать ее на прощание и позволить ей уйти в программу защиты свидетелей. Она была бы в блаженном неведении о последствиях, но я был бы уверен в ее безопасности.

Я сидел за столом, моя голова покоилась на руках. Закрыв глаза, я пытался успокоить себя тем, что три года не прошли зря. Одни мои свидетельские показания могли надолго упрятать Отца Габриэля, три Комиссии и три Собрания. Они все что-то знали. Не то, чтобы каждый знал степень проступков. Черт, я до сих пор не знал всего о фармацевтической схеме. Но как только это закончится, дешифровка деталей и определение степени участия каждого человека не будет касаться меня. Это будет решать ФБР, а затем суд.

Идея упрятать всех деятелей за решетку заставила меня задуматься о женах и других последователях. Пока в желудке буйствовал фаст-фуд, я размышлял, что у Отца Габриэля наверняка был план спасения, и если начало операции не будет согласовано, и все рейды будут происходить в разное время, то он воспользуется им. Из всего его плана мне было известно только то, что он улетит в неизвестном направлении. Меня беспокоила судьба тех, кого он оставит. Каждый день, когда я становился ближе и ближе к таким людям, как Рейчел и Бенджамин, я все больше опасался за их безопасность. Мне никогда не рассказывали о плане массового самоубийства, но я боялся, что он мог существовать.

Рука Сары опустилась мне на плечо. Я даже не слышал, как она встала.

— Почему ты не спишь? — спросила она.

Я накрыл ее руку своей.

— Журналистка, да?

Она встала передо мной, завернувшись в одеяло, которое нашла на верхней полке в шкафу. Хотя свет был погашен, благодаря ночнику из ванной, я заметил, как она прикрылась.

— Да, — ответила она, застенчиво добавив. — Я хорошо задаю вопросы.

— Слишком хорошо.

— Так почему ты не спишь? Именно ты сказал мне, что у нас был долгий день.

Я сделал глубокий вдох.

— Я думаю о завтрашнем дне.

— Расскажи мне.

— Я не могу.

Ее голос стал громче.

— Я думала, ты сказал, что больше никаких секретов.

— Я не могу сказать тебе, потому что это не зависит от меня. И даже, если бы зависело, я не могу решить, что бы я выбрал.

Она присела на край кровати.

— Ты сказал, что завтра я должна принять решение? Тогда дай мне варианты.

Я откинулся на спинку стула и провел руками по лицу. Моя щетина стала длиннее и мягче.

— Номер один. Мы говорим друг другу "прощай", и тебя забирают в безопасное место. Кстати, я склоняюсь к этому варианту. — Я не знал, как далеко в таком случае я отхожу от плана, но ее безопасность важнее.

Она кивнула.

— Ты хочешь сказать "прощай"?

— Нет, Сара, я хочу, чтобы ты была в безопасности.

— И вариант номер два? — спросила она.

— Номер два — мы возвращаемся в "Северное Сияние" к нашей жизни в колонии.

— Второй вариант означает, что ты вернешься к заданию и продолжишь работать над тем, чтобы свергнуть Отца Габриэля?

Я кивнул.

— Что случится с Отцом Габриэлем, если я выберу первый вариант?

— Ну, прямо сейчас он в "Восточном Сиянии".

— В том огромном особняке в Блумфилд-Хиллс?

— Иисусе, ты и об этом знаешь? Только не говори, что тебя туда привез Ричардс.

— Нет! Он даже не знал, что мне об этом известно. — Она пожалала плечами. — Предполагаю, он не знал, что мне известно об этом доме. Я помню, как он был со мной, когда я искала его на Google картах, но, как я поняла, это связано со следом собственности. Я поняла, что Отец Габриэль был Габриэлем Кларком, сыном Марселя Кларксона.

Я с изумлением уставился на нее, когда она сказала точную информацию. Без сомнения, "Свет" взял ее, прежде чем она смогла их разоблачить. Точнее, Ричардс передал ее, прежде чем она смогла разоблачить "Свет". Когда она закончила говорить, она спросила: — Так что же с Отцом Габриэлем?

— Если ты выберешь первый вариант, ФБР начнет действовать так быстро, как это возможно. Им нужно скоординироваться. Если никто из нас не вернется в "Северное Сияние", то у тех, кто нас контролирует, несомненно, возникнут подозрения. Я не знаю подробностей. Я еще многому учусь, но подозреваю, что у Комиссии в каждой общине есть план на случай обнаружения.

— Что за план?

— Как я уже сказал, я не знаю.

Сара встала и шагнула вперед, одеяло соскользнуло с ее плеча, обнажая атласную лямку белого бюстгальтера.

— План такой же, как «Kool-Aid» Джонса? *(прим.: «Kool Aid» Джонса — исторический инцидент, случившийся в 1978 году, когда 918 (среди них было 300 детей) последователей культа (секты) Храм Народа совершили массовое самоубийство, отравившись цианидом калия. Джеймс (Джим) Джонс — лидер этой секты, он же был ответственным и инициировал этот акт массовой трагедии).*

— Это не твоя забота. Тебя не просили ни о чем подобном.

— А что насчет всех последователей? Как же наши друзья, женщины, которых не спросили, хотят ли они быть там? Что насчет детей?

Я покачал головой.

— Всё не так просто. Я не могу выбирать. Надеюсь, рейды пройдут до того, как комиссия заметит что-то неладное. Я имею в виду, что все они должны быть точно рассчитаны по времени.

— Но ты сказал, что не знаешь всего. Почему ты не можешь вернуться без меня?

— Потому, что я не смогу объяснить твое отсутствие. Если я появлюсь без тебя, они начнут тебя искать. Вот почему ты не можешь вернуться к своей прежней жизни. Ты должна войти в программу защиты свидетелей.

— Что? Подожди! Так вот, что ты имел в виду под безопасностью? Никогда! Никоим, мать твою, образом!

Я сдал переносицу, борясь с желанием привлечь внимание к ее тону и вульгарным выражениям.

— Прошу прощения?

— Я сказала "нет".

Я встал, возвышаясь над ее миниатюрной фигурой.

— Я не могу рисковать твоей безопасностью. Кроме того, если ты... — Я указал на ее живот.

— Тогда ты собираешься отправить меня подальше, чтобы получить новую личность, а может сразу две? И ты больше никогда не увидишь меня или нашего ребенка?

— Что за черт? Десять часов назад ты пыталась позвонить Ричардсу. Хотела позволить ему растить моего ребенка?

Она скрестила руки на груди.

— Десять часов назад я думала, что ты был повернутым фанатиком "Света", который напал на меня и похитил. И с такой характеристикой, черт возьми, да, я хотела уйти от тебя.

— Фанатик "Света"? — спросил я с намеком на веселье.

Она усмехнулась.

— Кроме того, я не беременна.

— Что? Я думал, ты сказала, что еще слишком рано?

— В смысле, я не знаю. Поэтому мы не должны отталкиваться от предположений. Поговори со мной о том, что нам известно. — Прежде чем я смог ответить, она продолжила: — Позволь мне начать. Если я не вернусь с тобой, ФБР проведет рейды во всех трех кампусах... сегодня? Отец Габриэль находится в гигантском особняке, который, вероятно, является одним из худших мест для того, чтобы его поймать. И если рейды не скоординировать, то есть шанс массового самоубийства?

Я пожал плечами.

— У нас нет подтверждения о самоубийстве.

— Если я вернусь, мы продолжим жить, как жили. Продолжим собирать доказательства, чтобы уничтожить Отца Габриэля, иначе известного как Гаррисона Кларксона, и "Свет". И мы дадим ФБР больше времени для координации рейдов.

— Нет.

— Нет?

— Не "мы". Только я. ФБР не может просить гражданское лицо проводить расследование.

Она улыбнулась.

В этот момент я смотрел не на Сару, а на Стеллу. Хотя ее скулу покрывал синяк, прекрасная женщина передо мной выражала уверенность. Сексуально улыбнувшись, она полностью сбросила с себя одеяло и подошла ближе. Толкая меня на кресло, она развела мои колени, встала передо мной и наклонилась ближе, пока наши носы почти не соприкоснулись. Ее грудь выглядывала из лифчика. Она томно прошептала: — Я не думаю, что ФБР меня об этом попросит. — Ее палец скользнул по моему подбородку, обжигая кожу прикосновением. — Думаю, это я говорю, что хочу это сделать. — Продолжая наступление, она нежно коснулась воротника моей рубашки. — Я добровольно желаю продолжить миссию. — Положив свои миниатюрные руки мне на плечи, Сара приблизилась губами к

моим. — Скажи мне, Джейкоби, ты действительно хочешь вывести меня из игры?
Меня обвели вокруг пальца!

Глава 13

Стелла/Сара

Джейкоби не ответил на вопрос, но по выражению его лица я знала, что выиграла эту битву желаний. Этой силой я научилась владеть несколько месяцев назад. Несмотря на его доминирование, были времена, когда я контролировала ситуацию. Теперь я хотела использовать эту силу, чтобы помочь ему в его миссии. Я рассказала ему то, что знала о "Свете". Теперь я хотела знать все, что знал он — было еще так много вопросов. Тем не менее, я была уверена, что вместе мы сможем это сделать. Мы могли уничтожить мир Габриэля Кларксона, и я молилась, чтобы мы смогли это сделать без массовой трагедии или любого другого плана, который имел бы катастрофические последствия.

Я знала, что мы с Джейкобом могли помочь друг другу. Но было кое-что, в чем я нуждалась больше.

— Я хочу позвонить родителям и сказать, что я жива.

Джейкоб вздохнул.

— Если ты выберешь защиту свидетелей, они помогут тебе в этом.

Я встала и натянула одеяло.

— Я не хочу защиты свидетелей. Но я не могу не сказать им или... — я не знала, как отреагирует Джейкоб, — Дилану.

Его взгляд стал мрачнее.

— Это зависит не от меня.

— Не от тебя? Ты прав. Это зависит от меня. Мне нужно позвонить. Мои родители думают, что я мертва. Мама могла позвонить Дине Роузмонт, маме моей подруги Минди, и тогда у них была бы надежда.

Джейкоб покачал головой.

— Понятия не имею, о ком ты говоришь, но именно поэтому защита свидетелей лучший вариант.

— Сколько нам придется пробыть в «Свете»? Дней? Недель? Месяцев?

— Как можно меньше. Всего лишь на срок, достаточный для того, чтобы ФБР могли организовать рейды. Лучший из возможных сценариев — организовать рейды одновременно во всех трех общинах.

Я сжала губы.

— Мне это не нравится — что я не могу позвонить родителям — но я понимаю.

Понимала. Несмотря на то, что Джейкоб лгал в прошлом, когда мы поговорили, я поняла и его мотивы, и причины, из-за которых не могла позвонить. Я даже верила в то, что он защищает меня, и что наш коллективный успех зависит от успеха каждого из нас.

Когда я коснулась губами его губ, его темные глаза подозрительно открылись шире.

Я примерила самое невинное выражение лица Сары.

— Что? — Я села на кровать и посмотрела на него. — Ты можешь рассказать мне побольше о «Свете»?

— Как и говорил, я расскажу тебе все, что захочешь.

— Как много женщин, жен попали в "Свет" так же, как и я?

Он пожал плечами.

— Я был там всего три года, но как пилот, я вижу больше, чем остальные. Женщины

ведь каким-то образом должны добраться до "Северного Сияния" или "Западного Сияния".

Мой желудок скрутило, когда я зашмыгала носом и опустила подбородок.

— О, Боже. — Мои слова больше походили на плач. — Т-ты их перевозил... их-нас?

— Мика и я. — Он прикоснулся к моей руке. — Сара, вспомни почему. Помни о цели. Я должен был завоевать доверие Отца Габриэля. Ни у одного последователя не получалось стать членом Собрания за столь короткий срок, как это получилось у меня. Это потому, что, ну, — он вздохнул. — Я убедил их, что у меня посттравматический синдром. Я убедил их, что меня впечатляет доктрина "Света", и я преуспел в том, чтобы следовать и отдавать приказы.

Я прищурилась.

— Но ты знал, что делаешь. — Внезапно мне стало холодно, я отпустила руки и плотнее укуталась одеялом. — Это торговля людьми.

Он кивнул.

Никакого отрицания или хотя бы сожаления.

Покачав головой, я встала.

— Я старалась разобраться, что является настоящими воспоминаниями, а что нет. Но одна вещь, которую я чётко помню, не только из того, что я прожила, но и из того, что, как я считаю, помню из моих исследований «Света»... — Я подошла к кровати, включила лампу и повернулась к Джейкобу. Затем я протянула руку ладонью вверх... — вот. Я искала что-то, чтобы связать все вместе. — Я потёрла кончики пальцев большим пальцем. — Женщины, которых мне показывали в морге округа Уэйн. Единственная ниточка, что связывала их, — сожженные кончики пальцев. На самом деле, с подобными увечьями было и несколько мужчин.

Джейкоб показал свои ладони. Я знаю, что его были такими же, как и мои. Вот почему, когда мои глаза были покрыты повязкой, я думала, что его руки в мозолях. Это не так. Не совсем. Это были шероховатости от обожженных кислотой пальцев.

— То, о чем ты спрашиваешь?

— Те люди, мертвые люди, были теми, кого изгнали?

Он кивнул.

— Некоторые из них. "Восточное Сияние" — пропускной пункт, место собрания посетителей. Есть также информационные центры, которые разбросаны по всей стране. На Собрании в "Восточном Сиянии" испытывают и принимают последователей. Они решают, кто может, а кто не может присоединиться. Верить или нет, но людям отказывают.

Я покачала головой.

— Неужели так много желающих?

Джейкоб кивнул.

— Вот почему, когда я проник в "Свет", мне пришлось выделиться как хорошему вербовщику. ФБР выбрало меня для задания, основываясь не только на успехе в других секретных миссиях, но и на моей истории и отсутствии у меня семейных обязательств.

Я снова опустилась на кровать.

О мой Бог! Я никогда не думала, что он может быть женат на другой. Очевидно, мое лицо выдало мои мысли.

— Ты не спрашивала, — сказал он, — но я хочу, чтобы ты знала. Я не женат, как Джейкоби МакАлистер. И никогда не был.

Я смогла только кивнуть.

— Меня также выбрали для задания, — продолжал он, — из-за моего реального военного опыта. Я хорошо справился с переходом от военных к правоохранительным органам. Но я знаю других, у меня есть друзья, или друзья друзей — те, кто не справились. Я изучил, через что они прошли. И, как я уже сказал, я смог стать ветераном с посттравматическим синдромом. Как пилот Отца Габриэля, я получил больше доступа к нему, чем другие. Я не пользовался этим — на первый взгляд. Я никогда не задавал вопросов...

Мои брови поднялись.

Он улыбнулся.

— Да, на всякий случай, если ты не знаешь — в "Свете" не любят вопросы.

— Серьезно? — я сказала это своим лучшим саркастическим тоном.

На этот раз его брови взметнулись вверх.

— Поэтому твой муж хитрожопый засранец.

— Как я и говорила.

Он продолжил:

— Я делал то, что мне говорили Отец Габриэль, мой наставник, члены Комиссии, все. В конце концов, Отец Габриэль начал задавать вопросы о моем прошлом. Постепенно я поведал историю, которую рассказал в «Восточном Сиянии», и это сработало. Со временем мне поручали все больше обязанностей. Каждый шаг в иерархии «Света» был проверкой. Сначала я летал только с Микой, а затем мы вместе перевозили Отца Габриэля из общины в общину. Затем мне доверили полеты в одиночестве, чтобы забирать припасы, и я часто прилетал сюда в Фэрбенкс. В первый раз, когда мне сказали о транспортировке новых членов общины, я ожидал, что это будет похоже на то, как меня переправляли в "Северное Сияние". Я был среди семи мужчин, все из которых по собственной воле присоединились к "Свету". Первоначально в нашей группе было больше людей. Однако только семь отправились в "Северное Сияние". Нам сказали, что некоторые не соответствуют требованиям "Света" и были изгнаны. Этот термин всегда подразумевал окончательное наказание. Нам также сказали, что кто-то отправился в другую общину. Последователи не знают, сколько кампусов существует, кроме того, что "Восточное Сияние" является пунктом входа. И, конечно же, они знают о кампусе, куда направлены. Большинство людей, которые приходят добровольно, — мужчины или пары. Редко по своему желанию присоединяются женщины. Но бывают и такие.

— Элизабет, — сказала я.

Джейкоб кивнул.

— Люк сказал мне. Но она присоединилась раньше меня, так что я не знал об этом.

Я опустила взгляд.

— Что? — спросил он.

— Думаю, я знаю больше, о ее сестре-близнеце, но я бы предпочла услышать то, что ты расскажешь. Пожалуйста, продолжай.

Он сделал глубокий вдох.

— Деятельность в общинах отличается. Мужчины нужны для физического труда. Женщины для выполнения других задач, но в первую очередь для того, чтобы мужчины были довольны.

Я стиснула зубы.

Джейкоб покачал головой.

— Я не говорю, что согласен с этой философией. Я честно говорю, что это установка Комиссии. "Свет" нуждается в мужчинах. В «Северном Сиянии» они необходимы для производства лекарств, для загрузки товаров, для работы на электростанции, я мог бы продолжать и продолжать — строить здания, внешние стены и заборы. — Его глаза широко раскрылись. — Это тяжелая работа. Женщины тоже привлечены к этому, но также они выполняют женскую работу — присмотр за детьми в яслях, прачечная, кухня. В основном они там, чтобы обеспечить мужчин всем необходимым.

— Это чертов сексизм!

Он приподнял бровь.

— Ты журналист по расследованиям, и ты только что это поняла?

Я сжала губы.

— Нет, я поняла это, как Сара. Единственное, что я не могу понять, как я с этим мирилась. — Я покачала головой. — Потому что несмотря на то, насколько я ненавижу это сейчас, две недели назад все было иначе.

— Это потому, что мы все работали с тобой. Предполагалось, что рано или поздно мы вернёмся, сколько бы дней или недель нам не потребовалось для завершения, и ожидалось, что в своё время ты будешь помогать другим. Это необходимо. Отказ — не вариант, не без наказания и возможного изгнания. Сообщество работает, чтобы принимать новых членов, независимо от того, как они оказались в общине. Совместная работа необходима для того, чтобы все это работало. В некотором смысле ты уже это сделала. Женщины, с которыми ты встречаешься, ты заставляешь их принимать путь «Света» и слово Отца Габриэля.

Я не хотела думать об этом — о том, как я помогала.

— Расскажи о женщинах в морге.

Плечи Джейкоба поднялись и опустились.

— Я очень долго не был в "Восточном Сиянии". Я быстро развивался, и "Северное Сияние" остро нуждалось в пилоте.

— Остро?

— Я не знаю. Действительно не знаю, — успокоил он меня. — Полагаю, того, кто был до меня, изгнали, но мне об этом не говорили. Единственные люди, которые знают об этом — Комиссия, но я не могу их допрашивать.

— Ты спрашивал кого-нибудь в Собрании? Похоже, ты в хороших отношениях с Бенджамином и Люком.

— Мы близки, но не на столько. Я не могу позволить моей цели влиять на поведение Джейкоба. Если бы знал... если бы я стал слишком любознательным, люди стали бы подозрительными.

— Мертвые женщины? — спросила я снова.

— Как я и сказал, "Свет" нуждается в женщинах, не только для секса, но и для работы, для которой мужчины слишком заняты. Это обязанность «Восточного Сияния» определить, смогут ли женщины, которых выбрали или которые добровольно вызвались, справиться. Как только они попадают в "Свет", если по определению они не подходят в последователи, от них избавляются.

— Это случается только в "Восточном Сиянии"?

— Нет, но преимущественно там. Однако у каждого нового верующего есть испытательный срок.

— Ты избавлялся от тел в "Северном Сиянии"?

— Лично я? Нет.

— Но такое случается?

Он кивнул.

— В тот первый раз, когда тебя попросили перевезти последователей, они стали ими не по собственному желанию?

— Да.

— Женщины?

— Да. Их было пятеро.

Я всерьез задумалась, что меня может стошнить...

— Что случилось, когда они добрались до "Северного Сияния"?

— Ты знаешь, что случилось. Ты прошла через это.

— Я задаю вопросы с тех пор, как у меня появились воспоминания. Похоже, у большинства женщин схожие истории.

— Схожие и в то же время разные, — признался он. — Сходство — это травмы. Многим... их причиняют в "Восточном Сиянии". Это часть процесса, чтобы понять, насколько хорошо они адаптируются. Главная составляющая — отсутствие зрения. Было установлено, что потеря зрения является существенным психологическим фактором в том, чтобы новая последовательница стала зависимой от мужа.

Слеза скользнула по моей щеке, когда я встала.

— Ну, — сказала я, сдвигаясь к краю кровати. — Думаю, я должна поздравить того, кто составил этот план. Он работает.

Джейкоб приблизился сзади и обнял меня за талию. Нас окутало запахом мускуса и кожи, я положила голову ему на грудь.

— Я всегда буду просить прощения, но я знаю, что этого никогда не будет достаточно.

Я развернулась в его теплых объятиях. Устойчивый ритм его сердца успокаивал меня, как и в течение последних девяти месяцев. Прижавшись щекой к его мягкой рубашке, я спросила:

— Неужели это будет моим решением, если я вернусь?

— Да.

— Я почти готова сказать "да". Я имею в виду, я хочу помочь. Я хочу, чтобы Отец Габриэль получил по заслугам...

— Но теперь? — Его грудь вибрировала от слов.

Я покачала головой, когда хлынул поток слез.

— Это неправильно, всё неправильно. Я не уверена, что смогу наблюдать, как страдают другие женщины, и помогать поддерживать их состояние. Тот факт, что я уже делала это, вызывает у меня отвращение.

— Рейчел и Дебора очень хороши в этом.

Я кивнула, чувство предательства разрывало меня глубоко внутри.

— Я думала, что Рейчел была моей подругой.

Джейкоб схватил меня за плечи и держал на расстоянии вытянутой руки. Пристально глядя в мои опухшие глаза, он сказал:

— Она ей и осталась. Не сомневайся. Она та самая причина, по которой я тебя нашел. Она рисковала быть наказанной, чтобы спасти тебя.

— Чтобы вернуть меня назад. Не уверена, что это значит спасение.

Он прищурился.

— Слушай меня. — Его ровный тон был резок. — Рейчел не знала, что за человек был этот Томас. Но забирая тебя от него, она спасла тебя. О чём она беспокоится больше всего, так это, что было бы, если бы Свет тебя нашёл. Она рисковала собственным благополучием, чтобы спасти твою жизнь. Ее ложь была не более коварной, чем моя. Она не под прикрытием, но она верит. Как и многие другие, она искренне верит, что то, что она делает — для большего блага. Она только хотела, чтобы у тебя все получилось.

Мой подбородок опустился мне на грудь.

— Это сложно. — Я посмотрела назад. Тогда хватка ослабла, и его руки снова окружили меня. Я прижалась к его груди. — У меня еще столько вопросов.

Он положил меня на кровать.

— Нам нужно покинуть этот номер через пару часов. Так или иначе. Или мы оба уходим с ФБР, или мы оба возвращаемся в "Свет". Независимо от твоего решения, мы должны попытаться отдохнуть.

Я легла на спину, одеяло все еще было обернуто вокруг меня, и Джейкоб укрыл меня покрывалом с кровати. Как только устроилась на подушке, я спросила:

— А что если бы меня отдали кому-то вроде Авраама?

Шея Джейкоба вытянулась и было видно, как пульсировала вена. Он ничего не сказал, только покачал головой.

— Как ты мог наблюдать за этим, зная, что женщин, которых ты перевозил, ждет подобная участь?

Он поцеловал меня в лоб.

— Я жду твоего ответа, когда ты проснешься.

Я проглотила слезы.

— Пожалуйста, лежи со мной.

— Сара?

— Пожалуйста, я знаю, что это несправедливо. Я серьезно говорила о сексе, но понятия не имею, что буду делать. — Я поежилась. — Но прямо сейчас мне нужно чтобы ты был рядом.

Джейкоб вздохнул и забрался на другую сторону кровати. Подбираясь ближе, он обернул руку вокруг моего плеча, и я крепко прижалась к его груди.

— Я мечтала, как мы вдвоем спасаем всех, — сказала я, — но этого не произойдет?

Его грудь приподнялась и прозвучал ответ.

— Нет. Скорее всего, будут жертвы.

— Но я не могу вернуться к своей жизни... или... могу? Я имею в виду к моей жизни, как Стелла?

— Нет, мне очень жаль...

Я закрыла глаза и отказалась слушать извинения. Он прав. Он мог сказать это миллион раз, и этого было бы недостаточно. Хотя он сделал все возможное для меня, были другие, много других, и их судьба в его руках. В течение трех лет он перевозил женщин в бессознательном состоянии, чтобы поработить их к жизни, которую они никогда не хотели и не воображали в своих самых смелых мечтах. Не то чтобы "Свет" был ужасной оргией. Здесь были правила о неприкосновенности брака, и все же это фарс. Эти браки не были настоящими. Если только...

Моя голова поднялась.

— Подожди. Отец Габриэль действительно священник, он рукоположен?

— Да. Должен, из-за налогов. Он — глава церкви.

— Тогда... это значит, что он освятил брак женщин... — я перескочила к своему настоящему вопросу. — Мы женаты по-настоящему?

Его объятие ослабло, он вздохнул.

— Да. В глазах церкви. Церемонии не было, и он поженил Джейкоба Адамса и Сару делая тебя Сарой Адамс. Я не Джейкоб Адамс, и ты не Сара.

Большим пальцем я прокрутила обручальное кольцо.

— Я в замешательстве. Я бы хотела все еще тебя ненавидеть.

— Ты должна.

Согласна. Я должна. Но я не могла.

— Смогу ли я когда-нибудь узнать, что реально, а что запрограммировано во мне?

— Выбери первый вариант. Есть люди, которые помогут тебе с депрограммированием. Они будут работать с тобой. Они помогут.

— Они смогут помочь другим?

— Всем чем смогут.

В номере отеля воцарилась жуткая тишина: слышен был лишь гул обогревателя возле окна. Это было нашим напоминанием о том, что время идет, «Тик-так» — говорили нам, часы идут. Кто-то другой завел их, и ни один из нас не мог их остановить.

Пока я лежала в его объятиях, сон оставался вне досягаемости. Несмотря на его ровное дыхание, я была уверена, что Джейкоб тоже не мог уснуть. Мои мысли находились в постоянном сражении. Я не знаю, была ли это битва Сары против Стеллы, или желание помочь Джейкобу и нашим друзьям спастись во время свержения тирана. Все, что я знала, это то, что я шла вдоль воображаемого забора, и каждая мысль тянула меня из стороны в сторону. Неважно, где я решу остаться: Стелла исчезнет, и боль от этой потери была парализующей.

Также был мужчина, чьи руки меня обнимали.

Я люблю его, или меня запрограммировали его любить? Смею ли я думать о Дилане?

У нас с Диланом все не было настолько серьезным, но это были самые серьезные отношениями, которые у меня были в то время, когда я была Стеллой. Слеза упала на грудь Джейкоба, когда я вспомнила предупреждения Дилана о Хайленд-Хайтс. Он потерял родителей, и теперь он потерял меня. Рябь продолжала двигаться все дальше и дальше.

После всего, что сделал Джейкоб, я решила, что не могу покинуть его, не дав ему того, о чем он просил. Вытирая слезы, я села и сказала:

— Ты не спишь?

— Нет.

— Ты спрашивал меня кое о чем. Ты просил рассказать, как я понимаю, почему ты поступил именно так. — Я взяла его руку и, переплетя наши пальцы, поцеловала его костяшки, как он неоднократно делал для меня. — Это все чертовски запутанно, но я отвечу. Я не думаю, что могла бы просить лучшего мужа. Я имею в виду, если это была судьба, предопределенная мне, то я не жалею о том, что была предназначена тебе, Джейкоби. Я верю, что ты сделал все настолько хорошо, как только мог.

Джейкоб вздохнул.

— Джейкоби?

— Да, спасибо. Я знаю, что все могло быть намного хуже. — Неужели он понял, о чем я умолчала?

Его подбородок опустился.

— Господи, я буду по тебе скучать.

Я проглотила эмоции, в горле образовался комок. Защита свидетелей была лучшим вариантом. Мне нужно смириться с этим.

— ФБР... будет ли у меня возможность связаться с тобой, если я...?

Я была глупа. Какого черта я рискнула забеременеть?

— Не со мной. Они не допустят. Но так как это произошло в рамках операции, я предполагаю, есть некоторые виды финансовой...

Я села ровнее.

— Прекрати!

Его глаза широко открылись.

— Что?

— Я не прошу у тебя денег! Так значит вот, что ты подумал?

— Нет... нет... Я совсем не это имел в виду. Я просто хотел сказать, что тебе нужно быть готовой предоставить...

Я откинула одеяло и встала. Я была гребаной истеричкой. В одну минуту мне грустно, в следующую я сходила с ума. Я хотела вернуться. Я не хотела возвращаться. Я любила Джейкоба, и я скучала по нему. Я ненавидела его и больше никогда не хотела его видеть.

Держась за голову, я вышагивала вдоль кровати.

— Сара, вернись в постель.

— Нет! Я чувствую себя так, словно сейчас выпрыгну из кожи. Я не знаю, кто я, черт возьми, и что я чувствую. — В темноте комнаты Джейкоб сел у изголовья кровати, но ничего не сказал мне. Не сказал, кем я была или, что я должна чувствовать.

Часть меня хотела, чтобы он сделал это.

Та часть, которая была Сарой.

Эта часть меня была запрограммирована на то, чтобы делать именно то, что сказал мой муж, чего он хотел, даже прежде, чем он сказал об этом.

— Будь ты проклят! — крикнула я.

Его тень даже не дрогнула

— Ты меня слышишь? Ненавижу! Возможно, это не твое дело, и я, возможно, простила тебе твое участие, но это все еще ты!

— Я не...

— Я знаю, — перебила я, — ты меня не выбирал. Ты даже не хотел жену, но именно ты был тем, кто сделал все правильно. Если бы ты был Авраамом, мне было бы проще.

Его голова двигалась из стороны в сторону.

— Ты права, — грустно сказал он, — мне очень жаль, что я пытался сделать для тебя все, что мог. — Его тон стал ровным, когда он встал с кровати. — Может быть, это все, что тебе нужно, чтобы подтолкнуть тебя к принятию правильного решения. — Каждое слово выходило все менее и менее эмоциональным. Подойдя ко мне, он потянулся к ремню. — Ты всегда была умной. И это пугало меня до чертиков, но на этот раз я благодарен тебе. Ты только что дала мне ответ.

Мое дыхание ускорилося, когда я попятилась назад, а он отстегнул пряжку.

— Какого черта ты делаешь?

— То, что я, блять, поклялся больше никогда не делать.

— Нет! Не делай этого. Это не ты.

Он вытянул ремень из петель, звук эхом разнесся по комнате.

— Не переживай, Сара, думаю, скоро ты примешь решение.

Я проглотила комок, и сделала еще один шаг назад, пока моя спина не натолкнулась на умывальник в конце комнаты. Его темная фигура приближалась. В свете ночника я наблюдала, как он провел руками по ремню.

— Джейкоб, не делай этого.

В полумраке ремень, свисавший с левой руки, напоминал мне хлыст. Не нужно было напрягать воображение, чтобы увидеть его таким образом. Слева от меня была дверь в ванную комнату с душем и туалетом. Я бросилась туда, закрывая дверь, но нога Джейкоба помешала этому. Хотя я тянула изо всех сил, я не могла закрыть дверь.

— Выходи. Пора готовиться.

Глава 14

Джейкоб/Джейкоби

— Ты не можешь так поступить, — закричала Сара из ванной. Голос стал тише, стоило ей отпустить дверь и сесть на закрытую крышку унитаза.

Она ошибалась, я мог. Я не мог сделать это из-за гнева. Этому учил Отец Габриэль, но я мог это сделать, поскольку был ее мужем и имел на это право. Кроме того, ее храбрость была не более чем глупостью. Три гребаных года работы коту под хвост, потому что она хотела ребенка. Она не имела права принимать такое решение, не в "Свете". Это зависело от меня. Наказание за это было оправданным.

Открыв дверь, я прищурился и постарался говорить спокойно.

— Не заставляй меня повторять.

Взгляд её синих глаз исподлобья будет преследовать меня вечно, но я знал, что делаю. Сара не могла вернуться, как и я. Операции конец. Мне важно, чтобы она чувствовала себя правильно, покидая меня и говоря, чтобы я отправлялся в ад.

Ей не обязательно это говорить, потому что без нее и нашего ребенка, я и так окажусь в аду — как образно, так и буквально. Поскольку в течение трех лет я сражался сам с собой, я и так стоял на входе в огонь и серу. Спазм в животе подсказал, что эта дверь открывается лишь в одну сторону.

Я стоял и молча наблюдал за бурным конфликтом двух женщин внутри нее. С каждой проходящей секундой мне казалось, что я вижу обеих. Стелла медленно уступала Саре. В конце концов, это мир Сары; тем не менее, Стелла не могла уйти спокойно. Как только плечи Сары поникли — заговорила Стелла:

— Пошел ты, — пробормотала она.

Я покачал головой.

— Вульгарность никогда не была проблемой в "Северном Сиянии", но на сегодня с меня достаточно.

— Чертовски жаль! — Взгляд Стеллы пронзил мое сердце кинжалами. — Я была не права, приняв твои извинения. Ты придурок!

Я прикоснулся к ее плечу.

— Сара, встань. — Когда я поднял ее на ноги, она опустила взгляд в пол. — Скажи мне, сколько ударов полагается на нарушение?

Ее челюсти сжались, она боролась с собой. Наконец, она прошептала:

— Пять.

— А теперь скажи, сколько раз за сегодня ты использовала ругательства?

Ее тело дрожало, но когда она подняла на меня взгляд, то с вызовом выпрямила шею. Подняв подбородок, Сара говорила четко и решительно.

— Если ты, черт возьми, сделаешь это, я выдвину обвинения. Я расскажу ФБР, какой работой заняты их агенты.

Не обращая внимания на угрозу, я ухмыльнулся.

— Снимай нижнее белье.

— Пошел ты, — прошептала она, снова опуская подбородок к груди.

Я выпрямился и заговорил так, как меня учили, как я учил говорить других.

— Сквернословие и непослушание — это всего лишь два проступка. Я слышал, что ты

дважды вульгарно выразилась за последние тридцать секунд. Как всегда, тяжесть твоего наказания — на мое усмотрение. — Я схватил Сару за талию и стянул вниз трусики. Развернув ее, я расстегнул бюстгальтер и снял лямки с плеч. — Рекомендую тебе помолчать, прежде чем я определюсь с точным количеством ударов.

— Джейкоб, пожалуйста, не делай этого. — Она развернулась, ее упругая грудь прижалась к моей груди, когда она посмотрела на меня своими великолепными голубыми глазами. Цвет радужной оболочки был светлым, как и кожа. Я заметил, что ее щеки начали покрываться красными пятнами. Когда я прищурился, она послушно развернулась ко мне спиной. Тем не менее, ее взгляд не отпускал меня, теперь она смотрела на меня через отражение в зеркале. Сара схватилась за край умывальника и спросила:

— Пожалуйста... почему?

Я провел рукой по всей длине ремня, не позволяя себе почувствовать отчаяние, сочащееся из каждой ее поры.

— Достаточно вопросов.

Ее губы сжались в прямую линию. Ей не нужен был рот, чтобы высказать свои мысли. Я видел, как мольбы и оскорбления вылетали из ее глаз.

— Ты знаешь, что делать.

— Я тебя ненавижу, — прошептала она.

Я стоял неподвижно, не меняя позы. Поскольку я заставил Сару ждать, ее слова дали мне силы продолжать. С каждой секундой ее утверждение омрачало оставшиеся разбитые куски моего сердца. Если ненависть ко мне ее спасет, я это сделаю. Все, что она сказала, было правдой. Несмотря на то, что я не хотел жену, я ее взял. Я сделал это с ней. Я держал ее за руку, пока она жила в аду. Я не мог забрать ее туда, не снова.

Когда я хлопнул ремнем по руке, звук эхом разнесся по комнате. Задыхаясь, Сара раздвинула ноги и наклонилась. Как только ее щека коснулась умывальника, она прошептала:

— Я действительно это делаю.

Светлые волосы упали на ее усыпанные пятнами щеки, тело задрожало от рыданий.

За девять долгих месяцев она пробудила во мне нечто, что было мертвым уже более десяти лет. Я подозревал, на что она способна, когда впервые ее увидел, когда Брат Уриэль показал ее мне. Теперь пришло время это отключить. Это отличалось от пребывания в «Свете». Возвращаться небезопасно. Сару дали мне для защиты. Это не зависело от нее. Это мое решение. Теперь, когда у нее есть реальный шанс быть свободной, я не хотел лишать ее этого.

Сара прикусила губу и, наконец, закрыла глаза. По тому, как напряглись ее мышцы, я понял, что она готова. Начать и закончить. Ожидание было не более чем частью психологической игры, и Отец Габриэль позаботился о том, чтобы каждый мужчина-последователь знал, как играть.

Причина, по которой она находилась в этом положении, склонившись над умывальником, была моей ошибкой и учением Отца Габриэля. Сару слишком хорошо вымуштровали. Если бы не это, Стелла боролась бы и дальше. ФБР поможет — поможет Стелле — перепрограммировать ее. Это к лучшему, независимо от того, носила она моего ребенка или нет. Нет ничего правильного в том, чтобы вернуться в "Свет".

Я прикусил щеку, не позволяя себе улыбнуться на ее последнее заявление. Она сказала, что ненавидит меня. Этого я и хотел. Поднимая ремень, я сказал:

— Хорошо, я рад это слышать. Теперь я дам тебе повод не забывать об этом. — Я продолжил экзекуцию.

— Скажи, Сара. — Я склонился над ее прекрасным телом. — Скажи, что помогает тебе не забывать.

Она вызывающе сжала губы.

Я медленно провел грубой нижней частью ремня по ее ягодицам, наблюдая, как ее мышцы вздрагивают, словно кожа была в огне. Несмотря на это, она крепко держалась за край умывальника.

— Я жду, — прошептал я.

— Катись к черту.

Я отступил и поднял ремень, его вес увеличивался экспоненциально с каждой миллисекундой.

— Сара.

Ее глаза распахнулись при звуке ее имени. Увидев мою позицию в зеркале, она ответила, ее слова были пропитаны горечью:

— Следы.

— Что они делают?

— Они помогают мне не забыть.

Я подошел ближе и еще раз потер ее ягодицы ремнем.

— Не забывай, что считать — твоя работа.

Она кивнула, не отпуская зубами губу. Я отступил назад. Ремень прорезал неподвижный воздух, создавая свистящий звук; однако отметина так и не появилась. Я отступил. Лязг пряжки, когда та ударилась о линолеум, отскочил от стен.

Сара открыла глаза с вопросом — что произошло, — по-прежнему оставаясь в той же позиции, как я ее учил.

Я подобрал с пола лифчик и трусики. Все это время ее испуганные глаза в зеркале следили за каждым моим шагом. Положив их рядом на раковину, я сказал:

— Одевайся, Стелла. Я звоню куратору. Все кончено. ФБР тебе поможет.

Ее спина расслабилась, когда она выдохнула с облегчением, ее грудь прижалась к мраморной столешнице.

Я ожидал услышать ругательство. Вместо этого она медленно выпрямилась и встала. Все еще в зеркало, я нашел в ее взгляде ядовитое презрение, которое искал. Собрав нижнее белье, джинсы и свитер, она вошла в ванную комнату с туалетом и душем. Щелчок замка разрушил все, что осталось в моем сердце.

Опустившись на кровать, я провел руками по лицу.

Черт!

Это не то, что я хотел сделать.

Держать ее в объятиях и объяснять, что все будет в порядке. Что она не рискует жизнью. Я сказал, что это ее решение, и так оно и было. Ее сопротивление было понятно. И тогда, когда она использовала мое настоящее имя, когда приняла мои извинения, я знал, что она склоняется к программе защиты свидетелей. Я также знал, что если из-за меня она вернется в "Свет", и что-то пойдет не так, я никогда себе этого не прощу. Хотя она, возможно, и не говорила о своем решении словами, я видел это в ее тоне и действиях. Я знал ее достаточно хорошо, чтобы услышать это громко и ясно.

Я слышал шум воды в душе сквозь тонкие стены. Потянувшись за курткой, вытащил из

кармана два телефона. Тот, который я обычно использовал в "Свете", моргнул. Я посмотрел на экран, и мое сердце сжалось. Хотя в Фэрбенксе было около четырех утра, в Детройте время приближалось к восьми. Это означало, что вскоре будет проводиться заседание Комиссии и Собрания.

Я получил голосовое сообщение от Отца Габриэля.

С опаской нажал последовательность кнопок, и включилось воспроизведение.

— Брат Джейкоб...

Я снова прослушал сообщение, надеясь, что мне показалось. В конце концов, я почти не спал последние сутки. Возможно, это всего лишь мираж.

Могут ли миражи быть как слуховыми, так и зрительными?

Запустив пальцы в волосы, я включил одноразовый телефон. Специальный агент Адлер ответил сразу. Я отвернулся от ванной и понизил голос.

— Она много знает, не все, но возвращаться не собирается.

— Тогда на этом все. Оставайтесь на месте, мы пришлем самолет. Мы переправим вас обоих в офис в Анкоридже.

Я проглотил желчь.

— Да, сэр. Мы будем ждать звонка.

— МакАлистер, ты сделал все возможное. Возвращение без нее может не сработать. Черт, возвращаться с ней слишком рискованно.

— Да, сэр. Я знаю, это не от меня зависит, но мне нужно сказать вам: поторопитесь.

— Ты знаешь, что у нас нет возможности собрать нужное количество людей к "Северному Сиянию", по крайней мере, в течение трех часов. Даже тогда может потребоваться большинство наших агентов из Аляски. Еще пару дней позволили бы нам подготовиться лучше.

Я сжал волосы в кулак и потянул их изо всей силы.

— Сэр, я проснулся от сообщения Отца Габриэля.

— И что?

— Как я уже сказал, он сейчас в Детройте, в "Восточном Сиянии".

— Да, и... — Мой куратор начал проявлять нетерпение.

— Он велел мне отвезти припасы обратно в "Северное Сияние" и сегодня вечером вылетать в "Восточное Сияние".

— Сегодня вечером?

— Да, сэр. Это примерно четыре с половиной часа полета, но с разницей во времени, если я вылечу из "Северного Сияния" в девять вечера, я прибуду в "Восточное Сияние" в шесть утра, по Детройтскому времени.

— Это необычный запрос?

— Отчасти, — сказал я, не находя слов, чтобы это объяснить.

— Агент, я жду.

— Несколько недель назад я подал прошение в комиссию с просьбой разрешить мне брать с собой Сару в полет. Они не приняли решения. Вот почему, если я скажу им, что взял ее, это будет наказуемое преступление.

— Да, ты упоминал об этом вчера во время нашего обсуждения.

— Сэр, — сказал я, — Отец Габриэль в своем сообщении сказал, что моя просьба удовлетворена. Мне сказали привезти Сару.

— О, Господи! Что это значит?

Я резко обернулся на голос Сары. Ее волосы были мокрыми, а лицо совпадало по цвету с оттенком кончиков пальцев.

— Агент, пора это прекратить, — сказал специальный агент Адлер.

Я кивнул, облегчение разлилось по моему телу.

— Что? — Сара подошла к кровати и села рядом со мной. — Что это значит? Отец Габриэль знает, что я сделала? Что я сбежала?

— Да, сэр, — сказал я в трубку, поворачиваясь к Саре и пожимая плечами.

— Ты не можешь просто пожать плечами. Если я вернусь, это даст вам больше времени?

— Агент, — специальный агент Адлер сказал в мое ухо, — полагаю, я слышу мисс Монтгомери?

Нет, это Сара Адамс.

Это то, что я хотел сказать, но, в отличие от Стеллы, у меня была способность прикусить язык.

— Да, сэр. Я не знал, что она слушает. — Я прищурился, но вместо скромного ответа Сары Стелла улыбнулась, склонив голову набок, и сказала мне, что это не так.

— Дайте ей телефон.

— Сэр?

— Я знаю, что ты живешь в средневековье, когда дело касается мужчин, но дай ей чертов телефон. Я хочу услышать ответ от нее.

Сжав зубы, я накрыл трубку ладонью и повернулся к Саре.

— Это мой куратор. Можешь называть его специальным агентом. Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Я уже сказал ему твой ответ. Все кончено. Ты пойдешь под защиту свидетелей.

Она потянулась к телефону.

— Сара, — сказал я, как обычно предупреждая.

Она подняла брови.

— Не надо...

Она вытащила у меня телефон, и шепотом произнесла: — Расстраивать тебя? О, я только об этом и мечтаю. — Приложив телефон к уху, Сара сказала, — Здравствуйте, специальный агент, это Сара... Простите, Стелла Монтгомери.

Улыбка скользнула по ее губам, когда она встала и отошла подальше.

— Спасибо... Я в порядке. — Она посмотрела в мою сторону. — Я хотела бы сказать, что это первый раз, когда меня ударили, но не могу.

Твою мать!

— Да, он мне рассказывал... — Она продолжала, — Да, я понимаю... Сэр, позвольте спросить, если я передумаю... — Она снова посмотрела на меня. — Если я передумаю, это даст бюро больше времени, чтобы организовать рейды, которые помогут избежать человеческих жертв? Это — то, что сказал Джейкоб/Джейкоби, сэр... Я... Еще одна просьба, если позволите... Если со мной что-то случится до того, как мы выйдем из "Света", может ФБР связаться с моими родителями и родителями Минди Роузмонт? Да, сэр, она здесь... Да, я ее видела... И детектив из Детройта, Дилан Ричардс.

Она пожала плечами, обхватив рукой живот.

— Мы встречались. Он говорил, что я должна присоединиться к департаменту полиции Детройта. Может, он поймет, что произошло, если узнает, что я работаю с ФБР... Я

понимаю. — Она кивнула. — Ничего пока... Да сэр. Надеюсь, вы тоже не хотите... Да, я верну ему телефон. Спасибо, я считаю, что это большая честь... До свидания.

Она вернула мне телефон.

— Держи, ему нужно обсудить с тобой детали. Мы возвращаемся.

Что, черт возьми, только что произошло?

— Сэр? — спросил я.

— Если бы это не было так чертовски серьезно и опасно, я бы хотел услышать, как тебе удалось держать эту женщину покорной в "Свете". Она кажется очень волевой.

— Вы и понятия не имеете насколько!

Глава 15

Стелла/Сара

Сцены нормальной жизни проносились за окнами взятого напрокат грузовика Джейкоба. Хотя было еще рано, не было и пяти утра, но далеко на севере сияло солнце, освещая пустые улицы и давая мне представление о том, какой может быть жизнь. Вздохнув, я откусила еще один кусочек батончика, который Джейкоб купил в супермаркете. Если бы не бутылка с водой, я не была уверена, что смогу его проглотить. Я вспомнила, как Бернард сказал, что я на завтрак ем Картон. Никогда не задумывалась над этим, до этого момента.

Боковым зрением я наблюдала, как Джейкоб доел сэндвич, и подумала, как странно, что даже мои вкусы сейчас отличались от тех, что были у Стеллы. Он предложил мне купить что-нибудь из фастфуда на завтрак, но после того, что мы съели вчера поздно вечером, я сомневалась, что смогу переварить столько жира.

— Как сэндвич? — спросила я, желая услышать его голос.

Он сделал глоток кофе и ответил:

— Не так хорошо, как твоя стряпня.

— Хорошо.

— Как твой, — он кивнул в сторону моего батончика, — кстати, что это?

Я пожала плечами.

— Я бы тоже предпочла свою стряпню. Забавно, если бы ты только знал, как готовит Стелла.

— Сара, больше никакой Стеллы. Риск слишком велик.

Я кивнула, прислушиваясь к его предупреждению — больше не обижаясь на это.

— Кофе? — спросил он, протягивая мне свой стаканчик.

Я замотала головой.

— Нет, спасибо. — Ранее он предлагал мне кофе, но мысль о кофеине, все еще терзала мою совесть.

А идея о том, чтобы втянуть себя в еще большую опасность — была нормальной?

Я проигнорировала свой внутренний монолог и повернулась к окну. С каждой милей я все больше думала об обещании, данном в Фэрбенксе. Только когда зазвучал голос Джейкоба, я вернулась в настоящее.

— Сара, ты меня слушаешь?

— Нет, извини.

— Я решил, что наша история будет основываться на том, что ты никогда не покидала "Северного Сияния".

Я повернулась к нему.

— Ты решил? — Хотя я задала вопрос с обидой, облегчение, которое пришло от того, что он взял контроль на себя, удивило меня.

— Да, — просто ответил он.

— Как? Я вчера не пришла на работу. Ты сказал, что говорил с Рейчел, и они с Братом Бенжамином меня искали.

Он кивнул, и в его лице я видела беспокойство, о котором он отказывался говорить вслух.

— Мне очень жаль, Джейкоб. Прости, что испортила проделанную тобой работу и что

теперь мы оказались в этой ситуации.

Темные глаза, полные раскаяния, ненадолго задержались на мне, прежде, чем снова вернуть взгляд на дорогу.

— Не нужно.

Видимо, время разговоров по душам закончилось. С тех пор как мы поговорили с его куратором, мне посчастливилось услышать больше, чем пару слов. Хотя я хотела большего, я знала этого мужчину рядом. Я знала, что, когда он размышлял и беспокоился, он был спокоен. Он разрабатывал план нашего будущего, не обязательно тот, где мы вместе, но тот, где мы были оба живыми.

— Кое-что, о чем тебе следует помнить, — начал он, — так как ты не покидала "Северное Сияние", тебя не может быть в самолете. Все наши самолеты оснащены черным ящиком. Все, что происходит в салоне, записывается. Как только ты окажешься в самолете, ты должна молчать, и я не смогу говорить с тобой.

— Все в порядке. Надеюсь, я не буду храпеть, — сказала я, пытаюсь разрядить обстановку.

Уголки его губ поползли вверх.

— Если будешь, я в тебя что-нибудь брошу.

— Эй, ты хочешь сказать, что я храплю?

Его плечи поднялись и опустились.

— Раз мы не сможем поговорить в самолете, пожалуйста, расскажи мне всю нашу легенду.

— Я разговаривал с Бенджамином и обещал, что буду на Собрании сегодня утром. К счастью, сегодня суббота, и тебе не нужно идти на работу в лабораторию. Я сказал Бенджамину, что ты заговорила с Томасом, чего тебе делать не следовало. И он выкрал тебя против твоей воли. Я сказал ему, что после звонка Рейчел, прилетел в ангар Томаса и нашел тебя до того, как случилось непоправимое. Я также попросил его держать правду в секрете. Мы оба знаем, что происходит с людьми, которые покидают "Свет".

От его слов моя спина покрылась мурашками.

— Он даже не скажет Рейчел. Чем меньше людей знает, тем лучше. Но так как Рейчел сильно волновалась, я сказал, что она может прийти проведать тебя сегодня. И ты вернешься к работе после нашей поездки в "Восточное Сияние".

— Это меня пугает.

Он кивнул.

Ему тоже страшно или он просто признал мою озабоченность? Я не хотела думать о том, что Джейкобу страшно. Я прикоснулась к своему подбитому глазу.

— А это?

Он покачал головой.

— Разве не очевидно? Я это сделал.

— Ты?

— Я наказал тебя, и возможно за то, что ты задавала слишком много вопросов. — Последнюю часть он добавил с ухмылкой.

Я покачала головой.

— Я думала, ты сказал, что теперь я могу...

— Когда мы одни. Но дело в том, что наказание — это мое право. Никто не усомнится. Я также решил, что это причина, по которой ты вчера не пошла на работу.

Вчера? Разве прошло уже двадцать четыре часа с тех пор, как я покинула "Северное Сияние"?

— Сара, мы и словом не можем обмолвиться или даже думать о Стелле и Джейкоби. Никто, и я подчеркиваю, абсолютно никто, ни Бенджамин, ни Рейчел, никто не должен знать, о чем мы говорили. Брат Бенждамин верит тому, что я ему сказал. Я также сказал ему, что ты ничего не помнишь о своем прошлом. Когда я нашел тебя, ты была испугана и боялась, что я расстроюсь.

Ну, кое-что из этого было не совсем так.

— У других людей есть воспоминания, — возразила я. — Почему у меня не может их быть?

— Потому что другие люди не занимались расследованием "Света", когда их воспоминания подавили.

Я повернулась в его сторону.

— Ты действительно веришь, что именно поэтому меня похитили?

— Ты сказала, что изучала имение в Блумфилд Хиллс на картах Гугл?

— Да, но никто не знал об этом. Дело в том, что я ездила туда.

Он резко повернул голову в мою сторону.

— Что ты делала?

— Я была там. Я приехала к главным воротам, нажала на кнопку и спросила Уриэля Харриса.

— Иисусе, Сара!

— Голос из динамика сказал, что я ошиблась адресом, и попросил меня уезжать.

— Ты так и сделала, правильно?

— Нет.

Джейкоб ударил по рулю ладонью.

— Конечно, черт возьми, нет. Что ты делала?

Я села ровнее.

— Я журналист. Это то, что я делаю... делала, неважно. Я обошла забор и попыталась сделать фото. — Я пожалала плечами и снова посмотрела в окно. — Когда я уезжала, я заметила камеры наблюдения. К сожалению, они, наверное, записали все, что я делала. — Размышляя о событиях, я добавила, — Это было за несколько дней до того, как мы ездили на фестиваль в Диборн. — От осознания этого, мой желудок скрутило. В тот самый день Джейкоб впервые меня увидел. — О, Господи, мое будущее уже тогда было предрешено, да?

Джейкоб кивнул, стиснув челюсти.

— Да. Теперь ты понимаешь, почему не можешь ничего вспомнить?

— А что насчет лекарств? Рейчел и Бенджамин знают, что я прекратила их принимать.

— Лекарства по-разному действуют на людей. И только потому, что ты прекратила их принимать, совсем не значит, что твои воспоминания вернутся. Начиная с "Восточного Сияния", женам вводится высокая доза препарата внутривенно. Брат Рафаэль предположил, что у некоторых людей первоначальная доза — это все, что нужно. Идея состоит в том, что рецепторы постоянно блокируются. Он сказал, что ежедневные пилюли у многих женщин — всего лишь страховка. Не у всех мозг реагирует одинаково. Как только твой менструальный цикл вернется в норму, ты продолжишь прием лекарств.

— Что? Нет, и не подумаю.

— Сара.

Паника наполнила мою грудь, когда я попыталась сделать вдох. Закрыв глаза, я напомнила себе, что это мир, где мужья принимают решения, но мы все еще были одни, и у меня был шанс.

— Нет, Джейкоб, — взмолилась я. Тем временем он повернулся, и мой ответ явно его удивил. Я продолжила. — Я не смогу помочь, если у меня не будет воспоминаний. Подумай об этом. Что, если лекарство заблокирует все, что я узнала в "Свете"? — Я закусила губу и зажала руки между бедер, чтобы скрыть дрожь. — Я не могу снова пройти через это. К тому же, как мы сможем объяснить, если я случайно забуду все учения Отца Габриэля или мою работу, или как готовить, или что если я забуду тебя?

— Черт! — Сказал он, направляя внедорожник в сторону небольшого аэропорта. — Наверное, я не подумал об этом. — Как только Джейкоб загнал внедорожник в ангар, он повернулся ко мне. — Дай мне руки.

Несмотря на то, что я смотрела вниз, я повиновалась.

Когда он взял меня за руки, не слова, сказанные им, а именно его тон притянул мой взгляд к нему.

— Если у нас есть хоть какой-то шанс выбраться из этого живыми, мы оба должны показать лучшее представление. Вот почему я хотел, чтобы ты возобновила прием лекарства. Я думал, что тебе так будет лучше, но... — он поцеловал костяшки моих пальцев, — ты всегда была умной, и ты права. Я не хочу, чтобы ты забывала то, что узнала в «Свете». Ты слишком много работала. Просто, пожалуйста, запомни, никому нельзя доверять, никому. Все запрограммированы, не только жены. Большинство из мужчин не принимают препарат, их программа более естественного происхождения. Это заставляет всех работать, руководствуясь целями Отца Габриэля. Если бы они не были запрограммированы, они не приняли бы все, что говорит Отец Габриэль, как Евангелие, они могли бы попытаться подвергнуть сомнению его авторитет. Этого нельзя допустить.

Буквально, ты и я против "Света". Мы должны убедить всех, что ничего не изменилось. Следующие восемнадцать часов имеют решающее значение.

Я кивнула, понимая, что должна полностью и непоколебимо доверять человеку, который держал меня за руки, тому, кто до сих пор поддерживал во мне жизнь.

— Покинуть "Свет", — продолжил он, — это преступление, наказуемое изгнанием. Никто не покидает "Свет" и не выживает, чтобы рассказать об этом. Никто. Ты, Сара Адамс жена Члена Собрании. Мы любим друг друга, и ты обычно хорошо себя ведешь. В четверг вечером после молитвенного собрания, когда мы были дома, ты ослушалась. Я тебя наказал. Ты огорчила меня и как результат — синяк на глазу. Когда я улетел в пятницу утром, ты отправилась на пробежку вокруг общины, как мы обычно делаем. Сейчас лето и ты хотела держаться подальше в северной части. Ты была расстроена, и забыла про лабораторию. Именно поэтому тебя не было в нашей квартире, когда Рейчел приходила тебя найти.

Я вздохнула. То, что он только что сделал, было утешением, которое приходило с тем, чтобы быть Сарой. История, мой выбор, все зависело от мужа. Джейкоб сказал, кем я была и что я думала. Осознание этого беспокоило Стеллу, но я знала, что для того, чтобы выжить, и того, что мы собирались сделать, Стелла должна молчать. Я могла использовать ее навыки мышления и выживания, но для всех я должна быть Сарой.

К счастью, прошлой ночью мне предоставили то, чего у меня раньше не было. Простой ночью мне дали разрешение задавать вопросы.

— Мне страшно. Почему мы не можем сказать всем, что Томас меня выкрал? Мне

ненавистна сама мысль о том, что люди будут думать, что ты сделал это со мной.

— Потому что это..., - он посмотрел через открытую дверь гаража на взлетную полосу. Я проследила за его взглядом и вдруг поняла, что мы не в том аэропорту, куда Томас привез меня вчера, — то, куда я летаю из "Света" и обратно. Я не знаю, как объяснить Ксавьеру или Отцу Габриэлю, откуда я знаю, куда направляется Томас.

Я сглотнула.

— К-как ты узнал?

— Мой куратор нашел планы полетов. Их заполняют заранее. ПВП, правила визуальных полетов не требуют этого, но для безопасности, особенно из-за таких больших районов дикой местности, большинство пилотов это делает. Благодаря Отцу Габриэлю у Томаса они были. Он заполнил свои планы перед отлетом из "Северного Сияния". Они включали приблизительное время его возвращения к Фэрбенкс и указывали аэропорт. Технически, нет никаких вариантов, благодаря которым я проделал бы путь от "Западного Сияния" до Фэрбенкса вовремя, чтобы тебя спасти. Это была история, которую я рассказал Бенджамину и причина, по которой Маршалы Соединенных штатов оказались там вместо меня. Но у Бенджамина нет способа это узнать. Он не покидал "Северное Сияние" годами. Отец Габриэль узнал бы об этом, если бы спросил Мику.

Я покачала головой.

— Какой кошмар.

— Ну, — холодно сказал он, — мне жаль, что ты все еще замешана в этом.

Я выпрямилась.

— Теперь тебе жаль потому, что мы возвращаемся, или потому что меня тебе назначили?

Прищуренный взгляд Джейкоба заставил меня — Сару — замолчать, так мог только он.

— Достаточно. Мы это уже проходили. Теперь мы возвращаемся, как Сара и Джейкоб. Позже сегодня я отведу тебя к Брату Рафаэлю, и тебе нужно будет объяснить и извиниться за свое отсутствие. Он Комиссар. Наказание по его усмотрению.

— Нет, Джейкоб. Больше никогда.

Он приподнял бровь.

— У тебя была такая возможность. Ты выбрала другое.

Я внезапно почувствовала тошноту.

— Нам нужно поторапливаться, — сказал Джейкоб, — чтобы я успел на Собрание.

— А что насчет Томаса?

— Я же сказал, он больше не представляет угрозы.

— Но разве в "Свете" не станут задавать вопросы о его исчезновении?

— Как минимум это касается не нас, а его. Как я уже сказал, никто не входит в "Свет" и не покидает его. Теоретически, его не должно было быть в общине. Как только Ксавьер узнает, что сделал Томас, а он был в общине не раз, то даже Ксавьер не будет волноваться о внезапном исчезновении Томаса. Бенджамин знает, что Томас сделал с тобой, поэтому он не будет подвергать сомнению его исчезновение. Как только Отец Габриэль узнает, что Томас бывал в общине, он тоже не будет поднимать этот вопрос. Он предположит, что проблема была, и она уже решена.

Я пожала плечами.

— Возможно, есть преимущества в том, чтобы не задавать вопросов.

Джейкоб прикоснулся к моей руке и с ухмылкой сказал.

— Тебе потребовалось много времени, чтобы это понять.

Мои щеки покраснели, я взглянула на наши переплетенные пальцы.

— В этом ангаре нет камер наблюдения, — объяснил Джейкоб. — Именно поэтому я не припарковался снаружи. Я помогу тебе сесть в самолет, а потом у меня есть кое-что, что нужно сделать в последнюю минуту. Помни, никаких разговоров.

Когда он помог мне выбраться из внедорожника, я ответила.

— Да, Джейкоб.

Уголки его губ приподнялись, он внимательно меня осмотрел.

— Жизнь была бы намного проще, если бы ты помнила, что это всегда правильный ответ.

Я была измотана, с разбитой щекой, почти сбежала с того места, которое никто не покидал, и моя рука была в руке мужчины, которого двадцать четыре часа назад я больше не хотела видеть. Я перестала сражаться. С застенчивой улыбкой, я опустила подбородок, посмотрела из-под опущенных ресниц и повторила то, что мой муж хотел услышать.

— Да, Джейкоб.

Перед тем как войти в самолет, он замедлил шаг. Свободной рукой он обхватил меня за талию и притянул к себе.

— Я молюсь о том, что в один прекрасный день я смогу назвать тебя другим именем, а тем временем, ты моя жена, моя Сара Адамс. И пока я это делаю, я буду уважать твои границы касательно секса, а прямо сейчас я хочу поцеловать свою жену, и я планирую это сделать. Хочешь меня остановить?

Прежде чем я успела ответить, он крепче притянул меня к себе, прижав за бедра. Желая увидеть его лицо, я подняла подбородок и утонула в его темном взгляде. Когда запах кожи и мускуса окутал нас, он перефразировал:

— Что еще более важно, ты думаешь, что сможешь меня остановить?

Я покачала головой.

— Нет, я не хочу тебя останавливать. В конце концов, ты мой муж.

Он улыбнулся измученной улыбкой, и наши губы соединились. На несколько мгновений в продуваемом сквозняками ангаре наш мир стал правильным. После всего, что мы сказали и сделали, опасности, которой я нас подвергла, и после того, как он пытался меня оттолкнуть... после всего этого... наши тела узнали свое законное место. Притянутые, как магниты, с непреодолимой тягой, они недвусмысленно помнили о том, что, по мнению моего разума, я должна была забыть. По мере того, как поцелуй углублялся, тепло растекалось от макушки моей головы до самых кончиков пальцев ног, растапливая все на своем пути. Его прикосновение плавило меня, прижимая к его твердому теплу.

Я не сопротивлялась, когда его пальцы погрузились в мои волосы и потянули голову назад. Когда язык Джейкоба скользнул между моих губ, я охотно впустила его, приняв вторжение, которое закружило в танце наши языки. Он проглотил мои стоны, когда его широкая грудь потерлась о мои каменные соски, а мои руки обернулись вокруг его твердого торса. Когда наши губы, наконец, разъединились, я прижалась щекой к его груди и крепче обняла, прислушиваясь к ровному биению сердца.

Мы знали, есть вероятность, что мы никогда не выберемся из "Света", и, тем не менее, когда он поднял мой подбородок и пристально посмотрел в глаза, я не могла произнести слова, которые жаждало сказать мое сердце. Вместо этого я поступила наилучшим из возможных вариантов. Я нежно поцеловала его в щеку и прошептала:

— Сара любит Джейкоба.

Он поцеловал меня в лоб.

— И Джейкоб любит Сару. Пожалуйста, никогда не забывай об этом.

Я покачала головой.

— Ни Сара, ни Стелла не забудут.

— Никогда не считал себя двоеженцем, — сказал он с улыбкой.

Когда Джейкоб открыл самолет "Северного Сияния", я тихонько проскользнула внутрь.

Хотя фюзеляж был заполнен коробками, Джейкоб указал на одно из откидных сидений, и я села. Затем он пристегнул меня. Этот ремень безопасности был намного более сложным, чем тот, который был в самолете Томаса. На мгновение я задалась вопросом о том, как перевозили женщин в бессознательном состоянии. Так же, как и меня? Вместо того, чтобы позволить себе углубиться в раздумья, я рассматривала коробки, пытаюсь угадать, чем они заполнены. Однако, как и в свои первые несколько дней в "Свете", я не могла спрашивать. Мою речь снова ограничили.

С той лишь разницей, что на этот раз я понимала почему. Я знала, что правила Джейкоба состояли не в том, чтобы доминировать надо мной, а в том, чтобы спасти меня. Поскольку мы летели из тьмы обратно к "Свету", вес нашей миссии лег на меня. Все зависело от нас самих. Если мы потерпим неудачу, будут другие, которых никогда не спасут.

Глава 16

Сара

Сердце готово было выскочить из груди, когда ко мне пришло полное понимание слов Джейкоба: «Следующие восемнадцать часов решат всё». Обрушив это на меня, он покинул нашу квартиру и ушёл на Собрание. Достаточно было одного человека, который видел правду или знал, что произошло на самом деле.

Наверное, я устала, но больше всего я боялась, боялась быть вдали от Джейкоба и того, что могло случиться на Собрании. Несколько раз я молилась о том, чтобы Брат Бенджамин сохранил наш секрет. К тому же, Джейкоб сказал, что Брат Бенджамин и Рейчел были верующими, и то, что они сделали, чтобы помочь нам, противоречило учению Отца Габриэля. Подобно тому, как все мои мысли и поступки принадлежали Джейкобу, все мысли наших мужей принадлежали Комиссии и Отцу Габриэлю.

Что если Брат Бенджамин признается Комиссии?

Я закусила губу и продолжила шагать.

Мы проникли в общину так, что никто не заметил меня в грузовике Джейкоба. Ездить в его машине не было запрещено. Я делала это время от времени. Но покидать общину запрещалось. Никто не мог знать, что я была в ангаре, а тем более во Тьме.

Чтобы подтвердить нашу историю, как только мы въехали в общину, я спряталась внутри грузовика, в то время как Джейкоб подъехал как можно ближе к нашей квартире, вошел и вернулся к грузовику. Когда мы подъехали к стоянке, я выбралась из своего укрытия на заднем сиденье. Затем мы вместе пошли в кафе.

История заключалась в следующем. Я была расстроена, что он оставил напоминание на моей щечке и заставил появиться с этим на публике в наказание за то, что я пропустила вчерашний рабочий день. Момент, о котором я продолжала размышлять, заключался в том, что он не объяснял мне ничего, никаких рассуждений. Тем не менее, я это поняла.

Не важно, как я боролась с этим, я была запрограммирована. Сидя за столиком в кафе с опущенными глазами, я покорно ждала, когда он вернется с нашими напитками. Конечно же, он не спрашивал, что я хочу, и я не буду отказываться от того, что он заказал. Однако, когда передо мной оказалась чашка, и в ней был чай вместо кофе, я улыбнулась. Он мимолётно улыбнулся мне в ответ и прошептал:

— Без кофеина, — его взгляд тут же сузился, напоминая мне, что я должна выглядеть расстроенной.

Джейкоб был прав насчет заплавленного глаза. Казалось, никто не обратил на это внимания. Если бы я позволила себе думать как Стелла, то невысказанное принятие наказания моего мужа было наибольшим свидетельством извращенной природы "Света". Я надеялась, что уникальный взгляд с обеих позиций будет преимуществом, поскольку мы продолжаем лучшие выступления наших гребаных жизней.

Стук в дверь квартиры испугал меня и вернул к настоящему. Я глубоко вздохнула и, успокоившись, открыла дверь. Я знала, что Рейчел придет навестить меня, с тех пор, как Джейкоб сказал мне, что дал разрешение Брату Бенджамину на ее визиты. Я потянулась к дверной ручке и приготовилась увидеть лучшую подругу, которая у меня была в «Свете».

В кофейне мне нужно было только смотреть, теперь пришло время говорить. Эта часть спектакля требовала больше усилий, чем я прилагала до того, как сбежала из "Северного

Сияния". Теперь от моей игры зависел не только мой успех, но и успех Джейкоба и его миссии. Это было для каждого.

Открыв дверь, я встретилась с вопросительным взглядом голубых глаз Рейчел.

— Входи, — сказала я. — Джейкоб сказал мне, что ты придешь.

Она покачала головой и подождала, пока я закрою дверь. Как только я это сделала, она обняла меня, ее худые руки сжимали изо всех сил.

— О, хвала Отцу Габриэлю! Я так волновалась за тебя. — Отступая, она игриво ударила меня по плечу. — Я должна злиться на тебя... — Она замолчала, когда заметила мой глаз.

Я не была уверена, что она не заметила этого с самого начала, но опять же, она была слишком занята, обнимая меня. Я прикоснулась к синяку, и по щеке скатилась слеза.

— Я знаю. Мне жаль, что я заставила вас волноваться.

Рейчел обняла меня за плечи и повела к дивану.

— Сара, все в порядке. Прости меня. Я не должна была так реагировать. Я просто удивлена. — Когда мы присели, она спросила: — Ты поблагодарила Отца Габриэля и Господа за своего мужа?

Я кивнула, и снова потекли слезы. Я не знала, откуда они взялись, может от изнеможения. Я немного поспала в самолете, но полет с Джейкобом прошел гораздо быстрее, чем с Томасом. Мы были в воздухе около часа.

Рейчел обняла меня снова.

— Мы с Бенджамином так волновались, когда ты не пришла на работу.

— Мне очень жаль. Я была эгоисткой. — Я опустила подбородок. — Честно говоря, я не думала ни о ком, кроме себя. Мне было стыдно. Я имею в виду, это было впервые на моей памяти, — я наклонила голову влево, — и я не хотела, чтобы кто-либо видел это.

— Мы же сестры. Мы понимаем. Это случается. Никто не станет думать хуже ни о тебе, ни о Брате Джейкобе. — Рейчел улыбнулась своей самой большой и сияющей улыбкой.

Во мне вспыхнула благодарность за все, что она сделала для меня с самого начала моего путешествия в «Свет».

— Спасибо тебе за то, что ты всегда такая добрая. Я так рада, что мы подруги и сестры, — добавила я.

— В моей голове возникло столько мыслей. Я боялась, что ты... тебя похитили, что ты потерялась в темноте.

— Похитили? Почему ты подумала, что меня похитили? Кто?

— Это может показаться странным, но тем пилотом, Томасом. Мне не нравится то, что он приходит сюда — в общину. Я рассказала Бенджамину о своих опасениях, и он сказал, что поднимет этот вопрос на Собрании. Я имею в виду, это просто неправильно.

Если бы она только знала!

— У меня от него мурашки по коже. Прости, что заставила тебя волноваться. Джейкоб сказал, что ты искала меня.

Рейчел кивнула.

— Когда я не смогла найти тебя здесь, Бенджамин отвез меня в ангар. Там был Брат Мика. Он и сказал о том, что Томас только улетел. Думаю, Брат Мика приехал туда сразу после того, как тот улетел. Я пришла к таким выводам. — Она сжала мою руку. — Мне жаль. Я должна была знать, что ты никогда добровольно не вернешься во Тьму, не после последнего раза.

— Я этого не помню.

— Иногда, — сказала она, казалось, взвешивая свои слова, — когда люди перестают принимать контрацептивы, что-то происходит с их химическим балансом, и они кое-что вспоминают. У тебя были какие-нибудь воспоминания?

Я покачала головой.

— Нет, совсем нет. Все так же, как в тот день, когда я проснулась после несчастного случая, в тот день, когда началась моя жизнь.

Она кивнула и откинула голову на спинку дивана.

— На днях ты говорила что-то в храме о Тьме. Я помню Тьму. Поначалу не помнила, но сейчас помню. Если ты вспомнила, то поговори с Братом Джейкобом. Бенджамин помог мне больше, чем я могу рассказать. — Слеза скользнула по ее щеке. — Я никогда не вернусь назад. Я никогда не покину "Свет".

— Рейчел, что случилось?

Она сжала губы и сглотнула.

— Ничего, я просто так испугалась, что ты там, и никому бы этого не пожелала.

— Я знаю, что нам нельзя говорить о Тьме, но если это поможет тебе, то я обещаю не рассказывать.

Покачав головой, она прошептала:

— Нет, я не могу. Я знаю, что ты не расскажешь, но я не хочу быть причиной секретов между тобой и Братом Джейкобом. — Глубоко вздохнув, она заставила себя улыбнуться. — Самое главное, что мы сейчас здесь. Мы в "Свете", и ты в безопасности. Бенджамин сказал, что, когда я приходила искать тебя, ты была на пробежке?

— Да, я была у северного края, но больше это не повторится снова, не без Джейкоба.

— Так это... — Рейчел кивнула в сторону моего травмированного глаза, — случилось до того, как Джейкоб уехал?

— Да, в четверг вечером, после молитвенной службы. — Я опустила взгляд. — Обычно он очень терпелив. Это моя вина. Мне нужно было прекратить задавать вопросы. Думаю, этим я его рассердила. Я не хочу, чтобы кто-либо думал о нем, как о Брате Аврааме.

От одного его имени мне стало не по себе.

— Ох, не переживай. Этого никогда не случится. — Рейчел задумалась. — Почему ты не хочешь бегать без Джейкоба? Тебе же нравится бегать.

Я кивнула.

— Мне больше не позволено. Джейкоб был недоволен, когда вернулся утром. Он знает, почему я не ходила на работу. — Я вздохнула. — Как будто он всегда все знает. Вместо того, чтобы остаться дома и обсудить это, он заставил меня выйти с ним в кофейню.

Глаза Рейчел распахнулись.

— Там было много людей?

Я пожала плечами.

— Я старалась опускать глаза, и даже несмотря на то, что было рано, да. Я не видела никого из избранных, но там было много последователей.

— Думаю, таким образом он хотел избавить тебя от смущения.

Серьезно?

— Это было унижительно, и сегодня, после окончания Собрания он ведет меня домой к Брату Рафаэлю и Сестре Ребекке. — Я понизила голос. — Я должна буду извиниться за прогул.

Она сжала мою руку.

— Могло быть и хуже. Кажется, ты хорошо себя чувствуешь.

— Теперь да, — я перебила ее. — Он сказал, что вопрос о моем наказании будет зависеть от Брата Рафаэля.

Рейчел пожала плечами.

— Думаю, завтра утром на службе я узнаю, как все прошло.

Я села ровнее и широко распахнула глаза.

— Завтра! Помнишь, я говорила тебе, что Джейкоб направил прошение в Комиссию, чтобы брать меня в путешествия?

— Да.

— Видимо, оно было одобрено. Отец Габриэль сказал Джейкобу, чтобы он взял меня с собой, когда будет забирать его из "Восточного Сияния".

Глаза Рейчел сузились.

— "Восточное Сияние"? Он сказал привезти тебя туда?

— Что случилось? Ты знаешь, где это?

— А ты?

Я попыталась изобразить улыбку.

— Ну, предполагаю, к востоку отсюда.

Она кивнула.

— Я полагаю, потому что это было не во Тьме, я могу рассказать. Я помню "Восточное Сияние". Я была там некоторое время, прежде чем меня привезли сюда.

Ох. Мой желудок скрутило. Что с ней случилось?

Я не могла остановить свой пытливый ум.

— Ты так говоришь, будто это плохо.

— Просто это было иначе, тяжелее. Если тебе разрешено посещать другие общины, должно быть, Отец Габриэль по-настоящему доверяет тебе.

— Я ничего не понимаю. Разве "Восточное Сияние" не похоже на эту общину? — Хотя я прилагала все усилия, чтобы подавить ее, Стелла внутри меня просто орала, чтобы я задала как можно больше вопросов.

— На самом деле, нет. Ты можешь рассказать мне, что думаешь, когда вернешься.

Я не могла слишком давить на нее, иначе она заподозрит неладное. Сидя рядом с Рейчел, я поняла, что имел в виду Джейкоб прошлой ночью, когда сказал, что не может позволить своему заданию повлиять на его поведение. Хотя это было заманчиво, я тоже этого не сделала.

— Спасибо, что пришла навестить меня. Еще раз извини, что напугала тебя. — Я восхищалась ее чистым оливковым цветом лица без синяков и круглыми щеками.

— Эй, теперь, когда ты в порядке, давай поговорим о чем-то более занимательном.

Я искренне улыбнулась. Улыбкой Сары. И если я не хочу, чтобы моя лучшая подруга с тех самых пор, как я очнулась в «Свете», что-либо заподозрила, то мне нужно хорошо постараться. Устроившись на диване, я подавила зевок и прислушалась к ее болтовне.

Мои нервы, лишенные сна, были натянуты до предела, пока мы молча шли к дому Брата Рафаэля и Сестры Ребекки, который находился возле храма. Хотя Джейкоб не сказал мне, я предположила, что он говорил с Братом Рафаэлем на Собрании, потому что, когда мы пришли, они, казалось, ожидали нас. Единственная квартира комиссионеров, в которой мне

доводилось бывать — квартира наших кураторов Брата Даниэля и его жены, Сестры Рут. Квартиры членов Комиссии были больше, чем квартиры членов Собраниа, но ненамного. Поскольку все квартиры членов Собраниа были похожи, я не удивилась, что квартира Брата Рафаэля и Сестры Ребекки была похожа на квартиру Брата Даниэля и Сестры Рут. Что делало её больше нашей, так это личный кабинет, куда сестра Ребекка отвела нас, как только мы пришли.

Брат Рафаэль поприветствовал нас, сидя за своим столом. Сестра Ребекка подвинула стул рядом с мужем и села, оставив нас с Джейкобом стоять. Вероятно, это был их способ сделать наш визит официальным, а не дружественным.

Хотя, в лаборатории Брат Рафаэль всегда был добр ко мне, когда мы стояли перед ним и Сестрой Ребеккой, я помнила о его положении. Он был не только членом Комиссии, но и вторым лицом в "Северном Сиянии" после Отца Габриэля. Когда Отец Габриэль был в отъезде — главным становился он. Ничто, даже изгнание, не проходило без его участия. Это знание, а также предупреждение Джейкоба о следующих восемнадцати часах, тяжело давило на мой разум, когда я ждала своей очереди, чтобы заговорить. Если наша история будет подвергнута сомнению, то это будет здесь и сейчас.

— Сестра Сара, я рад, что вы не больны. Начинайте. Брат Джейкоб сказал, что вы хотели мне что-то рассказать.

Хотя я и не помнила, чтобы говорила такое, я кивнула и начала.

— Брат Рафаэль и Сестра Ребекка, сегодня я здесь...

Я объясняла свои эмоциональные всплески недосыпанием. Как и во время разговора с Рейчел, когда я извинялась перед Братом Рафаэлем, слезы текли по моим щекам. Это не было похоже на уродливые рыдания, но было достаточно для того, чтобы Сестра Ребекка встала, протянула мне салфетку и обняла.

Я не сказала им, почему я не вышла на работу, только то, что я была расстроена и эгоистична, думая только о себе. Когда я закончила, Брат Рафаэль спросил меня, нравится ли мне работа в "Северном Сиянии". Я уверила его, что да, нравится. Тогда он задал мне аналогичный вопрос о моем муже, люблю ли я его и принимаю ли его решения? Когда я повернулась к Джейкобу и увидела гордость в его глазах, поток слез усилился.

— Люблю. Очень сильно люблю, — ответила я.

Я не думала ни о Стелле, ни о том, как это было неправильно. Я не думала о том, как я, по сути, рассказывала мужчине при власти о том, что с мужем, который оставил синяк на моем глазу, у меня все в порядке. Хотя он этого и не делал. В тот момент я думала только о том, что Джейкоб сказал мне вспомнить, когда мне снились кошмары: я была Сарой, а он Джейкобом.

Сара любит Джейкоба, а Джейкоб любит Сару.

Брат Рафаэль не ответил, вместо этого он посмотрел на жену.

— Ребекка, пожалуйста, отведи Сестру Сару на кухню. Мне нужно поговорить с Братом Джейкобом наедине несколько минут.

Что касается жен членов Комиссии, то Сестра Ребекка больше походила на Сестру Рут, чем на Сестру Лилит. Несмотря на то, что она была худой и всегда хорошо одетой, как Сестра Лилит, она также была приятной, с материнскими качествами Сестры Рут. Всякий раз, когда я разговаривала с ней, она была добра, и занятия с ней по вторникам, и встречи с последователями по четвергам были продуманными и эмоциональными. Мы, жены членов Собраниа, не знали, кто из жен членов Комиссии будет вести встречу, до самого их

прибытия. Всякий раз, когда я узнавала, что это будет Сестра Ребекка, я знала, что не буду разочарована.

Как только мы оказались на кухне, Сестра Ребекка, протянула мне еще одну салфетку и улыбнулась.

— Моя дорогая, я рада, что с тобой все в порядке. Когда ты не появилась на работе, Брат Рафаэль беспокоился, что ты могла заболеть. Я слышала, что Брат Бенджамин тоже был обеспокоен. — Она похлопала меня по руке. — Все будет в порядке. Мой муж справедливый мужчина.

Моя голова начала болеть, когда я икнула и кивнула. После того, как Джейкоб напугал меня прошлой ночью, я знала, что не хочу исправлений или напоминаний. Я также знала, что это не зависит от меня.

Поставив чайник на плиту, сестра Ребекка сказала:

— Давай я приготовлю тебе чай без кофеина. Это всегда помогало мне расслабиться. Хотя, я скучала по кофе, пока была беременна.

Мои глаза распахнулись.

— Ч-что вы только что сказали?

Ее мягкие карие глаза заблестели.

— Да ладно тебе, ты меня слышала.

— Я-я, нет... — Я покачала головой. — Не знаю, так ли это.

— Но ты хотела бы быть в положении, не так ли, Сестра?

— Я больше ни в чем не уверена.

— По этой причине Брат Джейкоб наказал тебя? Ты не сказала ему?

Вот дерьмо! На что она намекает?

Я сглотнула.

— Сестра, у меня есть проблемы с вопросами. Я стараюсь, правда, но иногда мне кажется, что все, что я делаю, это испытываю его терпение.

— Брат Джейкоб кажется терпеливым мужчиной.

— Так и есть. Вот почему мне так стыдно. Я не хочу, чтобы люди стали думать о нем хуже.

— Ты любишь его, — спросила она, — не так ли?

Я сдержанно улыбнулась.

— Люблю. Я знаю, что у Господа была причина привести нас сюда. Я так благодарна Джейкобу, что он помогает мне, и, — я опустила взгляд, — исправляет меня. — Хотя эти слова снова задели мою гордость, они легко слетели с моих губ.

Она снова похлопала меня по руке.

— Давай я принесу тебе чай. — Как только она поставила передо мной чашку, она прошептала, — Сомневаюсь, чтобы Брат Рафаэль, распознал твои сигналы. Ты же знаешь этих мужчин.

— Мои сигналы?

— Твоя рука в защитном жесте закрывала твой живот все то время, пока ты извинялась перед моим мужем, ты эмоциональна, и то, как ты смотрела на своего мужа... Боже, если ты все еще не уверена в том, ждешь ли ты ребенка, ты должна подумать о такой возможности.

Я пожала плечами, мои щеки вспыхнули.

— Я имею в виду, я знаю, как это работает. Такая вероятность есть.

— Когда я была беременна, у меня были странные желания. — Ее глаза загорелись. —

Ох, и странные воспоминания. Я даже не уверена, что они настоящие. Они казались настоящими. Бывало ли с тобой такое?

Я прикусила щеку изнутри. Она была хорошей и хитрой. Я покачала головой.

— Нет. Не было. Думаете, это значит, что я не беременна?

— Нет. Все люди разные. Кроме того, еще рано, если ты не уверена.

Я кивнула.

— Очень рано, у меня не было задержки.

— Ну, когда узнаешь что-то, скажи. Я просто обожаю малышей. Иногда я хожу в ясли, просто чтобы побыть с ними.

— Сестра? — спросила я. — Ваш ребенок или дети, они здесь, в "Свете"?

— Один, наш сын. Он был воспитан по учению Отца Габриэля, еще до "Света". Он не в этой общине, но он член Собрания.

Я улыбнулась.

— Я уверена, вы гордитесь им. У вас только один ребенок? — Как только вопрос слетел с моих губ, я пожалела об этом. Тень печали пробежала по ее лицу, возвращая мои слезы. — Простите меня. Пожалуйста, не отвечайте.

Ее шея выпрямилась.

— Не все истории имеют счастливый конец. Я всегда буду помнить свою прекрасную дочь. Однако, Отцу Габриэлю виднее. Я доверяю ему и Рафаэлю во всем.

Открытие двери и шаги предупредили нас, что наши мужья приближаются по коридору. Когда Сестра Ребекка сжала губы и снова похлопала по руке, я знала, что она молчаливо просила меня не говорить ничего об их дочери. Я кивнула в знак понимания, когда мужчины вошли.

Только мы собрались уходить, как Брат Рафаэль сказал со своим все еще сильным бостонским акцентом:

— Сестра Сара, мы будем рады видеть вас в лаборатории, как только отец Габриэль сочтет нужным вернуться из "Восточного Сияния". Я во всем полагаюсь на вашего мужа.

Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не взглянуть на Джейкоба; вместо этого я опустила взгляд.

— Спасибо вам, Брат Рафаэль.

Несколько минут спустя, когда мы с Джейкобом шли по тропинке держась за руки, я прошептала:

— Что это значит? Что Брат Рафаэль имел в виду?

Хотя Джейкоб не повернулся, его хватка стала сильнее, и он просто ответил:

— Сара.

— Ты сказал, я могу...

— Когда мы будем одни. Это похоже на то, что мы одни?

Нет. Мы были не одни. Мы шли среди последователей, которые сновали туда-сюда. Однако, на мой взгляд, все они казались озабоченными и шли в своем направлении. Никто не обращал на нас внимания, за исключением нескольких мужчин, которые приветствовали Джейкоба кивком головы и приветствием "Брат Джейкоб". Я предположила, что большинство из них были последователями, которых он консультировал. Я должна была знать их имена, и некоторые из них были мне знакомы, но большинство нет. Возможно, я знала имена их жен. Я редко видела пары вместе. Всякий раз, когда я общалась с женами, они были одни.

— Нет. Прости, — тихо сказала я, сжимая губы.

Глава 17

Сара

Поднимаясь по трапу частного самолета Отца Габриэля, я была в восторге от великолепия. Сделав глубокий вдох, я сразу вспомнила насыщенный аромат кожи. Конечно, мой муж носил его как одеколон, но все было по-другому, когда я переступила порог кабины. Это был запах нового автомобиля, который нравился всем, только усиленный. Единственный раз, когда мне довелось побывать в этом самолете, это когда я была без зрения, во время нашего с Джейкобом временного изгнания, он устроил мне экскурсию по самолетам. Теперь мое зрение было в порядке, и мои глаза метались из стороны в сторону. От блестящего деревянного фасада шкафов, которые приветствовали меня, как только я ступила внутрь, до красивых кожаных кресел кремового цвета, вверх и вниз по проходу, все было чрезмерно роскошным.

Это определенно не было похоже на самолет, на котором я прилетела утром, или на самолет Томаса. Рядом с дверью кабины была раковина, холодильник и кофеварка. Бокалы висели вверх тормашками на стойке. На мгновение я задумалась, есть ли здесь вино. Никто в "Свете" не пил алкоголь, но та часть меня, которая была Стеллой, сомневалась, что Отец Габриэль не делал этого, когда летал или находился в Блумфилд Хиллс.

— Сара, — приказал Джейкоб, — тебе нужно сесть ближе к хвостовой части. Ты не должна слышать меня и Брата Мику в кабине.

Я кивнула и послушно направилась в заднюю часть самолета. С каждым шагом по проходу, подушечки моих пальцев гладили мягкую кожу. Закрыв глаза, я вспомнила, как Джейкоб впервые взял меня на этот самолет... Я вспомнила наше прошлое.

Здесь было восемь сидений. Последовательные ряды стояли в противоположных направлениях, создавая группы. Я выбрала место в самом конце салона. С него я могла видеть кабину, но я была достаточно далеко, чтобы их разговор не беспокоил меня. Просматривая ремни безопасности, я улыбнулась. Они были нормальные, не такие, как в другом самолете.

С трудом сдерживая любопытство по поводу расточительности Отца Габриэля, я открыла дверь в ванную и заглянула внутрь. У меня отвисла челюсть, и мне пришлось прикрыть рот, чтобы не издать громкий вздох. Даже ванная выглядела невероятно. Потрясающие панели из красного дерева, блестящие шкафы и сияющие светильники. Опустив руку и закрыв дверь, я была рада, что не забыла, что я должна оставаться спокойной. По дороге в ангар мне не раз напоминали о том, что в самолете постоянно ведется запись.

Поскольку мы не были уверены, когда у нас будет возможность остаться наедине, и мы не могли быть уверены, что нас не записывают, большую часть поездки на грузовике Джейкоб провел, подготавливая меня к тому, что я могу увидеть. Пока он это делал, он признался, что эта поездка вызывает у него опасения. Когда он спрашивал разрешения, чтобы я могла полететь с ним, он предполагал, что это будет поездка в Фэрбенкс за припасами. Он никак не ожидал разрешения взять меня в другую общину, особенно обратно в "Восточное Сияние". Тот факт, что ему было приказано взять меня с собой, только добавил ему опасений.

Когда я спросила про особняк, он сказал, что его никогда не приглашали пройти в дом.

Там есть небольшие строения, недалеко от взлетно-посадочной полосы. Я вспомнила, что видела их на Google картах. Очевидно, они были похожи на жилые помещения в ангаре. Когда ему приходилось оставаться на ночь в "Восточном Сиянии", именно там он и Брат Мика останавливались. Когда Отец Габриэль направлялся к самолету, он выезжал через боковые ворота. Он не пользовался дворами в задней части имения. Единственными людьми из особняка, которые рискнули приблизиться к хозяйственным постройкам, были те, кто играл на теннисных кортах или плавал в бассейне. Джейкоб сказал, что большое количество снующих туда-сюда людей было вполне обычным делом, и, казалось, что вечеринки организовываются довольно часто. Отец Габриэль называл их празднованиями.

Джейкоб также сказал мне, что иногда, если он находился в "Восточном Сиянии" дольше обычного, то он мог покинуть имение, как это было, когда его привезли в Дирборн, чтобы посмотреть на меня, или когда он ходил на службу в храм "Восточного Сияния". Поскольку мы прибудем рано утром в воскресенье, более чем вероятно, мы не просто заберем Отца Габриэля и вернемся в "Северное Сияние". По средам и воскресеньям проповеди Отца Габриэля всегда транслировались в прямом эфире. Это означало, что он действительно проводил каждую проповедь три раза, по разу для каждого часового пояса. Первая в Детройте — в Хайленд Хайтс — была в девять по восточному времени. Поскольку нам сказали быть там до этого, была большая вероятность, что нам скажут присутствовать на ней.

Все, что я могла делать, пока он говорил, это смотреть. Было время, когда я мечтала заглянуть внутрь белого здания в Хайленд Хайтс. Я напомнила себе, что теперь у Сары появилась возможность сделать то, что не смогла сделать Стелла.

"Западное Сияние" жило по горному времени, это значит, что следующая служба состоится через два часа после первой, финальная служба будет еще через два часа и будет транслироваться в "Северном Сиянии". С таким расписанием, мы не сможем вернуться на "Северное Сияние" раньше трех или четырех часов пополудни. Поскольку все зависело от Отца Габриэля, Джейкоб хотел, чтобы я была готова переночевать в Блумфилд-Хиллз.

Он несколько раз напомнил мне, что Сара никогда раньше не видела особняк. Она никогда не гуглила его и не стояла за воротами. Я должна была показать, что все это было новым для меня, как и тогда, когда мои глаза были закрыты. Джейкоб приписывал свой быстрый подъем и вступление в Собрание своей способности игнорировать богатство и изобилие, которые происходили за кулисами.

Напрашивается вопрос, почему Отец Габриэль хочет раскрыть мне свои секреты?

Мы оба вздремнули после визита к брату Рафаэлю. Тем не менее, я все еще беспокоилась о том, что Джейкоб не спал последние сутки. Он говорил, что все будет в порядке, что самолет оборудован современными системами навигации, и Брат Мика будет рядом. Они оба были уверены в способностях друг друга в качестве пилота, и менялись в роли второго пилота. Джейкоб вызвался быть вторым пилотом по пути к "Восточному Сиянию", заявив, что хочет проверить меня. Лично мне хотелось спать. Наше возвращение в "Северное Сияние" обнаруженными, доставило мне в большей степени изможденность, чем облегчение.

Если я и должна была быть наказана после того, как извинилась перед Братом Рафаэлем, то Джейкоб не сделал этого. Хотя я пыталась спрашивать об этом, пока мы шли домой, больше я эту тему не поднимала. Даже несмотря на то, что он разрешил мне задавать вопросы, мое наказание было темой, которую я предпочитала избегать, главным образом

потому, что это сводило меня с ума.

Почему я не отказалась от телесного наказания перед тем, как я согласилась вернуться?

Вместо этого, я отказалась от секса. Мне нравился секс, совсем не так, как удары ремнем.

Устроившись на мягком кожаном сиденье, я огляделась и поняла, что даже видеть все это для меня было привилегией. Я сомневалась в том, что кто-то из постоянных последователей и даже большинство избранных знали, с каким комфортом путешествовал Отец Габриэль.

Как только мы поднялись воздух и набрали нужную высоту, пришел Джейкоб и показал мне, как развернуть и откинуть мое кресло. Оно не просто откидывалось, оно лежало ровно, создавая невероятно удобную кровать. Последнее, что я помню, как Джейкоб укрыл меня пледом и поцеловал в лоб, а потом он снова поцеловал меня, сообщив, что мы почти добрались до "Восточного Сияния".

Возможно, все это было из-за полета и недостатка сна, или, может быть, из-за одной только мысли о возвращении в место, где меня держали после похищения, и где они начали подавлять мои воспоминания. Я не была уверена в причине, но, когда я переместила свое кресло из откинутого в вертикальное положение, мой живот сильно скрутило. Покачав головой, я оттолкнула Джейкоба и побежала к ванную. Как только я успешно опустошила все содержимое желудка, я обернулась и увидела взгляд Джейкоба.

Будь осторожна с тем, что говоришь. Нас записывают.

Предупреждение в его темных глазах было громким и ясным. Покачав головой, я подошла к раковине и прополоскала рот. В шкафчике я нашла ополаскиватель для рта и смысла ужасный привкус. Хотя я предпочитала зубную щетку, но сейчас я готова была перешагнуть свои границы и довольствоваться ополаскивателем. Когда я подняла глаза, в зеркале я заметила, что синяк вокруг моего глаза стал меньше, но темнее, чем раньше. Когда я плеснула себе в лицо водой, Джейкоб вошел в тесную ванную и закрыл дверь. Несмотря на всю роскошь, ванная все же была маленькой. Его присутствие прижало меня к стене. Приглушенным шепотом он потребовал:

— Скажи мне.

Мои глаза открылись шире.

— Сказать тебе что?

— Ты ведь знаешь, не так ли? Ты беременна.

— Я не знаю, но серьезно, сейчас так много всего происходит такого, что могло бы вызвать у меня тошноту. Мне страшно.

Он обнял меня, и поцеловал в макушку.

— Как и мне, но несмотря ни на что, ты мой приоритет номер один.

Я покачала головой. И все еще шепотом, ответила:

— Нет, у тебя есть приоритет номер один, и я здесь, чтобы помочь тебе с ним, а не испортить еще больше, чем я уже сделала.

— Мы почти готовы к посадке. Как только мы окажемся в "Восточном Сиянии", не отходи от меня и держи глаза опущенными вниз.

— Я знаю, что ты этого не хочешь, но я могу помочь. У меня будет доступ к женщинам-последователям, в отличие от тебя. Я тоже могу кое-чему научиться, кое в чем помочь в твоём деле. Это то, что я делаю... то, что я делала. Я хочу помочь собрать улики.

Выражение лица Джейкоба стало жестче, так, что запульсировала вена на его шее.

— Нет. — Он сплел наши пальцы вместе. — Я больше не позволю этому продолжаться.

Это не стоит риска.

— Не беспокойся обо мне. Я нахожусь в гораздо лучшем положении, чем была. По крайней мере, теперь я знаю, что происходит.

Он закрыл глаза и выдохнул. Прежняя твердость превратилась в боль.

— Это не лучше. Ты была идеальна у Брата Рафаэля. Продолжай в том же духе. Сара должна все контролировать.

Я кивнула.

— Обещаю, я все понимаю. Но подумай об этом. Я буду играть роль Сары и одновременно помогать тебе.

Джейкоб глубоко вздохнул, когда самолет начал снижаться, и продолжил наш разговор шепотом.

— Я сказал нет.

Слова были окончательными, как будто любой мой аргумент был бы пустой тратой времени.

Он продолжил:

— Я постараюсь не оставлять тебя одну. Если меня не будет рядом, Брат Мика постарается быть. Помнишь, я говорил, что каждое движение может быть проверкой?

Я кивнула.

— Я не знаю, почему или что это значит, но я знаю, что каким-то образом привести тебя сюда — это испытание. Я только не знаю, кого из нас проверяют. Искренне верю, что меня. Так или иначе, ты тоже вовлечена.

Холодок пробежал по моей спине. Джейкоб, должно быть, ощутил мою дрожь, потому что он отпустил мою руку и снова обнял меня. Его запах кожи и мускуса наполнили мои чувства.

В разгар шторма я наслаждалась покоем.

— Я тебе доверяю, — прошептала я, прижавшись щекой к его рубашке.

Его подбородок лежал у меня на голове, а теплые вздохи струились по моим волосам.

— Спасибо, я не знал, сможешь ли ты когда-нибудь сказать это снова, после всего.

— Всего, что я натворила. — Я вытянула шею вверх, высматривая честность в его взгляде. — Теперь я вижу, что все, что ты делал, было сделано не зря. Кроме того, я бы не вернулась сюда, если бы не доверяла тебе.

Как неизбежность того, что мы собирались оказаться под угрозой, наши губы столкнулись, и новый огонь пришел на смену холоду. Хотя я не была готова забыть ограничения, которые я поставила на наши отношения, голод в поцелуе Джейкоба притягивал меня ближе, наполняя меня желанием. Не говоря ни слова, он овладел моим телом, позволив моим напряженным мышцам расслабиться в его объятиях. Наши губы оставались напряженными, давая и принимая с неутолимой потребностью быть ближе. Без всякого повода я охотно поддалась его жажде. Как только я это сделала, я осознала то, что я вероятно уже знала — я уже доверила Джейкобу все: мой разум, тело и жизнь. Даже сейчас, когда Стелла проснулась во мне, я знала — обе части меня знали — доверие не было неуместным. Мы также знали, что мы никогда никому так сильно не доверяли. Даже Дилану.

В конце концов, с Диланом я всего лишь поделилась ключом от своей квартиры в день... в последний день...

Все мое тело дрожало. Я не могла позволить моим мыслям устремиться туда. Не сейчас. Когда наш пылкий поцелуй закончился, Джейкоб пригладил мои волосы и потянулся к моей руке.

— Давай посадим тебя, пока мы не приземлились.

Я кивнула и улыбнулась выбору его слов. На этот раз это был не приказ.

Когда я выключила свет, то мельком увидела свое отражение. Я не только заметила почерневший глаз, но и то, что от нашего поцелуя, мои губы стали красными и слегка припухли. Улыбаясь и застегивая свой ремень безопасности, я вдруг осознала, что наш короткий страстный поцелуй обеспечил нам алиби. Очевидно, что мы были вместе в ванной, чтобы уединиться.

— Опустит глаза, — напомнил мне Джейкоб после того, как мы приземлились, когда открылась дверь и опустился трап.

Держась за руки, мы спустились по ступенькам. Подул легкий ветерок, заставляя мои волосы разлететься вокруг лица, а длинную юбку развеяться. Когда я вдохнула знакомый аромат Мичиганского лета, влажность и жара наполнили мои легкие. Даже ранним утром, обещанные лучи солнца дразнили, создавая боль, которую я могла утолить, лишь подняв подбородок и подставив щеки лучам света. Прошло слишком много времени с тех пор, как я действительно чувствовала тепло солнца. Пока я боролась с желанием посмотреть на здание или выполнить указание Джейкоба, мое сердцебиение эхом отдавалась в ушах.

Держа глаза опущенными, я вглядывалась в открытую площадку взлетно-посадочной полосы, замечая только край окружающих деревьев. Это была именно та лесистая местность, по словам свидетеля Дины Роузмонт, из которой ее дети видели похищение. Именно оттуда они видели, как Минди заносит в самолет... самолет, возможно, пилотируемый мужчиной, идущим рядом со мной... моим мужем. Я не могла думать об этом, не тогда, когда мне нужно было доверять ему.

Положив руку мне на поясницу, Джейкоб направил меня к повороту. Подняв только глаза, я увидела, что за хозяйственными постройками, на холме, стоит особняк. Я затаила дыхание, когда Джейкоб отчаянно прошептал:

— Глаза вниз! Не смотри туда.

Было уже слишком поздно. Я не могла не смотреть.

Я потянулась к руке Джейкоба, мои колени больше не могли меня держать.

— Как? Почему?

— Сара, не сейчас. — Его слова были резкими, сказанными сквозь стиснутые зубы.

Издали мужчина на балконе не мог нас услышать или даже узнать, но я знала. В глубине души я знала, что человек, стоящий и наблюдающий за посадкой самолета и высадкой пассажиров, был тем мужчиной, которого я представляла себе, когда была без зрения. Возможно, если бы я не знала каждый сантиметр его тела, я бы не смогла узнать его издали, но я узнала.

К тому времени, как Джейкоб привел меня к первой постройке, мои щеки были мокрыми от слез, и было трудно говорить. Все было в порядке. По выражению лица Джейкоба я поняла, что он не хочет, чтобы я говорила. Вместо этого он небрежно прошелся по периметру комнаты, прежде чем исчезнуть за дверью, а через несколько мгновений вернулся. Взяв меня за руку, он молча повел меня в другую комнату.

Закрыв дверь, он схватил полотенце и свернул его на полу у двери. Затем, снова шепотом произнес:

— Я видел там две камеры. Здесь же нет никаких аудио- или видеозаписывающих устройств.

Я кивнула, слыша, но не понимая. В моей голове крутилось слишком много мыслей и воспоминаний.

Нехарактерно для себя Джейкоб яростно схватил меня за плечи. Вместо ощущения его обычного спокойствия, от его прикосновения исходил гнев. Сквозь сжатые челюсти он сказал:

— Держи себя в руках. Разве ты не понимаешь? Это то, о чем я говорил. Это гребаная проверка. Ты должна была это знать, в своем сердце. Подумай об этом. Как Брат Уриэль узнал, что ты была на том фестивале?

Моя голова качалась из стороны в сторону.

Нет. Здесь какая-то ошибка. Я не знала. Я даже не подозревала голубоглазого мужчину, которому доверяла.

— Я не знаю, что известно Отцу Габриэлю, — сказал Джейкоб, — и почему он заподозрил, что ты помнишь свое прошлое, но что может быть большим испытанием, чем заставить тебя встретиться с Диланом Ричардсом?

Глава 18

Джейкоб

— Может и нет. Может, его похитили тоже? — спросила Сара, ее голубые глаза умоляли меня сделать это правдой, но я не мог.

Мне следовало рассказать ей о Дилане Ричардсе, еще когда мы были в мотеле. Однако, в тот момент, я боялся, что она не поверит. Слишком многое она пыталась понять. И дело не в том, что она недостаточно умна. Дело во мне. Я видел недоверие в ее глазах в офисе маршалов. Я боялся, что если я расскажу о Ричардсе, она подумает, что я обманываю ее. В то самое время, как я обещал, что больше не будет никакой лжи.

Глубоко вздохнув, я ослабил хватку на ее плечах.

— Сара, — мой голос был тихим и низким, — мне нужно, чтобы ты доверяла мне. Посмотри на меня. Ты мне веришь?

Ее влажные от слез щеки в сочетании с болью на лице заставили меня возненавидеть этого ублюдка больше, чем я уже ненавидел.

— Ты веришь? — спросил я снова.

Ее плечи поникли.

— Я сказала тебе, что меня бы здесь не было, если бы я тебе не доверяла.

— Тогда поверь мне, Ричардс знал о твоей судьбе. Я помню, как был шокирован, когда Брат Уриэль взял меня в Дирборн, и пока мы наблюдали за вами двумя, Брат Уриэль упомянул, что Ричардс коп. Тогда я еще не знал, как он связан со "Светом". Теперь я пришел к вероятному заключению, что как коп, он помогал в похищении женщин. Я не знаю, но Сара, он не только знал о твоей судьбе, но и преподнес им тебя на блюде.

— Почему? — она больше плакала, чем говорила, ее подбородок упал на грудь.

Я осторожно поднял ее подбородок и наклонился, пока наши носы не соприкоснулись.

— Чтобы я смог встретить самую умную, красивую и необыкновенную женщину, и чтобы она смогла по-королевски испортить мне жизнь.

Она не проронила ни слова, пока ее глаза не встретились с моими. Сразу после этого я прикоснулся к ее подбородку, осторожно поцеловал в губы, и она снова прильнула к моей груди. Я обнимал ее, пока ее тело вздрагивало от молчаливых всхлипов. Время остановилось, я гладил ее по спине. Наконец, я взглянул на часы. Было три часа утра в "Северном Сиянии", что означало семь утра по местному времени. Мы были здесь почти час, и я ничего не сделал, чтобы помочь Мике.

— Я не знаю, чего от нас ждут. Почему бы тебе не прилечь и не отдохнуть, пока я помогаю Мике?

Она кивнула, прижимаясь к моей груди.

— Мне очень жаль.

— За что? — спросил я, снова заставляя посмотреть мне в глаза.

— За то, что испортила тебе жизнь.

— Не стоит. В этом нет твоей вины. — Я поцеловал ее. — Прости, что не предупредил тебя. Я не думал, что они будут так жестоки.

— Я бы не поверила тебе. — Ее покрытая красными пятнами шея выпрямилась, когда она глубоко вздохнула. — Я думала об этом, когда мы оказались здесь. Я думаю, что были подсказки, но я пропустила каждую. Так много ошибок для того, кто был журналистом.

— Тссс. Даже не говори об этом. Я подозреваю, что все как раз наоборот. Я не только я считаю, что ты была слишком хороша в своей работе, но и думаю, что это главная причина, почему ты здесь.

— Это просто бессмысленно.

Я хотел все исправить, чтобы все стало для нее понятным. В конце концов, это всегда было моей обязанностью. Она бы передала мне свою печаль, и я бы принял это. Так учил Отец Габриэль. Но я не мог исправить это. Стелла должна была смириться. Я просто хотел, чтобы она сделала это, не привлекая внимания ни к себе, ни к нам. Вместо того чтобы сказать ей, что это уже случилось, как сказано "Светом", я сменил тему.

— Я покажу тебе, где кровать, и я хочу, чтобы ты отдохнула. — Когда она посмотрела на меня так, словно собиралась возразить, я выпрямился. — Сара?

Она опустила глаза и сказала:

— Да, Джейкоб.

— Посмотри на меня. — Когда она подняла глаза, я продолжил. — Мы не говорили о твоей подруге Роуз?

Лоб Сары нахмурился, когда она покачала головой.

— Роуз? Нет, не Роуз. Ее зовут Минди, Минди Роузмонт. В "Северном Сиянии" ее зовут Мэри, и я знаю только, что она замужем за человеком по имени Адам.

— Ты помнишь, когда видела ее?

Она кивнула.

— Что ты сделала или сказала?

— В первый раз, я не помню... Ох, да, я сказала Рейчел, что она выглядит знакомой, но я не знала почему, пока...

Несмотря на то, что она говорила шепотом, я коснулся пальцем ее губ.

— Именно это тебе и нужно сделать. Пожалуйста, скажи мне, что ты можешь это сделать.

— Я постараюсь.

Держа ее за руки, я понял, что говорю ровным, требовательным тоном.

— Нет, Сара, ты должна не стараться. Скажи мне, что ты сделаешь.

Опустив ресницы, она покорно ответила.

— Да, Джейкоб. Я сделаю.

Для нас с Микой не было ничего необычного в том, что мы не слышали никаких указаний из особняка с тех пор, как мы прибыли. Поскольку здесь была только взлетно-посадочная полоса и никакого ангара, нашей задачей всегда было вызвать заправочный грузовик и ждать. Раньше меня это никогда не беспокоило, так же как и камеры, которые, как я знал, были в пристройках, но сегодня меня волновало все. Мои нервы были на пределе.

Комната Мики находилась по соседству, Сара спала, я вышагивал по гостиной и ждал звонка. В начале девятого, по местному времени, телефон зазвонил.

— Алло?

— Брат Джейкоб?

— Да, — ответил я, не узнавая ни номера, ни голоса.

— Отец Габриэль ожидает увидеть вас и вашу жену на службе, которая начнется менее чем через час. Прибудет автомобиль, чтобы забрать вас двоих и Брата Мику. Через десять минут. Будьте готовы.

— Будем.

Связь оборвалась.

Мою голову наполнили мысли. Большинство из них не были хорошими или даже обнадеживающими. Конечно, отец Габриэль не стал бы устраивать это маленькое воссоединение Ричардса и Сары перед всей церковью. Не то, чтобы тут было много людей, как в "Восточном Сиянии", но все же.

Когда я направился, чтобы разбудить Сару, то подумал о завтраке. У нас абсолютно не было времени на то, чтобы поесть как следует. Когда я вошел в спальню, она лежала, свернувшись под одеялом. Ее светлые волосы закрывали часть щеки. Та часть, где Томас оставил свой след, прижималась к подушке. Она выглядела более умиротворенной, чем я видел ее, казалось, целую вечность — с тех пор, как она ушла.

Часть меня хотела, чтобы она оставалась в этом состоянии, хотела позволить ей спать и позволить ей оставаться в том мире грез, где она находилась. Где бы она ни была, то место должно быть лучше, чем реальность.

Когда я присел на край кровати, она повернулась ко мне, ее колени оставались все еще согнутыми, она коснулась ими моей ноги. На мгновение ее сонные глаза открылись, и на губах появилась улыбка. А потом все исчезло. Всего на мгновение, она почувствовала себя в безопасности, зная, что я рядом, но очень быстро воспоминания настигли ее и реальность вернулась. Сонная голубизна ее глаз затуманилась сомнением и страхом.

Я убрал волосы с ее лица, обнажая синяк.

— Пора. Мне только что звонили и сказали, что нас хотят видеть на службе. Автомобиль уже в пути.

Она кивнула.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Сможешь встать?

Медленно она села, оценивая свое состояние.

— Кажется, я чувствую себя хорошо, насколько это возможно. Я немного голодна.

Я кивнул в ответ.

— Если ты сможешь самостоятельно собраться, я проверю, что съедобного можно найти на кухне.

Мы уже выяснили, что камеры были даже в спальне. Когда я откинул одеяло, она была все еще полностью одета. Ее юбка была из тонкого материала, который не мялся. Так что, ей оставалось только обуться и привести себя в порядок.

На кухне я нашел хлеб и быстренько засунул его в тостер. В холодильнике я нашел ее любимый вид варенья, которое производили в "Свете" — клубничное. Я поднял глаза и увидел, как она заходит в маленькую кухню. Она выглядела такой красивой. Я был бы рад, если бы у нее была возможность отдохнуть хотя бы немного дольше. Несмотря на уродливый синяк, цвет ее лица улучшился, вернулся румянец щек и губ.

Увидев тарелку с тостом, она воскликнула:

— Ох!

Я прищурился.

— Я только что вспомнила, — сказала она, быстро приходя в себя, — как сильно люблю клубничное варенье. Как мне не хватало этого, когда мы были в "Северном Сиянии".

Я подозревал, что она вспомнила кое-что другое, но должен был подыграть ей.

— Я знаю, это твое любимое. Всегда было.

Она пожала плечами, продолжая жевать. Проглотив, она сказала:

— Иногда я забываю, что ты помнишь гораздо больше, чем я. Все, что я помню это то,

что люблю его. — Она поморщила носик. — Оно гораздо вкуснее, чем из голубики.

Я выдохнул и помолился. Может, мы сможем выбраться из этого.

Когда я протянул ей стакан воды, мы оба обернулись на стук.

Сделав быстрый глоток, она спросила.

— Это похоже на нашу службу? Я нервничаю.

— Да, немного.

Я открыл дверь Мике. За ним, на подъездной дорожке, которая проходила мимо зданий и вела к посадочной полосе в одну сторону и к дороге в другую, стоял черный внедорожник. Под теплым Мичиганским солнцем стоял водитель, зловеще ожидая у двери авто. Его глаза закрывали солнечные очки, ткань на рукавах белой рубашки натянулась на его больших руках, резко контрастируя с его темной кожей. Я сразу узнал его. Хотя Брат Илай был на Собрании, по моему опыту в "Восточном Сиянии" и по тому, как он напоминал профессионального футболиста, я полагал, что он также выступал в качестве телохранителя, когда Отец Габриэль бывал здесь.

— Здравствуйте, Брат Илай, — сказал я.

Он кивнул.

— Брат Джейкоб. Брат Мика.

Хотя Сара пристально наблюдала, ее глаза были опущены, Илай ее не узнал. Он не ждал, и от меня не ожидалось, что я ее представлю. Когда она посмотрела вверх и увидела Брата Илайю, то прикусила губу и прикоснулась к моей руке. Проклятье, хотел бы я знать, о чем она думает. Вместо этого я изучил выражение ее лица, когда помогал забраться в машину. Она была верна нашему плану, и кроме факта, что ее щеки побледнели, ее лицо ничего не выражало.

Хотя Брат Илай часто сопровождал Отца Габриэля, к счастью, самого Отца Габриэля во внедорожнике не было. Я сел рядом с Сарой на заднем сидении и попытался молчаливо успокоить ее, сжимая ее руку. Мика сидел впереди, мы ехали в тишине, пока Илай разворачивал внедорожник, направляясь к деревьям, и ехал к воротам. После того, как он ввел код доступа, массивные, широкие ворота сдвинулись, позволяя нам покинуть территорию особняка. Только, когда мы въехали в Хайленд-Хайтс Илай заговорил.

— Брат Джейкоб, как член Собрания, вы будете сидеть с остальными членами Собрания, Сестра Сара, вы сядете среди Жен Собрания.

Ее рука дернулась в моей, но голова не шелохнулась.

— Конечно, — ответил я. — Я покажу Саре, где это. Когда мы были здесь раньше, я не был в составе Собрания.

Дерьмо! Теперь я лишился дара речи.

Илай слегка повернул голову к зеркалу заднего вида. Я кивнул, изо всех сил стараясь сохранить нейтральный тон и выражение лица. Блять, это не Сара может все испортить, это буду я, если не успокоюсь.

— Моя жена, — Илай повернулся, — Сестра Тереза. Я сказал ей передать другим женам членов Собрания, что будет гостя. Они будут ждать.

Я надеялся, что это хорошо, потому что, учитывая то, как Сара цеплялась за мою руку, я не хотел расставаться с ней, даже в церкви, полной последователей, и я был уверен, что она чувствовала то же самое. Слишком сложно сдержать обещание. Не только я не мог быть с ней, но и Мика тоже. Они знали друг друга только по службе, но часто слышали имена друг друга.

Мика тоже был женат. Его жена и их маленький сын вернулись в "Северное Сияние". Мы оба знали, что вся эта ситуация с Сарой в "Восточном Сиянии" была крайне необычной. Когда мы готовили "Цесну" к полету, он прикоснулся к моей руке и прошептал:

— Я не понимаю. Я начал летать с Отцом Габриэлем за несколько лет до твоего появления. Я никогда не отвозил женщину обратно в "Восточное Сияние".

Я кивнул, мое беспокойство было очевидно.

— Брат, я сделаю все, что в моих силах, — заверил он меня.

— Мы просто должны вернуть ее обратно.

Мика кивнул.

— Я слышал тебя. Я имею в виду, мы не выбирали их, но как только они стали нашими... — Его слова затихли. Мика был хорошим человеком, хорошим пилотом, хорошим мужем. Не многие мужчины обращались с женщинами так, как Авраам, по крайней мере, в "Северном Сиянии". По моему мнению, это была заслуга Люка. Он усердно работал наблюдая и делая все возможное, чтобы жены были в безопасности. Если бы кто-то другой делал его работу, то результат мог бы быть совершенно другим. Я не знаю, как было в других общинах.

Мы подъехали к большому белому зданию на углу второй и Глендейл-Авеню. Когда я повернулся, глаза Сары были закрыты. Она скрывала свой страх, но, черт возьми, я чувствовал его по ее пульсу и хватке. Проклятье, я даже чуял его запах, если это было возможно. Он исходил от нее, образуя облако.

Население "Северного Сияния" выросло почти до пятисот последователей, в то время как население "Восточного Сияния" оставалось более стабильным и составляло около сотни человек. Учитывая это число, их церковь была намного меньше нашей, занимая лишь небольшую часть всего здания. Держа Сару за руку, я провел ее через двери. Каждый шаг был меньше предыдущего, старый кафельный пол превратился в зыбучие пески, засасывая мою обувь в грязь, замедляя наши шаги, пока страх склеивал наши руки. Даже мысль о том, чтобы отпустить ее, казалась мне невозможной.

Возможно, я был параноиком, но пока другие последователи направлялись к своим местам, я почувствовал, что атмосфера здесь отличалась от той, что была в "Северном Сиянии". Люди здесь казались более уставшими и сдержанными. Это имело смысл. В "Восточном Сиянии" остались только мужчины, которые занимались вербовкой или материально-техническим обеспечением. Большинство последовательниц-женщин работали в здании напротив. Хотя у них была небольшая линия по производству "Джемов Света", главным образом, они были задействованы в производстве нелегальных препаратов. Это был запасной план Отца Габриэля, его способ отвлечь внимание закона от более крупных незаконных операций, если операции "Света" вообще когда-нибудь подвергнутся сомнению. Эти последователи были более осведомлены об опасной стороне "Света", потому что они жили ею.

Используя размещение сидений в "Северном Сиянии" как руководство, я повел Сару туда, где, как я предполагал, сидели жены членов Собрании. Должно быть, я оказался прав, потому что женщина встала.

Склонив голову, она сказала:

— Я Сестра Тереза, мой муж сказал, что ожидается новая сестра.

Новая? Что? Не новая, просто гостья.

— Сестра Тереза, — сказал я, — это моя жена, Сестра Сара. Мы приехали с визитом из

другой общины. Я вернусь за ней после службы.

Она посмотрела на пустое место рядом с собой и затем взяла Сару за руку.

— Добро пожаловать, Сестра.

Я направился вперед, к тому месту, где Илай указывал на пустое место рядом с собой.

— Брат, — сказал Илай, — прежде чем начнется служба, я думаю, вас хотят увидеть на несколько минут в кабинете на втором этаже. Вы помните, куда нужно идти?

Я проглотил беспокойство. Я не хотел покидать это помещение, чтобы не оставлять Сару.

— Да, я помню.

Он кивнул.

— Я бы постарался вернуться до того, как здесь появится Отец Габриэль.

Я прищурил взгляд.

— Разве не Отец Габриэль желает видеть меня?

Илай пожал плечами.

Я сделал глубокий вдох, посмотрел на собравшихся и выдохнул. При виде беседующих Терезы и Сары мне стало немного легче.

Церковь "Восточного Сияния" располагалась на первом этаже. Здание было гораздо больше и использовалось для разных целей. Когда я впервые попал в "Свет", как и большинство последователей-добровольцев я проводил большую часть своего времени в этом здании. На втором этаже располагались кабинеты, а также классы для обучения новичков. Частью вводного процесса было обучение и запоминание учений Отца Габриэля. На третьем этаже располагались экзаменационные центры — отдельные кабинеты, где проводились ежедневные экзамены. Постоянно проводился анализ преданности последователей «Свету», прежде чем последователи будут распределены в одну из общин. На четвертом этаже располагались общежития для новых последователей и квартиры для постоянных жителей. Апартаменты Членов Собрании и Комиссии располагались в дальнем конце здания через дорогу, что давало им некоторое уединение.

Повернув за угол на верхней площадке лестницы всего на секунду, я увидел Ричардса, который встал передо мной.

Какого хрена?

— Посмотрим, как тебе понравится это, ублюдок.

У меня не было времени обдумать его слова, прежде чем его кулак встретился с моей челюстью, застигнув меня врасплох и отбросив мое лицо влево. Инстинктивно я начал отступать к стене. Но, прежде чем я успел сгруппироваться, чтобы нанести ответный удар, кто-то схватил меня сзади за руки.

Глава 19

Сара

Я не могла поверить, что нахожусь в здании, за которым когда-то наблюдала. Воспоминания о моем расследовании вернулись, оживив мое любопытство. Оглядевшись, я задумалась о размере храма. В этом здании должно быть что-то еще. Интересно, что это могло быть? И тут я вспомнила заброшенное здание школы через дорогу — то самое, к которому шли женщины. На мгновение мне захотелось спросить других жен, что они знают, но потом я напомнила себе, что Сара не станет задавать вопросов.

Как только я присела, у меня сложилось странное ощущение о других женах членов Собрании, которое заставило меня задуматься, как бы мы реагировали в "Северном Сиянии" если бы новая жена приехала к нам. Почти сразу же это странное чувство исчезло, когда сестра Тереза и женщина по другую сторону от меня, сестра Марта, выглядели расслабленными и поприветствовали меня. Вскоре другие жены Собрании и комиссии пожимали мне руку и называли мне свои имена.

Поскольку все они были частью избранных, я могла сказать им, что я прибыла из "Северного Сияния". В то время как последователи не были так проинформированы, избранные знали о других общинах.

Когда сестра Тереза заговорила, я поняла, что способствовало их принятию.

— Сестра Сара, благодарны ли вы Господу и Отцу Габриэлю за вашего мужа?

Я опустила глаза и кивнула.

— Да, сестра, я благодарна. Я благодарна за то, что он любит меня настолько, чтобы исправлять.

Это было звено — болезненное, искаженное обязательство, но каким-то образом, в этом гребаном мире оно давало женщинам "Света" связь. На мгновение я поблагодарила Томаса за синяк, который открыл сердца этих женщин. Я не хотела быть здесь среди них, но если бы мне пришлось, я была бы рада, что мы могли найти общий знаменатель, который не позволил бы мне быть аутсайдером.

— Как долго вы в "Свете"? — спросила Сестра Марта.

— Мой муж сказал, что мы живем в "Северном Сиянии" уже больше трех лет.

— Ваш муж?

Я кивнула.

— Да, около года назад со мной произошел несчастный случай. Я не люблю говорить об этом, но, должно быть, я ударила голову. Я ничего не помню до этого.

— Ох, — сказала сестра Тереза, — это должно быть ужасно.

Я вздохнула.

— Так и было, но каждый старался помочь. — Я пожала плечами. — Думаю, я просто смирилась с тем, что мои прежние воспоминания не важны. Если бы были важны, и если бы вспомнить их было волей Господа и Отца Габриэля, то они бы вернулись.

— Хорошо, что вы с нами, сестра, — сказала сестра Марта.

Время от времени я пыталась осмотреться. Я искала пронзительные голубые глаза из моих воспоминаний. Однако, присутствие Дилана на службе не имело смысла. Он никогда не уходил в воскресенье утром или в среду вечером, когда мы встречались. Не то, чтобы я

проводила с ним каждое воскресенье или среду, но некоторые из этих дней мы проводили вместе.

Я наблюдал за тем, как мужчины и женщины всех национальностей продолжали входить в комнату. Святилище было не только меньше нашего, оно было намного старше. Стены были из шлакобетона, и все было чисто, но явно изношено. Потертый ковер нуждался в замене. Из того немного, что я видела и узнала, я предположила, что деньги "Света" уходят в другие места.

Полированные деревянные балки выступали в центре потолка, а длинные цилиндрические светильники свисали на тросах. Впереди возвышалась сцена. Там, где в некоторых церквях мог быть хор, была зона отдыха для членов Комиссии и членов Собрания. Я старалась не паниковать, когда поняла, что Джейкоба здесь нет. Я видела, как он ушел в том направлении, но, оглядевшись, поняла, что что-то случилось. Стул рядом с Братом Илаем был пуст.

Я повернулась, ища Брата Мику. Он сидел не слишком далеко позади. Когда наши глаза встретились, он широко раскрыл глаза и слегка покачал головой.

Что это значит? Где он? Куда он ушел?

Прикусив губу, я обдумывала варианты. Я знала, что Джейкоб не оставил бы меня. Кроме того, Мика все еще был здесь. Если бы я исчезла, он бы искал меня. Я была перед ним в долгу.

— Сестра Тереза, — спросила я, — есть ли здесь туалет, которым я могу воспользоваться перед службой?

— Служба скоро начнется.

Я сморщила нос.

— Я никому не говорила, — прошептала я, — но, я думаю, что могу быть беременна.

— О, я понимаю. Да, давайте я покажу вам...

Когда мы уже были готовы встать, в зале воцарилась тишина, и отец Габриэль вышел на сцену из двери справа, а за ним шел Джейкоб. Сестра Тереза покачала головой, и я понимающе кивнула. Мы не можем покинуть наши места до окончания службы.

Я прищурилась, пытаюсь лучше разглядеть мужа. Для остальных последователей не было ничего необычного, когда он занял свое место возле Брата Илайя, и я могла сказать, что что-то было не так. Продолжая смотреть, я дождалась, когда его темные глаза встретились с моими. В этот момент его челюсть напряглась, и даже издалека я увидела гнев в его глазах и напряжение в плечах, как раз перед тем, как изменилось выражение его лица.

Что-то случилось, и он пытался защитить меня. Я просто не знала, что именно.

На протяжении всей службы я ждала чего-то, что-нибудь от Джейкоба или Отца Габриэля. Я не знала, сделает ли он грандиозное представление нас в качестве гостей или хоть какое-то объявление. Вместо этого служба проходила так же, как и в "Северном сиянии". Я то стояла, то сидела, читала ответы и стихи так же, как и все остальные.

Я хорошо усвоила уроки.

Как только я начала расслабляться, я заметила руки сестры Терезы на коленях. С ее темной кожей сожженные кончики пальцев были еще более заметными. Вращая запястьем и видя собственные кончики пальцев, я почувствовала, что мне нужно положить конец этой пародии. А потом все изменилось.

Глава 20

Джейкоб

Несколькими минутами ранее

— Какого черта? — спросил я, когда мои руки оказались сжатыми за спиной. Я не мог видеть человека, который удерживал меня, но я точно мог видеть мудака передо мной.

— Я видел ее лицо, — сказал Ричардс, стиснув зубы.

Жар растекся в груди, пока я пытался расслабить руки. Очевидно, он закончил свою демонстрацию правого хука.

— О чем ты говоришь? — спросил я.

— Стелла! Это ее гребанное имя.

— Стелла? — Я сделал все возможное, чтобы казаться удивленным. Двигая плечами, я сказал: — Отпусти мои чертовы руки. Я не собираюсь бить этого придурка.

— Нет, конечно, нет, — ответил Дилан. — Ты бьешь только женщин.

Как только мои руки оказались на свободе, я шагнул вперед — в сторону Ричардса.

— Ты говоришь о моей жене. И то, что происходит между мной и моей женой не твое собачье дело.

Он провел рукой по волосам.

— Это мое собачье дело, даже больше, чем ты можешь себе представить.

Я глубоко вздохнул и заговорил громче, чем следовало:

— Отец Габриэль отдал Сару мне. — Я подчеркнул ее имя. — Если я решу наказать ее, это — мое решение. Не твое.

Обернувшись, я увидел крупного мужчину, которого не узнал. Хотя он сделал шаг назад, я не сомневался, что, если я пойду за Ричардсом, он отправится за мной.

— Она... — Ричардс отвернулся, прежде чем повернуться ко мне снова. — Она расхаживает здесь, как женщины-зомби. Что ты с ней сделал?

— Что я с ней сделал? — Твою мать! — Иди на хрен! Я напомню тебе. Ты был с ней в Дирборне. Она была твоей, и ты предал ее. Теперь она моя, и я держу ее.

— Ты держишь ее? Она что — гребанная собственность? Это безумие.

— Нет, не собственность — моя жена.

— Джентльмены.

По спине пробежал холодок, заставив всех замолчать, когда отец Габриэль появился из двери дальше по коридору. Человек позади меня, и я немедленно изменили позы, выпрямившись и склонив головы, чтобы выразить уважение, которое мы испытывали к Отцу Габриэлю. Ричардс наоборот небрежно прислонился к стене и засунул руки в карманы джинсов.

Похлопывая Ричардса по плечу, Отец Габриэль сказал:

— Это "Свет", здесь мы не спорим, мы не деремся, — он наклонился к Ричардсу, его голос был низким и методичным. — Мы. Не. Бросаемся. Гребаными. Грязными. Словами. Я ясно выразился?

— Да, дядя, — сказал Ричардс, хотя казалось, что это приносит ему боль.

— Брат Джейкоб, — сказал он, посмотрев на меня.

— Да, Отец.

— Нам нужно многое обсудить. — Он приподнял рукав своего шелкового костюма,

обнажив часы и запонки, которые, как я догадываюсь, могли быть проданы в уплату долгов нескольких небольших стран. — Однако сейчас не время. Служба вот-вот начнется. — Он приподнял брови.

— Полагаю, сестра Сара сидит с другими женами Собрания?

— Да, Отец.

— Очень хорошо. — Он повернулся к Ричардсу. — Не хочешь присоединиться к нам? Это пошло бы тебе на пользу.

Оттолкнувшись от стены, Ричардс снова провел рукой по волосам. Хотя он отвечал отцу Габриэлю, его взгляд не отрывался от меня.

— Нет, мне нужно убраться отсюда.

За последние три года я ни разу не слышал, чтобы кто-то говорил отцу Габриэлю "нет", но по тому, как Ричардс ушел, не дожидаясь ответа отца Габриэля, у меня сложилось впечатление, что для них это было привычным делом.

— Дети могут быть такими непочтительными, — сказал Отец Габриэль, смотря на меня.

Ребенок? Ричардс казал "дядя". Они родственники?

Я хотел спросить, что все это значит. Для меня. Для Сары. Но, конечно, я не мог.

— Брат, — сказал он, положив руку мне на плечо. — Я вижу, у вас есть вопросы и восхищаюсь вашей сдержанностью. Я всегда восхищался вами. Дело в том, что у меня также есть вопросы. — Он похлопал меня по плечу. — Разница в том, что я могу задавать свои. Прежде чем я вернусь в "Северное Сияние", мы поговорим.

Что, черт возьми, это значит?

— Да, Отец.

Проходя мимо меня и другого мужчины, он небрежно спросил:

— Как Фэрбенкс в это время года?

Мысли проносились в моей голове.

— Фэрбенкс? Все в порядке. В Вайтфиш не было кое-чего из наших запасов. И я позвонил брату Дэниелу...

Он махнул рукой.

— Не берите в голову. У вас есть конверт для меня от Брата Рубена?

Конверт. Какой конверт? Я смутно припоминал, как брат Рубен вручал мне что-то в "Западном Сиянии". После этого я ничего не мог вспомнить.

— Да. Он остался в "Северном Сиянии". — Я надеялся, что это так. Это была проверка?

Он кивнул.

— Ясно. — Проходя вперед, он сказал. — Пойдемте, время для службы.

Я последовал за ним через коридор и вниз по лестнице. Другой мужчина следовал прямо за мной по пятам, словно ему нужно было убедиться, что я не сбегу. Я бы ни за что так не поступил, особенно с Сарой среди молящихся.

Когда я занял свое место, Брат Илай кивнул.

Он выполнял указание Отца Габриэля или Ричардса, приглашая меня в офис? Обладал ли Ричардс властью указывать Членам Собрания? С каждой минутой количество моих вопросов росло.

Посмотрев на собравшихся, я нашел Сару и выдохнул — с ней все было в порядке. Когда ее глаза встретились с моими, я постарался сохранить спокойствие, тем самым давая ей понять, что все будет хорошо. По крайней мере, я знал, что Дилан Ричардс не покажется

здесь во время службы.

Я правильно ответил, как и учил Отец Габриэль. Я стоял и сидел, и даже читал. Однако я не слушал. Мой разум был слишком ошеломлен поворотом событий. Я пытался вспомнить, что же я сделал с конвертом от брата Рубена. Я забрал его прямо перед тем, как начался ад. В то время я не думал, что это важно. Я также пытался расшифровать связь Ричардса со "Светом". Кем бы он ни был, у него были самые обычные отношения с Отцом Габриэлем, которые я когда-либо видел.

Мои мысли продолжали метаться от предмета к предмету, но ответа не было видно, пока слова отца Габриэля не прорвались сквозь мое замешательство.

— Поэтому, разве вы не согласны с Господом нашим, что лучше нам быть вдали от этих земных Дел, ибо тогда мы будем дома во "Свете"?

Вдали? Это Кул-Эйд?

— Да, Отец, — последовал ответ прихожан.

— Вы уверены, дети мои?

— Да, Отец.

— Помните, что Господь ненавидит лживые уста, но он любит только правдивыми людьми. Люди во тьме лгут, но вы в "Свете". Вы избавились от своего старого я и стали новыми. Кто из вас хотел бы вернуться во тьму?

Никто не ответил, и все покачали головами.

— Сказано, что снаружи — псы, что практикуют магические практики, сексуальную безнравственность, убийцы, идолопоклонники, и каждого, кто любит и говорит неправду. Это то, где вы хотите быть?

— Нет, Отец.

— Где вы хотите быть?

— В "Свете"

— Но может ли каждый остаться в "Свете"?

— Нет, Отец.

— Что нам сказали делать с нашим глазом, если он заставляет нас спотыкаться? — Не дожидаясь ответа, он повысил голос. — Нас учили выбить его. Лучше идти по жизни с одним глазом, чем иметь два, и быть брошенным во тьму!

— Да, Отец.

— Брат Авель, и вы, Сестра Саломея, можете выйти и встать перед собравшимися. Брат Уриэль, пожалуйста, тоже выходите вперед.

Я сидел, замерев в страхе и ужасе. Я искал взглядом Сару, но она не смотрела на меня. Она смотрела вниз, как и многие женщины. Без сомнения, они все подозревали, что должно случиться. Я слышал о службах с изгнаниями, но я никогда не был свидетелем таких. В "Северном Сиянии" единственные изгнания, о которых я знал, совершались в частном порядке. Когда они были обнародованы, это было больше назидательство для других последователей, чем для тех, кто должен был быть изгнан — их судьба была решена.

Торжественная тишина воцарилась в храме, когда молодая пара, вероятно, лет двадцати или чуть больше, направилась вперед. Она плакала и держалась за его руку. По-видимому, им нужна была поддержка, чтобы выйти вперед, потому что мужчина, который шел за мной по коридору наверху, шел позади них. Брат Уриэль поднялся из ряда членов Комиссии и двинулся к центру сцены.

— Последователи "Света", — начал Брат Уриэль. — Доверяете ли вы ваши жизни и

души Отцу Габриэлю?

— Да, Брат, — ответили все. Громкость была значительно ниже, чем раньше, чувство надвигающегося наказания падало, как влажное одеяло.

— Что мы узнали о непослушании?

— Оно заслуживает наказания.

— Брат Авель, расскажите нам, что произошло при распространении продукции.

Молодой человек склонил голову и задрожал.

— Простите. Это больше не повторится.

— Брат? — Спросил Отец Габриэль.

— Я не брал... там было немного... мне просто нужно было...

— Братья и сестры, для чего продукт, над производством которого вы трудитесь? — спросил Брат Уриэль.

— Для "Света".

— Очевидно, Брат Авель забыл об этом, когда упаковывал товар для отправки. — Последователи дружно вздохнули. — Не заботясь о "Свете", он решил оставить немного для себя. — Брат Уриэль повернулся к Сестре Саломее. — Сестра, брат Авель ваш муж?

— Д-да.

— И как таковой он заставил вас оступиться. Не так ли?

— О-отец, п-пожалуйста, мы н-не хотели...

— Собрание, что лучше — выдворить этих последователей или позволить им утащить нас всех во тьму?

Мой пустой желудок скрутило. Когда я посмотрел на Сару, она сидела, наклонившись вперед, и ее светлые волосы спадали на плечи. Через мгновение она выпрямилась. Хотя ее глаза были закрыты, я увидел красные пятна на ее щеках, и знал, что она плакала. Я сжал кулаки, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

Я не мог понять.

Отец Габриэль пригласил Ричардса на эту службу. Уверен, Ричардс знал, что должно произойти. Мог ли он на самом деле наблюдать за этим и закрывать глаза? Он был гребаным копом, но опять же, я был федеральным агентом, и я наблюдал.

— Да, Отец. — Ответ на последний вопрос Отца Габриэля был самым мягким.

— Дети, последуете ли вы за мной?

— Да, Отец. — На этот раз возгласы прозвучали громче.

— Верите ли вы в меня?

— Да, Отец.

— Доверяете ли мне?

— Да, Отец. — С каждым разом ответ становился все громче.

— Брат Уриэль, указ.

Брат Уриэль достал из кармана куртки два шприца и протянул их брату Авелю и сестре Саломее. Хотя они не хотели принимать их, все же взяли.

— Учение Отца Габриэля говорит нам, что все должны следовать правилам "Света". Наказание должно быть быстрым и соответствующим. Брат Авель, вы решили взять товар из производственного центра для собственного использования. Вы поставили себя выше "Света". В качестве наказания Отец Габриэль решил исполнить ваше желание и дать вам больше.

— Закатайте рукава и покажите всем свое наказание.

— П-пожалуйста, — заплакала сестра Саломея.

Здоровяк из коридора удерживал ее руку, пока другой последователь вышел вперед и ввел девушке в вену содержимое шприца.

— Н-нет, она ничего не сделала, — закричал брат Авель, когда его жена упала на пол.

Интересно, что это был за наркотик и какая доза?

Было ли это намерением убить их?

— Брат Авель, ваша очередь.

Медленно, он сделал то, что ему приказано. Сразу после введения содержимого шприца он упал на пол. Из рта у них пошла пена, а тело забилося в конвульсиях. В полной тишине здоровяк и трое других вышли вперед, подняли тела и вынесли их.

— Дети, — сказал Отец Габриэль, привлекая к себе всеобщее внимание. — Наказание не из приятных. Оно не должно быть приятным. Оно предназначено для того, чтобы держать всех в "Свете" в безопасности. Когда среди нас есть преступники, никто не в безопасности. Что вы должны сказать за привилегию знания того, что теперь вы в безопасности?

— Спасибо, Отец.

Кровь сочилась из моей щеки, когда я кусал мягкую плоть, контролируя внутренний протест.

В течение следующих пятнадцати минут Отец Габриэль продолжал проповедовать, говоря о красоте исправления и важности послушания.

Глава 21

Сара

Боже мой!

Я не могла ни смотреть, ни бежать, и такая была не одна. Другие жены вокруг пребывали в таком же состоянии. Женщина, с которой я познакомилась всего час назад, сжимала мою руку. Тост, который Джейкоб приготовил мне на завтрак просился обратно. Закрыв глаза, я сконцентрировалась на том, чтобы удержать его на месте, и чтобы меня не вырвало на ковер или на моих новых сестер. Это было долгожданное отвлечение, потому что я не могла сконцентрироваться на том, что происходило передо мной. Я видела трупы; однако, я никогда не видела, как кто-то умирал, или, если быть более точным, как его убивают.

Это должно остановиться. Доказательства множились, я и Джейкоб были свидетелями. С каждой секундой мне все больше хотелось, чтобы ФБР ворвалось в двери и остановило это ужасное шоу. Мне хотелось посмотреть в лицо Отцу Габриэлю и сказать ему, кто я такая и что помогала свергнуть его.

Я сделала глубокий вдох, концентрируюсь на своей роли. Хотя я узнала в Брате Уриэля Уриэля Харриса, разработчика, я не могла на этом останавливаться. Когда сцена закончилась, мы с другими женами отпустили руки и погрузились в наши собственные мысли, пока Отец Габриэль продолжал проповедь.

Я не слушала, что он говорил, и мне было все равно. Я опустила глаза и ждала. В конце концов, люди начали перемещаться вокруг меня, я оставалась неподвижной, парализованной наказанием, свидетелем которого я стала. И тогда я услышала голос, который мог меня освободить. Всего одно слова "Сара", произнесённое его глубоким тоном, тоном, который хвалил меня и порицал, и я смогла пошевелиться.

Я просто подняла глаза, и посреди всего этого хаоса, я снова была в безопасности, потому что Джейкоб был рядом, протягивая мне руку. Это было другое ощущение, то, которое старая я никогда бы не признала или, вероятно, не испытала бы. Даже учитывая событие с нарушением множества законов, свидетельницей которых я стала, я хотела облегчения, связанного с передачей моих забот Джейкобу.

Как только я подала ему руку, его тепло пронеслось сквозь меня, напоминая о том, насколько я замерзла. Когда я поднялась, я хотела припасть к нему и оказаться в окружении его сильных рук. Я хотела, чтобы единственным звуком было его ровное сердцебиение, когда мое ухо прижалось к его широкой груди. Я хотела, чтобы он защитил меня и увез от всего этого безумия.

Когда наши взгляды встретились, он безмолвно сказал мне, что ему известны все мои мысли. Окруженные последователями "Восточного Света", мы говорили друг с другом не только словами, но и взглядами. Мы оба хотели убраться отсюда. Это должно было закончиться. Возвращение было ошибкой, но мы выживем.

Я не могла понять, что произошло, как это случилось, и почему никто не попытался остановить это. Закусив губу, я была поймана в ловушку протестов и заявлений о непристойности, которые всплыли в мыслях.

Как все могли просто сидеть и смотреть, как убивали двух молодых людей — людей, которые окажутся на столах у Трейси в морге — людей без отпечатков пальцев?

Я знала реальность. Никто не усомнится в их смерти. Молодая пара умирает от передозировки наркотиков, об их телах, найденных в Хайленд Хайтс, даже не скажут в новостях WCJB. Никто во тьме не задастся вопросом. Впрочем, почему они должны? Никто из них не бывал в "Свете".

Мы молча пошли к черному внедорожнику, Джейкоб крепко держал меня за руку. Через дорогу от парковки было старое здание школы, за которым я наблюдала. Любопытства, которым я обладала даже в начале службы, больше не было. Оно исчезло, как и мои отпечатки пальцев. Мне было все равно, чем они там занимались. Может, мне стоит возобновить приём таблеток сразу после менструации. Может, тогда я смогу забыть то, что случилось. Поскольку трагизм того, чему мы стали свидетелями, поглотил меня, единственным моим желанием было знать, что мы с Джейкобом в безопасности и вдали от "Света".

Джейкоб, Брат Мика и Брат Илай разговаривали всю дорогу до нашего пристанища, но я не слушала. Только последние слова молодой пары, умоляющей Сестры Саломеи и Брата Авеля, молящего о сохранении жизни, повторились в моей памяти.

Случались ли вещи, подобные этой, в "Северном Сиянии"? Я никогда не видела такого и даже не слышала. Если покинуть "Свет" было невозможным, то я хочу вернуться на Аляску.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Когда мы ехали на север по Шоссе № 1, необходимость сидеть прямо вызывало напряжение во всех мышцах. Желание раствориться в тепле Джейкоба было сильнее, чем когда-либо. Я знала, что это не вариант. Мы избранные. Публичные проявления любви запрещены. Когда мы вернулись на территорию комплекса, я покорно следовала за Джейкобом в жилые помещения флигеля. Хотя мичиганское солнце светило ярко и было теплым, я продрогла до костей, когда рухнула на диван.

Прежде, чем я могла заговорить, Джейкоб сказал:

— Сара, приготовь для Брата Мики и нас ужин.

Я уставилась на него с недоверием. После всего этого он хотел есть?

Он прикоснулся к моей руке и его тон стал мягче.

— Еда в холодильнике. Ее нужно только разогреть. — Когда я поднялась, он продолжил, — Это даст тебе возможность подумать о чем-то другом.

Я кивнула, и направилась в сторону маленькой кухни. Джейкоб прав. Мне нужно отвлечься, но этого было недостаточно. Я могла бы приготовить ужин из пяти блюд, и это бы не избавило меня от тех образов, которые я видела. Кроме того, то, что я разогрела, совсем не было ужином из пяти блюд. Честно говоря, я бы предпочла приготовить, но в холодильнике не было ингредиентов. Пилоты обычно занимали эти квартиры, и от них не следовало ожидать, что они будут делать что-то большее, чем разогревать еду.

После того, как я вымыла посуду и кухню, Джейкоб взял меня за руку.

— Пойдем прогуляемся.

— Хорошо.

Мне было все равно, что мы делали. Мы знали, что у Отца Габриэля было еще две проповеди, прежде чем он мог вернуться в "Северное сияние". Кроме того, я хотела поговорить с Джейкобом, и поскольку единственное место, где это возможно, было в ванной, мы не могли. Само собой, если бы мы провели там слишком много времени вместе, это вызвало бы вопросы.

Когда мы вышли на улицу, солнце и теплый ветер согрели мою кожу. Подняв лицо без

солнцезащитных очков, я прищурилась. Мне было все равно, что я должна держать глаза опущенными. То, что я позволила летнему солнцу целовать мои щеки, напомнило мне о том, как сильно я люблю свежий воздух.

— Жаль, что у нас нет кроссовок.

Джейкоб улыбнулся.

— Нам разрешено гулять лишь вдоль задней части имения. Нам нельзя подходить к особняку. — Он взял меня за руку и повел к взлетно-посадочной полосе.

Когда мы проходили мимо Цессны, я сказала:

— Я хочу уйти.

— Я должен был заставить тебя, — с грустью ответил он, когда мы уходили все дальше и дальше от камер.

— Я не это имела в виду, — исправила я его. — Хотя да, я хочу быть подальше от "Света". Я имею в виду, что хочу вернуться в "Северное Сияние". — Я глубоко вздохнула. — Скажи мне правду. Там происходит что-то похожее на то, что мы видели сегодня?

— Я обещал тебе больше никакой лжи. Я буду всегда говорить тебе правду. Ты не должна просить об этом. И нет, как минимум я такого не видел. Было несколько изгнаний с тех пор, как я в Собрании, но они проходили в частном порядке. "Восточное Сияние" отличается от других общин. Она находится среди тьмы. Никто не может уйти из "Северного" или "Восточного" Сияний, это нелегко. Они слишком изолированы. Таким образом, рассмотрение споров или наказания не обязательно должны быть публичными или серьезными. Здесь послушание на каждом уровне обязательно.

— Ты оправдываешь то, что произошло? — спросила я, уставившись на него.

— Черт, нет. Этому нет оправдания. Я оправдываю это перед тобой и перед собой.

— Я не хочу, чтобы это оправдывалось. Я хочу, чтобы это прекратилось. Этих детей оставят в одном из заброшенных домов в Хайленд Хайтс, и их смерть ни у кого не вызовет вопросов, просто еще один передоз.

— Если бы ты была здесь последователем, после того, что ты только что видела, ты бы украла наркотики или даже скрепку?

Я покачала головой.

— Ослушалась бы приказа?

— Нет.

— Эти дети послужили напоминанием для всего "Восточного Сияния".

Я покачала головой.

— Я всегда ненавидела напоминания.

Джейкоб сжал мою руку.

— Кстати, Брат Рафаэль оставил твое наказание за мной.

— И? — спросила я, широко распахнув глаза.

— И я взял тебя в кофейню. Все выполнено. Как если бы этого никогда не случилось.

— Спасибо тебе.

Джейкоб вел меня через открытое пространство возле взлетно-посадочной полосы по периметру леса. Посмотрев вверх, я увидела высокие деревья и то, как шуршали листья на ветру. Теперь, когда мы были далеко, не только от камер и микрофонов, но и от глаз, которые могли наблюдать с балкона или окон особняка, напряжение уменьшилась, и я прислонилась к его руке.

— Джейкоб, где ты был прямо перед службой?

— О, черт! После всего, что случилось, я совсем забыл.

— Что?

— Я получил приглашение подняться в офисы на второй этаж.

— От Отца Габриэля?

— Нет. Однако он был там, в конечном счете, — сказал Джейкоб, потирая подбородок. — Это было от твоего... ну, я не люблю думать о нем как о чем-то твоём. Бывшего, может быть?

Я остановилась.

— Дилан? Ты видел Дилана?

Джейкоб кивнул.

— Он ударил меня.

Мои глаза широко распахнулись. Я не могла себе этого представить. Я вспомнила, как люди говорили, что Дилан слишком вспыльчивый, но Джейкоб был больше, гораздо выше Дилана.

— Почему?

— Он сказал, что видел твое лицо. Должно быть, в записях на камерах. Сомневаюсь, что он смог разглядеть это с балкона, особенно, учитывая, что твои глаза были опущены вниз.

— Это не имеет смысла. Он предал меня "Свету", и теперь ударил тебя, потому что решил, что это ты сделал со мной?

Джейкоб пожал плечами.

— Я тоже не понимаю. Ты знала, что он родственник Отца Габриэля? Возможно, он родственник Гаррисона Кларксона.

Я нахмурилась.

— Нет. Нет. Он не может быть его родственником. Его родители умерли, когда ему было восемнадцать. Он сказал, что бабушка и дедушка умерли, и у него нет братьев или сестер.

— Я обещал тебе честность. Я говорю то, что слышал. После того, как он ударил меня, мы обменялись любезностями, и потом Отец Габриэль вышел из кабинета. Ричардс назвал Отца Габриэля дядей.

Я остановилась и присела на землю, опираясь спиной о дерево. Подтянув колени к груди, я напрягла память.

— Нет, я не сомневаюсь в тебе, — тихо сказала я. Когда Джейкоб сел рядом, я прикоснулась к его щеке. Проведя пальцами по подбородку, я надулась. — Мне жаль, что он ударил тебя. Ты этого не делал. И ты этого не заслужил.

Он склонил голову в ответ на мое прикосновение.

— Я не заслужил этого за то, в чем он меня обвинял. Но я уверен, что заслуживаю это.

— Что ж... это, вероятно, может быть правдой, — признала я с улыбкой. Оглянувшись через его плечо, я кивнула в том направлении. — Что там?

Джейкоб обернулся. Вдалеке виднелась бетонная стена. Из-за деревьев я не могла рассмотреть, насколько она была высокой, или увидеть остальную часть здания. Я не помню, чтобы другие здания были в задней части имения, когда рассматривала это на Google картах.

— Это стена, похожая на ту, что есть у нас в "Северном Сиянии". Хотя я полагаю, что проблема с полярными медведями здесь стоит не так остро. Когда я только начал летать сюда, ее здесь не было. Предполагаю, они подумали, что деревья не могут обеспечить им

безопасность, но это было около года назад. — Он прикоснулся к моей руке и улыбнулся, — С того времени моя жизнь изменилась, я наблюдал за строительством, когда прилетал. Это заняло у них несколько месяцев, но она полностью закрывает заднюю часть имения.

Даже если бы я не видела Дилана на балконе, то, что только что сказал Джейкоб, подтвердило, что Дилан был замешан и лгал мне.

— Ты можешь считать меня сумасшедшей, но я думаю, что я — та причина, из-за которой они построили стену.

— Ты? Почему?

— Моя подруга Минди Роузмонт — Мэри в "Северном Сиянии", — добавила я, помогая ему вспомнить. — Кроме того, что расследование "Света" проводилось в рамках истории про наркотики и пропавших людей и отпечатки пальцев... Я пыталась найти Минди.

— И как это связывает тебя с этой стеной?

— Я ничего не нашла. Словно Минди растворилась в воздухе. В любом случае, ее родители живут в Калифорнии, и они хотели сделать что-то, чтобы помочь найти ее. Примерно через месяц после того, как Минди пропала, ее родители вернулись сюда и вывесили листовки по всему городу и окрестностям. Я думала, что это пустая трата времени. Я имею в виду, что это цифровой век, что могут листовки? Я ошибалась. Через некоторое время Дине — маме Минди, позвонила женщина и рассказала, что ее дети любят играть в лесу за их домом. Она сказала, что они играли возле взлетно-посадочной полосы, и однажды они рассказали, что видели, как женщину заносили в самолет. Дина позвонила и попросила меня взглянуть на эту посадочную полосу. Она сказала, что это недалеко от Первого Скоростного Шоссе и Иствейз Роад. В тот день я приехала сюда. У меня был адрес особняка, но после того, как мне не удалось попасть внутрь или даже сделать хорошие фотографии, я ездила вокруг в течение часа, пытаюсь найти взлетно-посадочную полосу. Я не смогла ее найти. После сегодняшнего я знаю почему. Это все из-за ворот. В то время я полагала, что, если есть взлетно-посадочная полоса, есть подъездная дорога. Я никогда не думала, что она будет закрыта.

Джейкоб прижался к дереву. Когда я подняла глаза, он смотрел на меня. В его глазах я увидела то, чего не видела раньше.

— Почему ты так странно на меня смотришь? — спросила я.

Он поднял мою руку и поцеловал костяшки пальцев.

— Совсем не странно. Я смотрю на тебя с крайним изумлением. Ты охренеть какой классный журналист. Я не могу поверить, что они назначили мне — агенту ФБР — жену, которая так много знает про "Свет".

Я ухмыльнулась.

— Я уверена, что они об этом не знают.

Он покачал головой.

— Нет. Если бы знали, то вывели бы меня перед всеми последователями.

Я закрыла глаза.

— Пожалуйста, не говори это. Даже не шути об этом. — Слеза побежала по моей щеке, и Джейкоб аккуратно вытер ее большим пальцем.

— Я не шучу. Мы выберемся. Мне только нужен одноразовый телефон, так как я не могу предупредить о том, что происходит в "Свете" со своего телефона. Это займет больше, чем двадцать четыре часа. Очень скоро у них будет достаточно людей в Анкоридже.

— Что случилось с тем телефоном, что у тебя был в Фэйрбенксе?

— Мне пришлось его уничтожить. Я не мог рисковать, оставляя его при себе, когда мы вернулись. Я даже не был уверен, что нас не отправят в изгнание за то, что мы сделали, возвращая тебя в "Северное Сияние". — Все еще держа меня за руку, он прислонился головой к дереву и вздохнул.

— Что теперь? — спросила я.

— Я вспомнил кое-что. Перед службой Отец Габриэль спросил меня про Фэйербенкс. Перед тем, как я полетел туда, я звонил Брату Даниэлю и сказал ему, что в Вайтфиш закончились запасы, так что я еду в Фэйербенкс. Должна быть запись о моем пребывании там, но мне нужно доказать это.

— Что спросил Отец Габриэль?

— Только как погода в Фэйербенксе в это время года.

Мое сердцебиение ускорилося.

— Это странно. Ты так не думаешь?

— Да, но потом он спросил меня про конверт, который кое-кто дал мне после моей доставки. Хоть убей, не помню, что я с ним сделал.

Я не спрашивала о конверте. Если бы я это сделала, я знала, что Джейкоб расскажет мне — он обещал. Мне также было известно, что в "Свете" было так много всего, чего я не знала, но в этот момент мое любопытство угасло. Я знала слишком много. Вот почему я была здесь со своим воображаемым мужем, сидящим на прохладной земле в тени высоких деревьев, в имени человека, которого я считала сумасшедшим, и который допустил убийство двух человек перед более чем сотней свидетелей.

Когда я повернулась к своему воображаемому мужу, его глаза были закрыты, а дыхание ровным.

Сколько он поспал за последние семьдесят два часа?

Трудно было поверить, что в пятницу утром я сбежала из "Северного Сияния", и теперь было только воскресенье. Так много всего произошло.

Отпустив его руку, я осторожно провела костяшками пальцев по его подбородку и наслаждалась трением щетины по коже. Мои щеки порозовели, когда я вспомнила, как я изучала его лицо до того, как с моих глаз сняли повязки. Когда я это делала, я пыталась увидеть его, представить мужчину в моей кровати. Он был не тем мужчиной, которого я представляла.

Теперь я знала, что он был гораздо большим.

Когда я начала подниматься, Джейкоб взял меня за руку и потянул назад.

— Нет, — сказал он, и я приземлилась к нему на колени.

— Я думала, ты спишь. Я собиралась осмотреться вокруг. — Не то, чтобы я могла сейчас оглянуться, не с его крепкой хваткой.

— Тебе не позволено выходить из поля моего зрения.

— Позволено? — спросила я с более чем намеком на неповиновение.

— Мы все еще в "Свете", так что да, позволено.

Я покачала головой и поцеловала его в щеку.

— Ты задремал. Меня не было в поле твоего зрения.

Взгляд светло-карих глаз, пристально смотрящих на меня, искрился от вспышек солнечного света, льющегося сквозь листья.

— Нет, была. Ты всегда там. — Он поцеловал меня в нос. — Я даже вижу тебя в моих снах.

Я обхватила его лицо руками и прикоснулась своими губами к его. Наш поцелуй был нежным и понимающим. Ослабив объятия, Джейкоб потянулся к моему затылку и притянул ближе. По мере того, как усиливалась наша связь, наши поцелуи и потребности становились глубже. Когда его язык подразнил мои губы, я охотно приоткрыла их, издав стон, и наши языки соединились.

Когда рука Джейкоба коснулась подола моей рубашки, я вспомнила о границе, которую я провела, но вместо того, чтобы напомнить ему, я вытащила блузку из-под юбки. Его прикосновение было теплым, когда он расстегнул застежку моего бюстгалтера и освободил грудь. Вздохнув, я закрыла глаза и наслаждалась ощущениями, так как шрамы на кончиках его пальцев усилили мое желание, лаская и подразнивая мои затвердевшие соски. Я прижалась своей грудью к его, желая больше того, что он мог сделать с моей чувствительной кожей. Наклонив голову, он стал посасывать, покусывать, посылая пульсации в другом направлении.

— О, Джейкоб, — промурлыкала я, погружая пальцы в его темные волнистые волосы.

Земля, на которой мы сидели, была твердой и сухой, едва ли подходящее место для занятий любовью. Но оно также было уединенным и приватным. Переместившись с его колен, я стянула блузку через голову и положила ее на землю. Избавившись от бюстгалтера, я взяла руку Джейкоба и притянула его к себе, ложась на землю и располагая голову на лежащей блузке.

— Ты говорила... — напомнил он мне.

— Пожалуйста, я хочу тебя.

Джейкоб не сводил с меня глаз, подтягивая юбку к талии и снимая трусики и туфли.

— Я, — сказал он между поцелуями, — всегда буду хотеть тебя.

Дотянувшись до его ремня, я улыбнулась, потирая эрекцию, натянувшую его джинсы. Его стон прозвучал среди деревьев. Впервые с того самого момента, который, как теперь я знаю, был нашим первым разом, и меня попросили расстегнуть его ремень, он всегда оставлял это для меня. Когда я вытащила тот из петель, я поняла, что это был один из моментов, к которому он никогда меня не принуждал. Я всегда хотела заниматься с ним любовью. Это всегда казалось правильным.

Кожа и мускус сменили запах сухих листьев, и моя спина выгнулась дугой на твердой земле, когда он скользнул внутрь меня. Мурлыкая, я приспособилась к восхитительной полноте наших синхронных движений. Оставляя огненный след, Джейкоб засыпал мою кожу поцелуями, подразнивая мою шею, грудь и все, что было между ними.

Расстегнув его рубашку, я пробежалась пальцами по его груди и наслаждалась тем, как его мышцы напрягались под моими ладонями. Когда я открыла глаза, карий взгляд, в котором я нуждалась, смотрел на меня сверху вниз.

— Я люблю тебя, — сказала я, задыхаясь от эмоций в собственном голосе. Это было правдой. Не Сара и не Стелла любили Джейкоба. Это была я, новая комбинация каждой индивидуальности, которой я когда-либо была.

Джейкоб потянулся к моему затылку и снял платок, стягивающий мои волосы в хвост. Раскидывая мои волосы по блузке, он улыбнулся.

— Я полюбил тебя с первого взгляда, и чем больше я узнаю о тебе, тем больше люблю.

Он продолжил свою медленную сладкую пытку, входя и выходя из меня без спешки. Во время этой краткой передышки, словно не было в наших руках судеб почти тысячи людей. Только мы, муж и жена, занимались любовью теплым летним днем. Я приподняла бедра,

желая быть ближе, нуждаясь в нем глубже.

— Боже, Сара, ты так чертовски хороша.

Я улыбнулась.

— Так и есть. — Это был не вопрос. Я чувствовала себя хорошо — растянутой, наполненной и счастливой. Давление начало нарастать, моя спина снова выгнулась, а пальцы на ногах сжались. Джейкоб точно знал, что я хотела, именно то, что мне было нужно. Он не отступил, но подтолкнул меня выше, пока не исчезли деревья и лучи солнца, и я всем телом не содрогнулась вокруг него. Хныканье заменило шелест листьев, когда я цеплялась за его плечи, пока волна за волной на мгновение смывала реальность. Я открыла глаза как раз в тот момент, чтобы увидеть выражение, которое я любила, его напряжение превращалось в блаженную и довольную улыбку.

Когда наше дыхание стало ровным, Джейкоб рухнул, его грудь коснулась моей груди, и он убрал волосы с моего лица. Я была дома в объятиях мужчины, которого, если бы жизнь не была так жестока, я бы никогда не встретила. Несмотря на все это, я нашла то место, где я хотела быть. В тот момент я знала, что мы со всем справимся. Я действительно любила Джейкоба.

Глава 22

Сара

Было несколько неприятно спать в комнате, где, как мы знали, были камеры, но у нас не было выбора. Вечером Отец Габриэль отправил сообщение Брату Мике и Джейкобу, говоря им, что мы будем вылетать в "Северное Сияние" не раньше второй половины завтрашнего дня. Видимо, потому что у него были планы. Прошлой ночью из особняка были слышны музыка и голоса, видимо там что-то праздновали. Мне действительно было все равно, чем занимался Отец Габриэль в свободное время. Я была просто счастлива узнать, что все это скоро для него закончится. Сегодня у него было три встречи Собраний и Комиссии, которые мы должны были посетить, прежде чем улететь.

При мысли о полете обратно в "Северное Сияние" мне стало не по себе. Мне придется находиться с ним в кабине самолета, и я не знала, о чем он захочет поговорить. Я планировала занять себя чтением его учения и молиться, чтобы он не обращал на меня внимания.

В начале четвертого Джейкоб взглянул на телефон и побледнел.

— Сара, заканчивай сборы. Машина приедет за нами через пятнадцать минут.

— Машина... — я хотела было спросить, но его прищур напомнил мне о камерах. — Да, Джейкоб.

Время было правильным. Как раз недавно завершилось последнее заседание Комиссии.

Чтобы закончить собираться, мне просто нужно было собрать наши вещи и поправить прическу. Я была благодарна, что Джейкоб предупредил меня о вероятности провести здесь ночь. Если бы он этого не сделал, у меня не было бы чистой одежды на смену. Не только вчерашняя поездка была долгой, начиная с «Северного сияния», но и наша прогулка по лесу оставила следы от веток и грязи на моей блузке и юбке. Судя по тому, как мои щеки покраснели от воспоминаний, я не жаловалась.

Я стояла перед зеркалом, когда Джейкоб вошел в ванную. Я знала положение вещей и ждала, пока он скручивал полотенце в валик, чтобы закрыть щель внизу двери и изолировать звуки. Он заговорил первым, его голос был тихим:

— Мне все это не нравится. Интуиция подсказывает, что нам нужно бежать. Я просто не знаю, как.

— Куда нас собираются везти на машине?

Он покачал головой.

— Не уверен. Я только что говорил с Микой. Он не получал такого же приглашения.

Я взяла Джейкоба за руку.

— Возможно, это проверка. Я имею в виду, кроме того случая, когда мы прибыли, я больше не видела Дилана. Зачем тащить меня сюда, если это испытание, чтобы я ушла, не повидавшись с ним?

Мышцы на шее Джейкоба напряглись, когда он сделал глубокий вдох и выдох.

— У меня случится гребаный сердечный приступ, прежде чем все это закончится.

Нежно улыбаясь, я сказала:

— Я говорила тебе вчера — я справлюсь. Я справлюсь ради тебя. — Я покачала головой. — Дело не только в том, что я не хочу все испортить, но и в том, что я хочу помочь положить конец этой пародии. Я говорила серьезно. Я на самом деле люблю тебя. Я не буду

лгать, когда или если мне придется говорить с Диланом. Единственная часть, о которой я буду врать, это то, что я не помню его, потому что я женщина "Света". В любом случае, я не должна разговаривать с ним без твоего разрешения.

— Я думал об этом. Отец Габриэль заменяет твоего мужа.

Как я могла забыть об этом?

Я изо всех сил старалась говорить уверенно.

— Не волнуйся. Я могу справиться.

Джейкоб встал позади меня и повернул нас к зеркалу. На долю секунды ко мне вернулось воспоминание, когда я впервые увидела нас в зеркале ванной в доме в полевом ангаре. Теперь наши лица были знакомыми.

Обхватив меня за талию и положив подбородок мне на макушку, он сказал:

— Твой синяк становится светлее.

Кивнув, я улыбнулась.

— Ты все еще красивая.

Я опустила взгляд, когда мои щеки зарумянились.

— Сара, подними глаза. Я хочу, чтобы ты знала, я вытащу нас отсюда — подальше от света и тьмы.

Развернувшись в его объятиях, я коснулась губами его губ.

— Куда же мы отправимся?

— В реальный мир.

— Я доверяю тебе свою жизнь. Так было и так будет. Я также хочу остановить Отца Габриэля. Даже если раньше я сомневалась, то после увиденного вчера, я хочу упрятать его за решетку навечно. Так что, как бы мне ни хотелось бежать, ты вложил в это слишком много времени и сил. Мы продержимся еще несколько дней. — Я задумалась, нахмутив лоб. — Как ты думаешь, план "Кул-Эйд" — наркотики?

Он кивнул.

— Думаю, да. Какой-то из видов наркотиков, скорее всего, глотаемый. Я не думаю, что даже Отец Габриэль может ожидать, что тысяча людей вколет себе это.

Наши губы встретились.

— Я никогда не планировал влюбляться, — признался он, — но я влюбился. Знаешь, что мне очень хочется сделать однажды?

Я покачала головой.

— Назвать тебя Стеллой МакАлистер.

Мои щеки покраснели.

— Это было предложение?

— Нет. — Его глаза вспыхнули. — Ты уже моя жена.

Стук во входную дверь разрушил тепло его объятий, когда его руки напряглись.

Мое сердце забилось быстрее, когда он прошептал:

— Всего несколько дней.

Я вдохнула прохладный аромат его геля для бритья и ответила:

— Да, Джейкоб.

И снова брат Илай пришел за нами. Я забыла сказать Джейкобу, что помнила брата Илая. Я была уверена, что он был тем мужчиной, что постучал в окно моей машины, когда я была возле других строений в другой части Хайленд Хайтс. Он также был парковщиком — мое последнее воспоминание.

На этот раз я сидела одна на заднем сидении, а Джейкоб сидел спереди. Наша поездка длилась недолго, и я удивилась, зачем Отец Габриэль послал машину, потому что, как только внедорожник выехал из ворот, не прошло и минуты, как он въехал в другие ворота, те, что вели к главному дому. Мой желудок скрутило, когда ворота, которые я пыталась рассмотреть в прошлом, почти год назад, открылись, обнажив булыжную мостовую вдоль дороги.

Блумфилд Хиллс был старым, престижным районом, и многие из особняков были построены автопромышленными магнатами прошлого. По мере того, как мы приближались к величественному дому, внешне напоминавшему смесь красного кирпича и известняка, я все больше проникалась окружением, олицетворяющим американский достаток.

Как только Брат Илай припарковался, я подождала, когда Джейкоб откроет мою дверь. Как только он это сделал, я увидела панику в его глазах. Он не раз говорил мне, что его никогда не приглашали в дом, и вот мы собирались войти. Я видела заднюю часть дома и балкон из пристройки, но вблизи он был еще более ошеломляющим, из-за ландшафтного дизайна и фонтана в центре подъездной дорожки.

Как только мы поднялись по ступеням, дверь открылась. Сначала я подумала, что там должно быть есть сенсор, но потом я увидела женщину, которая ее открыла. Она молча стояла у двери, и хотя ее никто не заметил, синий шарф на ее шее привлек мое внимание. Кроме этого маленького кусочка цвета, ее простота сделала ее невидимой. Она ни разу не подняла головы, но через несколько секунд я рассмотрела светлый цвет ее лица и темные волосы, собранные в низкий пучок. То, как она стояла в наглаженном белом бесформенном платье до колен и мягких туфлях на плоском ходу, создавалась иллюзия, что ее на самом деле не существует.

Когда я вошла в особняк, мои чувства были в состоянии повышенной готовности, как будто я готовилась. Я рассматривала все от высокого двухэтажного фойе с куполообразным потолком и большой люстрой до набора зеркально расположенных изогнутых лестниц. С каждым шагом стук наших каблуков отдавались эхом по роскошной мраморной плитке, пока брат Илай вел нас по коридору. Мы остановились перед французскими дверями, окна которых были заполнены толстым стеклом с витиеватым скошенным рисунком, из-за чего было невозможно увидеть то, что находилось внутри.

Пока мы стояли, я попыталась сглотнуть, но не смогла. Во рту у меня внезапно пересохло, что контрастировало с моей липкой от пота ладонью, скользнувшей по ладони Джейкоба. Резкий звук нарушил тишину, когда повторяющийся стук костяшек брата Илая рикошетом отразился от замысловатой деревянной двери и мраморных полов.

Даже не поднимая глаз, я знала, кто открыл дверь. Потертые джинсы и ботинки были моей первой подсказкой; то, как рука Джейкоба вздрогнула, крепче сжимая мою, было второй.

— Как мило с вашей стороны присоединиться к нам, — снисходительно сказал Дилан, открывая дверь.

Вместе мы перешагнули порог и ступили на невероятно мягкий ковер. Он был глубоко-красного цвета, цвета крови. Я попыталась отогнать эту мысль. Брат Илай вошел последним и закрыл дверь. Когда я посмотрела в его сторону, он стоял, скрестив руки на широкой груди, блокируя наш единственный путь к бегству.

Какого черта? Он думал, что мы попытаемся сбежать?

Я развернулась от двери в тот самый момент, чтобы увидеть, как Дилан садится в

кресло, рядом с Отцом Габриэлем. Они оба были по другую сторону стола. По тому, как Дилан откинулся назад, закидывая лодыжку на колено, я поняла, что Джейкоб прав. Дилана и Отца Габриэля что-то связывало. Я никогда не видела, чтобы кто-то вел себя так расслабленно рядом с лидером "Света".

Я ждала, когда мне скажут, куда идти, прежде чем поднять глаза; тем не менее, приказа не последовало. Вместо этого мы остались стоять, а Отец Габриэль молчал. Когда я посмотрела вверх и мои глаза встретились с пронзительным синим цветом глаз из моих воспоминаний, моя голова вопросительно склонилась набок, а затем я покачала головой так быстро, что это было почти незаметно, и опустила взгляд.

— Брат Джейкоб, Сестра Сара, — начал Отец Габриэль, — вы хотите что-нибудь сказать?

— Нет, Отец, — ответил Джейкоб.

— Сестра?

Мое дыхание стало поверхностным, голова закружилась.

— Нет, Отец.

Дилан встал и шагнул к нам. Так же быстро Джейкоб потянул меня за руку, передвигая меня за спину, когда он встал передо мной, блокируя путь Дилану. Хотя Джейкоб ничего не говорил, по тому, как напряглось его тело, и по близости их ботинок, я представила двух мужчин, стоящих грудь к груди. Я была уверена, что Джейкоб выше Дилана, но после того, что случилось вчера, я боялась, что это не остановит Дилана от агрессии. В наступившей тишине я закрыла глаза и закусил губу.

— Джентльмены, — сказал Отец Габриэль, нарушая тишину. — Этим утром я пригласил сюда брата Джейкоба и его жену не за этим.

На фразу "его жену", хватка Джейкоба ослабла.

— Дилан, у тебя будет достаточно времени, чтобы поговорить с Сестрой Сарой. Сначала у нас есть дело.

— Отец, я бы предпочел, чтобы Сара...

— Брат Джейкоб, — прервал его Отец Габриэль, — Я говорил вам вчера, что у меня есть вопросы. Дилан, — его тон стан нетерпеливым, — сядь или уйди.

Я сглотнула.

Зачем я здесь? Почему меня втягивают в это?

Когда Дилан сел, Джейкоб отступил в сторону и вывел меня вперед. Мы снова стояли бок о бок. Подняв глаза, я не сводила их с Отца Габриэля.

— Брат Джейкоб, — продолжал Отец Габриэль, — с момента вашего прихода в "Свет" я был впечатлен вами и вашей способностью быстро учиться. Вы знали что правда, не так ли?

— Я прилагаю все мои усилия, Отец Габриэль.

— Я разговаривал с Братом Майклом.

Кто такой Брат Майкл?

— Он сказал, что остался доволен доставкой, — ответил Джейкоб.

— Да, это так. Он сказал мне то же самое. Он также сказал, что вы отказались от предложения остаться на ночь в "Западном Свете".

— Да, у меня были планы улететь в Лоун-Хок.

— Разве вы летали в Лоун-Хок?

— Да, летал. Я одолжил грузовик управляющего аэропортом и ездил в Вайтфиш, и, хотя я предупредил их о своем приезде, их запасы были позорно низкими.

— Поэтому, после завершения одной из самых больших поставок, которые вам когда-либо поручались, вы взяли на себя обязательство изменить предписанные вам планы полета, те же самые планы полета, которые вы не желали изменять для члена Комиссии, чтобы остаться в "Западном Свете".

Я не понимала, что происходит и о чем они говорят. Может, мне стоило расспросить его о доставке и конверте. С другой стороны, мое незнание было правильным.

Джейкоб переместился, вытягиваясь выше.

— Да, как член Собрании, я решил, что обеспечение запасов для почти пятисот человек в "Северном сиянии" является более важным.

— И вы позвонили Брату Даниелю.

— Да, он мой куратор. Я часто ему звоню.

— И Брату Бенджамину?

Проклятье!

— Отец, если вы спрашиваете, разговаривал ли я с Братом Бенджамином, то да, разговаривал. И с Братом Люком, и Братом Авраамом и другими членами Собрании. Я не знал, что это проблема. Если это так, то безусловно я могу это прекратить.

— Это больше не проблема.

Что, черт возьми, он имеет в виду?

Моя рука вздрогнула, но хватка Джейкоба стала крепче.

— Брат, — продолжил Отец Габриэль, — скажите мне, где конверт, который дал вам Брат Рубен.

— Я уверен, что он в "Северном сиянии". Приношу извинения. Я отвлекся, когда вернулся в "Северное сияние".

— Отвлекся? — спросил Дилан.

Когда Джейкоб не ответил Дилану, Отец Габриэль сказал ему объясниться. Теперь Джейкобу придется рассказать Дилану нашу легенду.

Джейкоб повернулся ко мне и глубоко вздохнул.

— Как видите, Сара была наказана.

— Да, — ответил отец Габриэль.

— Это случилось вечером в четверг. Брат Бенджамин позвонил мне в пятницу после того, как я покинул "Западный Свет" и сказал, что Сара не пришла на работу. Когда я вернулся в "Северное Сияние" в качестве мужа, я должен был сосредоточиться на жене и на том, почему она пропустила работу.

— Сестра...

Мое сердцебиение ускорилося. Со мной заговорил не Отец Габриэль. Это был Дилан. Когда я не ответила, он повторил.

Наконец, сказал Отец Габриэль.

— Поскольку ваш муж, очевидно, не собирается давать вам разрешение на ответ, я даю. Ответьте моему племяннику.

Племянник, вот кем он был.

Я подняла взгляд на Дилана.

— Да, Брат.

— Нет... Я не... забудь. Почему ты не пошла на работу в пятницу?

— Мне было стыдно, что у меня есть видимое напоминание. Я не хотела, чтобы люди думали плохо о моем муже. — Я посмотрела на Джейкоба. — Он хороший человек.

— Чушь собачья, — пробормотал Дилан себе под нос. — И что же случилось, когда он вернулся? — Его челюсти сжались. — Он наказал тебя снова?

— Да.

Рука Дилана ударила по столу Отца Габриэля.

— Дилан, так происходит в "Свете". Ты знал это, — ответил Отец Габриэль. Тогда он спросил меня: — Что сделал Брат Джейкоб?

— Поскольку мне было стыдно, и я не хотела встречаться с людьми, мой муж отвел меня в кафе, а позже, после заседания Комиссии, он отвел меня к Брату Рафаэлю. Я извинилась перед ним за свой эгоизм. Я должна была пойти на работу; вместо этого я побежала к северной части комплекса и оставалась там.

Отец Габриэль встал.

— Я услышал достаточно. Брат Джейкоб, конверт, который вы получили, был предназначен не для вас. Он мне нужен и нужен сейчас. Я считаю, что вам нужно меньше отвлекаться. Очевидно, вы были посвящены в огромное количество личной информации, даже находясь здесь, в этом доме. Я был доволен, даже доволен вашей конфиденциальностью в прошлом. Меня беспокоит смена планов на Фэйербенкс. Уверю вас, если бы у меня были доказательства неправомерных действий, этот разговор бы не состоялся. Вам многие доверяют. Я хочу верить, что "Свет" — это ваш главный приоритет, и что вы так же преданы "Свету", как и "Свет" вам. Я решил, что мы вернемся в "Северное Сияние" как можно скорее.

Хвала небесам!

Я выдохнула.

— Чтобы облегчить вашу способность не только сосредоточиться и найти конверт, который Брат Рубен дал вам по ошибке, но и продолжать выполнять возложенные на вас обязанности, сестра Сара останется здесь в "Восточном..."

Нет!

Джейкоб подхватил меня, когда мои колени подкосились.

— Пожалуйста, нет, — взмолилась я, новые слезы затуманили мое зрение и способность рассмотреть ужас на лице Джейкоба.

— Сестра! — сказал Отец Габриэль. — Спрашивать меня это одно, а спорить с моим решением является совсем другим прегрешением.

— Н-но... — я мысленно помолилась, чтобы все не стало еще хуже, — я беременна.

Глаза Джейкоба закрылись, когда Отец Габриэль и Дилан спросили:

— Что?

Я потеряла сознание в руках Джейкоба.

Глава 23

Джейкоб

Что, черт возьми, только что произошло?

Я подхватил обмякшее тело Сары на руки, ее щека была прижата к моей груди. Мне хотелось выбежать из этого дома, на улицу и за ее пределы, но я знал, что с отцом Габриэлем и Ричардсом, требующими ответов, у нас ничего не получится. Сара и я были бы мертвы прежде, чем мы успели бы покинуть эту комнату.

— Что за нахрен? Она беременна? — спросил Ричардс громче, чем требовалось.

— Дилан! Брат Джейкоб, Брат Илай возьмет ее, — предложил Отец Габриэль, кивая в сторону Сары.

Я поправил Сару на руках.

— Она в порядке. Я держу ее.

— Ради Бога, — сказал Отец Габриэль, — хотя бы положите ее на диван.

Я повернулся к стене за своей спиной и увидел диван, который не заметил, когда мы вошли. Кивнув, я нежно опустил жену на мягкий кожаный диван и убрал волосы с ее лица. Всего на миллисекунду ее глаза открылись, и я узнал правду — она не отключалась. Я едва заметно улыбнулся ей, желая, чтобы она знала, как я горжусь ею, и какую прекрасную работу, по моему мнению, она проделала. Черт, я хотел поднять ее и кружить, когда она назвала Ричардса Братом, но сейчас... сейчас... это не имело значения. Теперь все рухнуло.

— Брат Джейкоб. — Отец Габриэль привлек мое внимание.

Я повернулся и выпрямился, прижав ногу к дивану, не желая покидать Сару.

— Вы разрешили своей жене прекратить прием лекарств? Как член Собрании, вы должны знать, что еще слишком рано. Она принимала их меньше года.

Я вздохнул.

— Нет, я не разрешал. Она консультировала последовательницу, которая работает в детском саду. После посещения детского сада пару раз она заговорила о детях.

Ричардс в недоверии покачал головой.

Я продолжил.

— Я сказал ей, что нам стоит подождать. — Я изменил позу и выдохнул. — Я не знал, что она перестала принимать контрацептивы до вечера четверга, после молитвенного собрания.

Темные глаза Отца Габриэля распахнулись в понимании, когда его бровь исчезла под его не зачесанными назад волосами.

— Ясно.

Ричардс посмотрел в мою сторону, посылая все больше опасных сигналов с каждой секундой. Если бы рядом с ним не было дяди, я подозревал, что он попытался бы еще раз потренировать на мне правый хук.

— Ты, мать твою, избил ее, потому что она беременна?

— Нет, — ответил я спокойно. — Я не избивал ее. Я наказал ее, и не потому, что она беременна, а потому что "Свет" не место для того, чтобы она принимала такие решения. Их принимаю я. Она была своевольна. Ее мысли — мои мысли. Она проявила непослушание, не поделившись со мной планами о ребенке, и приняла несанкционированное решение... — Все время, пока я говорил, изрыгая правила Отца Габриэля, отец Габриэль сжал губы и

кивал, вена на шее Ричардса пульсировала, а его ноздри раздувались.

Ричардс встал и подошел к окну. Большое окно выходило на задние дворы, бассейн и теннисные корты, а также на пристройки и взлетно-посадочную полосу.

— Дилан, — сказал Отец Габриэль, — ты хочешь что-то сказать?

Он быстро развернулся.

— О да, у меня есть дохрена что сказать.

— Отец, — начал я, пытаюсь остановить Ричардса. С болью в сердце, сердечный приступ о котором я упоминал сегодня утром Саре, похоже вот-вот случится. — Я не ставлю под сомнение ваше решение. Я согласен, что на мгновение поставил мою жену и ее поведение выше своих обязанностей. Уверяю вас, я купил припасы в Фэрбенксе. Брат Ноа может проверить покупки. Брат Мика может проверить припасы из декларации, так как самолет был выгружен. Однако если позволите, я умоляю вас пересмотреть судьбу Сары. Вы дали мне жену и приказали ввести ее в "Свет". Как видите, я сделал это. Даже без медицинских препаратов, Сара — женщина "Света", а также часть избранных. Если вы усмотрели ошибку в моем поведении — накажите меня. Сара нездорова. Она тяжело переносит утреннюю тошноту. Пожалуйста, разрешите забрать ее в "Северное Сияние", к нам домой, к доктору Ньютону.

Руки Ричардса соединились, хлопок отозвался эхом, в тот момент, когда следующий наполнил воздух, они повторялись все чаще и чаще.

— Bravo, Брат, для насильника ты говоришь почти искренне.

— Заткнись! — Мои нервы были на пределе. — Ты хочешь ее вернуть. Зачем? Тебе на нее наплевать. Если бы ты это сделал, она все еще была бы с тобой. Если бы ты это сделал, ее бы со мной не было!

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь!

Руки Отца Габриэля взметнулись вверх.

— Достаточно. С меня хватит соперничества. Сара остается здесь.

Я сжал зубы от боли, когда он вырвал сердце из моей груди. Закрыв глаза, я вовремя открыл их, чтобы увидеть, как Отец Габриэль кивает. Я обернулся, когда Брат Уриэль достал шприц из книжного шкафа.

— Нет! Подождите! Что это такое, черт возьми? — спросил я, встав между ним и Сарой.

— Отойдите, Брат, — предупредил Брат Илай.

— Отец? Что это?

— Это шприц с содержанием высокой дозы вещества для подавления памяти, — сказал Отец Габриэль, словно обсуждая стакан воды.

— Почему? — Паника проникла в мои слова, когда я вспомнил аргументы Сары о том, что она не возобновит прием лекарств. — Она ничего не помнит! — Я глубоко вздохнул, все еще удерживая Илайя на расстоянии. — Отец, она знает ваше учение. Если вы позволите это, ей придется все изучать заново. Она усердно училась, достаточно хорошо для того, чтобы консультировать других женщин. Она делает вашу работу. Зачем все это отнимать?

— Разве ты не понимаешь? — Спросил Отец Габриэль. — Без воспоминаний с "Северном сиянии" или о том, что она видела здесь, она может быть переназначена. Я не могу позволить ей вернуться и рассказать другим о том, что она видела.

Переназначена?

— Она не станет! И я не буду. Вы же знаете, что я так не поступлю. Сара может быть решительной, но она послушна. Она не разочарует ни вас, ни меня. И как этот препарат

повлияет на нашего ребенка?

— Брат, вы сказали, что она прекратила прием таблеток по своему собственному решению. Вы сказали, что вы не давали своего согласие на ребенка. К тому же, она не может быть переназначена, если беременна.

— Я сказал, что я не разрешал этого, но это не значит, что я не хочу этого. — Мой голос звучал более эмоциональным, чем мне хотелось. — Не наказывайте Сару и нашего ребенка за мою неосторожность. Я сделаю все, что вы хотите. Пожалуйста, разрешите моей жене вернуться с нами в "Северное Сияние".

Жестом Отец Габриэль сказал Илайю отойти и посмотрел на Ричардса.

— Пока никаких препаратов, — сказал Ричардс, глядя прямо на дядю. — К тому же, к ней не вернулась память. Черт! Она назвала меня "Брат". — Он отвернулся к окну. — Я не понимаю, как черт возьми, все это работает. Получу ли я когда-нибудь Стеллу обратно?

— Ты предал ее, — повторил я в миллионный раз.

Он повернулся ко мне и сквозь сжатую челюсть ухмыльнулся:

— Я спас ее гребаную жизнь!

— Хватит! — Приказал Отец Габриэль. — Я больше не намерен терпеть эти дебаты. — Он махнул рукой в сторону Илайя. — Забери ее.

— Отец... — начал я, снова преграждая путь Илайю.

— Брат Джейкоб, если вы не отойдете в сторону, мне понадобится новый пилот, и усилия моего племянника будут напрасны. Я устал от этого. Женщина не стоит таких хлопот.

Стоит. Сара стоит.

— Вы отдали ее мне. Могу я попрощаться? — Я не мог сдержать слез, катящихся по щекам.

Он кивнул.

— Поторопитесь. Вы можете отнести ее туда, где она останется. Дилан покажет вам дорогу.

Плечи Ричардса поникли, но он не стал спорить и не обернулся.

Мое тело вздрогнуло, когда я развернулся и посмотрел на Сару. Ее щеки были мокрыми от слез, несмотря на то, что она старалась не выдать своих эмоций. Проклятье, я даже не знал, что она в сознании. Если она и издавала звуки, то мы шумели сильнее. Однако даже Илай, казалось, не знал, что Сара слушает. Как только я взял ее на руки, я снова повернулся к Отцу Габриэлю.

— Обещаю, я сделаю все, о чем вы просите. Я посвятил себя "Свету" и вам. Отец, я прошу вас сохранить ей жизнь и безопасность. Пожалуйста, после того, как я отдам вам конверт и верну ваше доверие, позвольте мне вернуть ее. Я буду идеальным последователем, членом Собрании и пилотом. Я сделаю все, что вы попросите.

Отец Габриэль встал, положил руки на стол и наклонился вперед.

— Брат, только из-за работы в прошлом, а не из-за того, что ты сказал сегодня, я пересмотрю свое решение после того, как увижу результаты. А пока она будет жить.

Я выдохнул.

— Однако, — продолжил он, — эта женщина доставила мне больше проблем, чем кто-либо из тех, кому была предоставлена такая же привилегия. Если придет время удовлетворить вашу просьбу, предупреждаю, вам может не понравиться то, что вы найдете.

Какого хрена?

— Меня, — я попробовал снова. — Меня, накажите меня. Она ни в чем не виновата.

Я не видел лица Ричардса, потому что он все еще пялился в окно. Несмотря на то, что его голос был тихим, я слышал каждое слово.

— Это она во всем виновата. Если бы она только послушала.

Я не должен был понять, но я понял, и от ясности его слов по спине пробежал холодок.

— Дилан, — потребовал Отец Габриэль, — покажи Брату Джейкобу новую комнату Сары. Поторопись, мне нужно успеть на самолет, и мне нужен пилот.

Я отвернулся, не в силах больше смотреть на Отца Габриэля. Я бы разбил этот чертов самолет, если бы знал, что это спасет ее.

Когда Илай открыл дверь, я посмотрел прямо в его темные глаза. Вместо того чтобы встретиться со мной взглядом, он опустил глаза в пол. Мы были членами Собрания. Это было чертово братство, и он стоял здесь и держал чертов нож, который Отец Габриэль поворачивал. Ричардс молчал, пока я следовал за ним по коридору мимо арки, ведущей к большой кухне. Я не обращал никакого внимания по сторонам, но заметил на кухне женщину, одетых в одинаковые белые платья, как и та женщина, которую я видел у входа. Наконец мы подошли к другой двери.

Когда Ричардс открыл ее, он щелкнул выключателем и сказал:

— Смотри куда идешь.

Неужели? Как будто ему не насрать.

Меня обдало холодом, когда я шагнул из богатства в холодный, тоскливый мир. Как будто почувствовав мои опасения, Сара задрожала в моих объятиях, и ее печальные голубые глаза уставились на меня. Я не хотел, чтобы Ричардс заметил, но в нашем кратком пристальном взгляде я попробовал передать столько, сколько я мог. Я пытался сказать ей, что люблю ее, что переверну небо и землю, чтобы вернуться к ней, и что я не хотел покидать ее.

Шаг за шагом мы спускались по лестнице. Длина лестницы сказала мне, что это было больше, нижний уровень — это был подвал. Даже температура падала, пока мы продолжали спуск. Когда мы приблизились к подножию, стена справа от меня кончилась, и я стоял, с отвращением глядя на то, где мы были, на то, что я видел. Некрашенные бетонные блоки создавали толстые стены, а вместо хрустальных светильников, которые я видел наверху, с потолка свисали голые лампочки. Комната была не чем иным, как незаконченной бетонной коробкой, даже пол был гладким, холодным цементом.

Пронизывающий запах дезинфекции обжигал легкие и напоминал о клинике в "Северном сиянии". Когда я посмотрел на потолок, то увидел голые деревянные балки с изоляцией между ними.

Я не хотел думать о ее предназначении. Это нужно для тепла или шумоизоляции?

Единственной мебелью в комнате были четыре потертых дивана, которые выглядели так, словно были взяты из студенческого братства или куплены на гаражной распродаже, а не принадлежали особняку стоимостью в несколько миллионов долларов. Четыре двери были встроены в бетонный блок. Первая была открыта, и я остановился, заглянув внутрь. Комната напомнила мне казармы, в которых я когда-то жил, но была потеснее. В комнате, размер которой, на мой взгляд, едва был больше, чем три на три метра, стояли три двухъярусные кровати с тонкими матрасами. Как и в армейских казармах, каждая кровать была застелена, простыни аккуратно сложены и заправлены, и, как и большая комната с диванами, эта была бесцветной. Серые стены, серые металлические кровати и серые одеяла.

Только подушки были другими. Все еще лишённые цвета, они были белыми.

— Сюда, — сказал Ричардс, напоминая мне передвигать ноги.

Каждый шаг отдавал физической болью. Боль внутри меня была мучительной. Я не мог оставить ее здесь. Я обещал ей остаться с ней. Звук открывающейся двери заставил меня поднять глаза вверх, отрывая взгляд от лица Сары, которое было прижато ко мне, как и тогда, когда я впервые поднял ее после аварии.

Внезапно запах обрел смысл. Дверь, которую открыл Ричардс, вела в комнату, похожую на нашу клинику, точнее, на одну из комнат нашей клиники. В этой комнате находились две больничные койки. Я сглотнул, зная, что новоприобретенные жены содержатся в клинике в здании напротив церкви.

Почему эта находилось здесь, в доме Отца Габриэля?

Мои ноги словно вросли в пол, когда я увидел обитательницу одной из кроватей. Ее лицо было черно-синим, как и у Сары, когда я нашел ее в клинике. Ее глаза были закрыты повязкой, а на шее висел толстый кожаный ошейник. Хотя меня замутило от вида ран на теле женщины — или, точнее, девушки, — именно ее личность потрясла меня. Пакет с раствором, свисающий со стойки, был прикреплен к вене сестры Саломее со вчерашней службы.

Когда я повернулся к другой кровати, я увидел шест с прозрачным пакетом раствора. Я узнал его после несчастного случая с Сарой.

— Ты сказал никаких препаратов, — сказал я, больше спрашивая. Я не хотел доверять этому ублюдку, но у меня не было выбора.

Ричардс кивнул.

— Так и есть. — Он пожал плечами. — Я только не могу обещать, как надолго.

Он откинул простынь и одеяло на свободной кровати. По крайней мере, все здесь казалось чистым. Когда я положил ее на матрас, меня накрыло дежавю. Как будто я вернулся на девять месяцев назад. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы так и было. Если бы это было девять месяцев назад, я бы позвонил и объявил свою миссию завершённой прежде, чем Сара перестала принимать таблетки. Я бы увез ее подальше, обеспечил ее безопасность, и позвал подкрепление.

Шмыгая носом, как простуженный ребенок, я осторожно убрал ее красивые светлые волосы с лица, и повернулся к Ричардсу.

— Пожалуйста? — Я был слишком опустошен, чтобы сражаться.

После того, как он кивнул и вышел из комнаты, я упал Саре на грудь.

— Мне жаль. Мне очень жаль. — Мои слова были неразличимы, поскольку они сливались и накладывались друг на друга. — Я люблю тебя, Сара. Я не позволю этому закончиться. Оставайся сильной. Я знаю, ты справишься. Верь в себя. Дай мне это. И я приму это. Я сделаю все возможное, чтобы ты была в безопасности. Никогда не забывай меня и как сильно я тебя люблю.

Глаза, которые смотрели на меня с ее прекрасного, обезображенного синяками лица, разрывали мое сердце на части. Если бы я смотрел на них дольше, ничего бы не осталось. Я потянулся к ее руке и прошептал:

— Как раньше. Помнишь? Ты мне доверяешь?

Она сжала мою руку один раз, и, несмотря на ад, среди которого мы находились, я улыбнулся.

— Я вытащу тебя отсюда. Обещаю.

Она сжала снова.

— Я люблю тебя и нашего малыша.

Она сжала снова.

— Всего несколько дней, — сказал я мягче, чем все остальное.

Сжав мою руку, она притянула меня ближе.

Прижав мое ухо к своим губам, она прошептала едва слышно:

— Покончи с ним. Не думай обо мне. Я найду выход. Ты должен переживать о своей миссии. Я знаю, что после всего, через что мы прошли, мы не можем проиграть.

Я начал мотать головой. Сейчас не ее время быть сильной.

Она притянула меня ближе.

— Мы не проиграем. Потому что в один прекрасный день я собираюсь услышать от тебя предложение нового имени.

Я сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Как бы сильно я ни хотел быть тем, кто спасет ее, я знал, что должен верить в нее. Я был без понятия, что было уготовано для нее, но я верил, что в то время как Сара знала, как выжить в "Свете", Стелла будет той, кто найдет способ выбраться отсюда.

Укрывая ее одеялом, я поцеловал жену в лоб.

— Джейкоб, — Ричардс позвал меня из другой комнаты. — Тебе лучше поторопиться. Мой дядя уже в бешенстве.

Я проглотил эмоции и прошептал:

— Так и будет, — мой голос стал еще тише. — Миссис МакАлистер.

А потом я сделал самое трудное, что когда-либо делал в своей жизни. Я ушел.

Перед тем, как закрыть дверь, я еще раз взглянул на Стеллу. Должно быть, она без сознания. Она не двигалась с тех пор, как упала в офисе Габриэля. Может быть, если она еще немного побудет без сознания, я смогу к ней вернуться. Как только я буду уверен, что Габриэль в воздухе, я встану у руля.

Когда я запирал дверь, щелчок замка эхом отдавался от бетонных стен.

— Скажи мне, что ты единственный, у кого есть ключ от этой двери.

Я стиснул зубы при звуке голоса Джейкоба.

Хотел бы я быть единственным, у кого был ключ. Действительно хотел. Если бы он не облажался и не рванул в Фэрбенкс, она бы все еще была в "Северном Сиянии". Не то чтобы я хотел, чтобы она там находилась, но это было куда лучше, чем участь, приготовленная для нее Габриэлем.

Я нашел свой самый дерзкий тон.

— Теперь ты говоришь, что не возражаешь?

Его руки сжались в кулаки, но, по крайней мере, он держал их по бокам.

— Нет, я не согласен ни на что из этого. Ты злишься, потому что у нее синяк под глазом. Ты видел это место? Ты видел женщину на другой кровати?

Я поднял руку, останавливая его.

— Я серьезно. Мой дядя расстроится еще больше, если ему придется ждать тебя.

— И это все? Ты оставишь ее здесь? Как ты думаешь, что с ней будет?

Я чертовски хорошо знал, что произойдет. Неужели он думает, что я идиот? Но у этого места было одно преимущество. Четко выделяя каждое слово, я произнес:

— Я. Думаю. Она. Будет. Далеко. От. Тебя.

Ненависть вспыхнула в его глазах. Я видел это раньше, но не у последователей. У большинства из этих психов "Света" хватало мозгов, чтобы бояться или, по крайней мере, уважать меня. Этот парень был очень далек от этого. Выражение его лица не было похоже на выражение обычного последователя. Это напомнило мне взгляд, который я видел на лице более чем одного засранца, когда собирался арестовать его. Они были теми, кто нарушал закон, но именно они обвиняли меня в том, что я их запер. Случай с Джейкобом был таким же. Этот парень облажался, заставив моего дядю усомниться в его преданности. Он был тем, кто оставил синяк на лице Стеллы, но судя по тому, как раздувались его ноздри, он обвинял меня в том, что она оказалась здесь.

Прежде чем я успел заметить движение, он оказался на мне. Его слова вырывались вместе с брызгами слюны сквозь стиснутые зубы.

— Ты мудака! Ты думаешь, что только что сделал лучше?

Он был мудаком. Одно слово Габриэлю, и он отправится на корм полярным медведям.

Прежде чем я успел ответить, его рука прижалась к моему горлу, впечатав меня в стену и на мгновение перекрывая мое дыхание.

— Я мог бы убить тебя прямо сейчас, — прошипел он. — Никто не услышит и не найдет твое тело, пока твой дядя находится в воздухе на высоте тринадцать километров, летя через эту чертову страну на скорости около тысячи километров в час.

Я оттолкнул его и попятился назад, давая себе сделать более чем необходимый вдох.

— Мудак! — выпалил я. Я был гребанным копом. И еще перед завтраком имел дело с сумасшедшими, похожими на этого. Меня не волновало, насколько большим или сильным он был, я знал, что делаю.

Я поднял руки и в этот же момент, я поднял ногу. Мой ботинок врезался в его торс. Как только моя нога выпрямилась, он стал задыхаться, его тело рухнуло напротив одного из старых диванов, прежде чем он смог восстановить баланс.

Если я скажу дяде сейчас, у Стеллы не будет ни единого шанса.

— Ты на самом деле не улавливаешь сути, — сказал я. — Если я, мать твою, скажу Габриэлю хоть слово об этом, ты труп.

— Мне наплевать на то, что случится со мной. Ты думаешь, что меня волнует моя судьба, когда моя жена и ребенок заперты здесь? Если я не могу помочь Саре, я не...

Жена и ребенок? Как будто все это дерьмо реально.

Я провел рукой по волосам и медленно сказал:

— Это не ее имя.

— Я знаю. Я бы назвал ее именем, которым она была названа во тьме, но сейчас она в "Свете". Там, куда ты отправил ее.

— Она была бы мертва, если бы я этого не сделал, а ты ошибся. Это она во всем виновата. Я пытался ее остановить. Проклятье, Минди не так глубоко увязла в этом, и они забрали ее. Я сделал все, что мог, чтобы остановить обоих — "Свет" и Стеллу. Она чертовски упряма и чертовски хороша в своем деле. К тому времени, когда она погрузилась слишком глубоко, Габриэль хотел убить ее. Я убедил его увезти ее как можно дальше и заняться памятью. Я не знал, как все это работает. Черт, меня не должны видеть ни в храме, ни в других зданиях Хайленд Хайтс. Я в основном только здесь. Я не хочу знать, что происходит здесь, а тем более там.

Джейкоб замер, потом склонил голову набок.

— погоди, кто такая Минди, и ты говоришь, что Сара-полицейский? Или была ею?

Этот парень действительно был не в курсе, и последнее, что мне нужно было сделать, это быть тем, кто поведаст ему правду. Я покачал головой.

— Нет, и, черт возьми, я не должен был ничего говорить об этом, но я пытался спасти ее. Теперь Габриэль разозлился на тебя. Я подслушал разговор. Ты сделал что-то, что вызвало у него подозрения. Это никогда не кончается хорошо. Я знаю достаточно о том, как это работает, чтобы понимать, что, если ты не разгребешь все это дерьмо, то твои дни сочтены, и если ты будешь изгнан, то и она тоже. Мне нужно было что-то придумать, поэтому я попросил Габриэля подтвердить, что она останется жива. По какой-то причине он согласился. У него никогда не было планов возвращать ее на Аляску. Переназначение было и остаётся ее единственной надеждой. — Я пожал плечами, стоя у запертой двери. — Я даже пытался вернуть ее себе, но он был непреклонен, так что выбора не осталось. Они слишком обеспокоены тем, что возвращение ее в ее реальную жизнь приведет к возврату всех ее воспоминаний.

Я отказывался думать о планах моего дяди — невестах. У меня тоже был план. Он заключался в том, чтобы переназначить Стеллу в "Западное Сияние". Это было бы лучше, чем здесь. Я уважал своего дядю и все, что он создал, но он был повернутым ублюдком, когда дело касалось женщин.

Пронзительный звонок телефона Джейкоба заполнил подвал, отражаясь эхом от стен. Судя по выражению его лица и тому, как краска сбежала с его щек, я понял, кто звонит. Отец

Габриэль не любил ждать.

Я помотал головой. Этот парень делает все, чтобы стать едой для полярных медведей. Сжав губы, я прислонился к стене и наблюдал за тем, как он достает телефон из кармана джинсов.

Он сделал глубокий вдох и его грудь поднялась и опустилась, прежде чем он ответил.

— Брат Джейкоб... Уже иду... Да, я понимаю... Я пройду через дворы.

Я отдал ему должное. Во время разговора он держал себя в руках.

Наши взгляды встретились.

— Они уже подъехали к взлетно-посадочной полосе. Я достану твоему дяде все, что ему нужно. Я найду этот чертов конверт и соберу свое дерьмо вместе. — Он подчеркнул мои слова. — Пожалуйста, присмотри за ней.

Я кивнул.

— Сейчас здесь безопасней, чем с ним в "Северном Сиянии".

Это была правда. Часть меня действительно жалела этого парня. Что бы он ни сделал, он не вернется сюда. Как только он найдет нужную Габриэлю информацию, он будет мертв. Я даже слышал, что они уже нашли нового пилота на его место.

Габриэль ни от кого не терпел дерьма. Половина этих неприятностей началась в "Западном Сиянии". Конверт, который должен был дать Рубен этому идиоту, был просто проверкой. Каким-то образом Майкл или Рубен дали ему неправильный конверт, тот в котором был ответ с фразой-паролем, необходимой для доступа к зарубежным счетам. Майкл мог быть одним из первых трех, но держу пари, он уже получил от моего дяди за это.

С другой стороны, если бы он не отдал Джейкобу этот конверт, даже по ошибке, Джейкоб, вероятно, не вернулся бы в "Восточное Сияние", как и Стелла. Если бы он появился здесь с конвертом, завтра я услышал бы по полицейской рации что-то о большом мертвом белом парне без отпечатков пальцев, найденном в заброшенных зданиях в Хайленд-Хайтс.

Им на самом деле нужно придумать, как лучше избавиться от тел. Я говорил им об этом не раз.

— Если ты когда-то заботился о ней...

Я понизил голос.

— Ты что, не слышал ни слова из того, что я сказал? Я заботился. И все еще забочусь.

— Тогда присматривай за ней, и постарайся избежать тех препаратов.

Я кивнул, хотя препарат был именно тем, что ей нужно. Это был единственный способ переназначить ее в "Западное Сияние".

Я взглянул на часы. Прямо сейчас ему нужно было убираться отсюда, чтобы Габриэль смог улететь. Это даст мне, как минимум, несколько дней, чтобы обдумать свой план. Я кивнул головой в сторону ступеней.

— Давай я покажу тебе короткий путь через задний двор.

Я замер на втором шаге, в то время как Джейкоб посмотрел на дверь комнаты, где мы оставили Стеллу. Когда я кашлянул, чтобы привлечь его внимание, он расправил плечи и повернулся к мне. Я не оглядывался. В этом не было необходимости. Тяжелый стук его ботинок следовал за мной, когда я поднялся обратно вверх по лестнице и закрыл дверь в подвал. Мы молча прошли по коридорам и комнатам, спустились еще по одной лестнице и, наконец, вышли на задний двор.

Были вещи, которые я мог бы сказать ему, вещи, которые причинили бы ему боль. Часть

меня хотела этого. По всем правилам я должен сделать больше, чем это. Я представлял себе, как вытаскиваю пистолет из кобуры и всаживаю ему пулю в лоб. После того, что он сделал со Стеллой, не только с ее глазом, но и с её разумом, изменив ее, превратив ее в одну из жен-зомби, он заслужил это.

Мне не нужно было лишний раз пачкать руки. Как только конверт будет найден, его судьба была предрешена. Мне было известно, что он никогда не увидит Стеллу и Блумфилд-Хиллс снова. Джейкоб был вчерашней новостью.

Проходя мимо меня, он не обернулся. Это было правильно. Пока я смотрел, как он бежит по траве к взлетно-посадочной полосе, мне на ум пришла подходящая цитата из фильма.

Выдохнув, я пробормотал себе под нос:

— Мертвец идет. Нет, — ухмыльнулся я, — бежит.

Глава 25

Джейкоб

Слова Сары преследовали меня, но в то же время укрепляли мою решимость.

— Покончи с ним. — Ее решимость и вера в меня повторялись снова и снова, пока я бежал вниз по холму и через двор.

Мне потребовалось вся моя сила воли, чтобы уйти. Я не был уверен, что мог бы это сделать, не зная, что Стелла проснулась внутри нее. Состояние Сары могло сделать ее уязвимой, и я был бы ответственен за это. Но Стелла была опорой Сары, и я должен был верить, что она справится.

Если бы управление "Цессной" не требовало двух пилотов, то я уверен, Отец Габриэль приказал бы Мике отправляться без меня. Проходя мимо бассейна и теннисных кортов, я вспомнил еще одну причину, по которой он хотел, чтобы я вернулся в "Северное Сияние". Это был этот чертов конверт.

Я заставил себя сделать то, что сказала Сара, и подумать о будущем — о миссии. Почему брат Рубен дал мне что-то настолько важное, что об этом спросил Отец Габриэль? Было ли это важным? Или это была какие-то игры разума, какая-то глупая проверка, способ вернуть меня в "Северное Сияние", где мое изгнание было бы легче скрыть?

Я попытался вспомнить, что я с ним сделал. В то время я больше сосредоточился на том, как Рубен достал его из пиджака, намеренно выставив напоказ свое оружие. Я никогда бы и не подумал, что в нем есть что-то важное.

В мои мысли вернулись слова Ричардса, обвиняющего Стеллу во всем этом, и мое негодование возросло. Он ошибался. Виноват был "Свет", и Отец Габриэль тоже. Но не она. Она была хороша в своей работе — вот почему она решила вернуться в "Свет". Она хотела их краха так же сильно, как и я. Я помолился, чтобы упрямство, о котором он говорил, сохранило ей жизнь.

Хотя она и поклялась беречь себя, я не мог удерживать груз ответственности, который увеличивался с каждым шагом, приближающим меня к хозяйственным постройкам. Независимо от того, что сказал Ричардс, Стелла Монтгомери находилась в этом комплексе, в этом подвале по одной причине. Из-за меня. Если бы она не согласилась помочь моей миссии, она была бы в безопасности, участвуя в программе защите свидетелей. Если не случится чуда, которое позволит ей сбежать, единственный способ спасти ее, когда я отправлюсь в "Северное Сияние" — это инициировать рейды.

Среди всего этого хаоса, небольшая улыбка появилась на моих губах. Проклятье, он был прав касательно ее упрямства, и я любил это. Я желал этого.

Мы с Сарой бегали гораздо дальше, чем расстояние от особняка до взлетно-посадочной полосы, но сегодня все иначе. Сегодня я бежал, спасая свою жизнь, ее жизнь, и, следовательно, к тому времени, когда я добрался до пристроек, мое дыхание было тяжелым и затрудненным. Когда я открыл дверь в здание, где мы с Сарой поселились, запах цветочного шампуня заставил сжаться сердце в моей груди.

Вместо того чтобы усилить непреодолимое желание рассыпаться на части, аромат придал мне сил. Мне тоже нужно быть сильным. Я не мог позволить, чтобы ее пребывание здесь, в "Восточном Сиянии", погубило меня. Случись подобное, все, чего я достиг за последние три года, было бы напрасным. Для ее будущего, как и для моей операции, мне

нужно было встретиться с Отцом Габриэлем и убедить его, что я изменился. Я больше не был тем мужчиной, который стоял перед ним и умолял его о жене. Я выучил урок и теперь был его лучшим последователем. Это был единственный способ, наш единственный шанс.

Как я уже сказал — лучшие выступления в нашей гребаной жизни!

Глубоко вздохнув, я вспомнил, что сегодня понедельник, всего три дня назад Сара покинула "Северное Сияние". Взглянув на часы, я понял, что в Мичигане сейчас начало пятого. Учитывая разницу во времени и время, которое потребуется на полет в "Северное Сияние", мы приземлимся примерно через полчаса после того, как покинем Блумфилд-Хиллс. Сделав глубокий вдох в комнате, наполненной цветочным ароматом, я развернулся, расправил плечи и вышел под лучи Мичиганского солнца.

Моей целью было, чтобы мы с Сарой продержались до среды. Еще два дня.

В среду мы с Микой должны были лететь в Фэрбенкс за припасами. Существовал специальный поставщик, который обеспечивал сырьем для фармацевтических препаратов. Мы проводили обмен всего раз в месяц. Я участвовал в этих рейсах с тех пор, как впервые попал в "Северное Сияние". Поскольку это было только сырье, этот обмен не требовал более высокого разрешения, которое мне было нужно, чтобы доставить готовые фармацевтические препараты. Однако, из-за хрупкости, это всегда делалось с двумя пилотами. Это была одна причин, по которой Отец Габриэль настоял, чтобы я вернулся к работе после того, как Сара очнулась. Когда мы окажемся в Фэрбенксе, я куплю одноразовый телефон, чтобы сделать звонок и инициировать рейды. Это произойдет не сразу, но произойдет.

Нам с Сарой осталось продержаться всего пару дней.

Когда я шел в направлении самолета, мои глаза встретились с глазами Мики. Ему не нужно было говорить. Я видел сочетание вопроса и опустошения в его выражении. Десять минут назад этот взгляд сломал бы меня, но не сейчас. Сжав губы в прямую линию, я кивнул.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал я, оглядываясь в поисках Отца Габриэля.

Мика схватил меня за руку и прошептал:

— Джейкоб, мне... — Он не закончил. Не было слов.

Я выпрямился.

— Я верну ее. Полетели, так я смогу вернуться назад. Где он?

— В самолете, с Братом Илаем.

Мои глаза распахнулись шире.

— Илай тоже собирается в "Северное Сияние"?

Мика пожал плечами.

— Я не знаю, что происходит, и надеюсь, что ты прав.

Я кивнул. По выражению его лица я понял, что он не поверил моим словам о том, что я верну Сару. Если бы я был только Джейкобом Адамсом, я бы тоже не поверил; однако я не был Джейкобом Адамсом. Я был агентом Джейкоби Макалистером, и я, черт возьми, сделаю это.

Шаг за шагом я поднимался по ступеням, готовый начать это шоу. Стоя на верхней ступеньке лестницы, я ждал, пока глаза привыкнут к яркому солнечному свету, когда Отец Габриэль заговорил.

— Не очень-то хорошее начало.

Этой информации было недостаточно. Мика не знал, что он имел в виду, но Илай, сидящий напротив Отца Габриэля, знал, и я тоже. Я видел темные глаза Илая, смотрящие в мою сторону. Они больше не выражали жалости, которую я видел в особняке. Отец Габриэль

имел в виду обещание, которое я дал, стоя перед его столом, обещание стать лучшим пилотом и последователем, который у него когда-либо был. И вместо этого я заставил его ждать — чего раньше никогда не делал.

Конечно, я никогда не был вынужден оставить свою жену запертой в подземелье.

Выдохнув, я убрал руки за спину и выпрямился.

— Прошу прощения, Отец. Как вы знаете, меня больше ничто не отвлекает. Моя преданность полностью с Вами и "Светом".

Он кивнул мне и повернулся к Илае.

— Похоже, все под контролем. Я свяжусь с тобой, как только мы прибудем в "Северное Сияние". Если я не позвоню вовремя, ты знаешь, что делать.

Я стиснул зубы, но воздержался от высказываний.

Илай посмотрел на часы.

— Отец, во сколько вы планируете позвонить?

Ухмылка появилась на губах Отца Габриэля.

— Я планировал вылететь отсюда не позже половины четвертого. С таким расписанием я позвоню в восемь.

Чертов мудака!

— Тогда мы будем придерживаться первоначального плана. С удовольствием, — ответил Илай.

Да, вот тебе и братство Собрании.

В следующий раз, когда я увижу Илая, я надеюсь, что он будет в камере. Кул-Эйд был чертовски хорош для него. Наши взгляды встретились, когда он встал, и на этот раз он не отводил глаз. Как только он спустился по ступенькам, Мика поднялся на борт, втащил лестницу и запер дверь каюты.

Звук напомнил мне о замке, который запер Ричардс, и на мгновение меня затопил поток мыслей. Пока я старался отогнать их, Мика заговорил.

— Отец, вам что-нибудь нужно, прежде чем мы взлетим?

— Нет, — сказал Отец Габриэль, глядя на меня. — Хотя, я не хочу, чтобы вы закрывали шторку в кабину пилотов.

Что, черт возьми, он думает, я сделаю? Он только что угрожал моей жене в моем присутствии. Моя главная цель состояла в том, чтобы лететь на этой консервной банке за тридцать миллионов долларов как можно быстрее. Он вернется в "Северное Сияние" вовремя, чтобы сделать этот проклятый звонок. Когда мы с Микой вошли в кабину, я направился к креслу пилота, но Мика преградил мне путь. Мы всегда соглашались менять обязанности с каждым новым рейсом. Мы занимались этим годами, и то, что он был главным пилотом по дороге в "Восточное Сияние", значило, что теперь моя очередь. Однако, вместо того, чтобы спорить, я благодарно кивнул, когда Мика заговорил без слов. Его глаза говорили мне, что он тоже расстроен, но он сможет сосредоточиться лучше, чем я.

— Как можно быстрее, — прошептал я.

Он кивнул.

Как только мы поднялись в воздух и сообщили свои координаты и планы аэропорту Детройта, я устроился в кресле поудобнее. С чистым небом и заходящим впереди нас солнцем, постоянно находящимся вне досягаемости, я направил свои мысли в другое русло. Все было так, как и предсказывал Мика, но направление было другим. Я не позволял своим мыслям задерживаться в особняке в Блумфилд Хиллс. Я отпустил их только для того, чтобы

помолиться, чтобы Сара продержалась еще два дня. Затем я переключил механизмы и позволил своим мыслям сосредоточиться на будущем, отличающемся от того, которое предсказал мужчина, сидящий в салоне этого самолета, на будущее, которое я планировал осуществить — и чем быстрее, тем лучше.

С каждой милей я составлял свой план. Отгрузку в среду не могут отменить или перенести. Она должна произойти. Слишком много сигналов тревоги прозвучит, если все не пойдет, как запланировано. "Свет" был машиной с идеально смазанным механизмом. Я не имею в виду религиозной организации. Я имел в виду крупное предприятие по добыче денег.

И тут я вспомнил о Томасе. Интересно, когда он в следующий раз должен полететь в "Северное Сияние" и поймет ли кто-нибудь, что он пропал? Если кто и поймет, приведет ли это к нежелательному вниманию к "Северному Сиянию"? Меня беспокоили планы полетов, которые он составил в прошлую пятницу. Если Отца Габриэля и уведомили о его исчезновении, то меня-нет, и я сомневаюсь, что Томас вернется на выходные. Сегодня или позже на этой неделе.

Я не знал, было ли беспокойство Отца Габриэля по поводу глупого конверта реальным или нет, но в любом случае его нужно было найти.

Я попыталась мысленно вернуться назад. Напрашивался очевидный вывод, что я положил его в карман пальто; однако Монтана не была Аляской. Я не помню, была ли на мне куртка в "Западном Сиянии". Если и так, то, скорее всего, именно там. Если нет, и он был у меня в руке, когда я садился в самолет, возможно, я оставил его в кабине. Или я мог взять его с собой в аэропорт в Лоун-Хоук. Черт, я не мог вспомнить. Может быть, я взял его в грузовик, который одолжил, или оставил его в номере мотеля...

Пот выступил у меня на лбу. Возможностей становилось все больше, и каждая из них усиливала мои опасения.

По прилету я планировал проверить кабину пилота в маленьком самолете, после того, как удостоверюсь, что Отец Габриэль добрался до своей квартиры или храма, или где он там хотел быть, чтобы сделать этот проклятый телефонный звонок Илаю.

Доставка этого конверта была первым шагом к тому, чтобы выиграть мне время — всего пару дней.

Глава 26

Сара

Хотя мои глаза болели от желания открыть их, я оставалась неподвижной, обдумывая свой следующий шаг, в то время как вопросы атаковали мой разум, на мгновение подавляя страх, который я должна была испытывать в новых обстоятельствах.

За мной следили? Как мне сбежать? Как такое возможно в этом веке и в эти дни? Откуда у одного человека столько власти?

Ответ на последний вопрос был прост. Мы, последователи Отца Габриэля, дали ему эту власть. С каждым последователем — избранным или нет — мы отдавали ему наши умы и тела. Мы охотно выполняли его приказы, физические или психологические, не думая о последствиях или человеческих жертвах.

Каждый день без лекарств делал мой мир все более ясным. Я могла смотреть на "Свет" под другим углом. Ежедневная психологическая война была жестокой и безупречной. Если бы это был только религиозный культ, он был прекрасно спланирован, но теперь, учитывая цифры, которые я видела в лаборатории, в сочетании с небольшим количеством информации, которой поделился Джейкоб во время нашего ночного разговора о фармацевтическом предприятии, операция в целом была безупречной.

Каждый в "Свете" укрепил силу Отца Габриэля. Он бы не смог повернуть это в одиночку, но подчинив своей воле почти тысячу человек, он сдвигал горы и разрушал жизни. Он делал это во имя Господа, но он был единственным, кто был в выигрыше. Каждого из нас заставили поверить, что без него мы были бы никем. Реальность оказалась противоположной.

Это без нас он был бы никем.

Я вспомнила вчерашнюю молодую пару в храме. На глазах у более чем сотни последователей, Отец Габриэль приказал убить их. А сегодня он приказал сделать то же со мной. Не буквальная смерть, а смерть Сары Адамс. Он сказал, что потеря воспоминаний с последних девяти месяцев была необходима для переназначения.

Неужели женщины настолько ничемны для него, что он может манипулировать их жизнью, как игрушками, которые он может взять у одного мужчины и отдать другому?

Пока мои воспоминания о жизни во тьме и в "Свете" продолжали смешиваться, я вспомнила молитву, которую Джейкоб произнес в один из моих первых дней в качестве Сары. В то время я не понимала всех последствий. Я не могла понять. Теперь я была в состоянии. Джейкоб произнес молитву, когда я собиралась поест в первый раз. Он сказал: «Пусть эта еда будет напоминанием о том, что предоставленные привилегии могут быть отобраны».

Именно это сделал сегодня Отец Габриэль. Жизнь, которую мы с Джейкобом построили, какими бы извращенными ни были наши обстоятельства, была привилегией, и одним простым заявлением Отец Габриэль отнял ее.

Возможно, я страдал диссоциативным расстройством личности. Поскольку я лежала неподвижно, я обладала невероятной способностью видеть все с двух точек зрения — Сары и Стеллы. Я поняла, насколько хорошо "Свет" запрограммировал меня. Если бы это было не так, я бы сопротивлялась, когда меня спускали в это холодное подземелье. Большинство

нормальных людей сопротивлялось бы. Однако с этой двойной точки зрения я могла оценить, что как Сара я больше не была нормальной. Меня приучили принимать, что мужчинам виднее, и никогда не задавать вопросов.

Хотя в этом восприятии было ощущение покоя. Я буду бороться с небесами и адом, чтобы они не сделали это со мной снова. Я была не на крайнем севере. Я была в престижном сообществе в Мичигане. Все, что мне нужно было сделать, это выбраться из этого комплекса и добраться до ФБР. Хотя это казалось трудной целью, учитывая всё то, что я уже пережила, это не было невозможным.

Когда оба образа мыслей укоренились в моей душе, я приняла покой Сары и положила на человека, который оберегал меня последние девять месяцев. Я также приняла страх Стеллы и позволила ему ожить. У страха была цель. Он помогал людям быть в безопасности. Это был тот тоненький голосок, который говорил не ходить по темному переулку, или ускоренный пульс, который появлялся, когда все было не так, как казалось. Страх возник по причине, и мне нужно было принять это.

Чтобы выжить, мне нужно было и то, и другое — покой и страх. Мне нужно было выбраться из этого подвала.

Из-за запертой двери продолжали доноситься приглушенные голоса. Хотя некоторые реплики были громче других, я не могла разобрать слов; однако я узнала оба голоса. Я также слышала эмоции в обоих. Мне было трудно осознать, что Джейкоб и Дилан вообще разговаривают друг с другом, но понимала, что абсурдность происходящего — не просто совпадение.

Я попыталась вспомнить все, что слышала в кабинете Отца Габриэля. Я так и не поняла, зачем всё это было сделано. Мы были готовы к проверке. Когда я назвала Дилана Братом, это не потребовало от меня титанических усилий. Хотя я знала его в том, что было больше похоже на другую жизнь, сейчас он не был мне представлен. Пока Отец Габриэль не предоставил свое разрешение, мне не сказали, что я даже могла с ним говорить. Поэтому, как только я получила разрешение, титул пришел без раздумий. В конце концов, как Сара, я знала, что все мужчины заслуживают титула.

Определенно диссоциативное расстройство личности.

Я надеялась, что после объявления о моей беременности мне разрешат остаться с мужем. Это было моей целью, но я потерпела неудачу. Тем не менее, объявление, возможно, помогло мне избежать наркотика, который планировал ввести Брат Илай. Хотя Джейкоб был первым, кто остановил Брата Илая, мы оба знали, что власть Джейкоба была ограничена. Он и Брат Илай оба были членами Собрании. Но последнее слово всегда оставалось за Отцом Габриэлем. Опять же, никто из них не был тем, кто препятствовал инъекции. Это был Дилан.

Откуда у Дилана столько власти? Было ли так всегда, даже когда мы встречались? Как я могла встречаться с кем-то, кто связан со "Светом", и не знать об этом?

Я вспомнила своего босса, Бернарда Купера, его беспокойство насчет Дилана, и как он заставил Фостера, моего коллегу, заглянуть в его личную жизнь. Я была одной из тех, кто сказала ему прекратить это. Я также поняла, что обнаружила всю информацию о "Свете", в то самое время, когда Дилан был рядом. Он был со мной в морге. Он видел мои фотографии белого здания в Хайленд-Хайтс. Я дала ему ключ от своей квартиры. Внезапно я задалась вопросом, были ли найдены мои расследования. Я спросила себя, видели ли Бернард и Фостер все, что я обнаружила?

Конечно же, нет.

Мое внутреннее смятение переросло в гнев, когда я подумала, что, как и мои воспоминания, мои исследования, скорее всего, были уничтожены. С другой стороны, Дилан был тем, кто остановил введение препарата, препарата, который позволил бы им переназначить меня. То, что собирался ввести мне Брат Илай, не было похоже на таблетки, которые Джейкоб хотел, чтобы я снова начала принимать. Отец Габриэль называл это сильнодействующим подавителем памяти.

Я не хотела думать об этом. Вместо этого я крепко вцепилась в кусочек надежды на то, что, может быть, вместе Джейкоб и Дилан смогут выиграть мне немного времени, времени, которое мне нужно, чтобы спастись. Я продолжала верить, пока голоса не смолкли.

Приглушенный всхлип вырвался из моей груди, и мое дыхание сбилось. Голоса исчезли. Они оставили меня, и вскоре Джейкоб улетит обратно на Аляску. Я действительно осталась одна.

Новая тишина опустилась на холодный подвал, как густое облако. В некотором смысле это напомнило мне о моем психическом состоянии после несчастного случая. Время потеряло смысл, только мое дыхание двигало меня, а затем я медленно осознала мир за пределами моих закрытых глаз. Я боролась с облаком и оттолкнула его. Тонкие волоски на моих руках встали дыбом, когда страх Стеллы стал очевиден. Я была не одна.

Я медленно открыла глаза и повернула голову. С одной стороны моей кровати, излучая прохладу, была серая стена. В тусклом свете я разобрала прямоугольники и поняла, что она сделана из цементных блоков. Дальняя стена тоже была из цементных блоков. Там была дверь, через которую вышел Джейкоб, и та, которую, как я слышала, заперли. Тусклый свет исходил от лампочки, свисающей с потолка. В отличие от величественных потолков наверху, этот был не чем иным, как изоляцией с досками.

Когда я повернулась направо, мое дыхание замерло. В комнате была еще одна кровать, и на ней кто-то лежал — женщина. Широко открыв глаза, я быстро села и попятилась к изголовью кровати. Прижавшись спиной к холодной цементной стене, я подтянула колени к груди, в то время как мое сердце билось беспорядочно, и я смотрела на очертания тела. От воспоминаний о телах на столе Трейси в морге, мое кожа покрылась мурашками, пока я пыталась определить, жива ли эта женщина.

Я выдохнула, когда осознание вытолкнуло меня из остатков моего тумана. Несмотря на синяки, ушибы и повязку на глазах, я узнала девушку в кровати. Стараясь двигаться как можно тише, я опустилась на холодный твердый пол. Прищурившись, я посмотрела на другую женщину и ахнула, едва не опрокинув столб капельницы с прозрачной жидкостью возле кровати.

Проклятье! Неужели они ввели мне препарат?

Я быстро осмотрела свои руки. На мгновение мне стало страшно, что каким-то образом время было утрачено, но на моих руках не было следов от капельницы. Шаг за шагом я приблизилась к ней. Стоя у ее кровати, я увидела толстый кожаный ошейник на ее шее. Шириной всего в несколько дюймов, это был не ремень, и его вид снова мне напомнил тела в морге. У одного из них, которое, как я помню, я видела вместе с Диланом, на шее был большой синяк. Глубоко вздохнув, я потянулась к руке женщины. В тусклом свете кончики ее пальцев имели тот же призрачный оттенок, что и мои, и даже в прохладе ее рука была теплой.

Слава Богу!

Она была жива.

Возможно, она и была жива, но опухшее и синее лицо, выглядывавшее из-под повязки на глазах, а также на открытых руках, сказали мне, что она пережила ад. К другой ее руке была прикреплена капельница с двумя свисающими пакетами. Они были такими же, как и та, что находилась возле моей кровати. Я надеялась, что вторая была с обезболивающим. Я приоткрыла ее одеяло и обнаружила гипс на ее правой ноге. Я знала, где я видела ее прежде. Это была девушка со службы.

— Сестра Сара, оставь ее в покое.

Я обернулась на голос. Я была слишком заинтересована женщиной, лежащей без сознания, чтобы услышать, как открылась дверь моей комнаты. В дверях стояла женщина. Судя по ее одежде, она была той самой, которая открыла дверь, когда мы впервые вошли в особняк.

— Иди за мной, — сказала она.

Нервничая, я потянула серебряный крестик на своем украшении, и провела им вверх и вниз по цепочке. Это было мое средство спасения. Это не могло произойти внутри этой камеры. Я должна была подчиниться, куда бы она ни повела. Выйдя следом за женщиной, я прищурилась — не то, чтобы в другой комнате был естественный свет, но она была ярче, чем та, где меня держали. Я быстро оглядела новую комнату. Она была такой же удручающей, как и оставленная позади: неокрашенный цементный блок и цементный пол, из мебели только старые диваны.

— Сюда, — приказал женский голос из другой комнаты.

Когда я последовала за ее голосом, мои шаги замедлились на пороге комнаты, куда она привела меня. Это была ванная.

— У тебя три минуты, чтобы раздеться и принять душ.

— Простите? — переспросила я, казалось мои колени снова слишком слабы, чтобы держать меня.

Подойдя ближе, я увидела, что это не та женщина, которая открыла входную дверь. У этой были темно-русые волосы, собранные в пучок на затылке, на ней было то же бесформенное белое платье и туфли на плоском ходу, но ее шарф был более темного оттенка голубого. Она поджала губы и прищурилась. Подойдя ближе, она подняла мой серебряный крестик и потянула. Я ахнула, когда тонкая цепь порвалась.

— Разденься и прими душ. Это значит твои украшения. Ты больше не избранная и ты больше не замужем. Лично меня не волнует достигнешь ли ты успеха или потерпишь неудачу. Однако, я дам тебе один совет — первое время следуй инструкциям. — Когда я не ответила, она продолжила, — Мы все знаем, что избранные думают, что они гораздо лучше, чем остальные из нас.

Защищаясь от ее тона и слов, я выпрямилась.

Она сократила расстояние, между нами, пока мы не оказались нос к носу.

— У тебя проблемы с тем, чтобы следовать указаниям последователей?

— Нет, я не знаю, что вы думаете об избранных, но я уверена, что мы придерживаемся инструкций. Мы также привыкли к тому, что сестры всегда стараются помочь и не жестоки. Верните мне мое украшение. — Я не знала откуда во мне взялась храбрость, но я провела девять месяцев, подчиняясь мужчинам. Я не планировала добавлять женщин в это уравнение.

Она ухмыльнулась.

— Ну, как я уже сказала, твой успех или неудача совсем меня не касаются. — Она засмеялась. — Все это зависит от тебя. И я помогаю. Раздевайся, принимай душ, и тебе больше не понадобится твое украшение. Здесь мы носим кое-что другое, что определяет нас как личных последовательниц Отца Габриэля, невест "Света". Так что делай, как тебе говорят, и помалкивай. Возможно, ты проживешь достаточно долго, чтобы понять, какая это честь — быть здесь.

Невесты "Света"?

Я не понимала. Все, что я знала, это то, что мне нужно было играть в эту чертову игру достаточно долго, чтобы выбраться. Чего я не знала, так что это повлечет за собой.

— Пожалуйста, — попыталась я, надеясь на сочувствие. — Я не понимаю, что происходит. Верните мне мою цепочку. Я спрячу ее и кольцо.

Она прошла мимо меня.

— У тебя есть две минуты.

Закусив губу, я начала закрывать дверь, но она остановила меня.

— Ты находишься под постоянным наблюдением. И я не хочу быть наказанной из-за тебя. Поторапливайся.

Я повернулась в сторону душа и начала раздеваться. Оставшись в нижнем белье, я включила воду. Рассеивающиеся капли воды были чертовски холодными. Я попыталась отрегулировать температуру воды, но мои часы тикали, а температура не менялась. Когда я оглянулась через плечо, моя новая сестра пожала плечами.

— У тебя нет времени ждать, пока вода станет теплой. К тому же, здесь она не греется.

— Зачем мне нужен душ?

— Тебе еще многому нужно научиться. Разве твой муж разрешал тебе задать вопросы?

— Нет, но вы женщина. Я могу задавать вопросы женщинам.

Она указала на свой шарф.

— Только если на тебе надет шарф более темного цвета. Сегодня ты получишь свой белый шарф. Ты можешь задавать вопросы женщинам, у которых шарф такого же цвета или светлее. Для всех остальных тебя не существует. А теперь в душ.

Избавившись от нижнего белья, я шагнула под обжигающе-холодный душ. Мои зубы стучали друг о друга, а кожу покалывало, когда я намочила волосы и тело. Все это время я старалась не оборачиваться в сторону женщины, которая следила за каждым моим движением.

— Время вышло, — объявила она, выключая воду. — Следуй за мной.

Мокрая и без полотенца, я дрожала, обхватив себя руками в попытке защитить свое тело. Затем она открыла дверь в другую комнату. Мои глаза широко распахнулись, когда я увидела еще одну бетонную комнату. В этой не было мебели. На бетонном полу лежало белое платье, похожее на то, что было на ней, нижнее белье и туфли.

— Сестра? — Попыталась спросить я. — Могу я вернуться в ванную? У меня не было шанса воспользоваться туалетом.

Она закатила глаза.

— Поторапливайся.

К счастью, вокруг никого не было, когда я голая вернулась в ванную, оставляя позади себя мокрый след. На полу, там, где я заметила его раньше, лежал серебряный крестик, который сорвался с моей цепочки. Цепочку она положила в карман. Сидя на унитазе, я накрыла крестик босой ногой. Через несколько секунд она снова смотрела на меня. Я

спрятала его, когда мыла руки.

Когда она отошла, велев мне поспешить и одеться, я потянулась к крестику. Не имея другой альтернативы, я запустила его под воду и положила на язык. Сглотнув, я поклялась, что они не заберут у меня все. Вернувшись в другую комнату, я оделась, и материал белого одеяния прилип к моей мокрой коже. Как только я начала чувствовать себя лучше, мне пришлось задержать дыхание от звука тяжелых шагов, пересекающих внешнюю комнату. Они приближались.

Я инстинктивно опустила подбородок и склонила голову. Без бюстгалтера, из-за холодной температуры и легковесности моего платья я остро ощущала свои затвердевшие соски. Ссутулившись, я попыталась спрятать грудь, которая терлась о ткань.

— Сестра Мариам, будет ли Отец Габриэль доволен?

Должно быть, Мариам — это имя женщины, которая руководила мной. Затуманенными глазами я наблюдала, как крупный мужчина, которого я никогда раньше не видела, разговаривает с ней, одновременно оглядывая меня с головы до ног. Мое беспокойство усилилось, когда его взгляд задержался на моей груди.

— Нет, Брат.

О чем они говорят?

— Это очень плохо. Мы не можем разочаровать Отца Габриэля.

— Нет, Брат. Она поймет, что это большая честь.

Мужчина погладил Мариам по щеке. Хотя это действие могло показаться нежным, на самом деле у меня скрутило живот.

— Оставь нас.

— Да, Брат Марк.

Все еще босая, я попятилась назад, когда Брат Марк подошел ближе. Когда моя спина ударилась о дальнюю стену, я ахнула, заставив его рассмеяться.

— Сестра, Отец Габриэль особенно заинтересован в ваших уроках и вашем наказании. Он ввел в отношении тебя строгую политику нулевой терпимости. Если тебе позволят продолжить уроки, мы познакомимся поближе.

Я вздрогнула, когда он коснулся моей щеки.

— Пожалуйста.

— Сестра, я скажу тебе, когда придет время умолять. Теперь пришло время для твоего первого урока.

Желчь из моего желудка резко поднялась вверх, когда брат Марк потянулся к пряжке своего ремня.

Глава 27

Джейкоб

Поймав попутный ветер и двигаясь быстрее, чем обычно, мы приземлились как раз вовремя, чтобы звонок Отца Габриэля и Брата Илая состоялся согласно графику. Как только мы расстегнули наши ремни, Мика кивнул в мою сторону. Глубоко вздохнув, я взял себя в руки и направился в кабину самолета. Пришло время произнести ту же самую речь, которую я произносил так много раз.

— Отец Габриэль, вы хотите, чтобы мы с братом Микой отвезли вас в общину или чтобы кто-нибудь из нас позвал другого избранного?

Откинувшись на мягкую кожу, он небрежно посмотрел на меня.

— Кажется, мы прибыли как раз вовремя.

— Да, ветры помогли нам уложиться в график.

Отец Габриэль встал.

— Мне нужен этот конверт сейчас, даже вчера. Я свяжусь с Братом Рафаэлем, вы двое сделайте, что нужно с самолетом, а ты найди мне, что от тебя требуется. Я жду от тебя вестей сегодня вечером. Не думаю, что ты захочешь меня разочаровать.

— Нет, не хочу. Звонок Брату Илаю...

Он поднял руку, останавливая меня.

— Больше не твоя забота. Помни, мы устранили твои отвлекающие факторы. Найти конверт — твоя единственная забота.

Устранили? Я проглотил свое возражение, когда прохладный летний воздух Аляски заполнил самолет, и мы повернулись к Мике и открытой двери.

— Отец, я подгоню карт, — предложил Мика, спускаясь по трапу.

С тех пор, как мы видели белых медведей на посадочной полосе и рядом с ней, Отец Габриэль решил, что ему нужно ездить в ангар и обратно. Обычно это меня не беспокоило, но сейчас я втайне подумал, насколько удачным было бы нападение медведя.

— Иди, Джейкоб, — сказал Отец Габриэль, — тебе есть чем заняться.

Я кивнул, развернулся и последовал за Микой из кабины и вниз по ступеням. Быстрый осмотр деревьев и открытого пространства не выявил ничего необычного. Пока мы шли к ангару, Мика был в нескольких шагах впереди меня.

— Я подгоню карт, а ты займись буксиром, — крикнул он.

Меня это устраивало. Лучше я займусь "Цессной", чем перевозкой Отца Габриэля. Откровенно говоря, если бы это зависело от меня, я бы повязал ему на шею кусок свежего мяса и оставил его для медведей.

Я направился к трактору и буксиру, думая о других составляющих этой миссии, которых мне не хватало. Обязанности пилота и даже наземного экипажа занимали первое место в моем списке. Я намеренно не включил Сару в этот список, потому что после того, как все закончится, я не потеряю ее.

К тому времени, как вернулся Мика, я уже загнал "Цесну" в ангар. Я только начал делать контрольную проверку после полета, когда он произнёс:

— Иди. Сделай все, что он тебе сказал.

Я кивнул, но мысль о том, чтобы вернуться в нашу квартиру без Сары, заставила меня вздрогнуть от злости и страха. Хотя я пытался думать о других вещах, я не мог остановить

мысли о том, что ей приходилось терпеть в особняке в Блумфилд Хиллс. Что бы это ни было, пока она жива, мы выкарабкаемся.

— Кто-то приехал за ним? — спросил я.

— Да, Брат Рафаэль. Возможно, я параноик, но у меня такое чувство, что что-то не так. Как только я закончу с этим контрольным списком, я возвращаюсь в общину. Я хочу добраться до Джоанны... — Его лицо выражало скорбь. — Прости, брат.

— Не извиняйся. Позаботься о ней и маленьком Исае. — Я старался не думать о мужчине, который стал мне другом и его небольшой семье. Люди в "Свете" были причиной, по которой мы вернулись сюда, поэтому мы рисковали всем, чтобы дать ФБР еще несколько дней.

— Я приложу все усилия. Тебе нужно знать, что я молюсь о Саре.

— Спасибо. — Это все, что я мог сказать. Моей первоочередной задачей было сконцентрироваться и попытаться вспомнить, что я сделал с конвертом. Направляясь к маленькому самолету, я представил кабину и куда я мог спрятать его. Если бы я не смотрел в пол, то не увидел бы их, но я смотрел и заметил. На бетонном полу через каждые несколько шагов были маленькие капли чего-то.

Гнев нарастал во мне, заставляя мой пульс учащенно биться, когда стук моего сердца заполнил мои собственные уши. Это была кровь? Принадлежала ли она Саре? Неужели это сделал Томас?

Я тронул одну каплю носком ботинка, и точка размазалась. Это не могла быть кровь Сары. Если бы это было так, это случилось бы в прошлую пятницу. Здесь было недостаточно влажно, чтобы она не засохла. Почему в нашем ангаре была свежая кровь?

Когда я уже собирался открыть дверь и войти в маленький самолет, зазвонил мой телефон. Звонок Отца Габриэля эхом разнесся по огромному залу. Глаза Мики метнулись ко мне, наполненные одновременно вопросом и трепетом.

Я ответил прежде, чем вызов прозвучал в третий раз.

— Отец, я только начал...

— Немедленно явитесь в общину. Мы созываем экстренное Собрание.

Черт! Что это значит?

— Отец, а как же конверт?

— На данный момент, ты все еще член Собрания. И ты нужен здесь.

Звонок закончился.

Я глубоко вздохнул и обдумал свои варианты. Без телефона для связи с ФБР у меня не было ни одного.

— Я направляюсь в общину, — сказал я Мике. — Забудь о контрольном списке. Отправляйся к Джоанне.

Припарковав грузовик как можно ближе к нашей квартире, я направился прямо к храму. Чувство неминуемой гибели таилось за каждым углом. Приблизившись к залу собрания, я увидел Люка и схватил его за руку.

— Что происходит?

Он покачал головой.

— Я не уверен, но это нехорошо. Совсем нехорошо.

Когда мы вошли, море глаз повернулось в мою сторону, и впервые, насколько я помню,

выражение лица Брата Тимоти не было презрительным; вместо этого я бы описал его как самодовольное.

— Теперь, когда все мы в сборе, присаживайтесь, Братья, — сказал Брат Рафаэль, вставая по правую сторону от Отца Габриэля.

Я оглядел сидящих за столом шестнадцать мужчин. В присутствии Отца Габриэля должно быть семнадцать.

— Где Брат Бенджамин? — спросил я.

— Очевидно, за время нашего отсутствия многое произошло, — сказал Отец Габриэль.

Да, многое. Моя жена заперта в "Восточном Сиянии".

— Брат Тимоти, — начал Отец Габриэль, — пожалуйста, расскажите всему Собранию, что вы только что поведали мне.

Тимоти встал.

— Возможно, не все из вас знают о том, что мы делаем, чтобы контролировать нашу общину. Мы очень внимательно следим за использованием мобильных телефонов и за работой вышки сотовой связи. "Свет" никогда не может быть слишком осторожным или слишком доверчивым. — Он посмотрел прямо на меня.

Черт! Вышка сотовой связи. Мой пульс участился.

— За исключением случайных охотников или работников трубопровода, наша вышка сотовой связи монополизирована нами, избранными, единственными, кто имеет мобильные телефоны в этом сообществе.

Внезапно в памяти всплыли слова Отца Габриэля о том, кому я звонил.

Проклятье!

— Можете себе представить наше замешательство, когда в прошлую пятницу неизвестный номер позвонил с нашей вышки. Входящие звонки происходят с неправильными номерами. Этот звонок поступил из нашего кампуса.

По нейтральным выражениям лиц членов Комиссии, я заключил, что они уже встречались и обсуждали этот вопрос. Однако, большинство на Собрании были шокированы.

Брат Тимоти продолжил:

— Этот неизвестный номер сделал пять исходящих звонков и принял один входящий звонок.

— Брат, это имеет какое-либо отношение к Брату Бенджамину?

За столом началось бормотание в ответ на вопрос Брата Питера.

— Братья, — приказал Отец Габриэль. — Дайте продолжить Брату Тимоти.

— Это опять-таки можно было бы списать на охотника или работника трубопровода, за исключением того, что все пять исходящих звонков были отправлены на знакомый номер, на который поступали звонки с вышки возле "Западного Сияния".

Пот выступил над моей верхней губой.

Где Бенджамин и Рейчел? Как давно Отец Габриэль знал об этом? Возможно, я был прав, и конверт был лишь предлогом, чтобы заманить меня обратно в "Северное Сияние".

— Это бессмысленно, — вставил свое замечание Люк. — Кто знает кого-то, чтобы позвонить ему в другую общину?

— Хороший вопрос, — ответил брат Тимоти. — Это было бы то, что заставило нас усомниться, когда на один знакомый номер поступило пять входящих с неизвестного номера.

Я сделал глубокий вдох.

— Отец, братья, достаточно ли времени потратил незнакомый номер на разговор по знакомому номеру?

— Нет, — ответил брат Тимоти. — Единственный звонок, по которому произошел разговор был тот, по которому знакомый номер сделал входящий на неизвестный номер.

— Отец, братья, — взмолился Люк, — не могли ли эти пять звонков на знакомый номер быть сделаны по ошибке?

Отец Габриэль кивнул.

— Это возможно, маловероятно, но возможно. — Он встал и кивнул Брату Тимоти. — Мы созвали это собрание, чтобы сообщить вам, избранным членам, что виновные были наказаны. В то время, как нам будет не хватать Брата Бенджамина, "Свет" не потерпит обмана ни на каком уровне. К сожалению, мы теряли членов Собрания в прошлом. Это нелегкое решение, но я поддерживаю позицию, занятую Братом Рафаэлем и Комиссией в мое отсутствие.

Мое сердце сжалось, когда я посмотрел на Люка. Его глаза заблестели от непролитых слез, а челюсти сжались.

— Хотя я и решил публично не называть со-конспиратора этой пародии, будьте уверены, он тоже будет наказан.

Все, кроме меня, кивнули. Я не мог пошевелиться.

Как я мог не подумать, что они будут следить за башней? Неужели Сара расплачивается сейчас за мою ошибку?

— Кандидаты на открытую позицию в Собрании, — продолжил Отец Габриэль, — будут заслушаны на завтрашнем заседании. Брат Люк, вы хорошо знакомы с последователями здесь, в "Северном Сиянии". Подготовьте список возможных кандидатов. Возможно, откроется больше одной вакансии, это станет известно в ближайшем будущем.

Мои легкие забыли, как дышать, когда я услышал его последнее заявление. Я не мог пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы заговорить, поскольку все, кроме меня, ответили.

— Да, Отец.

— Брат Ноа, пожалуйста, провозгласите молитву за наше Собрание, и мы отложим эту встречу.

Блять!

Мне нужно было попасть в Фэрбенкс. Еще два дня.

Погрузившись в свои мысли во время молитвы, я не осознавал, что все закончилось, пока Отец Габриэль не произнес мое имя.

— Брат Джейкоб, ты слушал?

Все остальные члены Собрания встали и направились к двери.

— Я сожалею, Отец. Я признаю, что не слышал.

— Я думал, мы устранили все твои отвлекающие факторы.

Почему он продолжает использовать это слово?

— Отец, вы обещали сохранить ей жизнь.

Брат Авраам кивнул и закрыл дверь, оставляя меня наедине с Отцом Габриэлем и членами Комиссии.

— Так оно и есть. Твоя работа сейчас слишком ценна, чтобы тебя постигла та же участь, что и Брата Бенджамина. Нынешнее положение сестры Сары — твое предупреждение.

Я посмотрел на Брата Даниэля, но его челюсти были сжаты, а глаза прикованы к Отцу Габриэлю.

— Отец, я не подведу вас. Я обещал это.

Он прищурил свой темный пристальный взгляд.

— Ты уже это сделал. Расскажи нам, о чем ты говорил во время этого звонка, и почему это нельзя было обсудить по твоим настоящим телефонам. Объясни нам, зачем тебе понадобился обман.

Очевидный ответ: потому что наши настоящие телефоны отслеживались, был неприемлем. Я разрывался, чтобы придать смысл лжи, которую мы сказали, в то время как я одновременно задавался вопросом, что рассказали Бенджамин и Рейчел. Опершись локтями о стол, я держался за голову. Три года тяжелой работы, и все это закончится из-за проклятого телефонного звонка.

— Брат, отвечайте сейчас же, или я позвоню в "Восточное Сияние".

Комната поплыла перед глазами, когда я воззвал к своей личности последователя "Света", проигнорировал его очевидную угрозу.

— Отец, я уверен, что Брат Бенджамин объяснил.

— Нет, не объяснил. На самом деле, вы можете сократить объяснения. Мы знаем, что это Сестра Рейчел разговаривала с вами, не Брат Бенджамин.

Брат Тимоти ответил:

— У нас есть технология для определения местоположения телефона. Звонок поступил из жилого дома Собраниа. Это было лучшее, что мы смогли вычислить. Мы опросили всех, кроме Рейчел и Сары. Когда допрашивали Рейчел, она наконец призналась, что у нее есть телефон, и поклялась, что Бенджамин ничего не знал об этом. Она сказала, что звонила по поводу Сары и использовала телефон, чтобы не втягивать Сару в неприятности.

— Брат Рафаэль, вы помните признание Сары? — спросил я.

— Да.

Я провел рукой по волосам.

— С того самого случая, когда Сара была наказана Братом Тимоти и Сестрой Лилит, я беспокоюсь о ней, когда уезжаю. — Тимоти откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. — Я попросил Сестру Рейчел предупредить меня, если в мое отсутствие произойдет что-нибудь необычное. Это моя вина. Это я должен быть изгнан, не Бенджамин или Рейчел, и не Сара.

— Брат Джейкоб, решения, принятые этой Комиссией, не могут быть отменены. Продолжайте.

— Сестра Рейчел забеспокоилась, когда Сара не появилась на работе, особенно, когда она не смогла найти ее. Вот почему она позвонила мне по телефону, который я ей дал.

— Я спрошу еще раз, — сказал Отец Габриэль: — Зачем вы ездили в Фэрбенкс?

— Потому что Рейчел боялась, что Томас похитил Сару. Она сказала, что она видела его в общине.

— Ты солгал мне и Брату Даниэлю.

— Да, я солгал.

— Почему?

— Потому что я нашел Томаса и устранил его как проблему.

Отец Габриэль откинулся назад, в то время как остальные члены Совета заерзали на своих стульях.

— Ты убил его? — спросил он.

— Он был угрозой для "Света". Я не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что я сделал. После

того, как я это сделал, я обеспокоился, что это может так или иначе выясниться в "Свете".

— Почему ты убил его?

— Он был членом общины. Ксавьер никогда не появлялся здесь. Томас угрожал разоблачить то, что он видел, а также наше местоположение.

— Его тело?

Я покачал головой.

— Я привез его сюда. Это было моим истинным отвлечением, не Сара. Я привез его сюда и оставил на растерзание дикой природе.

Отец Габриэль кивнул.

— Я считаю, что в свете этой новой информации, мы должны пересмотреть наши меры безопасности. Ты прав, ему не следовало давать доступ к сообществу. Как он узнал коды?

— Я не знаю ответа на этот вопрос, — честно ответил я.

— У каждого члена Собрания и Комиссии есть свой собственный код для ворот. Мы можем вернуться и просмотреть записи с камер наблюдения... — предложил Брат Тимоти.

— Видео идет по кругу и стирается каждые три дня, — ответил Брат Даниэль, наконец, встретившись со мной взглядом. — Кроме того, существуют коды, используемые последователями, которые работают за пределами стен.

— Сменить все коды, — сказал Отец Габриэль, поворачиваясь ко мне. — Спасибо, Брат Джейкоб. Кажется, мы поспешили предположить худшее. Пилоты находятся в сомнительном положении. Я приму эту новую информацию во внимание относительно нашей ситуации в "Восточном Сиянии".

— Спасибо вам. Я думал только о "Свете".

— То, что вы сделали, было приемлемо, однако это выходило за рамки ваших полномочий. Правильный способ справиться с этим — сказать Брату Даниэлю правду, а затем следовать указаниям Комиссии.

— Прошу прощения. Я боялся, что он похитил Сару, — ответил я.

— Ну, как мы уже говорили, это больше не проблема. Теперь найдите этот конверт, и я пересмотрю ваше текущее наказание.

— Да, Отец.

Я встал и кивнул в сторону Брата Даниэля.

— Брат Джейкоб, — сказал Отец Габриэль, — позвоните мне сразу же, как только найдете его.

Судьба Бенджамина и Рейчел поразила меня, как только я закрыл дверь зала заседаний. Мои шаги стали нетвердыми, на меня навалилось осознание того, какие последствия настигли их за помощь мне.

Глава 28

Сара

Рвота на ботинках брата Марка не была преднамеренной, но это не помешало мне понести дополнительное наказание. Никогда Джейкоб не бил меня так, как сейчас. Хотя Брат Марк не велел мне считать, я считала. Я не могла спросить, но в конце концов заподозрила, что у него на уме нет какого-либо определенного числа. Его ремень продолжал стегать меня по холодной коже, пока на ней не появились раны и из них не потекла кровь.

— Такая темная, — сказал он, оценивая мою кровь, и грубо развернул меня к себе лицом. Он сказал, что мое наказание должно было напомнить мне с первого раза слушать указаний. Судя по выпуклости на его джинсах, я полагала, что дело также в его удовольствии. Отвратительная мысль сопровождалась дрожью страха. В моем нынешнем положении я была бессильна остановить любое другое удовольствие, которое он мог потребовать от меня.

Прежде чем он начал мое наказание, он заставил меня снять платье. Я хотела напомнить ему, что только мой муж мог делать это, но знала, что это не поможет. Плача и оставшись в одних трусиках, я прикрыла свою потяжелевшую грудь руками и рассматривала его туфли, покрытые моей рвотой. Я боялась спросить, могу ли я одеться, но чем дольше он стоял, глядя на меня, тем больше я боялась остаться незащищенной.

В конце концов он просто развернулся и ушел, оставив меня наедине с кровью, стекающей по спине и слезами, покрывающими лицо. Холод подвала лишь усилил мою дрожь. Прикусив нижнюю губу, я стояла неподвижно, наблюдая за дверью, не зная, что мне делать. Платье лежало у ног, а туфли остались там, где я их нашла. У задней стены осталась лужа моей рвоты.

Хотя я знала, что спина кровоточит, я хотела прикрыться. Потянувшись за платьем, я заметила отсутствие кольца на безымянном пальце своей левой руки. Большой палец потянулся к полоске, оставшейся от пропавшего обручального кольца, и мои дрожь и слезы усилились. Я должна выдержать это не только ради себя, но и ради Джейкоба и его миссии.

Мои волосы были все еще влажными, и я натянула платье через голову. Ткань раздражала мои свежие раны, в то время как из-за холодной воды и крови она прилипла к моей коже. Я сунула ноги в мягкие бесформенные тапочки.

Когда в следующий раз открылась дверь, на пороге была Сестра Мариам. Она не разговаривала. Вместо этого она сморщила нос, покачала головой и исчезла. Вернувшись, она принесла ведро воды с запахом антисептика. Поставив его на пол, она вручила мне щетку.

— Убери за собой, — приказала она и ушла.

Я попытался сделать, как она сказала, но слишком скоро вода наполнилась кусочками моего давно съеденного обеда. Все, что я делала, это размазывала рвоту вокруг. Когда дверь снова открылась, я опустила голову, зная, что Сестра Мариам явилась сделать мне выговор. Это была не она. Вошла другая женщина в белом платье, на этот раз с белым шарфом. Именно такого цвета шарф сказали ожидать и мне. Вспоминая слова Сестры Мариам, я знала, что это была одна из женщин, которой я могла задавать вопросы, но со следами моих последних напоминаний, я не хотела рисковать. Она тоже молчала. Она молча взяла ведро, которое я использовала и заменила его на новое со свежей водой с антисептиком.

От запаха чистящего средства и боли от ран на спине, меня снова затошнило, но я продолжала сглатывать, напуганная тем, что могло случиться, если я не сделаю то, что сказала Мариам. Слезы смешивались с водой, пока я оттирала бетонный пол во второй раз. Каждый раз, когда я двигала рукой, ткань платья натягивалась и терлась о спину, усиливая боль от напоминаний Брата Марка.

Я бы лучше справилась со своей работой, если бы инструменты не были такими ужасными. Щетка, которую она мне дала, была такой же ветхой, как старые диваны в главной комнате. Щетинки были короткими и изношенными. Хотя сначала я этого не заметила, кончик одного из пальцев на правой руке был ободран и кровоточил от царапин по полу. Когда все было почти убрано, послышались шаги и голоса из главной комнаты. Я не была уверена насчет количества людей, но знала, что это больше, чем Сестра Мариам. Дожидаясь, пока откроется дверь, я размышляла, что лучше здесь, на мокром, сильно пахнущем полу, чем там, снаружи, с ними.

— Сестра Сара, — сказала Сестра Мариам, когда открыла дверь. — Пойдем. Пора тебе понять, какая честь тебе оказана.

Честь?

Когда я встала, мои мышцы и раны закричали. Ноги болели от мытья пола на четвереньках. А белое платье, которое мне велели надеть, было мокрым и грязным от пребывания на полу. Без бинтов на спине, конечно, белый материал пропитался кровью.

Пять женщин в одинаковых платьях стояли полукругом в главной комнате. У четырех из них были синие шарфы разных оттенков. Та, кто принесла мне ведро воды, была единственной с белым шарфом. В той, у которой был шарф голубого цвета, я узнала женщину, открывшую входную дверь.

У меня никогда не было времени для женской общины в университете. Я была слишком сконцентрирована на учебе. Но как только я оказалась перед ними, у меня возникло странное ощущение, как при просмотре какого-то безумного кино про студентов. Чего я боялась, так это стать ничего не подозревающим участником безумной сцены дедовщины.

— На колени, Сестра Сара, — приказала Мариам.

Я готова была на все, лишь бы избежать возвращения Брата Марка, и сделала, как она сказала. Я поморщилась, ощутив резкую боль в коленях. Очевидно, Сестра Мариам была назначенным оратором, потому что все остальные молчали, наблюдая за каждым моим движением.

— Отец Габриэль избрал тебя одной из своих личных последовательниц, невестой "Света". Ты называла себя избранной, но это не так. Мы, невесты "Света" — настоящие избранные, единственные, кому даны привилегии заботиться о его нуждах.

Мои мысли переместились от физического дискомфорта к ее словам, пока я пыталась осознать их смысл.

— Это призвание, — продолжала она. — Теперь ты призвана разделить эту привилегию.

Мой желудок скрутило. Я опустила подбородок, пытаюсь скрыть свое отвращение — привилегия заботиться о нуждах Отца Габриэля? Я не хотела этой чести или привилегий. Я даже не хотела знать, что любое из этого существовало.

Мариам продолжила:

— Мы заботимся о доме и о нем. Сара, подними глаза.

Как только я это сделала, мои глаза расширились. В руке она держала кожаный

ошейник, как тот, что был надет на Саломею, на девушку на больничной кровати в соседней комнате.

Моя рука потянулась к горлу.

— Нет, пожалуйста.

— Сестра Лия,ними свой шарф.

Женщина с белым шарфом развязала нежную ткань и показала ошейник под ним. Увидев фиолетовые синяки по краям, я вспомнила о теле, которое видела в морге. В то время я думала, что то, что оставило синяк на шее жертвы, уже какое-то время находилось на ней. Когда я повернулась к Мариам, она сняла шарф, чтобы показать такой же ошейник, следом за ней повторили все.

— Сестра Лия была нашей последней сестрой, которой выпала честь выполнять обязанности невесты, по крайней мере, до тебя. Она быстро учится. — Мариам повернулась к Лие. — Сними платье.

Слеза скатилась по щеке Лии, но она без колебаний выполнила приказ. Когда она подняла белую ткань, я прикрыла рот, чтобы не закричать. Уронив платье на пол, она медленно обернулась. На ее спине и спереди виднелись различные следы от плетей, некоторые были свежими. Преобладали синяки, но серебристо-белые шрамы, а также покрытые коркой струпья указывали на места, где была разрезана ее кожа. Отметины продолжались под ее трусиками и на бедрах. Когда она сделала полный оборот, я вздрогнула, увидев следы от плети на ее животе и груди. Подумав о том, как сильно болит моя спина, я не могла представить, что ремень ударит по моей чувствительной груди.

— Лия, — продолжила Сестра Мариам, — имела честь проводить больше времени с Отцом Габриэлем, когда он был дома в последний раз.

— Это он сделал с тобой? — спросила я.

Мариам молниеносно шагнула вперед и ударила меня по щеке.

— Ты не задаешь вопросов. Ты слушаешь. Очевидно, ты не так быстро учишься, как Лия. Наш лидер больше, чем мужчина. Он является "Светом", и "Свет" нуждается в наполнении чтобы быть самым ярким. Нам, невестам, посчастливилось быть избранными для выполнения этого долга. У каждого в "Свете" есть свои обязанности. Поскольку мы так близки к Отцу Габриэлю, всецело отдаваясь "Свету", мы должны желать избавиться от всей тьмы внутри нас. Отец Габриэль радуется, когда видит следы, которые мы с радостью носим, чтобы изгнать тьму из наших тел. В конце концов, он не смог бы войти в нас, если бы мы скрывали тьму.

Мой желудок скрутило.

— Это, — она подняла ошейник, — тоже радует Отца Габриэля. Пока мы его носим, это постоянное напоминание о том, что наши жизни в его руках, и у нас нет другого выбора, кроме как доверять ему во всех отношениях. Он знает, что лучше для нас.

Мое тело задрожало от осознания того, что она только что сказала. Эти женщины, называющие себя невестами Отца Габриэля, были его женами, его гаремом. У меня не было никаких сомнений, что когда женщина надоедала ему, то, в конце концов, она оказывалась на столе в морге. Ошейник служил напоминанием, что эти женщины принадлежали Отцу Габриэлю. Если они не будут делать то, что им говорят, и не примут охотно свое призвание, если они не удовлетворят его потребности, то в конце концов их накажут изгнанием во тьму.

— С начала "Света" всегда было семь невест. Ошейник, который ты собираешься надеть, носили невесты, которые не смогли наполнить "Свет". Мы все носим ошейники

неудачливых невест. Это еще одно напоминание сделать все возможное, чтобы угодить Отцу Габриэлю, сделать все возможное, чтобы "Свет" был ярким.

Эти женщины действительно считают это честью?

— Сестра Сара, вы принимаете эту честь? — спросила Мариам.

— Я хочу вернуться к своему мужу.

Мою щеку опалило, когда она ударила меня снова.

— Ты на самом деле не так умна. Я не знаю, почему Отец Габриэль захотел, чтобы ты стала частью нас. — Схватив меня за волосы, она подняла мое лицо вверх. — Давай попробуем еще раз. Ты. Принимаешь. Эту. Честь?

Хотя мои губы были сжаты, кожа головы горела огнем, когда она заставила меня сделать движение головой вверх и вниз.

— По-моему, это было похоже на "да". — Она повернулась к остальным и спросила,

— Как вы думаете, это похоже на "да"?

Другие женщины согласились.

— Подними волосы, тебе понадобится место, чтобы дышать или есть.

Дрожащими руками я собрала все еще влажные волосы и подняла их, пока Мариам застегивала кожаный ошейник, который носили другие женщины, женщины, которые теперь были мертвы. Я хотела быть уверена, что смогу глотать, поскольку тяжелый ошейник сильно сдавливал мое горло.

— Должно быть достаточно туго, — объяснила она, — чтобы Отец Габриэль мог видеть, как тьма сочится из твоей кожи. До тех пор, пока на нашей коже есть синяки, внутри нас есть тьма, которую нужно изгнать. Начиная с завтрашнего дня, ты будешь выполнять обязанности по дому. Ты умеешь готовить?

— Нет, не умеет.

Все шестеро ахнули, услышав низкий голос, и тут же опустили глаза. Это еще не все. Внезапно другие пять невест упали на колени. Мне не нужно было видеть мужчину с глубоким голосом, чтобы знать, кто это сказал. Всего в одном предложении я узнала Дилана.

Я бросила взгляд на Лию, на которой все еще были одни только трусики. Ей не сказали одеться. Даже с опущенным лицом я видела, как блестели ее щеки, как слезы катились по щекам, как дрожало ее тело. Однако вместо того, чтобы прикрыться, она держала руки по бокам, как и все остальные.

— Встаньте, — приказал он.

Мы все одновременно сделали то, что сказал Дилан.

— Сестра, оденьтесь.

Сквозь полуприкрытые веки я посмотрела в сторону Дилана. В отличие от Брата Марка который рассматривал меня с головы до ног, когда я была перед ним только в трусиках, Дилан стоял спиной к нам. Я быстро перевела взгляд на пол, когда он повернулся.

— Сестра Сара, пойдем со мной.

Я слотнула и, не поднимая глаз, подошла к нему. С каждым шагом мое сердце билось все быстрее. Мои ладони стали влажными, и я боялась, что мир вот-вот потеряет равновесие.

Он молча жестом пригласил меня первой подняться по лестнице. Кивнув, я прошла мимо него. Он последовал за мной и коснулся моей спины.

Поморщившись, я вздрогнула. Хотя я прикусила губу, прежде чем что-то сказать, он, несомненно, мог видеть кровь, которая просочилась через платье.

— Блять, — пробормотал он, убирая руку.

Глава 29

Сара

Шаг за шагом, пока я поднималась по лестнице впереди Дилана, я размышляла о том, что я скажу, что буду делать. Стоять перед ним рядом с Джейкобом было достаточно сложно. Делать это в одиночку было почти невозможно. Я пыталась мыслить рационально; однако, чем более абсурдной становилась ситуация, тем решительнее становилась моя Стелла.

Эхо шагов Дилана предупредило меня, что он всего в нескольких шагах позади меня. Я понятия не имела, как выглядит задняя часть моего платья, но у него был отличный обзор. По какой-то причине это сделало часть меня счастливой. Я была здесь из-за него, а он имел наглость злиться на Джейкоба из-за синяка под глазом, который поставил не мой муж. Кроме того, судя по тому, как женщины внизу реагировали на него, они его знали. Они боялись его. Я почувствовала это и задавалась вопросом, должна ли я тоже его бояться.

Я рассудила, что не столько должна бояться Дилана, сколько любого мужчины в этом развращенном доме. Это место было гораздо хуже, чем "Северное Сияние". Мой желудок скрутило при мысли об обязанностях невест. Сестра Лия была такой юной, как и Сестра Саломея. Мало того, что я назвала бы Отца Габриэля сумасшедшим, но он был практически педофилом.

Каждый новый кусочек информации об Отце Габриэле вызывал во мне все больше отвращения.

С каждым шагом я все больше цеплялась за обещание ФБР. Конечно, прошло достаточно времени. Чтобы все получилось, Джейкобу необходимо было раздобыть телефон или же мне выбраться отсюда. Хотя мне было интересно, что происходит в "Северном Сиянии", я старалась не беспокоиться о Джейкобе. Я напомнила себе, что он был агентом и делал это долгое время. Я должна была верить, что он выживет — что мы оба выживем.

Проходя через дверь наверху лестницы, я почувствовала себя выходящей из черно-белой фотографии. Мир снова обрел цвет. Мраморный пол под моими мягкими туфлями блестел золотыми крапинками, а стены сияли насыщенным бежевым оттенком и блестящей белой декоративной отделкой. Даже дверь была другой: серая со стороны подвала, но белая и старинная со стороны дома. Я отступила в сторону и, опустив глаза, стала ждать, когда Дилан выйдет из-за моей спины.

За исключением эха шагов Дилана, в особняке было тихо, пока мы шагали через длинный коридор. Через каждые несколько футов мы проходили мимо белых колонн, поддерживающих арки, и между арками искрились хрустальные светильники, посылая призмы радужного света, которые танцевали на полу. Когда он остановился, я узнала французские двери со скошенным стеклом и закусила губу, молясь о том, чтобы Отца Габриэля здесь не было.

Открыв одну из дверей, Дилан жестом пригласил меня войти.

Небо за окном потемнело с тех пор, как я была здесь в последний раз. Я не знала точно, который час, и, хотя была уверена, что пропустила обед, порка Брата Марка и речь Мариам напроць отбили мне аппетит. Бассейн вдалеке привлек мое внимание. Посреди темноты, он красиво светился, напоминая мне тропический курорт. Подводные огни меняли свой цвет, а ландшафт вокруг искрился крошечными белыми огоньками. Мини-рай, казалось, был

окружен небытием. Я знала, что там были теннисные корты, хозяйственные постройки и взлетно-посадочная полоса, и все они были окутаны темнотой.

Когда мои глаза остановились на рабочем столе Отца Габриэля, мое сердце вздрогнуло. В обычном пластиковом контейнере, типа того, в котором хранят остатки еды, был Фред, плавающий по кругу и не понимающий, что его переселили в новый дом. Опустив голову, я закусила нижнюю губу и постаралась сдержать улыбку. Обычная синяя рыбка не должна ничего значить для Сары.

Боже мой! Это тяжело!

Я ненавидела Дилана и в то же время помнила, что думала, что смогу полюбить его. Даже несмотря на все то, что произошло, он продолжал ухаживать за Фредом. Не поднимая глаз, я впиалась взглядом в мягкий красный ковер, когда Дилан подошел к краю стола. Скрестив руки на груди, он небрежно откинулся назад и изучающе посмотрел на меня. Это был его взгляд детектива, тот самый, с помощью которого он оценивал, анализировал и молчаливо рассматривал. Наконец его широкие плечи расслабились, он вздохнул и провел рукой по своим темно-руссым волосам.

— Я привел тебя сюда, — начал он, — потому что это одно из немногих мест в доме, которое не находится под постоянным наблюдением. Здесь нет ни камер, ни микрофонов...

Мой пульс участился.

— ... Стел... Сара, пожалуйста, поговори со мной.

Не поднимая глаз, я спряталась за ожиданиями от женщины "Света". Я не могла смотреть прямо в его пронзительные голубые глаза.

— Да, Брат, Отец Габриэль дал мне разрешение говорить с вами.

— Меня зовут Дилан, я не Брат.

Я покачала головой.

— Все мужчины заслуживают обращения.

— Нет, не заслуживают. Черт. Большинство из них ничего не заслуживают. — Он поменял позу, его руки упали по бокам. — Я в этом более чем уверен.

Я закрыла глаза и по моей щеке скатилась слеза.

— Простите. Я не понимаю.

— Ты, черт возьми, посмотришь на меня?

Он потянулся к моему подбородку, но я увернулась. Слишком много мыслей кружилось в голове.

— Иисусе, я не причиню тебе вреда.

Может быть, не физически, но он причинил мне боль, и теперь, услышав эмоции в его голосе, я страдала еще больше. Я обхватила себя руками, так что мои холодные ладони коснулись моих локтей. Грязное белое платье натянулось и растревожило мои новые напоминания, когда я поддалась эмоциям. Слезы жгли мои щеки, плечи вздрагивали, и я хватала ртом воздух.

— Простите, — пробормотала я, думая о том, что никогда бы не отреагировала так раньше, но сейчас это было так. Мои необычные эмоции были настоящими. — Почему вы хотите быть подальше от камер? — заикнулась я. — Я не должна задавать вопросов. Вопросы — моя самая большая слабость.

Дилан прикоснулся к моей руке, и я замерла, парализованная мыслью о том, что кто-то кроме Джейкоба прикасается ко мне, сначала Брат Марк, а теперь Дилан. Это было неправильно.

Если он и почувствовал мой дискомфорт, то ничего не сказал. Вместо этого он вздохнул и повел меня к дивану из мягкой кожи, тому самому, куда Джейкоб положил меня утром.

Тон Дилана был переполнен состраданием.

— Почему бы тебе просто не присесть на минутку? Я не хотел тебя расстраивать. Я не собираюсь ничего делать вдали от камер. Я хотел поговорить.

Я отрицательно замотала головой.

— Пожалуйста, можно я встану?

— О, черт. Я не подумал. Да, конечно, вставай. — Отпустив мои руки, он прошелся по кабинету, снова остановившись у стола. Взяв пластиковый контейнер, он сказал, — Я принес тебе кое-что. Я знаю, ты не понимаешь почему, ну, я надеялся, что ты поймешь. — Он поставил Фреда обратно на стол и покачал головой. — Это глупо. Мне не следовало этого делать. Если бы не отправился за ним... возможно, я мог бы остановить кое-кого... Проклятье! Я не могу сделать это снова.

Протянув мне салфетку, он рухнул в то же кресло, в котором он сидел утром.

— Ты на самом деле беременна?

— Думаю, что да. Я еще не делала тест.

Дилан кивнул.

— Ага, ты вроде как эмоциональная.

Неужели? Интересно, почему?

— Мне страшно, — честно призналась я. — И я скучаю по мужу. — Мне было больно говорить это Дилану, но, как и в моем первом заявлении, это не было ложью.

— Я не понимаю. Как ты можешь скучать по парню, который так с тобой поступает?

Я сглотнула.

— Я не уверена, что мне позволено так свободно говорить с вами.

Хотя ответы Сары спасали меня, Стелла совершила ошибку, посмотрев вверх. На мгновение наши взгляды встретились. В его ошеломляюще голубых глазах, окруженных густыми ресницами, я увидела то, что смогла трактовать как раскаяние, смешанное с сожалением. Это был шторм из моих снов, облака закрывали чистое небо. Боль в груди усилилась.

— Что? — спросил он, когда я разорвала нашу моментальную связь и прикусила губу.

— Ничего, — ответила я тихо.

— Ничего?

— Я попала в аварию почти год назад. Я была за рулем грузовика своего мужа и разбилась. Во время моего выздоровления я постоянно видела, не на самом деле, а во сне — голубые глаза. — Я покачала головой, не будучи уверенной в том, какая часть меня сейчас говорила. — Простите. Это неуместно, но, Брат, ваши глаза напоминают мне о моих снах. Я, на самом деле, не уверена, что могу говорить больше.

— Дилан, не Брат, и у тебя есть мое разрешение, — предложил он.

Я улыбнулась и опустила голову. Проклятье, если бы это было так просто.

— Бра... Дилан, только у моего мужа или Отца Гэбриэля есть такие полномочия. Но я скажу, что мой муж никогда не делал ничего подобного из того, что только что сделал со мной Брат Марк. Он никогда не причинял мне вреда.

— Марк? — переспросил он, и затем продолжил: — Ты не думаешь, что то, что он сделал с твоим глазом — причинение вреда?

Я забыла про свой глаз.

— Он сделал это в первый раз, и это была моя вина. Я не должна была принимать решение расширять семью без его разрешения.

— А если бы он принял это решение, а ты не была бы к этому готова?

— Я доверяю его решению.

— А что, если он запретит тебе ходить куда-нибудь, например, в Хайленд-Хайтс? Ты пойдешь?

Я замотала головой.

— Нет. Непослушание не вариант. — Это была одна из первых вещей, которые, как я помню, Джейкоб сказал мне.

Дилан встал и подошел ко мне.

— Развернись.

Хотя его близость заставила мою дрожь возобновиться, моя подготовка не позволила мне проигнорировать команду, поступившую от мужчины. Медленно я повернулась, как он и сказал, но, когда он коснулся моих волос, у меня перехватило дыхание.

— Не волнуйся. Я не собираюсь ничего делать, — объяснил он, — кроме как снять с тебя этот чертов ошейник.

Я кивнула, когда он убрал мои теперь уже сухие волосы через одно плечо и нащупал пряжку. Как только он снял его, я вздохнула и начала растирать чувствительную кожу.

— Спасибо.

— Почему ты дрожишь?

— Мне страшно. Я не знаю, что будет со мной и Джейкобом. И я...

— Да, ты беременна, — сказал он с явным поражением в голосе.

— Нет, ну да, но я не это хотела сказать. Я знаю, что не могу задавать вопросы, но я голодна. Я была внизу. Никто не принес мне еды.

Впервые я увидела улыбку Дилана, ту самую, которую помнила.

— Ну, конечно, голодна. Правда, уже больше десяти, но я могу кое-что сделать. Давай я принесу тебе поесть.

Мою кожу покалывало от тревоги.

— Я не знаю.

— Что?

— Вы хороший, но пока вы единственный. Что если кто-то увидит меня, и мне не разрешат есть? Отказ от питательных веществ является приемлемым указом.

Дилан закрыл глаза и его челюсти сжались.

— Мне ненавистно слышать, как ты цитируешь учение.

Опустив голову, я прошептала:

— Мы все учим слова Отца Габриэля.

Он прикоснулся к моему подбородку, и на этот раз я не вздрогнула.

— Мне не нужно слушать это. И не надо, — сказал он, поворачивая мое лицо к себе, — извиняться. Прости меня. — Он полез в карман и вытащил телефон. — Я принесу тебе что-нибудь из кухни. Никто мне ничего не скажет. Ты можешь остаться здесь. Запри дверь и никого не впускай, кроме меня. Вот, — он провел рукой по экрану своего телефона — у меня есть два телефона. Один для МОА... не обращай внимания... в любом случае, я просто наберу номер своего другого телефона на этот. Если кто-нибудь попытается попасть сюда до моего возвращения, звони мне. — Он вложил телефон мне в руку. — Ты сможешь это сделать?

— Я не знаю.

Тепло его ладони окутало меня, когда он сомкнул мои пальцы вокруг телефона.

— Ты можешь. Я даю тебе разрешение.

Я замотала головой.

— Это так не работает.

— Здесь работает.

Звук собственного сердцебиения эхом отдавался у меня в ушах, пока я смотрела на телефон в руке. Когда я обернулась, Дилан уже открывал дверь и, прежде чем уйти, повернул маленькую ручку на внутренней стороне. Лишь кивнув, он с полуулыбкой закрыл дверь, запирая меня внутри, и ушел.

Это был мой шанс, мой шанс вырваться из этого ада.

Стараясь дрожащими руками не уронить его телефон, я осторожно подошла к двери и дернула ручку. Она была заперта. Впервые по-настоящему подняв глаза, я осмотрела офис в поисках камер. Я не была уверена, что Дилан говорил правду, когда говорил, что эта комната не находится под наблюдением, и я не была специалистом по распознаванию скрытых камер. Мой единственный опыт был с теми, на которые указал Джейкоб в жилых помещениях пристройки. Судя по тому, что я видела в красивом офисе, их здесь не было.

Это имело смысл. Отец Габриэль, вероятно, делал много дел из этой комнаты, которые не хотел записывать.

Скорее! Позвони кому-то! Сколько времени у тебя есть?

Мой список кандидатов был быстрым и стремительным — мои родители, моя сестра, Бернард, Фостер или Трейси. Если бы только я могла позвонить в ФБР. О вызове полиции не могло быть и речи. Дилан был полицейским, не Блумфилд Хиллс, но он был детективом. Я остановилась на Бернарде. Мой старый босс мог помочь. Он был единственным, у кого были связи. Пока я рылась в памяти, у меня возникло странное ощущение, что знание так близко, но все же недостижимо. И тогда я вспомнила.

Я вспомнила телефонный номер Бернарда!

Я провела по экрану телефона и стерла номер Дилана. Дрожь в руках усилилась, но не от страха, а от волнения и облегчения. Это действительно почти закончилась. Срань господня! Это будет большой новостью в карьере Бернарда Купера, в моей карьере. Я, так же как Джейкоб, под прикрытием собиралась раскрыть "Свет".

Мое сердце сжалось. Точно так же, как и Джейкоб...

Джейкоб... вся его работа. ФБР. Кул-Эйд. Мои друзья.

Боже мой! Если сделаю это, я смогу спастись, но какой ценой?

Глава 30

Джейкоб

Дверь в нашу пустую квартиру весила сотни... нет, тысячи килограммов. Простое действие — открыть дверь — было практически большим, чем я мог вынести. Вернувшись в общину, я первым делом проверил нашу квартиру на наличие конверта.

Оказавшись внутри, я замер, медленно осматриваясь вокруг. Это все было ее. Да, декорировали другие сестры, чтобы Сара поверила, что мы здесь жили, но за последние девять месяцев она добавила много своего. Я посмотрел на подушки, которым она так обрадовалась, найдя их в магазине. Зная, что ей нужно мое разрешение, она не решилась купить их сама. Но я помню тот вечер за ужином, как вспыхнули ее глаза, когда она рассказала мне о них. Всплеск цвета — так она их называла. Хотя я устал, и это был один из наших немногих вечеров без вечерней службы, мы поспешили в магазин, прежде чем он закрылся. Если бы это было возможно, я бы никогда не сказал ей «нет».

Оглушительная тишина разрывала меня изнутри. Тихо было не только в нашей квартире, но и в соседней — в квартире Бенджамина и Рейчел. Я сжал виски ладонями. Это было так тяжело. Может быть, я не был готов к этому. Школа, обучение, академия... Проклятье! Ничто из этого не было похоже на реальную жизнь. Всеми фибрами души я хотел, чтобы Отец Габриэль пошел ко дну. Черт, после того, что он только что натворил, а также за три года преступлений, я хотел, чтобы он страдал, но он не был единственным.

"Свет" предлагал своим последователям просветление, знание Божьей цели без тьмы повседневной жизни. Вся организация была хорошо отлаженным механизмом. Каждый последователь добровольно продал свое имущество и недвижимость во тьме, охотно вступая в мир рабского труда. В то время как избранные имели элитные рабочие места, средний последователь работал на физически более сложных работах, например на производстве. Будь то фармацевтические препараты в "Северном Сиянии", "Консервы Света" в "Западном Сиянии", нелегальные наркотики, в основном мет и крэк, в "Восточном Сиянии", или работа на упаковочных и распределительных площадках, последователи охотно посвящали десять или более часов в день, чтобы стать просветленными.

Учения Отца Габриэля обещали ясность тем, кто посвящал свою жизнь другим, став частью единого организма и выполняя миссии Отца Габриэля. В процессе последователи были освобождены от бремени давления и решений, которые преследовали их жизнь во тьме. За часы, отработанные на назначенных им работах, они зарабатывали кредит последователей у членов Комиссии, а также в магазинах одежды и мебели. Чем больше часов они работали сверх положенных шестидесяти пяти в неделю, тем больше кредитов зарабатывали. До тех пор, пока последователи работали на предписанных им рабочих местах, все их потребности могли быть выполнены. "Свет" обеспечивал их всем необходимым. Если удовлетворение потребности было недоступно, или вне пределов их досягаемости, то это не являлось необходимым.

Одна из наиболее часто упоминаемых причин для присоединения к "Свету", которую я слышал с тех пор, как начал консультировать последователей, заключалась в том, что "Свет" предлагал возможность уйти от стресса и борьбы, с которой они столкнулись во тьме. В "Свете" они были свободны отдать свою жизнь и обрести просветление. Работа как часть общего организма дала им цель.

До Сары, я видел "Свет" как обман, которым он и был. После Сары я признаю, что я вошел в ритм. Возможно, именно по этой причине Комиссия настояла, чтобы я женился. Когда мы с Сарой были в Фэрбенксе, и она призналась, что ей не была ненавистна эта жизнь, до тех пор, пока она не смогла оглянуться назад и увидеть, как все развращено, я не сказал ей, что абсолютно точно понимаю, что она подразумевала, но я понял. Месяцы, последовавшие за ее первоначальной идеологической обработкой, можно было назвать приятными. Сам того не желая, я попал под чары "Света".

Когда я провел обожженными кончиками пальцев по покрывалу нашей кровати, воспоминания о нашем недолгом времени вместе пронеслись в моей голове, как яркая лента. Я вспомнил, как Сара прикусывала нижнюю губу, когда она нервничала или волновалась, и как она выглядела по утрам. Моя кожа похолодела, когда я подумал о ее тепле, когда я обнимал ее мягкое, но твердое тело. Эти термины казались противоречивыми, но это было не так. Ее кожа была мягкой, как бархат, как и ее тело, во всех нужных местах. В то же время бег и генетика наделили ее крепкими мышцами и плоским животом.

Я опустил на кровать, мои колени внезапно ослабли.

Изменится ли ее живот? Она на самом деле носит моего ребенка, нашего ребенка?

Я взглянул на часы на прикроватной тумбочке. На часах было начало седьмого вечера, а это означало, что в "Восточном Сиянии" было больше десяти. Я оставил Сару более шести часов назад. Шесть часов, а я уже терял рассудок.

Как я смогу продержаться до среды?

Я отказывался верить, что ее постигнет та же участь, что и Бенджамина с Рейчел. Я отказывался. Если она не доживет до того момента, пока мы с Микой не доберемся до Фэрбенкса в среду, когда я свяжусь с ФБР, то винить придется только одного человека, и это буду я.

Я мог бы попытаться свалить всю вину на Ричардса или даже на Отца Габриэля, и мои обвинения не были бы необоснованными; однако три ночи назад мы с ней были в дешевом мотеле в Фэрбенксе. Когда тишина эхом разнеслась по всей квартире, я понял, что не был ни ее спасителем, ни чьим-либо еще. Несмотря на все мои громкие заявления, у меня была прекрасная возможность разделить участь Бенджамина. Если это случится, по крайней мере, я должен был поблагодарить Сару за то, что у ФБР теперь есть материал против "Света". Я предоставил им не все в нашем кратком анализе, но они получили достаточно. Даже если меня ждет изгнание, то я умру, зная, что Отец Габриэль скоро пойдет ко дну. Проклятье! Мне нужно прийти в себя.

Я подошел к шкафу. Когда я открыл дверь, свежий запах кондиционера для белья окутал меня. До тех пор, пока в моей жизни не появилась Сара, о моей стирке заботились женщины-последователи, чья работа заключалась в стирке для неженатых мужчин. Хотя со своей работой они справлялись безукоризненно, это было не то же самое. Тогда я находил свою упакованную одежду перед дверью моей квартиры. Теперь я никогда не видел, чтобы белье стиралось, или редко, но всегда была чистая одежда, идеально отглаженная и готовая для меня, когда бы я ни захотел.

Я боролся с нахлынувшими эмоциями, вызванными глупым кондиционером для белья, пока искал свою куртку. Это была моя легкая куртка, которую я мог носить в "Западном Свете". Она висела точно там, куда Сара ее повесила, на моей стороне шкафа. Я нетерпеливо сорвал ее с вешалки и пошарил в карманах, но ничего не нашел, кроме скомканной салфетки и жвачки.

Конверта нет.

Бросив куртку на кровать, я запустил руки в волосы. Я снова схватился за голову, надавливая на виски, заставляя себя думать. Я представил, как Брат Рубен вручает мне белый конверт, пока мы с Братом Майклом смеемся над производством. Я вспомнил, как мой телефон снова завибрировал, когда мы смеялись.

Я бросился к корзине с одеждой и стал искать джинсы, в которых был. Телефон лежал в переднем кармане.

Я засунул конверт туда после того, как достал телефон?

В карманах джинсов ничего не было.

Я знал, что не вынимал телефон из кармана, пока не оказался в воздухе. Я не хотел, чтобы Брат Майкл, или кто-нибудь в "Западном Сиянии" неправильно истолковали мой телефонный разговор. Чертов конверт должен быть в самолете. Я подумал о том, чтобы позвонить Мике, чтобы тот проверил, но потом вспомнил, что он покинул ангар сразу после меня.

Это означало, что в данный момент он был там, где и должен быть, дома, в своей тесной квартире с Джоанной и Исаей. Крепко сжав челюсти, я молился, чтобы ничто не вызвало подозрений у Отца Габриэля и Комиссии до прибытия ФБР. Потеря Бенджамина и Рейчел была слишком болезненной. Мне понадобится нечто большее, чем просто депрограммирование, если что-то случится с теми, за кем я наблюдаю, и теми, кого я считаю друзьями.

Я быстро обыскал верхний ящик комода — ничего. Последний взгляд, и я схватил куртку и вышел из нашего с Сарой личного мира. Мне нужно было вернуться в ангар и обыскать самолет.

Когда я подъехал к воротам, на улице было еще светло. В это время года, на окраине крайнего Севера, небо никогда полностью не темнело. Сумерки тянулись от одного дня к другому. Почему-то на ум пришло северное сияние. Это было чем-то, что я добавлю в свой список вещей, по которым я буду скучать после этой миссии. В зимние месяцы это мило впечатляющее зрелище.

ОТКАЗАНО.

Какого хрена?

Я снова ввел свой код на панели внутренних ворот — на экране появилось то же сообщение — ОТКАЗАНО. Я стукнул ладонью по рулю и достал телефон. Брат Тимоти следил за безопасностью. Без сомнения, именно он разузнал про вышку сотовой связи.

Мне нужно было вернуться в ангар, если Отец Габриэль хочет получить этот конверт.

Я набрал номер Брата Дэниеля.

— Привет, Джейкоб.

— Брат Дэниель, мой код для ворот не работает. Они все изменились?

— Да, — сухо ответил он.

— Отец Габриэль попросил меня кое-что найти для него. У меня не было времени, когда мы только приземлились из-за экстренного заседания. Мне нужно вернуться в ангар.

— Несмотря на то, что я состою в Комиссии, это не в моей власти. Ты должен понимать, что твои действия в Фэрбенксе и, ну, звонок. Прости, мне жаль. Только Отец Габриэль может авторизовать твой новый код.

Проклятье!

— Я понимаю. Спасибо, Брат Дэниель. Я сожалею, что не сказал всю правду о Томасе.

Брат Дэниель вздохнул.

— В конце концов, ты сделал то, что лучше для "Света". А это главное.

— Сара? — Я не мог произнести ее имя вслух без того, чтобы оно не было переполнено эмоциями.

— Джейкоб. — Брат Дэниель замолчал. — Это не в моей власти.

Сглотнув, я кивнул.

— Спасибо, Брат Дэниель. Кому я должен позвонить? — Я плохо соображал. Следование его приказам казалось лучшим решением.

— Я позвоню Отцу Габриэлю. Оставайся у ворот. Никто больше не покинет общину сегодня. Я перезвоню тебе.

— Спасибо тебе. Я буду ждать, — сказал я, заканчивая звонок. Еще несколько треснув по рулю, я провел ладонями по растущей бороде. Ничто не помогло успокоить мои нервы. Я не мог спокойно сидеть в машине. Я должен был двигаться. Держа телефон в руках, я вышел из грузовика и принялся расхаживать взад-вперед, взад-вперед. Твердая потрескавшаяся земля под ногами напомнила мне, что дождя не было уже несколько недель. Климат в "Северном Сиянии" был далек от влажности Мичигана.

Моя ладонь ударилась о борт грузовика. Один, два, три раза. Каждый удар отдавал волной боли мне в руку. Этого было недостаточно. Давление нарастало, и я был готов взорваться.

Звук шин по гравию заставил меня повернуться в сторону общины.

Брат Дэниель сказал, что никто больше не покинет общину. Только у избранных были свои собственные автомобили. Были также грузовые автофургоны, используемые последователями, чтобы транспортировать поставки и продукты к ангару и из него. Это была машина, и чем ближе она подъезжала, тем сильнее сковывало мою грудь. Я узнал ее — машина Брата Тимоти.

Широко расставив ноги, я встал рядом с грузовиком, когда обе двери открылись. Брат Тимоти вышел со стороны водителя, а Брат Авраам — со стороны пассажира. Я выпрямился. Между мной и этими мужчинами не было никакого чувства привязанности.

Понятия не имея ни об их желаниях, ни об их намерениях, я оценивающе посмотрел на обоих. Брату Тимоти, должно быть, было за шестьдесят, и хотя он мог устрашать голосом и властью, которой обладал в комиссии, физически он не был таким. Аврааму, напротив, было чуть за тридцать, он был немного моложе меня и, возможно, на дюйм или два выше. Я был крупнее, шире и, несомненно, сильнее. Часть моих обязанностей наземного экипажа, а также бег поддерживали меня в форме.

Я сделал шаг навстречу, когда они подошли.

— Брат Джейкоб, — сказал Брат Тимоти.

— Чем обязан такой чести? В конце концов, мы только что виделись на встрече Собрания. Ты скучал по мне?

Не позабавленный моим приветствием, Брат Тимоти сжал губы в прямую линию.

— Брат, — продолжил он. — В связи с последними событиями, как мы говорили на собрании, все коды были изменены.

— Я понимаю и не хочу, чтобы Томас или другие посторонние лица были вхожи в общину. Тем не менее, я вряд ли посторонний человек. Последнее, что я слышал, я все еще член Собрания.

Брат Тимоти пожал плечами и кивнул головой в сторону Авраама.

— Брат Авраам также в Собрании, он здесь для того, чтобы сопроводить тебя в ангар и обратно. Мы хотим быть уверены, что в твоих планах полета нет непредвиденных изменений.

Я набрал полную грудь воздуха и сжал кулаки, когда подавил первый ответ, который пришел на ум. Я проглотил свою реплику и ответил:

— Я ничего не планировал, если только мне не придется снова защищать "Свет".

— Отец Габриэль хочет, чтобы ты нашел письмо. Брат Авраам здесь, чтобы помочь тебе. Как только ты найдешь то, что потерял, Отец Габриэль примет решение касательно твоего будущего.

Я знал, что он намекал на Сару, но не мог позволить ему узнать, насколько я был близок к потере самообладания. Я подошел ближе.

— Отец Габриэль увидит, как я предан ему.

Мужчины переглянулись, и мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не стереть ухмылки с их проклятых физиономий.

— Конечно, Брат, — сказал Брат Тимоти, все еще используя свой чрезмерно умиротворяющий тон. — Я говорил с Братом Марком из "Восточного Сияния". Ваша преданность была отмечена.

Я резко выдохнул.

— А теперь, — продолжил Брат Тимоти, — Отец Габриэль желает получить послание в конверте от Брата Рубена. Отправляйтесь в ангар и найдите его. У Брата Авраама есть новый код. Он поможет. — Он повернулся к Аврааму. — Не так ли?

— С огромным удовольствием. — Авраам повернулся в мою сторону. — Я всегда готов выполнить то, что требует от меня Комиссия и Отец Габриэль.

Это было нехорошо.

— Ладно, садись в машину, — сказал я, оборачиваясь. — Мне нужно найти конверт.

— Отдай ему ключи, Джейкоб.

Какого черта?

Мое выражение лица, когда я развернулся, должно быть, говорило за меня, потому что Брат Тимоти продолжил:

— Коды безопасности вводятся со стороны водителя.

— Они в замке зажигания, — ответил я сквозь стиснутые зубы, проходя мимо обоих мужчин к пассажирскому сиденью. Хлопнув дверью, я ждал. В боковом зеркале я видел, как они о чем-то разговаривают. Наконец Авраам подошел к водительской двери. Прежде чем открыть дверь, он улыбнулся через окно.

Я ненавижу этого человека. Хорошо, их обоих, от всей души. Каждый раз, когда я смотрел на Авраама, я вспоминал, что он сделал с Сарой и то, что он планировал сделать дальше. Краем глаза я видел, как он сверился с телефоном, прежде чем ввести новый пароль. У третьих ворот он его запомнил.

Гениально!

Грузовик покачивался на ухабистой дороге, пока мы ехали к ангару в относительной тишине. До тех пор, пока мы не приблизились к сараю, слышался только шум дороги и редкие крики низко летящего ястреба.

Повернувшись ко мне, Авраам спросил:

— Томас? Ты сказал, что оставил его тело где-то здесь?

Глава 31

Сара

Я уставилась на экран телефона, представляющий собой цифровой блокнот, но лишенный номеров, запрограммированных Диланом. А потом все изменилось. Клавиатура исчезла, и появилось время — 22:36. Прикусив губу, я вздохнула.

Еще несколько дней!

Это было то, о чем говорил Джейкоб. Я была в оцепенении. Голод, который раньше рокотал у меня в животе, исчез, как и волнение. Посреди кабинета Отца Габриэля я стояла в полном смятении. Решение буквально было в моих руках, но я не могла продолжить.

Звонок Бернарду поставит под угрозу всю миссию ФБР. Я рискую всем и всеми.

Возможно, у Бернарда были связи, но сможет ли он найти нужных людей? Вовлечение моего старого босса подвергало риску слишком много жизней — жизни всех моих друзей в "Северном Сиянии", жизни ужасных людей, на которых мне, честно говоря, наплевать в «Восточном Сиянии», в том числе в этом особняке, и даже жизни людей, которых я никогда не встречала в "Западном Сиянии". Вовлечение Бернарда могло поставить под угрозу его жизнь, но пока я стояла неподвижно, уставившись на потемневший экран, единственной жизнью, которая меня действительно волновала, была жизнь человека, которого я называла своим мужем. Если я позвоню Бернарду, я поставлю под угрозу не только миссию Джейкоба, но и его жизнь.

Я не могла так поступить.

Моя свобода была на расстоянии телефонного звонка, но я не могла набрать номер. Ясно, что я любила Джейкоба больше, чем самую захватывающую историю в своей карьере, и даже больше, чем я ненавидела этот жуткий дом.

У меня в горле образовался ком, когда я представила, как объясняю своему темноволосому, темноглазому сыну или дочери, что это я, их мать, сделала звонок, который стоил моему ребенку его или ее отца.

Медленно развернувшись, я положила телефон на стол возле аквариума с Фредом и направилась к большому окну.

Время шло, сцена за окном не менялась, и я сосредоточился на том, что могла сделать. Я вспомнила каждого человека, каждое имя тех, с кем я встречалась в «Восточном Сиянии». Я вспомнила их имена и лица, на случай если мне придется давать показания кому бы то ни было. Может, это и дело Джейкоба, но я была свидетелем, и я хотела принять участие в уничтожении "Света".

Только после того, как пришла в движение дверная ручка, мое внимание вернулось к настоящему. Через размытое стекло я смогла разглядеть только, что это был мужчина. Дрожащими руками я потянулась к телефону Дилана. Проведя пальцем по экрану, я осознала свою ошибку, и у меня скрутило желудок. Цифры, которые он набрал — исчезли. Я стерла их, когда собиралась позвонить Бернарду. Дверь снова задребезжала, на этот раз от стука, и мой взгляд заметался по кабинету, пока я искала место, чтобы спрятаться. На мгновение я подумала, что могу запереться в ванной.

— Сестра Сара, это я, — позвал Дилан громким шепотом. — Я один. Пожалуйста открой дверь.

Облегчение мгновенно затопило меня, когда я схватилась за стол, чтобы не упасть, и

установилась на его фигуру. Я медленно подошла к двери, прислушиваясь к любому звуку, указывающему на то, что он солгал и был не один, но не услышала ничего, кроме еще одного слабого стука и просьбы открыть дверь.

— Брат Дилан, это точно вы? — спросила я, делая вид, что не узнала его голос.

— Проклятье, да, это я.

Мои щеки покрылись румянцем, и губы растянулись в небольшой улыбке. Я никогда раньше не замечала, как много он сквернословит. Жизнь в "Свете", где сквернословие не одобрялось, делало для каждого из нас эти звуки чужими. Я удивилась тому, что в "Северном Сиянии" даже мои мысли не были вульгарны — ну, пока не вернулись воспоминания. Использование ругательств было проступком, который Джейкоб выбрал для наказания в Фэрбенксе.

Повернув маленькую защелку внутри дверной ручки, я открыла одну из дверей. Не поднимая глаз, я смотрела, как ботинки Дилана пересекают порог и ступают на красный ковер, затем быстро закрыла дверь, стараясь снова повернуть защелку. Поднос, который он нес, звякнул, когда он поставил его на стол Отца Габриэля рядом с Фредом и своим телефоном.

— Я сделал тебе бутерброд и принес воды, — предложил он, как будто бутерброд мог компенсировать то, через что я прошла. — Я чуть было не принес тебе пива, но потом вспомнил о беременности. Я не знал, стоит ли тебе пить чай. Поэтому я остановился на воде. Надеюсь, все в порядке.

Пиво. Я уже несколько месяцев не думал о пиве. Внезапно на ум пришли воспоминания о нас двоих. Я вспомнила вечера, проведенные на его веранде с пивом, пока он готовил мясо на гриле, но также быстро я вспомнила, что именно он передал меня своему дяде. Глубокий вдох — все, что мне нужно, чтобы закрепить мои более свежие воспоминания, воспоминания о событиях, которые произошли несколько часов назад в подвале этого ужасного места по милости Брата Марка. Когда я вдохнула, белое платье натянулось, раздражая новые ссадины, тем самым отталкивая любые приятные мысли и делая то, для чего они были предназначены: напомнить мне.

— Спасибо вам, — тихо сказала я. — Вы очень добры ко мне.

Он указал на еду.

— Тебе нужен стул, или ты бы предпочла...?

— Я постою, — ответила я, надеясь, что моя боль вызывала в нем чувство вины.

Когда я не подошла ближе, он спросил:

— Ты собираешься есть?

— Я жду вас.

— Меня? Я уже ел. — Замешательство в его голосе было ощутимым.

— Брат Дилан, я жду, когда вы благословите еду, чтобы я могла поесть.

— Черт, да, я уже это сделал. Давай ешь.

Когда он потянулся к телефону, который я оставила на столе, мое сердце пропустило удар. Я была счастлива, что не позвонила.

— Ты удалила номер, который я сюда записал? Что, если бы кто-то пришел сюда?

— Просите, я не знаю, как это произошло. Я просто держала его. Кажется, я до чего-то дотронулась, и экран потемнел. — Я улыбнулась своему собственному таланту, когда сделала большой поток воды. Мое веселье быстро испарилось, когда я заметила свой пустой безымянный палец, и мои мысли вернулись к Джейкобу.

— Все в порядке. Я вернулся.

— Почему? — спросила я, откусив от бутерброда с индейкой. Когда мои зубы погрузились в мягкий хлеб, я поняла, как проголодалась, и почти застонала от вкуса майонеза. Я не ела его с тех пор, как оказалась в "Свете", и неповторимая сладость была раем.

— Что? — спросил Дилан.

Я положила бутерброд и опустила подбородок.

— Простите. Я знаю, что лучше не задавать вопросы мужчинам. Это моя самая большая проблема. Я просто не понимаю, почему вы так добры ко мне. Как никто здесь.

— Я разговаривал с Мариам. Все будет по-другому.

Я кивнула и снова потянулась за бутербродом. Когда я это сделала, мое дыхание перехватило, в тот момент, когда Дилан накрыл мою руку своей.

— Я знаю, что для тебя это не имеет смысла, но, если бы это было так, я бы сказал, что у меня не было выбора.

Проклятье! У нас у всех есть выбор.

Я прикусила губу, стараясь держать ту часть, которая была Сарой, невозмутимой. Та часть меня, которая была Стеллой, больше не возвращалась к приятным воспоминаниям. Она была готова протащить Дилана через весь тот ад, в который он ее закинул.

— Мой дядя не вернется сюда еще как минимум несколько дней. Я попытаюсь что-то предпринять.

— Брат, — сказала я, чувствуя, что этот титул смущает его, — я не хочу здесь оставаться. Я хочу вернуться к своему мужу. — Настоящая слеза скатилась по моей щеке. — Я не хочу быть невестой "Света". Я знаю, что, не принимая эту честь, о которой говорила сестра Мариам, я заслуживаю наказания, но я не хочу этой чести.

С каждым словом, которое я говорила о невестах "Света" и чести, рука Дилана на моей руке напрягалась сильнее.

— Вот, — сказал он, придвигая телефон ближе ко мне. — Возьми его. Я вбил туда свой номер. Ничего не трогай, пока я тебе не понадобится. Мне нужно еще кое с кем поговорить, прежде чем я смогу оставить тебя одну. Просто сиди тихо и доедай ужин.

— Да, Брат.

Он фыркнул и указал на дверь, которую я подметила ранее.

— Если понадобится, там есть ванная. Помни, никого не впускай, кроме меня.

— Да, Бра... Дилан.

И вот так он оставил меня одну во второй раз. Я не знала, с кем он собирался говорить и поможет ли это. Независимо от того, насколько это было удобно, я не хотела доверять ему. Я уже отдала свое доверие Джейкобу.

Покончив с бутербродом и водой, я посмотрела в окно на переливающийся разными цветами бассейн. Что бы я ни делала, мои мысли возвращались к "Северному Сиянию". Я беспокоилась о Джейкобе и конверте, о котором говорил Отец Габриэль. Я беспокоилась о Рейчел и Бенджамине. Отец Габриэль упоминал что-то о разговоре с ними. Он сказал, что это больше не проблема. Я не хотела даже думать о том, что это значит.

Я взглянула на компьютер, стоявший на столе отца Габриэля. Может быть, там есть что-то, к чему я могу получить доступ? Поможет ли это Джейкобу?

Я осторожно села в большое кресло Отца Габриэля, но, когда мои пальцы застыли над клавиатурой, я испугалась, что попытка получить доступ к информации вызовет тревогу.

Вместо этого я открыла ящики и заглянула внутрь.

Конечно, как только начнутся рейды, ФБР тщательно обыщет весь особняк. Может, будет лучше, если я ничего не буду трогать.

Где-то около полуночи мои уставшие мышцы взмолились об отдыхе. Возможно, в "Северном Сиянии" было только начало девятого, но, к сожалению, я проснулась в "Восточном Сиянии" и все еще была здесь. Мои мышцы жутко устали от стояния на месте и ходьбы. За последний час, что я находилась в кабинете Отца Габриэля, у меня возникло мимолетное чувство безопасности. Я не знала, где мне прикажут спать, но поскольку я была здесь и диван тоже, я решила проверить смогу ли я спать сидя. Хотя кожа была невероятно мягкой, сидеть было слишком больно, чтобы позволить мне отдохнуть; однако, после маневрирования, я обнаружила, что если лечь на бок, то можно устроиться поудобнее.

С телефоном Дилана в руке и набранным им номером, я вздохнула и напряженные мышцы немного расслабились. Я закрыла глаза. Потерявшись в знакомом запахе кожи, я мгновенно заснула.

Во сне я больше не была заложницей в особняке Отца Габриэля, и мои разговоры с невестами "Света" были забыты. Я не сжимала телефон Дилана, вместо этого мою руку окутывали нежность и тепло Джейкоба. Под теплым ветерком мы прогуливались по северным акрам "Северного Сияния".

Теплый солнечный поцелуй коснулся моих волос, и наши руки касались друг друга, пока мы прогуливались. Подняв глаза, я прищурилась. Яркое небо позади него создавало сияние, но именно взгляд Джейкоба вызвал прилив крови к моим щекам. Я быстро опустила взгляд. Мне не нужно было спрашивать, почему он смотрит на меня или что он увидел. Это было не потому, что мне не разрешали задавать вопросы. Это было потому, что я знала.

Мне был знаком водоворот эмоций в его нежных карих глазах. Мне были знакомы его всепоглощающие мысли, которые невозможно описать словами. Я знала, куда мы шли и что мы делали, когда одно только выражение его лица способно ускорить мое сердце и проникнуть в самую душу.

Прислонившись поближе к мужу, я таяла напротив его сильной руки. Стоило мне закрыть глаза, как меня окутал его пьянящий запах кожи и мускуса. Когда вокруг нас зашелестела высокая трава, Джейкоб остановился, снял пиджак и положил на прохладную землю. Он обеспечил нам идеальное место для отдыха посреди крайнего Севера. Когда я присела, он положил голову мне на колени, а я запустила пальцы в его темные волнистые волосы. Его низкий голос и мягкий смех были как наркотики для моего уже опьяненного организма, электризуя мои чувства.

Пока мы говорили, легкий ветерок растрепал мои светлые волосы, разбросав пряди вокруг моего лица. Большая рука Джейкоба нежно заправила прядь волос мне за ухо. Наслаждаясь его прикосновениями, я прижалась щекой к его ладони. Его тепло в сочетании с шершавыми кончиками его пальцев задержалось, обхватив мою щеку, пока он безмолвно притягивал меня к себе, пока наши губы не оказались на расстоянии шепота.

Мое тело отозвалось на этот поцелуй — нежный, но настойчивый, требовательный, но дающий. Грудь приподнялась при вдохе, а с губ сорвался стон. С увеличением пульса мои нервные окончания ожили, и импульсы зажгли синапсы, которые мог зажечь только он.

Шум.

Переполох.

Волнение.

Дверь кабинета открылась, и матовое стекло разлетелось вдребезги. Потерянная в своем сне, я не могла разобрать слов или обвинений, слетающих с его губ, хотя моя кожа покрылась мурашками от тона и громкости. Сморгнув дымку сна, я на мгновение сфокусировалась на Брате Илайе, наши взгляды встретились, мой испуганный и растерянный, в то время как его горел ненавистью и мстостью. Опустив глаза, я начала искать телефон Дилана, но прежде чем я смогла его найти, кожа на моей голове взорвалась от боли.

Схватив меня за волосы, Брат Илайя швырнул меня с дивана на пол. Ошеломленная и разрываемая болью, я пыталась разобрать слова, когда его угрожающий голос прогремел в кабинете, эхом отдаваясь в моих ушах.

— ... выставляет нас дураками. Никто не покидает "Свет"!

— Я не понимаю, — выдавила я, когда он рывком поднял меня на ноги. Однако когда я встала, то увидела его кулак, даже не раскрытую ладонь, когда Томас ударил меня, и я повернулась, прикрывая лицо. К сожалению, его целью была не моя щека.

Я закашлялась и сплюнула, когда легкие попытались набрать воздух. Второй удар в живот отбросил меня обратно на пол.

— Нет! — закричала я, закрыв лицо руками и подтянув колени к животу.

Этого не может быть.

Кто способен на такое, зная, что я могу быть беременной?

Когда нога брата Илайи поднялась, чтобы ударить меня, я закрыла глаза и молилась о чуде.

Звук.

Громкий.

Оглушительный.

Комната взорвалась. Вспышка сквозь мои закрытые веки послала ударные волны, которые ускорили мое и без того слишком быстрое сердцебиение. Оглушительный грохот эхом отдавался от стен, погружая и заглушая все остальное. Удара так и не случилось, я качалась на волнах от взрыва, и мое сердце болело от потери, которую, как я боялась, я уже понесла.

Несколько дней, так сказал Джейкоб.

Я не хотела открывать глаза. Я хотела вернуться в северные земли. Может быть, если я позволю волнам...

— Сара, — уговаривал низкий голос, когда теплая рука убрала волосы с моего лица. — Сара, мы должны выбираться отсюда.

Я покачала головой. Нет! Это был не Джейкоб. Это был Дилан. Мне нужен был Джейкоб.

— Сара, — сказал он более решительно, взяв меня за руку. — Ты можешь встать? Боже мой! Я слышал его. Вставай. Мне нужно вытащить тебя отсюда.

Мои глаза, полные вопросов, открылись.

Прежде чем я смогла понять, что Дилан забирает меня, я ахнула. В нескольких сантиметрах от того места, где я лежала, прямо передо мной были темные глаза, которые смотрели на меня с глубокой ненавистью. Они больше не вселяли страх в мое тело. Они были открытыми и безжизненными, в то время как вокруг них повисла черная кожа брата Илайи, а из полуоткрытого рта капала слюна.

Преодолевая боль, я вскочила на ноги.

— Ох! Он... он...

— Он мертв, — подтвердил Дилан, засовывая пистолет обратно в кобуру, которую, как я помнила, он иногда носил под спортивной курткой. — И нам нужно убираться отсюда.

— Н-но.... — Я не могла произнести ни слова, потому что живот свело судорогой, я согнулась пополам, и у меня подкосились колени.

— Нет, Сара. Никаких обмороков. Нам нужно уходить.

Я кивнула, оцепенев от желания уйти, но боясь остаться.

Дилан схватил меня за руку и потащил к двери. Как только мои тапочки коснулись мрамора, и я сошла с ковра, который теперь был буквально красным от крови, я остановилась. Когда испуганные голубые глаза Дилана встретились с моими, я сказала:

— Фред! Мы не можем оставить Фреда.

Я сразу поняла свою ошибку.

— Брат Дилан, — сказала я, пытаюсь исправиться, — разве не так вы назвали рыбку?

На миллисекунду его паническое выражение лица изменилось, он прищурился. А потом, вместо того чтобы заговорить, он бросился мимо меня в кабинет и схватил контейнер с Фредом. Держа его в одной руке, а мою в другой, он вел меня по незнакомым коридорам, пока мы не оказались на заднем дворе.

— Нам нужно спуститься к хозяйственным постройкам. Там внизу машина. Мы не можем выйти из передней части дома.

Я ахнула в темноте. Единственным источником света было освещение бассейна, расстояние до хозяйственных построек казалось непреодолимыми. Я стояла неподвижно, живот свело судорогой, и напоминания о наказании на спине все еще болели.

— Не знаю, — сказала я, — не уверена, что смогу.

Он схватил меня за плечи и медленно произнес.

— Послушай, Стелла, я знаю, что ты блять все помнишь. Я также знаю, что мне нужно убираться из этого дома. У нас нет выбора. Мне очень жаль, что я не такой большой, как твой чертов муж, и я не смогу нести тебя всю дорогу, но если мы не выдвинемся прямо сейчас, то потом будет слишком поздно.

Я не понимала, что Дилан говорит, но настойчивость в его голосе была громкой и ясной. Несмотря на то, что я накосячила с именем Фреда, казалось, из-за того, что происходило в этом особняке, уйти с Диланом было лучшим вариантом. Я кивнула, прикусила губу, и побежала, несмотря на боль. Я сосредоточилась на ногах, осторожно ступая по мокрой, скользкой траве, стараясь держаться подальше от разбрызгивателей. К тому времени, когда мы достигли хозяйственных построек, я была липкой от пота, а тапочки промокли насквозь.

Я подождала, пока Дилан исчез в здании, где останавливался Мика. Тихая ночь была наполнена чувством, которое я не могла определить, пока искала в небе звезды, которые были более заметны в темное время года в "Северном Сиянии". Глядя на небо, я знала, что чувствую. Это было предчувствие неминуемой гибели, и оно приближалось с каждой минутой. Дверь гаража открылась, и я повернулась лицом к дальнему концу здания.

— Беги сюда! — кричал Дилан.

От стояния на месте после бега судороги усилились, но я, преодолевая боль, направилась к внедорожнику, который он выгнал из гаража. Он была старше того, на котором ездил Брат Илайа, и напомнила мне одну из машин, которые я видела почти год назад в Хайленд-Хайтс.

Дилан открыл заднюю дверь.

— Ложись на пол. Если камеры у ворот все еще работают, они не смогут засечь тебя.

Громкие сердитые голоса прорезали густой влажный воздух, доносившийся из особняка Отца Габриэля. На мгновение я обернулась, взглядываясь в темноту особняка.

— Залезай, живо!

Дилану не нужно было повторять дважды.

Глава 32

Джейкоб

— Тебе сказали, что я рассказал Комиссии? — спросил я Авраама. Мой измученный мозг не мог вспомнить, кто присутствовал, когда я рассказывал свою историю, но я думал, что там была только Комиссия.

Авраам самодовольно повернулся в мою сторону.

— Мне много чего рассказывали — об этом месте, о Фэрбенксе, телефонных звонках и о "Восточном Сиянии".

Я отвернулся. Пока пейзаж проплывал мимо окон, я пытался понять, о чем он говорит.

— Поздравляю, — наконец ответил я. — Ты, очевидно, в курсе.

— Тебе лучше надеяться, что ты сможешь достать то, что хочет Отец Габриэль.

Авраам остановил грузовик и нажал кнопку для открытия гаражной двери. После того, как грузовик заехал внутрь и дверь начала опускаться, я повернулся в его сторону.

— погоди минутку.

Глаза Авраама распахнулись шире, и он нахмурился.

— Он у него, не так ли? — спросил я. — Он уже у Отца Габриэля. Кто-то был в нашей квартире, пока я находился в «Восточном Сиянии» и нашел его, или обыскал это место. Какого хрена я здесь делаю, если конверт уже у него?

Авраам покачал головой.

— Это не то, о чем я должен тебе говорить. Мне сказали, что я должен быть здесь, пока ты не найдешь то, что нужно брату Ною... Брат Майкл из "Западного Сияния" на самом деле не хотел, чтобы Брат Рубен отдавал его тебе. Я слышал, что ты облажался, и, если ты не найдешь эту вещь, ты не единственный, кто пострадает.

Завуалированные угрозы в отношении Сары становились все менее завуалированными.

Я открыл дверь грузовика и направился в сторону ангара. Указав на помещения за моей спиной, я окликнул его через плечо:

— Это жилые помещения. Мне не нужна чертова нянька. — Не оборачиваясь, я знал, что Авраам не слушал и следовал за мной. Когда я открыл дверь в среднюю часть постройки, на площадь перед ангаром, его шаги стали ближе.

— Мне велели не спускать с тебя глаз. Я следую указаниям Отца Габриэля.

Мудак.

Повернув по коридору налево, я прошел через центр здания, оставляя место для кабинетов справа и мастерских слева. Если бы я хотел быть милым, я мог бы щелкнуть выключателем и включить свет, но я не был милым. Кроме того, в ангаре были окна, а лучи вечного солнечного света создавали, в буквальном смысле, свет в конце туннеля.

— Ладно, неважно, — предложил я с сарказмом. — Смотри не убейся.

Только наши ботинки отдавались эхом по бетонному полу, когда мы шли по коридору. Когда я потянулся к ручке двери в конце коридора, ведущей в ангар, мои ноги остановились. Я повернулся назад, мое движение было ускорено громким стуком, за которым последовал еще один странный звук, раздавшийся позади меня. Я в шоке наблюдал, как Авраам упал на пол, его колени подогнулись, прежде чем он завалился назад. Тошнотворное хлюпанье, похожее на звук упавшего арбуза, наполнило коридор, когда его череп соприкоснулся с бетоном. Через несколько секунд вокруг его головы начала образовываться темная лужа.

Когда я наконец смог оторвать взгляд от Авраама, мои глаза встретились с глазами Бенджамина. В его дрожащей руке был большой гаечный ключ, с которого капала кровь нашего брата по Собранию. Я бросился к Бенджамину и, прежде чем он успел сказать хоть слово, обнял его за плечи.

— Ты жив! Мне очень жаль. — Я был подавлен. Меня охватило чувство вины, чувство вины за то, что случилось с ним и с Рейчел из-за меня. — Мне жаль тебя и Рейчел. Я никогда не задумывался о вышках сотовой связи.

Плечи Бенджамина ссутулились, голова моталась из стороны в сторону. Очень тихо он прошептал:

— Микрофоны? Здесь есть?

— Раньше не было, — тихо ответил я, щелкнув выключателем, чтобы подтвердить его беспокойство. Яркий свет окрасил багрянцем темную лужу вокруг головы Авраама. Я отвел взгляд, сосредоточившись на потолке и швах в плитке. Я осматривал половицы и дверные проемы.

— Нет, здесь ничего нет. В ангаре есть кое-где, но мы обычно включаем их только во время погрузки и разгрузки товаров и материалов. — Я пожал плечами. — Это не значит, что они сейчас не включены. Я не знаю, что, черт возьми, происходит.

— Сара? — спросил он.

Сжав губы, я медленно покачал головой.

— Она все еще в "Восточном Сиянии". Отец Габриэль держит ее там, пока я не принесу ему какой-то конверт, который мне дали в «Западном Сиянии». — Я провел руками по волосам. — Я просто не могу вспомнить, что я с ним сделал. Это было, когда Сара... — Я не позволил этим словам слететь с моих губ. Мы оба знали, что случилось. Мы оба жили последствиями.

Я сделал шаг назад, как только громкий лязг гаечного ключа, ударившегося о пол, отразился в воздухе, и оглядел Бенджамина сверху донизу. Обычно он был хорошо одет, всегда опрятен и чист. Но не сейчас. Сегодня его штаны были порваны, а колени покрыты грязью и пятнами от травы. Его рубашка свисала и была такой же грязной. На ней были пятна крови, и, судя по цвету, они были сухими, значит кровь не принадлежала Аврааму.

— Что случилось? Я думал, что они сказали... — Я не хотел произносить слово «изгнаны».

Как будто кто-то сдул Бенджамина, словно, он был воздушным шаром, теряющим воздух. Все его тело съежилось, а лицо покрылось морщинами, когда он откашлялся, чтобы заговорить.

— Он! — сказал Бенджамин. — Он! — сказал он громче, пнув Авраама в бок. Мужчине не двигался. Учитывая размер дыры в его черепе, и то, что сквозь нее виднелось какое-то серое вещество, я был почти уверен, что он этого и не сделает.

— Он что?

Бенджамин сделал шаг назад, избегая разрастающейся лужи крови.

— Пока я был в лаборатории, он пришел в нашу квартиру, туда, где мы жили, в наш дом! Он допрашивал Рейчел.

Мой и без того скрученный желудок сжался в конвульсиях.

— Допрашивал?

В темных глазах Бенджамина, которые обычно излучали сострадание и понимание, я увидел незнакомые вспышки ненависти.

— Допрашивал, — повторил он сквозь зубы. — Я понятия не имел, что происходит. Я ничего не знал об этом, пока меня не вызвали в храм в зал Собрания. Что-то связанное с изоляцией местоположения телефона и только двумя возможностями.

Я кивнул.

— Комиссия сказала мне: Рейчел или Сара.

— Я сказал им, что разговаривал с тобой по нашему обычному телефону. Я понятия не имел, куда он ведет, но, когда все четверо сидели там, он, — Бенджамин кивнул в сторону Авраама, — подвел ее ко мне. — Слезы текли по его щекам, расчищая дорожки сквозь грязь, пыль и кровь. — Она плакала, вся в синяках, она плакала и извинялась. Я хотел убить Авраама. Я хотел убить их всех.

Я посмотрел вниз и приподнял бровь.

— Похоже, часть своей цели ты выполнил.

Бенджамин покачал головой.

— Я знаю, это расстроило его.

Я сомневался, что после всего этого Авраам расстроился.

Бенджамин продолжил:

— Он был моим наставником, нашим наставником. Я работал с ним каждый день, но Брат Рафаэль сказал, что у него нет выбора.

— Но ты не...

— Мертв, — закончил он мою фразу. — Пока нет, но буду. Брат Рафаэль сказал нам бежать, отправляться во тьму и посмотреть, как долго мы продержимся.

Проблеск надежды, родившийся, когда я увидел Бенджамина, превратился в пламя, боясь, что его погасят.

— Рейчел?

Он кивнул в сторону ангара.

— Она там, но Авраам зверски избил ее. Я никогда не был так напуган. Даже если бы нам было куда пойти, она не может идти. Я нес ее сюда.

— Подожди, — сказал я, прикоснувшись пальцем к губам. Я открыл дверь одного из кабинетов, кинулся к одному из компьютеров и молился, чтобы они не успели сменить пароли. Я выдохнул, как только экран включился. Несколько щелчков мыши и паролей спустя, я был в системе безопасности ангара. Я кивнул Бенджамину через плечо.

— Камеры выключены. Последняя запись была днем, когда я вернулся из Фэрбенкса.

— Там есть Сара? Они видели ее?

Я покачал головой.

— Нет. Я знал об этом и высадил ее из самолета, прежде чем закатил самолет в ангар.

— Я возвращаюсь к Рейчел.

— Отнеси ее в жилые помещения. Этот компьютер контролирует всю систему безопасности. Там тоже ничего не записывается.

Когда мы вернулись в коридор, я пнул Авраама в бок.

— Нам нужно убрать его отсюда.

— Первым делом я перенесу Рейчел.

Кивнув, я обыскал куртку Авраама и достал его телефон. Держа его в руках, я вдруг подумал, не позвонить ли мне в ФБР. Но сначала мне нужен был конверт, и я молился, чтобы время было на моей стороне.

— Мне нужно проверить самолет в ангаре, Отец Габриэль ищет кое-что, — объяснил я,

когда мы начали отходить от тела Авраама.

— Как ты узнал, что он будет здесь?

— Я и не знал.

Я повернулся к Бенджамину и мои глаза сузились.

— Так ключ предназначался для меня?

Уголки рта моего друга поползли вверх.

— Я услышал, как открылась дверь гаража, и пошел проверить, ты ли это, когда услышал твой и его голос. Ключ просто оказался под рукой, и кто-то должен был сделать это давным-давно.

Я похлопал его по плечу.

— Никаких возражений с моей стороны, Брат. Отведи меня к Рейчел.

Когда мы шли к дальнему концу ангара, я увидел капли крови на полу. Я уже видел их раньше и попытался стереть одну. На этот раз она никуда не делась.

— Вы ведь уже были здесь, когда мы вернулись из "Восточного Сияния", не так ли?

Бенджамин кивнул.

— Мы только добрались сюда. Дверь в дальнем конце взлетно-посадочной полосы была не заперта. Я только успел занести Рейчел внутрь. Вот так я и узнал о Саре. Я подслушал ваш с Микой разговор, когда вы прибыли из "Восточного Сияния".

— Я верну ее.

Он не ответил. Никто в это не верил, кроме меня.

Бенджамин повел меня в дальний угол ангара, за ряд полок, заполненных коробками с припасами. Я остановился, когда желчь поднялась из моего живота. Обычно красивое лицо Рейчел было красным, местами синим. Одна щека и глаз распухли так сильно, что казалось, глаз не откроется. Она лежала неподвижно на боку.

Глядя на друга, я не испытывал никаких угрызений совести по поводу Авраама. Я был рад, что он был мертв и надеялся, что он сгниет в аду. То, как он обращался с женщинами, было вне моего понимания. Этот человек был психопатом, который нашел приемлемый выход для реализации своих желаний. До этого момента я не думал о его жене, но сомневался, что Дебора будет оплакивать потерю мужа.

— Рейчел, — сказал Бенджамин нежно, опускаясь на колени возле жены. — Брат Джейкоб здесь. Он сказал, что на некоторое время нам лучше переместиться в жилые помещения. Это лучше, чем лежать на жестком полу.

Она кивнула, и ее лицо скривилось от боли, когда Бенджамин помог ей сесть.

— Б-брат Джейкоб... Простите... — Ее голос был слабым.

Я опустился на колени рядом с ней.

— Нет, Рейчел. Тебе не за что просить прощения. Это моя вина. Все это.

— Но Сара...

— Рейчел, не беспокойся о ней. Я верну ее. Но сначала мне нужно кое-что найти.

Мы все подскочили, когда зажужжал телефон в моем кармане. Наши с Бенджamiном взгляды встретились.

— Твой? — спросил он.

Сжав губы, я отрицательно покачал головой. Сделав глубокий вдох, я провел пальцем по экрану телефона Авраама и прочитал сообщение.

Отец Габриэль: ОН НАШЕЛ ЕГО?

Я посмотрел на Бенджамина.

— Что ж, это опровергает мою теорию о том, что Авраам привез меня сюда для чего-то другого.

— Лучше ответь ему.

Я нажал "Ответить" и взял телефон так, чтобы мы оба могли читать.

Авраам: ЕЩЕ НЕТ. ИЩЕТ.

Отец Габриэль: НЕ СПУСКАЙ С НЕГО ГЛАЗ И ДОСТАНЬ МНЕ ЭТОТ КОНВЕРТ.

Наши с Бенджаминем взгляды встретились.

— А что насчет тебя? — спросил он. — Он должен отвезти тебя обратно в общину?

Блять!

Мое сердце готово было выскочить из груди, пока я набирал сообщение.

Авраам: ДЖЕЙКОБ?

Мы ждали.

Отец Габриэль: КАК МЫ И ДОГОВАРИВАЛИСЬ.

Я выдохнул, когда Бенджамин покачал головой. Ну, это было не очень информативно. Я спрятал его телефон обратно в карман куртки.

Рейчел вздрогнула, когда Бенджамин поднял ее с пола. Когда он это сделал, ее блузка задралась, обнажив большой фиолетовый синяк. Мои глаза распахнулись шире. Ее бок был раскрашен не только черным и синим, как было у Сары, кожа вздулась. Я видел это раньше, не в "Свете", а в Ираке. Я сглотнул.

— Твердое на ощупь?

Бенджамин кивнул.

— Брат, я думаю у нее внутреннее кровотечение.

Его глаза остекленели, подбородок упал на грудь.

Если она не получит медицинскую помощь в ближайшее время, она не выживет. Я не был медиком, но я перевез достаточно раненых солдат в том С-12А и слышал достаточно разговоров. Образы, которые, как, я надеялся, остались похороненными, вдруг снова всплыли в памяти.

Я закрыл глаза и прошептал:

— Мне очень жаль. — Так и было. Мое сердце разрывалось от того, что жена моего друга умирала.

Рейчел повернулась ко мне, ее единственный открытый голубой глаз смотрел прямо на меня.

— Это была я. Мое решение, — сказала она. — Я согласилась помочь Саре. Так что не извиняйся. — Она посмотрела на Бенджамина, на щеках которого теперь виднелись следы слез, спускавшихся к подбородку. — То, что случилось со мной, — продолжила она, — могло случиться гораздо раньше в моей прежней жизни. Я знаю это. Мне суждено так умереть. — Она улыбнулась. — Я просто благодарна, что до этого, я познала такую любовь. Я знаю, что в "Свете" есть множество неправильных вещей, но я не жалею ни об одном дне, проведенном в статусе твоей жены.

Внезапно я стал случайным свидетелем в их личной беседе, наблюдая, как глаза Рейчел закрылись, и она прислонилась здоровой щекой к груди мужа.

В моих висках стучало, когда я рассматривал телефон Авраама. Это должно было закончиться.

— Ох, — сказал Бенджамин, останавливаясь и обернувшись. — Моя жена не сделала, как ты ей сказал. — Он посмотрел на обмякшую женщину в своих руках. — Тем не менее,

так как все это на мое усмотрение, я решил не наказывать ее.

О чем, черт возьми, он говорит?

Бенджамин подошел ко мне и остановился.

— Во внутреннем кармане моего пиджака. Можешь найти его?

Я осторожно проверил его пиджак, стараясь не потревожить Рейчел.

— Там телефон. Она не уничтожила его, как ты ей велел. Она просто выключила его и спрятала.

Мое сердце бешено колотилось. Вот оно. Мне нужно позвонить. Я не мог ждать еще два дня.

Я заговорил.

— Бенджамин, мне никогда не говорили о плане, если он вообще существует. Что произойдет, если Отец Габриэль решит, что его мечтам угрожают? Есть ли план, план Кул-Эйд? — Я добавил последнюю часть, чтобы подчеркнуть, что я имел в виду.

— Для этого кампуса нет ни одного. Здесь нас никто не найдет, и бежать некуда.

Я глубоко вздохнул.

— Хорошо, а как насчет "Восточного Сияния"?

Он пожал плечами.

— Обязательная служба. Последователи знают слишком много. Если "Свету" угрожают, настанет время причастия.

Пожалуйста, Боже, молился я, не позволяй Саре причаститься.

Я открыл дешевый одноразовый телефон. Несомненно, звонок засекут на вышке сотовой связи. Я просто не знал, сколько потребуется времени, чтобы его обнаружили. В конце концов, Авраам, который работал под руководством Тимоти, прямо сейчас был совсем не на рабочем месте. Я набрал номер, который отлично помнил.

Специальный агент Адлер ответил после первого гудка.

— МакАлистер, где ты?

— В «Северном Сиянии», сэр. — Я смотрел на Бенджамина и на мгновение задумался о том, о чем он думает.

— Мы в сорока минутах от каждого кампуса.

Мои мысли закружились.

— Что? Я не давал разрешения...

— Что за парня забрали маршалы?

— Томас, — сказал я. — А что с ним?

— Кое-кто облажался. Больше часа назад ему разрешили позвонить.

Мир поплыл у меня из-под ног, и я упал на колени.

— Блумфилд Хиллз, сэр. "Восточное Сияние". У них Сара... Стелла там. Отправляйтесь туда сейчас же, не ждите. Пожалуйста, отправляйтесь за ней. Пожалуйста.

— Она не с тобой?

Мое зрение стало размытым.

— Нет, вы должны забрать ее. Сделайте это сейчас! Здесь нет плана Кул-Эйд, но там есть.

— Агент, если у тебя есть хоть малейшая возможность выбраться оттуда, приступайте немедленно. Они не знают всего, но я прослушал запись разговора Томаса Хатчинсона с кем-то по имени Ксавье. Хатчинсон рассказал ему о Саре и маршалах. Мы смогли отследить следующий звонок Ксавье на вышку сотовой связи в "Северном Сиянии". — Мои мысли

наскакивали одна на другую, пока агент Адлер продолжал говорить, — ...не знаю, с кем он говорил, но кто-то знает, почему ты на самом деле был в Фэрбенксе.

— Дерьмо! — Теперь вопрос Авраама про тело Томаса обрел смысл. С того самого момента, как состоялся мой разговор с Комиссией до того времени, как я оказался перед воротами, все они знали, что я никогда не убивал его и не бросал его тело.

— Агент, немедленно убирайтесь из "Света". Это приказ.

— Сара?

— Мы выдвигаемся.

Глава 33

Джейкоб

— Бенджамин, не нужно относить Рейчел в жилую часть. Пойдем со мной.

Его вопросительное выражение лица говорило о большем, чем его слова. Бенджамин все еще пытался мне поверить, его голос звучал неуверенно:

— Что происходит? Кому ты только что звонил?

— Нам нужно уходить. — Я достал телефон Авраама. — Будем молиться, чтобы это дало нам немного времени.

Бенджамин молчал, когда я начал набирать сообщение.

Авраам: ОН ТОЛЬКО ЧТО НАШЕЛ ЕГО В САМОЛЕТЕ. Я ПРИВЕЗУ ЕГО В/
КОГДА ВСЕ УЛАЖУ.

— А что, если мы ошиблись, и у них не было планов на твой счет?

Я стиснул зубы.

— Если и не было, то после того, что они только что узнали — есть. Я в этом уверен.

— Ты уверен настолько, что готов рискнуть нашими жизнями?

Я кивнул и наклонил голову в сторону Рейчел.

— Бенджамин, все зависит от тебя. Ты можешь рискнуть во тьме здесь или идти со мной. Я вытаскиваю меньший самолет на взлетную полосу. Он заправлен, и я улетаю отсюда. Пойдем со мной, я все объясню. Сначала мы посадим Рейчел в самолет, а потом ты поможешь мне вывести его из ангара.

В глазах Бенджамина промелькнуло замешательство.

— Я не знаю. Мы... Я думал... разве мы не друзья? Я не знаю, что происходит.

Я схватил его за руку.

— Послушай меня. Ты. Хочешь. Спасти. Ее? — Прежде чем он успел ответить, я продолжил. — Потому что я чертовски серьезно настроен спасти Сару. Я улетаю сейчас. С тобой или без тебя. Решай сам.

Он тяжело вздохнул.

— Поехали.

Обычная процедура заключалась в том, чтобы вернуть трактор и отогнать его в ангар перед взлетом. Я был готов следовать обычной процедуре. Бенджамин сел в грузовой отсек самолета, пристегнутый ремнями к одному из откидных сидений рядом с Рейчел. Теперь она была без сознания. Это был не первый раз, когда я перевозил женщину без сознания, но это был первый раз, когда я чувствовал себя хорошо по этому поводу. Это был ее единственный шанс. Кроме того, то, что Рейчел была без сознания, вероятно, было даже лучше. По крайней мере, теперь ей не было больно.

Перед самым взлетом я оглянулся и увидел, что он держит ее за руку.

Мы с Бенджамином разговаривали все время, пока пристегивали Рейчел, а также пока готовили самолет. Наша свобода слова больше не была ограничена. Черный ящик, который записывал все наши слова, находился внутри самолета. Данные не передавались. Аппарат нужно будет извлечь, чтобы отдать на анализ. Мы будем вдали от "Света" прежде, чем кто-либо узнает, о чем мы разговаривали, и это будет не "Свет". Это будет ФБР.

Пока мы разговаривали, я рассказал Бенджамину все. Я рассказал ему правду о том, кто я и что я. Я рассказал ему про Стеллу, о том, что к Саре вернулись воспоминания, и что она

согласилась подыгрывать до тех пор, пока ФБР не соберет достаточно сил, чтобы совершить захват во всех трех кампусах одновременно.

Как раз в тот момент, когда мы собирались взлетать, телефон Авраама завибрировал. Я посмотрел на Бенджамина, наши глаза встретились, и я бросил ему телефон. Это был мой жест веры. Он позволил мне вывести его Рейчел из "Света". С помощью телефона Авраама он мог предупредить Отца Габриэля, Комиссию и Собрание обо всем.

Поймав его, он провел пальцем по экрану. Пока я щелкал переключателями на панели передо мной, он сказал через наушники:

— Отец Габриэль велел Аврааму ждать в ангаре. Он сказал, что Ксавье уже в пути и должен быть здесь меньше, чем через десять минут. Он хочет, чтобы Авраам привез его в общину.

— В воздушном пространстве и на полосе может быть тесновато, — сказал я.

Если верить агенту Адлеру, ФБР было в двадцати-двадцати трех минутах езды. Я отправил в сообщении своему куратору новый код к воротам, чтобы войти в общину, тот самый, что я нашел в телефоне Авраама.

— Что я должен написать в ответ? — спросил Бенджамин.

— Решай сам.

Рев двигателя нарастал, когда мы катились вперед. Я не смотрел за движениями Бенджамина. Я не был уверен, сколько времени ему потребовалось, чтобы ответить или что он написал. Только когда мы поднялись на тысячу двести футов, я получил визуальное подтверждение снижения Ксавье. Если бы сейчас было темное время года, я, возможно, не увидел бы его белый самолет с синими буквами и цифрами, но было светло, и я увидел.

На секунду мне показалось, что нос самолета Ксавье движется вверх, меняя курс в мою сторону, но было слишком поздно. Для того чтобы врезаться в меня или сбить меня с курса, он должен был быть опытным в маневрах, которые чаще всего можно увидеть на авиашоу. Я был выше и пролетел мимо него. Осознав это, я закрыл глаза и глубоко вздохнул.

"Северное Сияние" осталось позади. Если Ксавье там, то у Отца Габриэля были два пилота. Он сможет улететь. Черт, он может улететь на самолете Ксавье, оставив Мику там. Я мог не волноваться об этом. До ангара было больше двадцати минут езды. По моим расчетам агенты ФБР приземлятся прежде, чем самолет Ксавье успеет заправиться и подняться в воздух. Мои щеки вспыхнули, когда я понял, что из-за экстренного совещания и всего того, что произошло, мы не заправили Цесну Х. Предполагая, что Если отец Габриэль захочет покинуть "Свет" и отправиться в неизвестном направлении на роскошной Цесне, у ФБР было более чем достаточно времени.

Теперь меня беспокоила только Сара. Я молился, чтобы ФБР уже провело облаву на "Восточное Сияние", и агенты нашли ее. На такой высоте мой телефон был бесполезен. Я ничего не узнаю до тех пор, пока мы не приземлимся.

Я сделал круговое движение шеей, пытаясь снять напряжение, которое не ослабевало. Когда я это сделал, мой взгляд затуманился, и я посмотрел вниз. Рядом с моим креслом, недалеко от пульта управления лежало что-то белое. Нащупав уголок, я засунул пальцы в узкое пространство и потянул.

Все, что Отец Габриэль так отчаянно пытался найти, было в моей руке. Я прочитал надпись на передней части простого белого конверта: «Отец». Вместо того чтобы открыть, я сложил его пополам и сунул во внутренний карман куртки.

Учения Отца Габриэля вернулись ко мне с новым пониманием. Я подозревал, что по

прошествии трех лет, понадобится много времени, прежде чем все доктрины, которые я узнал, перестанут приходить на ум. Однако то, о чем я подумал, не обязательно было извращенным. Это была одна из тех песен, которые я читал Саре и заставил ее читать мне. Речь шла о жене, отдающей все своему мужу, освобождающей его и становящейся свободной. Я видел облегчение на ее прекрасном лице бесчисленное количество раз — когда она была расстроена или грустила, когда она была напугана или испытывала чувство вины. Даже когда она знала, что поделиться своими тревогами или признаться в своих проступках приведет к наказанию, процесс передачи всего этого мне давал ей покой. Все, что ее беспокоило, больше не было ее заботой, а становилось моей.

Тот же ошеломляющий прилив облегчения, который я видел на ее лице, наполнил меня, когда я положил в карман конверт брата Рубена. Я больше не отвечал за то, важно ли его содержание. Я больше не был одинок в этой борьбе. Как только мы приземлимся в Анкоридже, я передам конверт и всю информацию своей команде из бюро. Им решать, что с этим делать дальше, и меня это больше не касалось.

Я планировал оставить Бенджамин и Рейчел в Анкоридже. Я бы с радостью подвел итоги во время своего полета в Детройт, но теперь моей главной заботой было добраться до Сары. ФБР может справиться со "Светом". Теперь я полностью понимал, каким даром этот урок был для Сары. На мгновение, когда я пролетал над белыми клубящимися облаками, моя шея расслабилась.

— Как долго лететь до Анкориджа? — Голос Бенджамин напомнил мне о том, где мы. Мои мысли были далеко от Анкориджа, на пути к Саре.

— Еще полтора часа. Нас будет встречать команда агента Адлера. Они подготовили скорую для Рейчел. Как она?

— Мне страшно. Она холодная, но я чувствую пульс.

— Я молюсь за нее и делаю все, что в моих силах.

— Ты? — спросил Бенджамин.

— Я что?

— Я просто запутался. Что было настоящим?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Я знаю, что у меня была миссия. Я знаю, что были моменты в "Свете", которые я признал неправильными. Я также знаю, что были моменты, которые я понимал, и они имели смысл. Я знаю, что я чувствую к Саре или Стелле, и это настоящее. Мы потратили много времени на разговоры после того, как я признался, кто я, и узнал, кто она. Я не знаю, беременна она или нет, но в любом случае, только потому, что все кончено, я не хочу бросать ее.

— Беременна? На самом деле? — спросил он.

Проклятье!

Они с Рейчел уже несколько лет пытались забеременеть.

— Этого мы не знаем. Ее тошнит, и как ты знаешь, она перестала принимать противозачаточные таблетки, но мы не знаем, беременна ли она. Так много всего произошло. Она могла просто заболеть из-за нервного срыва.

— Да, я помню, как к Рейчел вернулись ее воспоминания. Это было тяжелое время, но в то же время, было хорошо. Я почувствовал освобождение, когда мог, наконец, быть с ней честным.

Я вздохнул.

— Это так, но у нас, по большей части, не было шанса обсудить это. — Я посмотрел на

часы; было только десять минут десятого. — Она пропала в пятницу утром. Понедельник еще даже не закончился. Вся наша проклятая жизнь изменилась меньше чем за четыре дня.

— Расскажи мне об этом.

Я оглянулся. Он все еще держал Рейчел за руку, откинув голову на спинку сиденья, и глаза его были закрыты.

— Расскажи мне про Рейчел. Что она имела в виду, когда сказала, что ей суждено так умереть?

— Я не хотел бы думать об этом, но, — его голос дрогнул, — я полагаю, это легче, чем наблюдать, как она сейчас...

— Эй, тебе не нужно говорить...

Он перебил меня.

— Нет, разговор отвлекает меня от мыслей о будущем. — Он сделал паузу. — До того, как ее доставили в "Свет", она была проституткой в Хайленд-Хайтс, сбежавшей из дома. Ее родители умерли, и она попала в приемную семью. Когда ей было семнадцать, ее подвез водитель грузовика. Это был ее первый раз, и она сказала, что это было не так и ужасно. После этого он вручил ей наличные, и она нашла свою новую профессию. Она точно не помнит, как она оказалась в Хайленд-Хайтс, но, если бы ты спросил ее, она бы сказала, что это было божественное вмешательство. Она также сказала бы тебе, что несмотря на внушение, она была благодарна, что так случилось. Я не могу представить, чтобы она жила этой жизнью. Даже мысль об этом разбивает мне сердце. Когда Брат Рафаэль освободил нас, я знал, что мы умрем там, во тьме. Я просто не хотел, чтобы она умерла в одиночестве. Вот почему я принес ее в ангар. Я честно думал, что кто-то найдет нас и просто убьет. Это было бы легче, чем голод, переохладение или нападение животного. Я знал об изгнаниях, но я всегда подозревал, что мы будем... Я действительно даже не подумал об этом.

— Прости...

— Не извиняйся. Ты слышал Рейчел. Она хотела помочь Саре. Я должен был догадаться. Имею в виду, я думаю, что изгнание является вполне возможным вариантом, когда ты занимаешь место в Собрании. Не похоже, что места становятся вакантными, потому что предыдущий член Собрания уходит в отставку. Дело в том, что я горжусь тем, что являюсь частью избранных, и после той жизни, от которой Рейчел настрадалась в прошлом, я гордился тем, что благодаря мне она тоже могла быть частью избранных.

Радиоволны умолкли, когда я подумал о его честности. Без сомнения, стресс и смятение, а также то, что он держал умирающую жену за руку, подпитывали его слова.

— Кто еще? — спросил я.

— Что?

— Я знаю о некоторых последователях, но я не был посвящен, кто из числа избранных был изгнан. Кто еще из Собрания или Комиссии был изгнан?

— Ну, — сказал он, — я ничего не знаю про членов Комиссии. Первым членом Собрания, как я знаю, были Брат Джоэл и его жена, Сестра Хлои. Можешь себе представить как это было трудно.

Я покачал головой.

— Случилось здесь? Когда это случилось? Их имена мне не знакомы.

— Ах, да. Ты прав. Это было прямо перед твоим приходом, и ты, вероятно, не узнаешь их имен, потому что никто не должен говорить об этом. Возможно, твое появление было одной из причин, почему это произошло.

— Я не понимаю. Кем они были?

— Брат Джоэл был пилотом. Как ты знаешь, эта работа требует большого внимания. Дело в том, что никто и никогда не подозревал Джоэла ни в чем. В конце концов, он вырос в "Свете", в буквальном смысле. Еще до того, как появился "Свет", он следовал за Отцом Габриэлем, когда тот проповедовал по всей стране. Тимоти и Лилит были одними из его первых преданных последователей. Они повсюду брали с собой Джоэла. Он знал Отца Габриэля большую часть своей жизни.

— Подожди минутку, — сказал я. — Джоэл был сыном Тимоти и Лилит? Он был пилотом, которого изгнали перед моим прибытием?

Неудивительно, что они ненавидели меня.

— Да, а Хлои была дочерью Брата Рафаэля и Сестры Ребекки.

— Срань господня! Что случилось?

— У Комиссии появились подозрения, что Джоэл контактировал с людьми за пределами "Света". Я никогда не слышал деталей. Это миновало Собрание и рассматривалось напрямую Комиссией...

— В которой состояли двое их отцов, — добавил я в изумлении.

— Да.

— И Тимоти с Рафаэлем согласились с этим?

— Они верят, что слово Отца Габриэля божественно.

Эта новость определенно пролила новый свет. Тимоти и Лилит не любили меня, потому что я заменил их изгнанного сына. Если бы я не оказался поблизости, Джоэла могли бы простить или признать невиновным.

— Мы приближаемся к Анкориджу. — сказал я. — Мне нужно связаться с постом. Скоро мы узнаем больше.

— Спасибо Отцу Габриэлю, — пробормотал Бенджамин себе под нос.

Я оглянулся. Его глаза были закрыты, и он сжимал руку Рейчел. Я сомневался, что он вообще понял, что только что сказал.

Глава 34

Сара/Стелла

С моей точки обзора — на полу в задней части внедорожника — я не могла сказать, куда мы едем. Когда внедорожник, наконец, остановился, я попыталась рассмотреть, где мы находились. Грохот открывающейся двери гаража дал мне знать, что мы прибыли в новое место.

Когда задняя дверь открылась, я подняла голову и посмотрела в голубые глаза из моих снов. Он протянул мне руку, но в его пронзительных глазах я не увидела Дилана, которого знала. Казалось, что то, что он узнал о моем обмане, что-то изменило. То, что я видела, было растущей резкостью, которую я не узнавала.

Неужели это и есть та самая твердолобая задница, о которой предупреждала меня доктор Трейси Хауэлл?

— Дилан, — начала я, встретившись с ним взглядом. — Что случилось? Где мы?

Когда он помог мне выбраться из внедорожника, его голова склонилась на бок и на его губах появилась ухмылка.

— Я думал, тебе не разрешается задавать вопросы. Может быть, мне стоит наказать тебя. Вот что случается в соответствии с доктриной, которую ты цитировала всю ночь, не так ли?

— Это не ты, — взмолилась я. — Скажи мне правду, и я поведаю тебе свою.

Схватив меня за плечо, он силой провел меня вверх по лестнице и через дверь в очень красивый дом. Судя по тому, сколько времени мы провели во внедорожнике, мы все еще были в Блумфилд Хиллз. Каждый раз, когда зажигался новый светильник, красивый интерьер оживал.

Как только мы оказались в дизайнерской кухне, он подвел меня к столу и жестом пригласил сесть на один из стульев. На миг я задумалась о том, чтобы отказаться, но та часть меня, которая была Сарой, повиновалась. Следы на моей спине были не такой большой проблемой, как мужчина, который теперь привез меня куда-то, и я не знала, сможет ли Джейкоб меня найти.

В считанные минуты поведение Дилана изменилось во что-то, что ни одна часть меня не узнавала, но он казался тем мужчиной, с которым у Сары было больше опыта, кем-то, кто ожидал послушания.

Подойдя к моему стулу, Дилан собрался с мыслями и превратил их в слова.

— Правда, — начал он. — Ты хочешь знать правду? Что ж, я тоже.

Моя способность держать подбородок опущенным снижалась с каждой секундой, как и способность моих глаз сохранять условно покорное выражение. Это был не мужчина "Света". Этот человек когда-то был моим парнем. И никогда в наших отношениях я не позволяла ему говорить со мной таким тоном.

Хлопнув ладонями по гранитной столешнице, я смотрела ему прямо в глаза.

— Хорошо, правду. Давай начнем с того, что ты, черт возьми, отдал меня "Свету". Ты хоть представляешь, через какой ад я прошла?

Он прикоснулся к моему подбородку. Сжав зубы, он говорил медленно и осознанно.

— Нет, Стелла. Не говори. Со мной. Подобным. Тонем... Я. Спас. Твою. Чертову. Задницу... Прояви. Ко мне. Немного. Гребаного. Уважения... Хотя бы. Однажды. В твоей.

Чертовой. Жизни... Если. Ты можешь. Проявить. Это. К нему... То. Я. Блять. Тоже Заслуживаю. Даже. Больше.

Я пыталась отыскать за маниакальным взглядом голубых глаз мужчину, которого когда-то, как я думала, любила.

— Объясни мне, Дилан. Скажи мне, что происходит, что случилось. Я думала, мы... Я думала, мы собирались куда-то. Я не лгала. После несчастного случая, который произошел со мной, и который был выдуманным сценарием, благодаря которому я оказалась в "Свете". Сценарий, который причинил мне боль: со сломанной ногой и сотрясением мозга, израненная, я видела тебя во снах. Я мечтала о твоих голубых глазах. Когда я, наконец, смогла видеть, я расстроилась, увидев карие глаза Джейкоба. Я не могла вспомнить тебя из-за препаратов, которые мне давали, но я хотела вспомнить тебя. Пожалуйста, скажи мне, почему ты это сделал.

— Как я могу тебе доверять? — спросил он, переводя дыхание и садясь в кресло слева от меня.

Доверять мне? Он серьезно?

— Ты лгала насчет воспоминаний, — продолжил он. — Ты вела себя так, будто не знаешь меня.

— Мне было страшно, и я не лгала об этом. Мне все еще страшно. — Я встретила с ним взглядом. Впервые с каким-то мужчиной, кроме Джейкоба, я почувствовала себя наделенной силой, снова у руля. Мне нужна была информация. Мне просто нужно было найти лучший способ получить ее. — Если я что-то значу для тебя, скажи мне, что происходит. Что сказал Брат Илайя? Почему он был так зол?

Дилан покачал головой.

— Это ты. Это все, блять, из-за тебя. Ты так действуешь на людей.

Я ждала, пока он провел рукой по волосам и откинулся на спинку кресла с видом полного изнеможения.

Протянув руку, я накрыла его ладонь, лежащую на столе.

— Я не понимаю.

— Я боролся за твою жизнь, и вот что случилось. Габриэль должно быть... дерьмо... Не могу себе представить. — Он убрал руку и ущипнул себя за переносицу. Внезапно его глаза распахнулись. — Где мой телефон?

Я огляделась по сторонам.

— Я-я не знаю. Я пыталась к нему дотянуться, но Илайя сбросил меня на пол. Кажется, я оставила его на диване.

— Черт! Даже знать не хочу о том, что думает Габриэль, если пытается на него позвониться. Мне нужно забрать телефон из его офиса.

— Что? Почему? И кем тебе приходится Габриэль Кларк или Гаррисон Кларксон? Как ты связан со всем этим? Я имею в виду, ты никогда не выглядел... — Я опустила глаза и сделала глубокий вдох, — со мной ты никогда не был таким, как они.

Эмоции калейдоскопом сменялись на его лице. Борьба счастья и грусти, и в то же время я видела потерю и долг, а также гордость и стыд.

— Ты должно быть думаешь, что знаешь "Свет," — сказал он со зловещим спокойствием. — Но это не так. Ты знаешь только то, что тебе позволили увидеть, и то, — добавил он сердито, — что тебе удалось выяснить в своем гребаном расследовании.

Я знала больше, чем он думал, благодаря Джейкобу, но не собиралась поправлять его.

— Тогда расскажи мне, — попросила я, устраиваясь поудобнее в кресле, мои ссадины продолжили болеть. — Помоги мне понять.

— Это больше, гораздо больше, чем тебе известно. Я не часть этой чертовой религиозной секты. Я не бью и не использую женщин. Мужчина, которого ты знала — это и есть настоящий я. И веришь ты или нет, Стелла, я пытался спасти тебя. Если бы в тебе была хоть чертова капля послушания, которое ты, казалось, проявляла с этим мудаком, ты могла бы жить своей собственной жизнью прямо сейчас.

Я села ровнее, во мне возматала ярость от того, как Дилан назвал Джейкоба, но я решила, что узнать больше о "Свете" было важнее.

— Что ты имеешь в виду, говоря о большем? И что я такого сделала, чтобы Брат Илайя был так расстроен?

— Ты сбежала. Никто не сбегает и потом рассказывает об этом! Ты же не думала, что тебе это сойдет с рук?

Дерьмо!

— Я покинула "Северное сияние" и приехала сюда по приказу Отца Габриэля. Я не хотела, нет, я не хочу находиться здесь. Я бы предпочла быть там.

Его глаза прищурились.

— Правда? Действительно? Прекрати эту чертову ложь! Ты сбежала из "Северного Сияния" четыре дня назад с каким-то ублюдком по имени Томас. Я, черт возьми, не знаю, взял он тебя с собой добровольно или нет, но я знаю, что ты умоляла его помочь тебе сбежать. Он сказал, что ты утверждала, что тебя похитили.

Мой дискомфорт был вызван не только травмами, но и тошнотой, в моем животе пузырился, нет, извергался и бурлил сэндвич. Если Дилан знал об этом, то знал об этом и Отец Габриэль и Комиссия в "Северном Сиянии".

Где Джейкоб? Что они с ним сделали?

Пот выступил на моем лбу и над губами, когда кровь схлынула с моего лица.

— Дилан, я-я... — Я опустила взгляд, не зная, что сказать.

Он прикоснулся к моему подбородку.

— В чем дело? — спросил он незнакомым мне тоном. — Язык проглотила? Не думаю, что когда-либо видел Стеллу Монтгомери, которой не было что сказать. Это с ней я сейчас разговариваю, или с Сестрой Сарой?

— Как? Откуда ты знаешь?

Его ладонь со стуком опустилась на стол.

— Я же сказал, что "Свет" больше, чем ты думаешь. Но что действительно не известно "Свету", так это каким образом маршалы США оказались связаны с общиной. Почему они были там, когда вы приземлились, и как Джейкоб нашел тебя? — Выражение его лица смягчилось, а его тон напомнил того мужчину, с которым, однажды, я решила связать жизнь. — Именно это мне и нужно услышать. — Он взял меня за руку. — Давай, милая, я раскрою перед тобой свои карты, а ты покажешь мне свои. Раньше мы делились этим.

Я вырвала руку из его хватки.

— Прекрати это, твоя биполярность пугает меня.

— Неужели? — Его стул скользнул по дороговому полу, когда он встал и начал расхаживать взад-вперед. — Я пугаю тебя? Я никогда не ставил тебе синяк под глазом.

— Как и Джейкоб! — ответила я. — Это Томас. Мужчине, которому ты готов верить. Он тот, кто сделал это, и я не хотела идти с ним. Он не только взял меня против моей воли,

но и угрожал изнасиловать, как только мы доберемся до Фэрбенкса. Я не знаю, почему маршалы оказались там, когда мы приземлились, но я чертовски сильно счастлива, что они там были. Они оставили меня одну в комнате для допросов на несколько часов. Они накормили меня, но продолжали обещать, что со мной встретится другой маршал и у меня будет возможность позвонить. Угадай, кому я хотела позвонить? Угадай, кого я считала своим рыцарем в сияющих доспехах. Ты! Я собиралась позвонить тебе! Но женщина-маршал так и не появилась. Вместо этого первый маршал сказал мне, что мой муж пришел за мной. Это был Джейкоб. Я не знаю, как так вышло, но я была чертовски сильно напугана.

— Из-за чего?

— Из-за всего! Мне было страшно возвращаться с Джейкобом и страшно не возвращаться. За последние девять месяцев я совсем запуталась. Я не знала, кому и чему верить. Я имею в виду, я была с маршалами США, и я думала, что мой кошмар закончился, но это не так. — Слеза скатилась по щеке. — Это все еще не так, и я с мужчиной, который, как я думала, спасет меня.

— Ты врешь мне!

Я не могла ответить. Вместо этого я скрестила руки на груди и плотно сжала губы. Впервые, я оглядела комнату и увидела высокие, темные шкафчики, высокие потолки, и дизайнерские светильники.

Где мы?

— Итак, — сказал Дилан, — ты и твой дорогой муженек придумали эту ложь о том, что ты пропустила работу...

Я кивнула.

— Да, он боялся, что со мной может случиться, если в "Свете" узнают, что я покинула кампус. Я боялась сказать ему, что ко мне вернулась память. Так что я сказала ему, что Томас похитил меня.

— Как он узнал, где ты была?

Я покачала головой.

— Честно говоря, не знаю. Ты что, не понимаешь? Мне не разрешалось задавать вопросы.

Дилан ухмыльнулся.

— Стелла Монтгомери не может не задавать вопросы. Как ты с этим справлялась?

Я ударила по каменному столу. Жалящая боль в ладони поглотила часть моего ответа.

— Не очень хорошо, не сразу. Это было нелегко. И это было моей самой большой трудностью.

— Могу себе представить.

— Дилан, ты сказал, что "Свет" больше, чем три кампуса. Что ты имел в виду?

— Откуда ты знаешь, что их три?

— Мой муж, я имею в виду Джейкоба, он пилот. Он говорил мне, когда летал в "Восточное" или "Западное Сияние". Он никогда не рассказывал мне об их местоположении, но он использовал эти названия. Я также знаю, что мы находились в "Северном Сиянии".

Земля задрожала, и мы оба замолчали. Бокалы, висевшие вверх дном на полках, звякнули друг о друга, когда стол задрожал под моей рукой. Мои глаза широко раскрылись, пока мы ждали, когда это остановится.

Разве здесь бывают землетрясения?

Дилан поспешил к стене с окнами, а затем бросился в другую комнату. Следующее, что

я слышала, была длинная тирада ругательств. Поднявшись со стула, я тихо пошла на его голос. Этот дом был не таким большим, как дом Отца Габриэля. Из окна гостиной были видны другие дома. По их размерам я предположила, что мы все еще были в Блумфилд-Хиллз. Дилан смотрел не на соседские дома, а на далекое зарево. Над свечением в ночном воздухе висел столб дыма.

Он достал другой телефон и набрал номер. Хотя я едва могла разобрать, что он говорит, и моё положение говорило о том, что лучше не вмешиваться, часть меня, которая была Стеллой хотела услышать каждое слово. Я тихо придвинулась ближе. Я слышала имя Джоэл и еще ругательства. Он спросил что-то обо всех них, но говорил слишком тихо, чтобы я могла разобрать что-нибудь еще.

Когда он спрятал телефон обратно в карман, я спросила:

— Что случилось?

Дилан повернулся ко мне.

— Ты, и я не знаю, что еще, черт возьми. И не смогу. У меня нет моего гребаного телефона!

— Я не понимаю, — сказала я его спине и широким плечам, когда он снова повернулся к окну. На стене я увидела часы, пятнадцать минут второго.

Вытащив второй телефон, Дилан набрал несколько номеров и с отвращением повернулся ко мне.

— Чертовы линии перегружены.

— Дилан, что случилось?

Как только я задала свой вопрос, воздух наполнился пронзительными завываниями сирен; хотя они были приглушены стенами и окнами, они, казалось, доносились со всех сторон. На мгновение я взмолилась о том, чтобы они спешили к нам, и я могла бы быть спасена, но этого не произошло. Так же быстро, как и появились, сирены затихли, становясь все слабее с расстоянием. Я подошла к большому окну и увидела, как темное небо Мичигана, наполнилось красными и синими огнями, разносящими жар.

— Предполагаю, что у меня не получится вернуть свой телефон или автомобиль, — заявил Дилан, как ни в чем не бывало.

— Ч-что? — спросила я с недоверием. — Это Отца Габриэля...

Я не успела закончить, как Дилан повернулся ко мне.

— Возвращайся на кухню. Ты хотела ответов? Хорошо, Стелла Монтгомери, ты их получишь. Сядь на свое место и слушай.

Снова завывали сирены, только чтобы раствориться в общем хаосе, происходящем вдалеке. Не зная, какое отношение я имею ко всему этому и почему Дилан винит меня, я сделала, как он сказал, и пошла на кухню. Он последовал за мной.

Достав пиво из холодильника, он развернул стул, сел и уставился на меня. Как только я села, он сделал большой глоток пива и начал,

— Как я говорил, "Свет" больше, чем ты думаешь. Три кампуса, о которых говорил тебе твой муж, — каждый раз, когда он говорил "муж", он пытался акцентировать внимание на этом слове, — только часть всего. "Свет" везде. Речь идет не только о последователях в основных кампусах. "Свету" нужны последователи на полях, в тени, готовые сделать все возможное, чтобы нести свет во тьму. Эти последователи есть в правоохранительных органах, как я, например. Они в медицинской сфере. Они в каждой профессии на всей территории Соединенных Штатов и Канады. "Свет" выходит за эти границы, потому что

только "Свет" может остановить тьму.

Мое сердцебиение ускорилося. Я никогда не видела Дилана таким. Его голубые глаза светились убеждением, но он не смотрел на меня, он видел то, чего я не видеть могла. В тот момент я не сомневалась, что он был частью этого.

— Зачем? Почему ты? Как долго?

Он покачал головой и сделал еще один большой глоток. Усмехнувшись, он ответил:

— Готов поспорить, у старого доброго муженька было куча работы с твоей страстью задавать вопросы. Он должно быть часто проходил ремнем по твоей заднице? А я помню, какая у тебя отличная задница.

Я стиснула зубы.

— Отец Габриэль действительно твой дядя?

Он кивнул.

— Сводный брат моей матери.

— И твои родители умерли?

— Они были частью этого. Они умерли, работая в тени ради "Света".

— Значит, он забрал тебя к себе?

— Как я и говорил, я жил со своими бабушкой и дедушкой. Но мы с Габриэлем всегда были близки. У него никогда не было детей. — Дилан пожал плечами и приподнял бровь. — Ни одного, которому бы он позволил родиться. Он всегда хотел, чтобы я работал с ним, я отказывался связываться со всем этим дерьмом, которым ты бредила. Я предпочел остаться в тени.

— А эти невесты, ты когда-нибудь...? — Я не была уверена, что хочу слышать его ответ.

— Нет, черт возьми! Они принадлежат или принадлежали ему. Они просто знали, что я мужчина высокого ранга. Это дает мне неограниченную власть. Я же сказал, что никогда не занимался этим дерьмом. Но до сих пор я никогда не останавливал его.

— До сих пор?

— Илайя. Я застрелил его. Я отдал приказ не трогать тебя. — Дилан пожал плечами и небрежно склонил голову набок. — Он ослушался. Когда дело доходит до "Восточного Сияния", будучи племянником Габриэля, я обладаю своей долей власти. Ты сказала это сама сегодня вечером, непослушание не вариант.

— Те женщины... ты сказал были... — Я проглотила ком в горле. — Они мертвы?

— Разве ты не видела огонь? Разве ты не почувствовала взрыв? — спросил он. — В том доме никто не выжил.

— Почему?

— Черт, Стелла, ты утратила свою способность понимать? Я же говорил тебе. Все началось из-за тебя и того факта, что Томас Хатчинсон был в неведении и угрожал. Всегда был запасной план. Свидетели слишком опасны.

О, Боже!

Из-за меня?

— Кул-Эйд? — прошептала я.

— Только в "Восточном Сиянии". Дядя был уверен, что другие кампусы слишком хорошо спрятаны.

Слава Богу!

Никакого Кул-Эйда в "Северном Сиянии".

— Что ты имел в виду, когда сказал, что Томас угрожал?

— Он был частью внешнего "Света", последователем в тени. Но когда он связался со своим связным, он сказал ему, что хочет выбраться из тюрьмы, куда спрятали его маршалы. Он знает, что "Свет" в состоянии сделать это.

— И его достанут оттуда?

— "Свет" может что угодно. Достанут ли? Нет, и это его вина.

— Угрозы?

Он ухмыльнулся.

— Наверное, ты слушаешь. Да, он не просто попросил освободить его. Он сказал, что если этого не произойдет в ближайшее время, он начнет говорить со всеми, кто будет слушать. — Легкая усмешка коснулась губ Дилана, и он прищурил глаза. — "Свет" повсюду. Я уверен, что если этого еще не произошло, то очень скоро муздака, который угрожал изнасиловать тебя, больше не будет. Кто знает, может быть, благодаря другому заключенному Хатчинсон сможет познать твой страх перед изнасилованием, прежде чем он покинет этот мир. Если мне нужно будет замолвить словечко, и теперь, когда я знаю, что он с тобой сделал, я, пожалуй, предложу это.

Часть меня съезжилась при мысли, что Дилан обладает такой властью. Другой части меня нравилась мысль о том, что Томас пострадает за то, что он сделал со мной. Все больше доказательств подтверждало мой диагноз диссоциативного расстройства.

— Но ты же полицейский, детектив. Ты помогаешь людям.

— Так и есть. Я просто помог тебе, во второй раз.

Я посмотрела на свои руки и подняла пальцы, чтобы он их увидел. Когда я это сделала, он закрыл глаза и снова сделал глоток. Я ждала, пока он закончит, прежде чем сказала:

— Ты знал. Когда мы были в морге, и женщина, которая, как мы опасались, могла быть Минди, ты знал, что она была частью "Света"?

Он кивнул.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал, что мне жаль? Потому что мне не жаль. Так оно и есть. Ты играешь в свою пользу или проигрываешь. Я не неудачник, как и Габриэль.

Я глубоко вздохнула, тошнота почти исчезла.

— Минди?

— Последнее, что я слышал, ее отправили в кампус. Я не уверен, в какой из них, и честно говоря, не желаю знать.

— Но она не расследовала деятельность "Света". Почему они забрали ее?

— Она расследовала бизнес, имеющий отношение к "Свету", "Мотористы Америки". МОА. Это подставная корпорация. Она наткнулась на слишком много вещей, как и ты.

Это название мне было знакомо. Это была компания, о которой мне рассказывал Фостер, но я была слишком нетерпелива, чтобы слушать его аргументы. Вот дерьмо, это было то, что нашел Фостер, когда занимался расследованием дела Дилана. Имя Дилана всплыло в счете за коммунальные услуги за дом в Блумфилд-Хиллз, который принадлежал МОА.

Может ли это место быть тем самым домом, который нашел Фостер, проверяя Дилана?

Дилан провел рукой по щетине, обрамляющей его четко очерченный подбородок

— Я, черт возьми, предупреждал тебя. Я говорил тебе не лезть туда, но ты была слишком упряма.

Я закрыла глаза.

— Бернارد или Фостер когда-нибудь видели мои записи?

— Брось. Ты умнее, чем хочешь казаться.

Из моих глаз потекли слезы.

— Значит, они так и не узнали, что я выяснила?

— Нет.

— Мои родители?

— Твоя мама все еще звонит мне.

В моей груди защемило, когда я положила голову на руки.

— Как ты мог сделать это и говорить с ней так, будто ни о чем не знаешь?

— Я не видел других вариантов. А ты?

— Да, — прошептала я. — Да. — Мои слова обрели силу, когда я подняла голову. — Я вижу много других вариантов. Говорить правду. Расскажи полиции. Сделай что-нибудь. Останови эту пародию. "Свет" торгует людьми и наркотиками. О Боже... — Звук моего голоса стал тише. — Ты знаешь, что происходит? В прошлое воскресенье здесь, в "Восточном Сиянии", я видела мужчину и женщину...

Дилан поднял руку.

— Я не хочу этого знать.

— Что? Это не имеет смысла. Ты поддерживаешь, потворствуешь этому, и не хочешь знать?

— Мы все — часть большего блага, часть тела. У меня есть свои обязанности. Мне не нужно знать о других и о том, что они делают, если это не мешает тому, что делаю я.

Пришло время мне сузить глаза.

— Я не знаю, в чем заключаются твои обязанности, но позволь мне сказать тебе, что я видела, как убили мужчину. Женщина выжила и оказалась в подвале. — Мой живот снова скрутило. — Теперь она мертва.

— Если ты говоришь о женщине на кровати, в комнате, где тебя оставили, то она была без сознания. Взрыв, вероятно, на нее подействовал легче, чем на других.

— Как ты можешь быть таким бессердечным? Как ты можешь говорить о жизни так, будто это совсем не имеет значения? — Внезапно мне в голову пришла мысль. — Как? Подожди минутку. Почему ты так откровенен со мной? Зачем ты мне все это рассказываешь? — У меня задрожали руки. — Ты собираешься убить меня?

Дилан встал и зашагал по кухне.

— стакан воды, Стелла?

Что?

— Нет. — Волосы на затылке встали дыбом, а кожа покрылась мурашками. — Скажи мне. — Я повысила голос и встала перед ним. — Дилан, скажи мне. — Я посмотрела в его пронзительные голубые глаза и попыталась снова. — Ради старых времен, ради того, что я пережила, пожалуйста, скажи мне, что со мной будет. — Мой голос едва не срывался на крик. — Если ты собираешься убить меня, будь мужчиной, чтобы сказать это.

Он протянул руку и погладил меня по щеке. Я закусила губу и заставила себя не шевелиться, пока его слова вырывались наружу, а теплое, пахнущее пивом дыхание обдувало мои щеки. Хотя его тон был мягким, как извинение, его слова были резкими по своему значению.

— Стелла, я знаю, что ты, должно быть, ненавидишь меня, но ты должна знать, что когда-то я думал, что могу любить тебя. Та версия тебя, которую я любил, была сильной и уверенной. Я был рядом с покорными женщинами всю свою жизнь. Моя мать была такой. Я

любил ее, но ненавидел то, как она пресмыкалась перед моим отцом и другими мужчинами. — Он заглянул мне в глаза, провел пальцем по щеке и губам. — Мне нравилась твоя борьба, острый язык и упрямство. Мне все это нравилось, но оно того не стоило. Цена была слишком высока, не только для тебя, но и для меня, для "Света".

Его тон смягчился, когда он коснулся моей ключицы, и его взгляд задержался на вырезе платья.

— Кроме того, они забрали эти части тебя. Это сделал тот мудака, которого ты называешь своим мужем.

Я хотела сказать ему, что это был не Джейкоб, а его дядя. Ответственность за это лежала на Отце Габриэле, но я держала рот на замке и позволила ему продолжить.

Дилан глубоко вздохнул. Снова посмотрев мне в глаза, он заправил прядь моих волос за ухо.

— Тем не менее, по всем причинам, о которых я говорил, я хотел, чтобы ты знала всю правду. Я хотел бы, чтобы ты поняла, что я пытался. Я действительно пытался.

Я сделала шаг назад.

— Пожалуйста... ты пугаешь меня.

— Неужели ты не понимаешь? Не видишь этого даже сейчас? "Свет" невозможно остановить.

Я кивнула, снова закусив губу.

— Этот взрыв все изменил, — объяснил он. — Я стараюсь, чтобы ты поняла. Что бы ни случилось со мной или с тобой, "Свет" здесь и там, и везде. От этого никуда не деться. Дядя был прав. Нельзя позволить тебе вернуться в прежний мир Стеллы.

Я покачала головой.

— Нет, это не так! Я никому не скажу. Обещаю. Я притворюсь, как делала это раньше. Я могу сделать это.

Он глубоко вздохнул.

— Поверь мне, это было нелегкое решение.

— Что значит нелегкое?

Он наклонился ближе, снова нежно касаясь ладонью моей щеки.

— Ты помнишь, как нам было хорошо вместе? Помнишь, как это было легко?

Я кивнула, слезы текли по моим щекам.

Он тихо бормотал:

— С тобой было легче, чем с кем бы то ни было. Я хотел... — Он прикоснулся своими губами к моим, холодное прикосновение было больше похоже на прощание, чем на приветствие. — Но, — продолжил он, — мы не всегда получаем то, что хотим. Я знал это всю свою жизнь. "Свет" больше меня, больше тебя, больше, чем мы оба. Я рассказал тебе все, потому что все изменилось сегодня вечером — из-за тебя. Я хотел быть честным, как в старые добрые времена...

Краем глаза я заметила шприц. Он был похож на тот, который хотел мне вколоть Илайя.

— ... хотя я знаю, что когда ты проснешься, ты не вспомнишь ни слова.

— Нет!

Острая боль в шее перенесла меня обратно на парковку в Детройте, как раз перед тем, как мой мир погрузился во тьму.

Глава 35

Джейкоби

Я посадил маленький самолет в Анкоридже, немного опережая график. Однако когда мы остановились на взлетно-посадочной полосе, мои мысли были не о времени или даже не о трещинах на асфальте. Мои мысли были в Блумфилд-Хиллз. Все рейды должны были начаться, если уже не проведены, и я хотел знать подробности. Мне нужно было знать, что Сара в безопасности.

— Спасибо. — В наушниках раздался голос Бенджамина, напомнивший мне, что не только я беспокоюсь о жене. — Джейкоб, я имею в виду Джейкоби, у Рейчел слабый пульс, но он все еще есть. Благодаря тебе. Я знаю, если бы не ты... она бы не... — Он замолчал.

Я обернулся и с натянутой улыбкой кивнул в его сторону.

— Они ждут нас. Ее скоро прооперируют.

Несмотря на то, что было больше десяти вечера, аэропорт, где мне сказали приземлиться, оживленно работал. Как и обещал специальный агент Адлер, нас ждала скорая помощь, и когда я отстегнул ремень безопасности, они медленно двинулись в сторону самолета. Я открыл дверь и спустил трап, прежде чем вернуться, чтобы помочь Бенджамину.

Когда я потянулся к ремню безопасности Рейчел, Бенджамин схватил меня за руку.

— Я не знаю, выживет ли она, но я знаю, что она не выжила бы там. Я твой должник. Что угодно. Ты получишь это. Можешь на меня рассчитывать.

— Прямо сейчас, сосредоточься на Рейчел. До тех пор, пока мы не узнаем, как прошли рейды и что нас ждет впереди, слушай ФБР. Они позаботятся о ней. Они лучше нас знают, с чем мы имеем дело. Я сделаю все возможное, чтобы убедить их позволить тебе остаться с ней, но... — Я пожал плечами. — Честно говоря, ты был в Собрании. Против тебя возбуждено дело. Ты кое-что знал. Ты работал в лаборатории, но на самом деле твое будущее зависит от тебя.

Бенджамин глубоко вздохнул.

— Это зависит от меня, как мы говорили последователям. От них ничего не зависело, и у меня такое чувство, что теперь тоже ничего не зависит.

— Это так. Я поговорю со своим руководителем. Я сделаю все возможное, чтобы убедить их позволить тебе остаться с Рейчел до тех пор, пока она не выйдет из критического состояния. Если ты хочешь больше времени, чем...

Бенджамин отвернулся, опустив покрасневшие глаза.

— Я хочу вечности. Разве я прошу слишком многого?

— Нет. Я хочу того же. Тебе просто нужно поговорить с агентами, быть на сто процентов честным с ними, будь готов представить доказательства и дать показания. Вот что ты можешь сделать, чтобы вернуться к Рейчел. — Я похлопал его по плечу. — Я с тобой. Надеюсь, ты знаешь, что у тебя есть моя поддержка.

Мы повернулись, когда парамедики поднимались по ступенькам.

— Что насчет Авраама? — тихо спросил Бенджамин.

Я покачал головой.

— Ты должен получить чертову медаль. Ты также спас мне жизнь. Я расскажу им, что случилось.

— А что с ней? — спросил он, глядя на Рейчел, пока парамедики поднимали

носилки. — Я имею в виду, юридически. Против нее тоже есть дело?

— Это не от меня зависит. Все зависит от ФБР, но я расскажу им то, что знаю, и именно, что касается жен членов Собрания, насколько мне известно, они все находились в блаженном неведении. Их никогда не информировали о работе Собрания или Комиссии. Я буду честен во всем.

— Сэр, это ваша жена? — спросила молодая женщина-парамедик, смотря на Бенджамина.

Бенджамин посмотрел на нее и потом снова на меня.

— Мы, — сказал я Бенджамину, — поженились в "Свете". Я планирую использовать это основание, чтобы найти Сару. Пока он не будет оспорен, твой ответ — да.

Бенджамин кивнул и повернулся к молодой женщине.

— Да, она моя жена.

Глаза женщины распахнулись, когда она осмотрела повреждения Рейчел и оглянулась на Бенджамина, видя его запачканную кровью рубашку.

— Мисс, — сказал я, пытаюсь прервать ход ее мыслей. — Я Агент МакАлистер из ФБР. Эта женщина подверглась нападению и избиению со стороны кое-кого другого, а не ее мужа. Я готов засвидетельствовать это.

— Да, Агент. Сэр, — обратилась она к Бенджамину, — пожалуйста, пройдите с нами. Они ждут нас в медицинском центре.

— Мисс, — я прочитал ее имя на бейдже, — Келлог, муж этой женщины и другой агент должны остаться рядом с ней.

— Агент, они могут последовать...

— Нет, они будут с ней.

— Да, сэр, — сказала она, затягивая ремни и закрепляя Рейчел на каталке. Не говоря больше ни слова, они с другим санитаром покатали Рейчел вниз по лестнице к машине скорой помощи.

Я протянул Бенджамину одноразовый телефон.

— Как только я доберусь до бюро, то позвоню тебе. Я планирую немедленно отправиться на восток.

Он кивнул и сунул телефон в карман.

— Знаешь, когда в последний раз я брал в руки этот телефон...

Я покачал головой.

— Я знаю. Прости.

— Нет, Рейчел была права. Она хотела помочь. Просто найди Сару.

Я сделал глубокий вдох, когда Бенджамин шагнул через дверной проем и последовал за своей женой.

Когда я спускался по ступенькам, тяжесть трех лет спала с моих плеч. Я справился со своей частью. "Свет" остался позади. Глядя на море лиц, я искал знакомые. Когда мои глаза встретились с глазами одного мужчины, агента, вероятно, на пятнадцать-двадцать лет старше меня, усталая улыбка коснулась моих губ. Я разговаривал с ним, но не видел его больше трех лет.

Когда он кивнул в мою сторону, моя улыбка в сторону специального агента Уильяма Адлера стала шире. Хотя у него появилось больше седых волос, и он даже набрал несколько фунтов, я сразу узнал своего руководителя. Когда я достиг нижней ступеньки лестницы, он встретил меня и похлопал по плечу.

— Агент МакАлистер, ты зрелище для воспаленных глаз. — Он оглядел меня с головы до ног. — Похоже, тебя не особо потрепало. Может, хочешь провести еще три года в "Свете"?

— Нет, сэр. Давайте покончим с этим и двинемся дальше.

Приветливое выражение исчезло с лица Адлера.

— Пойдем со мной, Джейкоби. Нам нужно поговорить.

Три слова "нам нужно поговорить" нанесли новый удар по моим и так достаточно расшатанным нервам. Прежде чем я смог заговорить и расспросить его, он отвел меня к ожидающему нас автомобилю. Я попыталась возразить, давая ему понять, что не хочу идти в штаб. Я не мог тратить на это время. Мне нужно попасть на самолет до Детройта. Вместе с тем чтобы выслушать или даже прислушаться к моим протестам, он и два других агента окружили меня и загнали в большой черный внедорожник.

Как только мы оказались на безопасном расстоянии от подслушивающих ушей, специальный агент Адлер повернулся ко мне.

— Слушай, Джейкоби, тебе не разрешается уходить, еще нет.

— Что вы имеете в виду? Я сказал вам по телефону, что Сара в "Восточном Сиянии". Я говорил, что необходимо добраться до нее... — Мои плечи поникли, и было трудно сформировать слова, когда груз, который я, как мне казалось, скинул, вернулся новой тяжестью.

— Послушай меня, — сказал Агент Адлер. — Ты можешь это сделать?

Я кивнул. Я мог слушать, но сначала мне нужно было успокоить хаос, отталкивающий слова и фразы, слетающие с его уст. Хотя его губы двигались, я не видел его. Всем, что я видел и слышал, была она. Я вернулся в ту чертову ванную в пристройке особняка с Сарой за руку. Ее сладкий, доверчивый голос заполнил мой слух, а ее красивые голубые глаза стояли перед моим внутренним взором. Ее рука в успокаивающем жесте покоилась на моей груди, и она сказала:

— Я доверяю тебе свою жизнь. Так есть и так будет.

Ее уверенность была непоколебимой, и я оставил ее, ушел и бросил ее.

— Агент, ты слышал, что я только что сказал?

Автомобиль отъехал от маленького аэропорта, отдаляя меня от Сары, а не доставляя ближе, в место, где я обещал остаться. Я осмотрелся по сторонам, пытаюсь рассмотреть скорую помощь. Они, должно быть, уже уехали. Если я напрягал слух, то слышал вой сирен вдалеке.

— Простите, — ответил я. — Что? Вы закончили рейд в "Восточном Сиянии"?

Агент Адлер кивнул.

— Когда ты спал в последний раз?

— Это не имеет значения.

— Я вижу, что ты в состоянии шока или скоро оно накроет тебя. Это понятно. Тебе необходим отдых. Без тебя эта операция никогда не закончилась бы успехом...

— Специальный Агент Адлер, вы рассказывали мне про "Восточное Сияние", про Сару. Он кивнул.

— После разговора с тобой, первым делом мы выдвинулись в "Восточное Сияние". Этот рейд начался раньше остальных. Как только ты сказал нам, что в других кампусах нет плана массового суицида или убийства, этот график казался безопасным. Учитывая то, что мы нанесли удар после часа ночи, мы считаем, что это помогло уменьшить количество жертв.

Мы нашли все, о чем ты говорил в кампусе и спрятанным в заброшенных зданиях, включая четырех женщин, которые находились в комнате, напоминающей клинику.

Мое сердце сжалось.

— Сара? — спросил я.

— Мы в этом не уверены. Из-за их травм сложно быть уверенными. Как только мы доберемся до полевого офиса, у нас есть фотографии, которые ты можешь проверить. В кампусе на Хайленд-Хайтс было только восемнадцать жертв. Они оказались командой последователей, работающих на заводе. Идет идентификация, но, учитывая отсутствие отпечатков пальцев, наша работа усложнится.

— Остальные?

— Взяты под стражу.

Я кивнул.

— Сары не было в кампусе.

— Никто не откликнулся на это имя или имя Стеллы Монтгомери, при опросе. Конечно, мало кто говорит, особенно женщины. По словам агентов на месте происшествия, они считают, что женщины слишком боялись говорить, даже с женщинами-агентами и женщинами-следователями. Тем не менее, после моего короткого разговора с Мисс Монтгомери по твоему телефону, я предположил бы, что она будет говорить и назовет свое настоящее имя.

Я кивнул. Она так и сделает.

— Блумфилд-Хиллс, сэр?

— Агент, рейды планировались одновременно. И временные рамки были жесткими.

Ох, блять! Меня чуть было не стошнило.

— Жесткими? Что вы имеете в виду?

— Доступ к дому Габриэля Кларка в Блумфилд-Хиллс огорожен воротами. Особняк на Трассе Кингсвей также огорожен. К тому времени, когда мы получили доступ, было пятиминутное расхождение.

Хотя машина двигалась, я не чувствовал этого. Я не мог сосредоточиться. Вес был сокрушительным, удушающим. Мое тело боролось за выполнение произвольных заданий. Расширение легких и сокращение сердца требовали размышлений. Жизненно важные процессы были в лучшем случае хаотичными. Я прилагал усилия, чтобы говорить.

— Что произошло за пять минут?

Я ждал, задаваясь вопросом, сказал ли я это на самом деле.

Он прикоснулся к моей руке.

— Они должно быть знали, что мы придем. Весь особняк взорвался. Судя по тому, как все взорвалось — это было спланированной оборонительной мерой. Дом, должно быть, стоял на пороховой бочке со взрывчаткой или, возможно, это был преднамеренный взрыв природного газа. Специалисты работают над этим. Имение все еще горит. Следователи не могут подобраться достаточно близко, чтобы даже начать поиск тел.

— Тел? Что насчет выживших?

— Джейкоби, никто бы не смог выжить после такого взрыва.

— Может быть, они успели уйти, — я предпринял попытку. — Там есть другие выходы, вниз по взлетно-посадочной полосе?

— Наши агенты окружили имение. Мы наблюдали сверху за участком, за всеми возможными выходами и входами. Все ворота были заблокированы, по крайней мере, за

десять минут до того, как мы попытались войти, даже до начала рейда в кампусе. Никто не пытался. Кто бы там ни был, их больше нет.

— Десять минут? Тогда почему они не подобралась к дому на пять минут раньше?

— Агент. — Голос Адлера был спокоен, как будто это могло облегчить понимание того, что он говорил. — Бюро сделало все возможное. Здесь у нас восемнадцать жертв, всего сорок шесть. Если бы мы добрались до особняка на пять минут раньше, то потеряли бы агентов во время взрыва.

— Сорок шесть? Включая жертв в особняке?

— Нет, но это цифра включает все кампусы. Больше тысячи человек находятся под стражей. Эти результаты очень хорошие.

Недоверчиво я искал правильные слова, ни одно не приходило на ум.

— Результаты, цифры? Дерьмо! Дело не в цифрах. Я должен увидеть фотографии всех женщин, которых ты нашел, живых и мертвых, в "Восточном Сиянии". И как только они войдут в тот особняк, мне тоже нужно это увидеть. — Я отвернулся от окна, прежде чем повернуться обратно. — Специальный Агент, я прошу разрешения отправиться в Детройт. Мне нужно увидеть все своими глазами.

— Агент, мы понимаем, что вы стали близки...

— Она стала мне женой девять месяцев назад! — Он, казалось, не понимал. — Она беременна моим ребенком.

Внутри внедорожника повисла тишина. Казалось, даже дорожного шума больше не было слышно.

— Она не умерла, — сказал я.

— Агент, мы не...

— Нет. Я знаю. Не знаю, верил ли я в это дерьмо раньше, но я бы знал. Я почувствовал бы, если бы она умерла. Она не мертва, и я собираюсь найти ее.

Он не ответил, пока мы продолжали движение. В конце концов мне удалось отвлечься от мыслей о Саре и расширить свой кругозор на всю миссию.

— Что насчет Габриэля Кларка?

— Мы взяли его. Мы взяли их всех: его, членов Комиссии и Собрания. Ну, к сожалению мы потеряли одного из членов Собрания в "Восточном Сиянии". Он мог быть в особняке. Также, один из наших сорока шести жертв — член Собрания в "Северном Сиянии". Не знаю, знаешь ли ты что-нибудь об этом. Его нашли в коридоре шестового амбара рядом с офисами, пристроенными к ангару.

— Знаю. Его послали сопровождать меня в ангар, — и тогда я вспомнил про конверт, — чтобы найти, — я достал из кармана конверт и вручил его Специальному Агенту Адлеру, — вот это. Я понятия не имею, что внутри, но что бы это ни было, моя интуиция говорит мне, что эта бумажка сохранила мне жизнь. Отец Габриэль с подозрением относился ко мне, начиная с Фэрбенкса, четыре дня назад. Я получил это письмо от брата в "Западном Сиянии". Я совсем забыл об этом из-за всего, что случилось с Сарой. — От звука ее имени мое сердце сжалось. — У меня такое чувство, что если бы он не нуждался во мне, чтобы я доставил его обратно в "Северное Сияние", или во всем, что там содержится, то я не сидел бы здесь прямо сейчас.

Мой наставник внимательно посмотрел на безобидный конверт.

— Мы доставим это в полевой штаб, чтобы проанализировать содержимое. — Он повернулся ко мне. — Джейкоби, у тебя впереди часы, дни и, возможно, даже недели

разбора полетов. У тебя больше знаний о Свете, чем ты даже можешь представить. Как ты знаешь, у нас есть люди, которые могут помочь тебе восстановить эту информацию. Я глубоко сожалею о Стелле Монтгомери. Может быть, из всей этой информации, всплывающей в твоей голове, ты увидишь, как то, что ты сделал, что она хотела сделать, оказалось полезно для успеха этой миссии. Агент, благодаря вам с ней мы открыли ящик Пандоры с незаконной деятельностью. Ты прав. У нас нет данных о погибших в особняке, но сотни были потеряны из-за этой организации, даже еще один — это слишком много. Твоя жертва не останется незамеченной, как и ее.

Я изо всех сил старался держать себя в руках, быть агентом, к которому меня готовили, но не мог.

— Я обещал ей, что сохраню ее в безопасности. Я обещал ей еще несколько дней. Я даже умолял... — Я стиснул зубы вместе. — Где он?

— Кто?

— Где Габриэль Кларк?

— Он все еще в "Северном Сиянии". Мы организовываем его транспортировку до Анкориджа.

— Мне нужно увидеть его, как только он здесь появится.

Специальный агент Адлер медленно покачал головой.

— Ты же знаешь, что у нас есть протокол.

Гнев и ненависть сочились из каждой моей поры.

— Я хочу посмотреть этому ублюдку в глаза и сказать, что именно я причастен к его краху.

— Агент, всему свое время.

— Прощай, Стелла Монтгомери, — прошептал я, когда ее тело обмякло в моих объятиях.

Черт бы ее побрал! Это все ее вина. Она могла, черт возьми, слушать своего мужа, но не желала слушать меня. Мне не нужна была покорная оболочка, которую он создал. Но насколько трудно было ей держать свой чертов нос подальше от "Света"?

Все это больше не имело значения. Я не был уверен, что именно произошло за последний час. По телефону Джоэл сказал, что все кампусы подверглись облаве. Я имею в виду, какого хрена? Как все? Мои мысли кружились как торнадо. Этого не должно было случиться. "Восточное Сияние" — само собой. Такая возможность существовала всегда. Именно по этой причине я ненавидел бывать там. Но все они?

Укладывая Стеллу на кушетку, я старался держать себя в руках. Так или иначе она имела к этому отношение. Маршалы Соединенных Штатов? Мне нужна была эта информация, и нужна вчера. Кто-нибудь из "Теней" что-нибудь знает. Если бы у меня был мой чертов телефон! Он был запрограммирован для входа в темную сеть.

Препарат, который я вколол Стелле, не был подавителем памяти, еще нет. То, что я вколол, только вырубил ее. С тем другим дерьмом нужно быть очень осторожным, и я не знал достаточно об этом, чтобы рисковать. Если я дам ей слишком много, слишком быстро, все ее воспоминания могут быть потеряны — все, включая еду и разговоры. Я слышал истории о том, как они впервые начали использовать его. Неоднократно они оставляли младенца в теле женщины. Опять же, если вколоть недостаточно, был шанс, что все это не работает.

В ее организм уже вводили этот препарат однажды. Означает ли это, что он выработал иммунитет и ей необходима доза побольше, или для того, чтобы все работало, необходимо совсем немного?

Я провел рукой по волосам и выдохнул. Я хотел знать, что, черт возьми, происходит. Где, черт возьми, Джоэл и Хлои? Мне нужно расставить приоритеты. Я также знал, что, если бы Габриэль был здесь, он бы никогда не подумал, что женщина стоит столько проблем.

Я планировал, что, когда Джоэл и Хлои приедут, Джоэл поможет мне отнести Стеллу в одну из спален. До того, как они были изгнаны, Хлои работала со своим отцом в лаборатории в "Северном Сиянии". Она разбиралась во всех научных штуках и в том, как действуют препараты. Она могла бы ввести подавитель памяти, пока мы с Джоэлом выясняли, что, черт возьми, происходит со "Светом" и "Тенями".

Как только Хлои сотрет воспоминания Стеллы, Сара Адамс исчезнет навсегда. Если у нее действительно были чувства к этому парню, так будет проще для нее. Скорее всего, Джейкоба уже нет — он стал едой для белого медведя. Габриэль запретил мне приближаться к Стелле, но, когда я вытаскивал еще одну бутылку пива из холодильника, я понял, что если он сейчас находится под стражей в ФБР, это уже не его решение. Оно было моим. И как только Хлои закончит, женщина со мной не будет ни Сарой, ни Стеллой. Мы найдем ей новое имя.

Из кухни я прошел к дивану и откинулся на спинку, сжимая волосы в руке.

Чертовски много всего!

Все это свалилось на меня. Я снова попытался позвонить Джоэлу, но все линии были заняты.

Я включил телевизор. Первым, что появилось на экране, было прерывание нормального вещания. Передо мной была аэросъемка взрыва особняка в Блумфилде. Надпись гласила: «Причиной взрыва в Блумфилд-Хиллс предположительно стала утечка газа. Дом считается одной из нескольких резиденцией обвиняемого лидера секты Габриэля Кларка». Когда я собирался переключить канал, появился репортер, транслирующий в прямом эфире из Уайтфиша, штат Монтана. Позади нее стояли автобусы, заполненные людьми.

Стиснув зубы, я не слушал, что она говорила. Вместо этого я выключил чертов телевизор.

Глубоко вздохнув, я убедил себя, что научился этому. Большая часть моей жизни была потрачена на подготовку к моей роли у руля. Мне нужно было вспомнить все уроки, которые преподавал мне Габриэль, и использовать их. Прежде всего, никто не может и не будет оспаривать мои решения. Пока Габриэль был не у дел, я был главным. Во-вторых, как лидер, я мог разрешить и/или наблюдать за деятельностью, но я всегда должен был оставаться на расстоянии хотя бы одного шага.

Габриэль держал руки чистыми. Именно так он выживал, что бы с ним не случилось. Независимо от того, насколько далеко и широко были разбросаны "Тени", мы все знали, что Габриэль Кларк выживет. Как феникс, он воскреснет.

Когда я наконец-то дозвонился до Джоэла, он был шокирован и обрадован моим звонком. Он пытался дозвониться по другому телефону, но я не отвечал. Он сказал, что по слухам среди "Теней" я был в особняке.

Возможно, я был Фениксом, восставшим из пепла взрыва.

Мой план состоял в том, чтобы затаиться на несколько дней и дать пыли осесть. Этот дом был прекрасным местом для этого. Он не имел никакого отношения ни ко мне, ни к «Свету». Нам нужна пара дней для разработки нашей стратегии, и мы будем готовы. Плюс несколько дней, чтобы накачать препаратом Стеллу, и будет готова она. Когда мы ее разбудим, она будет той, кем мы захотим. Я бы убедил ее, что она часть "Теней".

В нашей короткой беседе Джоэл сказал мне, что Габриэль передал бразды правления. Он сказал "Теням", что я главный. Я просто не знал и не видел этого. Я посмотрел на Стеллу.

— Потому что у меня нет моего гребаного телефона! — Она меня не слышала, но, произнеся это вслух, я почувствовал себя лучше.

В то время как в моих висках стучало от предстоящей задачи и обязанностей, возложенных на меня Габриэлем, мне все же удалось ухмыльнуться, зная, что я буду не один. Проклятье, в "Свете" Стелла была среди избранных. В "Тенях" она поверит, что была замужем за лидером — за мной. Сложно взобраться выше, чем это.

Меня не интересовали ни гарем, ни невесты "Теней". Была всего одна женщина, которую я хотел. И теперь, когда я был лидером, все мои желания были выполнимы. Я хотел старую Стеллу, но я получу улучшенную версию. Она была чертовски умна. Мне нравился ее острый язычок и вопросы. В новой версии, я бы поощрял ее сильные стороны, до тех пор, пока она знала, что как только я говорю хоть слово — оно не оспаривается. Я убрал волосы с ее лица и попытался не обращать внимания на синяк под глазом. Рядом с ней и с ресурсами "Теней" нас будет не остановить.

Первое, что я сделаю после того, как Джоэл прибудет с новым телефоном, позабочусь о судьбе Томаса Хатчинсона. Моя шея напряглась, когда я провел большим пальцем по ее опухшему глазу. Перед смертью этот ублюдок узнает, какой страх испытала Стелла, когда он угрожал изнасиловать ее.

Я подошел к большому окну, пламя над поместьем Габриэля все еще озаряло горизонт. Покачивая головой, я снова попыталась подключить свой телефон к частной сети, но у него не было доступа. Черт! Я так много пропустил, не имея своего настоящего телефона. По крайней мере, теперь мне не нужно беспокоиться о том, что кто-нибудь найдет его и свяжет со мной. Из-за этого взрыва они, возможно, даже не смогут опознать мою машину, и они определенно не найдут Илайя.

Этого тупого ублюдка.

При моем руководстве все изменится. С другой стороны, я не был таким самовлюбленным, как мой дядя. Я понимаю, что не все может быть по-моему. Он считал себя непобедимым. Я предупредил его, чтобы у него были планы действий в чрезвычайных ситуациях во всех кампусах. Он не послушал. Он был чертовски уверен, что изоляции будет достаточно.

С "Тенями" мне не нужно беспокоиться об этом. Наш рост за последние несколько лет побил количество последователей в кампусах в несколько раз. Мы также знали, что то, что произошло сегодня вечером, было возможно всегда.

Мой телефон завибрировал. Наконец-то. Может, чертовы схемы наверстывали упущенное.

Джоэл: МЫ ЗДЕСЬ. ВПУСТИ НАС.

Я посмотрел на Стеллу, все еще спящую как младенец, после чего направился к входной двери.

— Проклятье, Ди. Это хуже, чем мы себе представляли, — сказал Джоэл, качая головой, когда они вошли.

По выражению их лиц они оба выглядели так, как будто только что пострадали от рейда ФБР, а не всего лишь слышали об этом.

— Держись, — сказал я, похлопав Джоэла по плечу.

Хлои уткнулась заплаканным лицом мне в грудь и обняла за талию.

— Дилан, я никогда не думала... нам уже известно? Габриэль у них? Или нет?

Я покачал головой и нежно погладил ее по спине. Мы трое были друзьями большую часть нашей жизни. Наши родители были одними из первых последователей. В то время как их родители отправились в кампусы, мои остались работать в "Тенях". Габриэль знал, что ему нужно подкрепление со всех сторон.

— Я не знаю, — ответил я. — У меня нет моего настоящего телефона, только один МОА, и тот показывает, что не зарегистрирован в сети. Кроме того, чертовы цепи были запутаны. Если Габриэль и пытался связаться со мной, то не смог.

— Последнее сообщение прозвучало не очень хорошо, — сказал Джоэл.

Медленно Хлои ослабила свои объятия, и я отвел их на кухню.

— Мы не можем ни с кем связаться в "Северном Сиянии", — простонала она. — М-моя мама. Мой папа... — Она прошла в гостиную.

Когда Джоэл полез в холодильник и достал пиво, он спросил:

— Где твой телефон? Почему не отвечаешь на него?

— Дилан!

Мы с Джоэлом повернулись на крик Хлои. Сжав губы и скрестив руки на груди, она смотрела на спящую Стеллу.

— Это! Она? Ты с ума сошел? — Она не стала дожидаться моего ответа, и ее грусть сменилась негодованием. — Это та женщина, с которой ты встречался и которую отослали в одну из общин? Не так ли?

Я расправил плечи.

Да.

— Габриэль говорил тебе...

Я сделал шаг вперед.

— Габриэль больше не главный, по крайней мере сейчас.

— Но он сказал...

— Хлои, — остановил ее Джоэл. — Ди прав.

— Либо вы со мной во всех решениях, либо нет, — заявил я.

Черт! Я говорил совсем как мой дядя, но в данный момент мне было все равно.

Хлои сделала глубокий вдох.

— Отлично. Это для этого ты хотел, чтобы я захватила препарат?

— Да. Последние девять месяцев она провела в северном кампусе. Как только она пропала было много шумихи в прессе и полицейской активности. Сейчас безопаснее. Она старая новость.

— Ди, чувак, я не спрашиваю тебя, но ты уверен?

Я кивнул.

— Ага, я уверен. Как только я привез ее сюда, то подумал, что мог бы взять ее в "Западное Сияние". — Я провел рукой по волосам. — Она заноза в заднице, но я не готов позволить, чтобы ее изгнали. — Я сморщил нос. — Я также не собирался оставлять ее в особняке.

Губы Хлои изогнулись.

— Так что вместо этого ты решил, что она может быть изгнана, как мы.

Я усмехнулся.

— Предполагаю, что решил. Я не думал об этом, но да. Ваш выход из "Северного Сияния" был немного более добровольным, но конечный результат тот же. Она знает слишком много, чтобы ее отпустить. И, хотя, как я говорил, что окончательные изгнания меня не волнуют, но только не в ее случае. — Я стоял и смотрел, как мои друзья детства смотрели сначала на Стеллу, а затем друг на друга. Когда их ответа не прозвучало, я сказал: — Помогите мне отнести ее наверх.

Я взял ее под руки и поднял ее плечи, а Джоэл поднял ноги. Я продолжал говорить, пока мы шли.

— Я подумал, что мы могли бы залечь на дно на пару дней. Габриэль приказал соблюдать радиомолчание. Мы сделаем то, что он сказал. Для "Теней" будет легче, если все пойдет так, как они ожидают. Затем, как только мы ее разбудим, мы можем двигаться дальше. Она умная. Она приспособится. Черт, она приспособилась "Северному Сиянию". На этот раз к ней вернется ее настоящая жизнь.

Хлоя сморщила нос, наблюдая, как мы укладываем ее на кровать.

— Ей стоило бы помыться. Кто, черт возьми, сделал это с ее спиной? И почему она одета, как невеста?

— Марк, — ответил я. — Мы поссорились. Я мог поступить только так. — Я изо всех

сил стиснул зубы. — Чертов Габриэль сказал мне, что я не могу ее получить, а потом я узнал, что он собирается сделать ее одной из них — одной из своих невест.

— Иисусе! — сказала Хлои, качая головой. — Я никогда не подвергала сомнению действия Отца Габриэля, но этого я понять не могу.

Джоэл посмотрел на свою жену и прищурился.

— Только потому, что мы среди "Теней"...

Хлои продолжала медленно поворачивать голову из стороны в сторону, ее каштановые волосы упали ей на плечи, когда она наклонилась к Стелле. В "Тенях" не следовали всей доктрине "Света". Это было одной из причин, по которым Джоэл и Хлои попросили перебраться в "Тени". Линия которой следовал каждый в "Тенях", различалась, но учения Отца Габриэля по-прежнему оставались цементом, связующим звеном между "Тенью" и "Светом".

— Тебе нужно продолжать отправлять сообщения о том, что происходит, для тех, кто хочет этого, кто в этом нуждается, — сказал мне Джоэл.

Я кивнул, наблюдая, как Хлои устанавливает капельницу.

— Я думал об этом. Чувак, ты мой первый Комиссар. Мне интересно, если бы ты... — Я остановился. Доктрины "Света" и проповеди — не мое. Большую часть жизни я избегал их. Джоэл знал учения наизусть. Они с Хлои жили этим до свадьбы, а потом в "Северном Сиянии".

— Если бы я хотел быть проповедником, я бы остался на Аляске.

Я выпрямился.

— Как своего первого Комиссара, я не спрашиваю тебя. — Губы Джоэла вытянулись в прямую линию, но он не ответил. — То, как я это вижу, — продолжал я, — вы двое знаете эту сторону лучше, чем я. Я могу контролировать операции и деньги. Ты прав. Есть "Тени", которым нужно слышать слово Габриэля. Я полагаю, что вы двое можете дать им то, что им нужно, пока пыль не осядет. Наши "Тени" повсюду: полиция, судебные органы, черт возьми, даже федералы: ФБР, ЦРУ, Служба национальной безопасности. Я могу продолжать. То, что случилось сегодня вечером, станет большой новостью. Я уже смотрел какой-то репортаж по телевизору. Все будет так же, как с исчезновением Стеллы. Пройдет немного времени, и все затихнет. Когда это произойдет, мы продолжим делать то, чем занимались. Потребуется только кто-то один — Рафаэль, Майкл, Уриэль, один из них. Как только мы вытащим одного из них из-под стражи, "Тени" поглотят его. Как будто он воскрес из гребанных мертвецов, и тогда он сможет проповедовать.

Джоэл кивнул.

— Отлично. Так и сделаем. Но я не знаю, почему мы должны останавливаться на этом.

Хлои начала накладывать повязку на глаза Стеллы.

— Что ты делаешь?

— Потеря зрения, — ответила Хлои, — это жизненно необходимо. Я помню, как читала исследования моего отца. Если ты хочешь, чтобы она поверила, что она кто-то другая, это займет время.

— Отец Габриэль, — продолжил Джоэл. — Ему нужно воскреснуть. "Тени" имеют власть. Если они думают, что вытащить одного из создателей из тюрьмы — это чудо, то вытащить Отца Габриэля будет лучше, чем хождение по воде.

Я кивнул и улыбнулся, глядя, как Хлои накрывает Стеллу одеялом.

Когда она повернулась в мою сторону, она сказала:

— Мне нужно будет достать больше препарата, если она будет без сознания несколько дней.

— Спасибо, Хлои. Нам всем нужно выждать время. — Я хлопнул Джоэла по спине. — Но я согласен, чувак. Мы не можем позволить Габриэлю гнить за решеткой дольше, чем необходимо. В то же время...

— Ты главный, чувак, — сказал Джоэл, заканчивая мое предложение. — Отец Дилан? — спросил он с усмешкой.

— Я бы не хотел.

— Ты знаешь, что тебе нужно делать, — сказал Джоэл.

Хлоя обняла меня за плечи.

— Это похоже на то, когда мы были детьми.

Я не использовал свое имя, данное в "Свете" с тех пор, как умерли мои родители. Сначала Габриэль пытался убедить меня, но мое упрямство победило.

— Только не отец. Габриэль вернется. Мы просто не знаем когда.

— Брат Дэвид, — сказала Хлоя.

От приставки "брат" мои внутренности скрутило, но я не мог быть лидером "Теней" как просто Дилан. Я кивнул.

Джоэл покачал головой.

— Хорошо, брат Дэвид, нам нужно перестать играть роль няньки и перейти к делу. Если вы уверены, что мы здесь в безопасности, это отличное место, чтобы привести наш план в действие. Компьютерная система на нижнем уровне ведущая. Я знаю, как использовать ее и завести нас на некоторые сайты. Это не займет много времени, пока я не получу нам доступ в темную сеть, и мы получим разрешение на трансляцию. Я бы сказал, что к завтрашнему утру мы сможем передать сообщение, что-то короткое для "Теней". Недостаточное, чтобы нарушить приказ Отца Габриэля о радиомолчании, но этого будет достаточно, чтобы все знали, что ты не погиб в том взрыве, что Брат Дэвид жив и готов продолжить, чтобы вывести "Тени" на следующий уровень.

— Сейчас около четырех часов ночи. Ты думаешь, это не может подождать до утра? — спросила Хлоя.

Они оба посмотрели на меня.

— Я бы сказал, что уже ждем. Давайте продолжим и посмотрим, что мы сможем узнать. Мы не можем связаться с кампусами, но черт возьми, давайте начнем связываться с отдельными "Тенями".

— Из того, что я узнал, — сказал Джоэл, — это была операция ФБР. Каким-то образом они согласовали ее во всех трех кампусах.

— Наши гребаные "Тени" в ФБР должны кое-что объяснить. Как, черт возьми, это зашло так далеко?

— Не знаю, но я подозреваю, что, как у нас есть люди в ФБР, у них есть люди или человек внутри "Света".

— Как, черт возьми, мы этого не знали? — спросил я.

— Это нам и нужно выяснить. Как ты хочешь назвать ее? — спросил Джоэл, спускаясь по ступенькам.

Я уже думал об этом. Я знал имя, которое она заслужила. Да, она была занозой в заднице, но через несколько дней она проснется с новой жизнью в третий раз.

— Стейси, — ответил я. — Это означает «воскрешение».

Хлои кивнула, когда оба их телефона завибрировали.

— Привет, — ответил Джоэл. — Да, мы все трое здесь. — Его глаза широко раскрылись, когда он отключил телефон и повернулся ко мне. — Это была "Тень" внутри ФБР. Нам нужно уходить сейчас же! Я сожалею о Стейси, Ди. Но ФБР находится всего в нескольких минутах отсюда. "Тени" на первом месте, нам нужно бежать.

Глава 37

Джейкоби

В середине ночи в полевом офисе в Анкоридже кипела жизнь. Каждый новый агент, который подходил ко мне, хлопал меня по спине, поздравляя меня с хорошей работой. Все они гордились конечными результатами: ни пожаров в кампусах, ни массовых самоубийств. Специальный агент Адлер сказал, что президент даже позвонил директору, радуясь, что обошлось без пиар-кошмара.

После еще нескольких поздравительных похлопываний и дружеских подшучиваний, когда некоторые из моих старых коллег называли меня Брат Джейкоби, я вернулся в комнату для улик. Стоя в дверях с разинутым ртом, я обдумывал другую сторону своей миссии. Я жил этим, был в окопах, но это, коробки с уликами, а также фотографии доска за доской, создание теорий и следов, было конечным результатом многолетних расследований.

— Джейкоби, входи, — специальный Агент Адлер позвал меня в свой временный офис. Я не был уверен, как долго они будут находиться в Анкоридже. Обычно Адлер и отделы размещались в штате Вирджиния.

Я последовал за ним в небольшую уединенную комнату и закрыл дверь.

— Я хотел, чтобы ты увидел эти снимки без посторонних.

— Спасибо. — Никто, кроме Адлера и двух других агентов во внедорожнике, не знал о моих отношениях с Сарой.

Открыв папку, я рассматривал каждую фотографию и изучал их лица. У каждой из женщин на глазах была повязка. Это был стандартный протокол. Однако это не помешало бы мне узнать, была ли одной из них Сара. Я провел три недели, глядя на нее с завязанными глазами. Я все еще узнаю ее нос, щеки, волосы и губы.

Даже эти черты не были легко различимы на некоторых из этих женщин. Их травмы были обширными, но ушибы и переломы костей почти не были заметны. Я летал с женщинами в подобном состоянии чаще, чем хотел бы признать. Я помогал переносить их бессознательные тела к себе в самолет и перевозил их через всю страну. Единственное, что имело значение для меня, когда я смотрел на эти фотографии — это опознание Сары. Мне была ненавистна мысль о том, что она может оказаться в такой ужасной форме менее чем за двадцать четыре часа, но это значило бы, что она жива, я бы выходил ее. Я уже делал это однажды.

Вздыхнув, я покачал головой и положил папку обратно на стол Адлера.

— Сары среди них нет.

— Каждый из агентов, который смотрел на эти фотографии, комментировал степень повреждений. Ты не проронил ни слова.

Я встретился с ним взглядом.

— Я видел это своими глазами. В этих фотографиях для меня нет ничего нового.

Специальный агент Адлер присвистнул.

— Нам нужно немного отдохнуть и начать разбор полетов. Есть много чего, что я хотел бы узнать.

— Пока нет. Я хочу увидеть Отца... Габриэля Кларка, когда приземлится самолет. — Я провел пальцами по лицу, и, когда я это сделал, я узнал знакомое онемение подушечек пальцев. Опустив руки, я развернул ладони вверх, показывая их специальному Агенту

Адлеру.

— Видите мои пальцы?

— Да, мы видели много таких.

— Нет, ты что, не понимаешь?

— Что?

— Я хочу, чтобы сигнал тревоги был разослан по всем районным больницам, приютам для бездомных, аэропортам, полиции, везде.

— Джейкоби, я не понимаю. Мы собрали всех последователей во всех кампусах.

— У нас нет Сары. Я отказываюсь верить, что она мертва. Пусть ФБР сообщит во все места, которые я только что упомянул, что мы ищем женщин, у которых нет отпечатков пальцев.

— Как только пожар будет потушен...

— Нет, допустим, она сбежала. Если бы она это сделала, она может бродить где-то. Если это так, ее могли подобрать, и это способ опознать ее.

— Не уверен, что это хорошая идея. Тебе нужно знать еще кое-что. Давай я покажу тебе одну вещь, которую мы только начинаем понимать.

Я кивнул и ждал, пока Адлер обойдет стол и вернется из комнаты для улик.

Час спустя, допивая вторую чашку кофе, я продолжал читать и следить за масштабом собранных в этой комнате доказательств. Кофеин был необходим. В настоящее время я провел без сна двадцать четыре часа, и адреналин после нашего с Бенджамином побега быстро рассеивался. Несомненно, эмоциональные "американские горки" последних четырех дней брали свое.

Я прожил в "Свете" три года, и специальный агент Адлер был прав. Моя работа выполнена. С моей помощью около тысячи людей теперь обретут свободу жить настоящей жизнью, без дальнейших манипуляций нарциссического психопата. Однако, следуя взаимосвязям и информации, собранной на больших досках, я был ошеломлен тем, чего не знал.

— Так, что это за "Тени", черт возьми? — спросил я, нахмурившись в замешательстве.

— "Свет" вне "Света", — объяснил агент Брейди. Он был молодым мужчиной, частью небольшой секретной команды в Квонтико из специальной оперативной группы, которая исследовала "Свет". Его знания были столь же глубоки, как и мои я. Вместо того, чтобы жить этим, он проник в "Свет" через киберпространство, через темную сеть. Признаюсь, я почувствовал укол ревности, когда узнал, что он открыл так много, не подвергая риску себя или тех, кто ему дорог.

— Это интересное явление, — продолжил Брейди. — Когда вас впервые отправили, мы и понятия не имели, что там было три кампуса. Мы вычислили "Западное Сияние", но не "Северное". Ваша последняя весточка почти два года назад подтвердила его существование.

Я вспомнил, когда сделал этот звонок. Я некоторое время жил в "Северном Сиянии" и чувствовал необходимость по крайней мере, уведомить ФБР о существовании кампуса. Я позвонил из Блумфилд-Хиллс по одноразовому телефону. К счастью, те вышки сотовой связи не контролировались, как в "Северном Сиянии" или даже в "Западном", было слишком много активности ячеек, чтобы идентифицировать неизвестных пользователей.

— Только после того, как мы начали следить за киберактивностью "Северного Сияния", мы смогли обнаружить связь в реальном мире.

— Тьма, — произнес я бездумно.

— Простите? — переспросил меня другой молодой агент.

Я оторвал взгляд от аэрофотоснимка особняка в Блумфилд-Хиллс.

— Настоящий мир, в "Свете" он сравнивался с тьмой, областью вне "Света".

Адлер был прав. Мне потребовались бы недели на разбор полетов, чтобы избавиться от всей информации, которую я получил, потому что некоторые вещи, такие как термин "Тьма", казались мне общеизвестными. У ФБР были люди, которые помогли бы привести в порядок мои мысли и воспоминания. Я был больше обеспокоен депрограммированием. Очевидно, я тоже нуждался в этом.

— Ага, мы слышали этот термин. Ну, киберслед привел меня во «Тьму»... — Брэйди замолчал, пока нажимал клавиши на клавиатуре, и большой экран ожил.

Я ущипнул себя за лоб и подавил зевок.

— Да, я понимаю термин «Тьма», но кто или что они?

На экране появилась карта Северной Америки. Были отмечены три кампуса.

Брейди продолжил:

— Самая сильная и легкоотслеживаемая киберактивность была из вашего кампуса. Из-за изоляции. Большая часть — связь между кампусами. Сначала было трудно это перехватить. Брандмауэры были отличными, черт возьми, лучше, чем те, которые использовались нашим правительством. Они были многоуровневыми, даже с тройным шифрованием. Мы прорвались только через один, чтобы быть остановленным другим.

— Ты говоришь, что "Свет" был хорошо защищен.

— Я говорю, что защита была превосходной. Только недавно мы проникли в него достаточно, чтобы увидеть трансляции собраний и проповедей. Сделав это, мы могли точно определить местонахождение Габриэля. Мы могли определить, когда он был в Блумфилд-Хиллс, откуда происходило большинство трансляций, в "Западном Сиянии", или "Северном". Мы думали, что большая часть деятельности была интеркампусом, пока мы не обнаружили это. — Он нажал кнопку, и вдруг Соединенные Штаты и Канада загорелись, как виртуальная Рождественская елка. Он уменьшил масштаб и огни зажглись по всему миру.

— Что это?

— Отзвуки последней трансляции.

— Как? — спросил я. — Если связь была только между кампусами?

— Агент, добро пожаловать в "Тени". В темной сети существует веб-сайт с высокой степенью шифрования, который позволяет последователям за пределами кампуса получать доступ к трансляциям. Последняя передача была короткой и была отправлена за пятнадцать минут до того, как ФБР приземлилось в «Северном Сиянии», за несколько минут до взрыва на Блумфилд-Хиллс.

Я не мог думать о взрыве и сосредоточиться. Я должен был быть Агентом Джейкоби на некоторое время.

— У вас есть трансляция? Вы видели это?

Я вцепилась в стол перед собой, когда лицо Отца Габриэля закрыло большой экран, а его голос заполнил комнату. Сколько раз я смотрел его трансляции? Он выглядел точно так же, как и во время проповеди, ни один волосок не выбился из прически.

— Дети "Света", произошла очень печальная цепь событий. Вы много услышите и увидите. Помните, дети мои, тьма повсюду. Хотя "Свет" может быть временно скрыт туманом, мы знаем, что его нельзя погасить. Вы, мои дети "Теней", должны сохранять бдительность и поддерживать сияние живым. Вам дано просветление, чтобы различать

истину. Те, кто желает нам зла, являются нашими врагами. Вы — солдаты в этой войне. Хотя я могу быть недоступен какое-то время, знайте, что время не имеет отношения к нашему делу и миссии. Моя сила будет принадлежать тому, кто унаследует ее, пока она снова не станет моей. Я сообщаю вам это, но никогда не сдаюсь, никогда не принимаю ложь, сказанную во тьме. Знайте, что "Свет" будет сиять вечно.

Мои костяшки побелели, и кровь схлынула от щек, когда экран потемнел.

— Что, черт возьми, это значит?

Специальный агент Адлер вошел в комнату во время трансляции.\

Джейкоби, — сказал он, — здесь есть несколько кроватей. Советую тебе поспать. Нам нужно многое обсудить.

Я повернулся в его сторону.

— Это не исчезло? Три года жизни, Сара... все зря!

— Нет, — спокойно ответил он. — Все не зря. Кампусы были основным источником доходов "Света". Они были очагом незаконной деятельности, скрывающейся за разделением церкви и государства. Ты все это разрушил. Ты сделал это! Более тысячи человек освобождены. Это было не зря.

— Но, — я указал сторону теперь пустого экрана, — на предыдущем графике, "Теней" в десять или пятьдесят раз больше. — Я использовал новый термин. — Не все, кого вы принимаете под стражу, были доставлены в "Свет" против воли. Их кампусы исчезли, но с правильными связями они могут присоединиться к силам. Что их остановит?

Агент Адлер покачал головой.

— Миссия прошла успешно. Ты на самом деле понимаешь, как необычно сложно было организовать рейды в три отдельные локации, осуществленные с такой точностью и таким малым числом жертв.

— Сара, — прошептал я.

— Возвращение в прошлую пятницу повлияло на наш успех. У нас не было сил наготове.

Я кивнул.

— Вы дали ориентировку на Дилана Ричардса?

— Пока нет. Обугленные останки его машины были найдены на территории Блумфилд-Хиллс. Прямо сейчас мы предполагаем, что он был в особняке, когда тот взорвался.

Мои колени подогнулись, и я рухнул в ближайшее кресло.

— Нет. Нет. — Звук моего голоса нарастал. — Меня не волнует, если на это потребовалось пять минут или одна, я уверен, что был план по спасению Ричардса. Я знаю это. К тому же, вы слышали, что сказал Габриэль? Он сказал что-то о том, что его власть перейдет к тому, кто унаследует ее.

Брейди кивнул.

— Мы искали, но ничего не нашли. Он, должно быть, имел в виду передачу власти. У Габриэля Кларка или Гаррисона Кларксона никогда не было детей.

— Не ребенок, Ричардс — племянник Кларка. Он жив. Я знаю это. Даже этот засранец не допустил бы гибель своего племянника. На днях я видел, как они взаимодействуют друг с другом. Черт, я даже не знаю, какой сегодня день.

— Вторник, — подсказал Брейди.

— Вчера. Кларк не допустил бы этого.

Агент Адлер покачал головой.

— Я не вижу возможности как...

— У вас было постоянное воздушное наблюдение? — спросил я.

Пальцы Брейди снова застучали по клавиатуре. Однако прежде чем нажать клавишу, чтобы воспроизвести замедленное видео, он спросил:

— Вы уверены, что хотите видеть это?

Мои сомнения ушли.

— Не сомневаюсь. Вернись на десять минут до взрыва.

Он так и сделал. События десяти минут пролетели меньше чем за тридцать секунд. От взрыва у меня перехватило дыхание. Рука Адлера опустилась мне на плечо, когда я вытер слезы с моих усталых глаз. До этого не было ничего, только катастрофическое извержение. Очевидно, для такого события, как это, имелись средства, чтобы произвести такой взрыв.

Я согласился, что на видео не было никакой активности на территории. Если Ричардс и получил предупреждение, то не обратил на него внимания.

— Он мог узнать об этом раньше? — спросил я в отчаянии.

— Сомнительно. Сроки поджимали.

Пока Адлер отвечал, Брейди снова включил видео и перемотал его на шестьдесят минут до взрыва. Через несколько мгновений после того, как он запустил замедленную съемку, я увидел белое пятно в темноте возле бассейна. Огни вокруг бассейна были единственным освещением на заднем дворе.

— Подожди, — сказал я. — Вернись назад и запусти все в реальном времени.

Оба мужчины, замерли, пока Брейди делал так, как я попросил. К счастью, правительство не поскупилось на сложные камеры с огромным масштабированием. Хотя изображение было зернистым, там определенно были две фигуры, которые бегом пересекали территорию внутреннего двора, точно по той же траектории, что и я накануне.

— Она была в белом? — спросил Брейди с интересом и беспокойством в голосе.

— Нет, не когда я улетал, но, черт возьми, я помню, что там были другие женщины в белом. Может быть, кто-то из них, а может, они заставили ее переодеться. — От осознания возможных причин, из-за которых ей пришлось бы сменить одежду, мой желудок скрутило. Глядя на экран, я не позволял себе думать об этом.

— Сложно рассмотреть другую фигуру. Могу предположить, что это мужчина.

— Они тщательно проверили хозяйственные постройки?

— Да, и лесистую местность. Там никого нет.

— Там есть еще одни ворота. Вы можете получить доступ к видео с этих ворот?

Брейди покачал головой.

— Нет, главной целью наблюдения был дом. Когда он взорвался, мы потеряли связь.

— Этот район находится в пределах Блумфилд-Хиллс и закрыт, — сказал Адлер.

— Да? — спросил я, задаваясь вопросом, к чему он клонит.

— По соседству есть камеры! — сказал Брейди.

Мое истощение сменилось последним всплеском адреналина.

— Ты можешь...?

Мне даже не нужно было заканчивать свой вопрос, прежде чем на экране ожили приблизительно двадцать квадратов, с установленным временем 00:00:00. Вторник. До взрыва дома еще больше часа, но в целом улицы и перекрестки были тихими, за исключением последней модели черного внедорожника. Он остановился перед одним из

знаков остановки, и стоял достаточно долго, чтобы мы увидели водителя.

— Черт! Это он! — сказал я, и почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, когда я увидел Дилана Ричардса.

— Я больше никого не вижу в машине, — сказал Адлер.

— Но мы видели женщину в белом возле бассейна. Если бюро тщательно исследовало территорию, и они не нашли ни пострадавшей, ни тела, она должна быть в машине. Я не могу представить, чтобы он забрал другую женщину из этого дома. Это должна быть Сара. Я же сказал, она не умерла.

Брейди изолировал внедорожник и последовал за ним в другой дом по соседству. Как только он сфокусировался на доме, появился экран меньшего размера, и нам показали владельца дома автомобилистов Америки.

Я повернулся, нахмутив брови.

— Что это, черт возьми, такое?

— Это подставная корпорация. Та, которая была на нашем радаре как часть "Теней". Она стоит миллионы, возможно, больше.

— Значит, даже остановка производства в "Северном Сиянии" не остановит денежные потоки?

— Это остановит новые денежные вливания. Но там уже есть значительная сумма. Нужно только доказать, что он был получен незаконно. Черт, это может сделать небольшую брешь в государственном долге.

— Сейчас же отправьте агентов в этот дом.

Пока агент Адлер набирал номер, Брейди переключился на замедленную съемку дома. На временной отметке 03:04:50 к дому подъехал еще один внедорожник. Из него вышли мужчина и женщина и вошли в дом. Я посмотрел на часы. Это было около часа назад. К тому времени, когда специальный агент Адлер отдал приказ идти в дом, у Брейди на экране изображение транслировалось в реальном времени.

Меньше, чем через две минуты после того, как был отдан приказ, трое людей вышло из дома и сели во второй внедорожник. Это были те самые мужчина и женщина, плюс Ричардс.

— Черт! Что, черт возьми, только что произошло?

Агент Адлер прищурил взгляд.

— Дерьмо!

— В особняке должны быть агенты. Отправьте туда кого-нибудь! Поймите его! — Я выкрикивал приказы мужчинам, один из которых был моим начальником.

Брейди следовал за внедорожником по улицам района; однако, как только внедорожник покинул ворота подразделения, мы потеряли связь.

— Я сообщил им номер машины. Теперь нам нужно только ждать, — сказал Брейди.

— Пожалуйста, — я повернулся к агенту Адлеру. — Мне нужно на самолет в Детройт.

Специальный агент Адлер кивнул.

— Я полечу с тобой.

Глава 38

Стелла

Густой туман проник в мои мысли, его щупальца цеплялись за воспоминания. Это было не ново, мой разум знал эти трюки. Я уже играла в эту игру раньше. Стальные ставни внутренней обороны захлопнулись, и поднялись баррикады. Где-то глубоко внутри я знала, как остановить вторжение. С его обманом было сложно бороться. Там был туннель и свет. Яркий свет манил, притягивал меня ближе, и мое избитое, обессиленное тело жаждало сдаться.

Предложенное им обещание передышки было реальным. Все, что мне нужно было сделать, это поднять ставни и позволить туману проникнуть внутрь. Моей наградой будет отдых и время для исцеления. Призыв рос по мере того, как боль в спине и спазмы в животе оставались по мою сторону баррикад. Если бы я только могла приоткрыть глаза, чтобы впустить туман, это спасло бы меня от боли.

Мое желание росло... может быть, я могу позволить немного...

Глава 39

Джейкоби

Фотографии из дома в Блумфилд-Хиллс агенты прислали на сотовые телефоны, когда нас с Адлером везли в аэропорт. Я потерял всякое подобие профессионализма, когда материализовалась фотография Сары.

Она была там, и она была жива, без сознания и одна в доме.

Я не знал, почему Ричардс оставил ее, но в тот момент мне было все равно. Мои щеки стали мокрыми от слез, которые лились рекой. Я вытер их, наблюдая, как iPad агента Адлера продолжал показ слайд-шоу из фотографий. Когда они загрузились, я увидел ее с забинтованными глазами и мой желудок скрутило. К счастью, несмотря на то, что ее глаза были снова перебинтованы, я не увидел повреждений, как у других женщин в "Восточном Сиянии". То, что я увидел, то, что заставило мое сердце пропустить удар, было пакетом с прозрачной жидкостью, свисающей со стойки возле ее кровати.

— Скажи им, чтобы немедленно отсоединили лекарство, — сказал я, дрожа от страха. Этот сукин сын сказал мне, что он попытается держать ее подальше от препаратов. Сейчас она была на них.

— Но, Джейкоби, ты не знаешь, что это такое...

— Я знаю. — Мой голос стал громче. — Не знаю, как называется это лекарство, но оно подавляет память. Я видел, что на них подсадили больше женщин, чем я хочу признать. Скажите им, чтобы немедленно отсоединили его.

Агент Адлер протянул мне телефон.

— Здесь ты не только агент, ты ее муж. Тебе и говорить с ними.

— Агент? — сказал я, говоря с кем-то в Блумфилд-Хиллс.

— Да, сэр. Это агент Биллингс.

— Биллингс, немедленно отключи лекарство.

— Сэр, по какому праву...

— Я агент Джейкоби МакАлистер. — Мое имя гремело вокруг. Они все знали, я был одним из них, кто был внутри "Света".

— Сэр, это большая честь для меня...

— Отключите лекарство. Как только приедут парамедики, пусть поставят ей капельницу. Нам нужно разбавить лекарство в ее организме. Убедитесь, что они дают ей только прозрачные жидкости. Как она?

— Она без сознания и, ну...

— Скажите мне, агент.

— Сэр, ее глаза перевязаны, но, похоже, есть синяк вокруг одного глаза, который расплылся аж до щеки. Я полагаю, что он не новый.

Я покачал головой.

— Этот нет. Ей поставили его в пятницу. Что-нибудь еще?

— Мы не пытались двигать ее, но на ее платье есть кровь. — Он ахнул.

— Что?

— Я не снимал с нее платье.

— Не смей!

— Сэр, у нее спина в крови. Держу пари, что ее выпороли.

Мои зубы сжались, когда ярость хлынула по венам. Я собирался убить Ричардса, как только увижу его. Этот ублюдок поднял на нее руку, судя по подбитому глазу, и он выпорол ее!

— Отвезите ее в больницу. Я хочу, чтобы агент не отходил от нее ни на минуту. Не позволяйте никому назначать какие-либо лекарства. Есть вероятность, что она беременна.

— Да, сэр, но...

— Что еще?

— Я не врач, но у нее кровотечение, и не только из спины.

Моя грудь сжалась.

— Отвезите ее в больницу. Убедитесь, что она в безопасности. Это все, что имеет значение.

Когда связь прервалась, я вернул телефон Адлеру и отвернулся к окну. Солнце поднималось в Анкоридже, создавая длинные тени на улицах, когда мы приближались к аэропорту.

В то время пока я боролся с подавляющей печалью от потери кое-чего, что я так хотел, хотя и не осознавал этого, я пытался сконцентрироваться на положительных моментах. Сара жива. Я прочистил горло.

— Что насчет Ричардса? — спросил я.

— Мы потеряли их, — ответил Адлер, — Мы нашли внедорожник брошенным на первом шоссе, но они исчезли. Мы обыскали его дом в Бруш-Парк, так же, как мы сделали это в Блумфилд-Хиллс. Он так же не появлялся в Детройтском Департаменте полиции. Мы продолжаем поиски. Его мобильный молчит. Мы опознали других людей посредством программы распознавания лиц. Это Джоэл и Хлои Бичен.

— Джоэл и Хлои? Я думаю, это изгнанные последователи "Северного Сияния". Я не понимаю, как они до сих пор живы. — Я повернулся к своему начальнику. — Если они были предупреждены о нашем предстоящем рейде в том доме, это значит, что кто-то из "Света" или "Теней" каким-то образом оповестил их. Это значит, что в рядах ФБР есть один или несколько их людей.

Специальный агент Адлер крепко сжал губы.

— Вплоть до самого начала рейдов об этом знала очень небольшая группа людей. Я знаю, что это было безопасным. В противном случае... ну, тебя бы обнаружили. Но с проведением рейдов, поглощением, и затем с взрывом в Блумфилд-Хиллс, количество агентов резко возросло. Мы начнем внутреннее расследование, но сначала мы должны убедиться, что все наши свидетели в безопасности.

Я провел рукой по волосам.

Черт, мне нужно в душ.

Когда мы подъехали к аэропорту, мои глаза расширились. От самолета к ожидавшему фургону выстроилась шеренга мужчин, все они были мне знакомы, все со скованными за спиной руками. Я потянулся к дверной ручке, и Адлер прикоснулся к моей руке.

— Протокол. Ты же не хочешь разрушить три года работы, сказав что-то не то. Пусть все идет своим чередом, пока ты не вернешь Сару.

Моя шея напряглась, а глаза сузились. Выйдя из внедорожника, я передвинулся так, чтобы быть в поле зрения каждого члена Комиссии и Собрания, и в особенности Отца Габриэля.

Я ждал, когда пройдет каждый, каждый из избранных.

Возможно, Комиссия и Отец Габриэль думали, что Авраам убил меня. А может быть и вовсе об этом не думали. Когда я увидел костюм и шелковую рубашку, я знал.

Я не мог говорить. Тем не менее, я сделал еще один шаг вперед.

Должно быть, мое движение привлекло его внимание. Когда наши глаза встретились, взгляд, который подарил мне Габриэль Кларк, был классическим и незабываемым. Сначала это было, как будто он не мог поверить увиденному. Его темные глаза вопросительно расширились. Когда его взгляд скользнул по моему телу и задержался на значке, висящем на шнурке на моей шее, я улыбнулся. Эмоции на его лице превратились в выражение чистой ненависти. Я узнал этот взгляд, потому что, если бы Сара не была в безопасности, я бы посмотрел на него так же. В следующую секунду офицер потянул Кларка за локоть, и он отвернулся.

Моя улыбка была шире, чем у Чеширского кота, и я сиял не только из-за Габриэля Кларка. Нет, она застыла на моем лице с того момента, как я прошёл мимо Тимоти, его глазки-бусинки застыли в неверии. И только Даниэлю с Люком я хотел предложить помощь. Я сказал себе, что так и сделаю, но прежде всего я хотел добраться до Сары.

Мой лишенный сна разум был размыт, когда я пробирался через больницу Генри Форда. Как только мы приземлились, я получил сообщение. Состояние Стеллы Монтгомери было стабильным. После того, как мы покинули Анкоридж, она перенесла небольшую медицинскую процедуру, называемую "выскабливание".

Я приказал себе сконцентрироваться на первом предложении. Она была в безопасности, и ее состояние было стабильным. Это не означало, что я мог игнорировать остальную часть сообщения. Я был агентом ФБР. Моя работа была опасна. Проклятье, за последние двадцать четыре часа меня чуть не убили, из-за меня, это же самое чуть не случилось со Стеллой. Я никогда не задумывался о детях, не хотел их. До этого момента.

За дверью комнаты Стеллы дежурила специальная охрана. Как только появились новости о "Тенях", ФБР приняло все меры предосторожности. Хотя мое противостояние с Габриэлем Кларком было приятным, это было также глупо. Теперь я стал мишенью. И если так, то Стелла тоже.

Как только я приблизился к комнате Стеллы, я боялся того, что найду там. Больше всего меня беспокоило, как она воспримет новость о ребенке. Что было, если она помнила — если они отключили средство подавления памяти прежде, чем прошло необходимое время, чтобы медикаменты сделали свою работу. Никто, кроме Брата Рафаэля, не знал точно, как это работает, или сколько препарата потребуется, чтобы разрушить ее память. У нее это уже было в крови. Что, если даже маленькое его количество вернет ее к чистому холсту? В последних сообщениях говорилось, что она еще не пришла в сознание, хотя эффект от анестезии после процедуры давно прошел.

— Вы ее муж? — спросил доктор прямо у ее двери.

— Да, — сказал я. Несмотря на все, через что мы прошли, видя ее, даже на расстоянии, я улыбнулся. Так было, пока я не заметил бинты. — Почему ее глаза все еще прикрыты?

— Мы подумали, может быть вы нам расскажите. Мы не хотели снимать повязки, в случае, если была травма.

Я покачал головой.

— Нет, никаких травм нет. Выскабливание?

— Агент МакАлистер, по анализу уровня ХГЧ Стеллы, трудно сказать, была ли она когда-нибудь беременна. Однако из-за травмы, которую она перенесла, и тяжести ее маточного кровотечения, выскабливание было произведено в качестве меры предосторожности.

— Травма? Что случилось?

— Похоже, удар тупым предметом, был нанесен прямо в матку.

Мои кулаки сжались. Я убью его. Да поможет мне Бог. Я собирался убить Ричардса.

Доктор положил руку мне на плечо.

— Необратимых повреждений нет, если вас это беспокоит. Ваша жена будет в порядке.

И в будущем у вас могут быть дети.

Я кивнул.

— Как долго она еще пробудет без сознания?

— Она может проснуться в любой момент.

Когда мы повернулись, я увидел, как дрожащие руки Стеллы потянулись к бинтам.

— Нет! Только не это! Пожалуйста, нет!

Ее мольбы были музыкой для моих ушей. Она помнит! Я бросился к ней, отталкивая медсестру со своего пути.

— Сара, я здесь. Мы собираемся их снять. Они тебе не нужны.

Она вслепую протянула руки в моем направлении.

— Джейкоб? Это ты? Ты здесь? О, Господи! Где я?

Я возился с повязками, пока они не упали. Маленькие темные колпачки упали с век, и из-под них на меня уставились самые красивые голубые глаза.

— Это я. Я здесь, и ты в безопасности.

Ее плечи вздрогнули, когда я обнял ее.

— Я пыталась помочь, — сказала она. — Я продолжала задавать ему вопросы, пытаюсь выудить из него информацию. Но потом он сказал, что я все забуду, и что-то воткнул мне в шею. — Она отстранилась. — Почему? Почему это не сработало? — Затем выражение ее лица изменилось, ее рот приоткрылся. — Наш малыш? Я...?

Я покачал головой и притянул ее ближе.

— Ты не могла ничего поделать, но ты выжила. Мне так жаль, что я оставил тебя. Клянусь Богом, я убью его. Не могу поверить, что он сделал это с тобой.

Ее лицо уткнулось мне в шею.

— Мне так жаль.

— Прекрати, — прошептал я, легонько растирая ее спину. — Тебе не о чем сожалеть. Врач сказал, что они не могут подтвердить, была ли ты беременна. Они сказали, что уровень гормонов был низким. Они также сказали, что сделали процедуру для предосторожности, но, если ты когда-нибудь решишь иметь детей в будущем, это все еще возможно.

Стелла замерла в моих руках. Когда она, наконец, посмотрела на меня, она спросила:

— Я? Если я когда-нибудь решу? — Она вытянула свою левую руку из моих объятий. — Они забрали мое обручальное кольцо.

Я поднес ее руку к губам и поцеловал безымянный палец на левой руке.

— Я буду счастлив, надеть еще одно на этот пальчик.

Она села повыше и вытерла слезы со щек.

— Мне надоело быть миссис Адамс.

— Это хорошо. — Мои щеки приподнялись, когда я впервые по-настоящему

улыбнулся. — Я все равно не знаю никого по фамилии Адамс. — Я провел большим пальцем по ее ушибленному глазу. Цвет стал отвратительно зеленого оттенка. — Мне интересно, как ты отнесешься к фамилии МакАлистер?

Уголки ее губ поползли вверх.

— Думаю, мне нравится это. Сара... — ее улыбка стала шире. — Стелла МакАлистер. — Уткнувшись лицом мне в грудь, она снова подняла голову и сморщила нос. — Стелла и Джейкоби. Потребуется время, чтобы привыкнуть к этому. — Ее ладонь пробежалась по моей щеке. — Знаешь, мне все равно, как тебя зовут, главное, что мы оба в безопасности. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Я убрал ее светлые волосы с лица. — Они сказали, что я потерял тебя. Когда я приземлился в Анкоридже, мне рассказали про особняк.

Она прикрыла лицо руками.

— Джейкоб, там были женщины. Они называли себя невестами "Света". Они... принадлежали... — Ее рука потянулась к шее, и я увидел слабый синяк. — Они сказали, что я буду... — Красные пятна начали появляться, когда ее глаза наполнились слезами

— Шшшш... все закончено. — Я притянул ее к себе. — Подозреваю, для них тоже все кончено. Власти ждут, пока дом остынет достаточно, чтобы еще раз проверить на наличие останков.

Она покачала головой.

— Дилан рассказал мне кое-что. Вещи, о которых я должна рассказать тебе.

— Тебе не обязательно рассказывать мне что-либо. Твои мысли принадлежат тебе. Я приму все, чем ты захочешь со мной поделиться.

Ее веки затрепетали от непрекращающейся битвы Стеллы и Сары, которой не было с тех пор, как она покинула "Северное Сияние". И тут ее взгляд встретился с моим.

— Не думаю, что я это имела в виду. Я имею в виду, что ты — агент ФБР. А ФБР должно знать все то, что он сказал. Он рассказал мне, что "Свет" больше, чем мы знаем. Он назвал это "Тенями".

Я сделал глубокий вдох и выдохнул.

— Нам обоим нужно пообщаться с агентами, которые помогут нам подвести итоги и влиться в реальную жизнь. Я только надеюсь, что по прошествии времени, которое мы проведем в Вирджинии, тебе все еще будет нравиться идея быть Стеллой МакАлистер.

Она взяла меня за руку, и, как они делали тысячу раз, наши пальцы переплелись.

— Я не могу ничего обещать, потому что знаю по опыту, что жизнь способна преподносить те еще сюрпризы. Но, думаю, мне всегда будет нравиться это имя. И, возможно, однажды, когда мы оба будем готовы, я хотела бы проверить прогноз доктора и создать несколько маленьких МакАлистеров.

— Я не могу передать тебе, как мне жаль. Я проведу остаток наших жизней, пытаюсь наверстать упущенное. Мне не следовало этого делать.

— И что? — Она коснулась губами моих губ. — Отец Габриэль убил бы тебя. — Ее светло-голубые глаза распахнулись. — Постой! Как прошли рейды? Что насчет остальных? Что насчет наших друзей? Они спасли Минди? А как же Брат Бенджамин и Рейчел?

Я засмеялся. Впервые за неделю, моя грудь сотрясалась, и я захватил свою жену в объятия, посылая ей вибрации от себя.

— Не думаю, что когда-нибудь устану от твоих вопросов.

Она покачала головой.

— Это хорошо, потому что, кажется, я никогда не смогу перестать задавать их.

— Я заметил. — Я сделал глубокий вдох. — Рейды прошли хорошо. Отец Габриэль находится под стражей. Я ничего не знаю о твоей подруге Минди. Я видел Люка и остальных избранных мужчин в Анкоридже. Остальные последователи были эвакуированы из "Северного Сияния". Я уверен, что Минди находится среди них, но их больше пятисот. Потребуется время, чтобы доставить их всех в Анкоридж и опознать. Что касается, Рейчел и Бенджамина, с ними все будет в порядке, но это уже другая история.

Ее губа скользнула между зубов, прежде чем она спросила:

— Я помню, Отец Габриэль говорил что-то?

— Рейчел была очень сильно травмирована Авраамом, но мы доставили ее в Анкоридж. Я разговаривал с Бенджамином по пути из аэропорта в госпиталь. Ее состояние все еще критическое, но прогнозы докторов оптимистичны. Они уверяют, что хирургическая помощь была оказана вовремя. ФБР позволило Бенджамину остаться с ней до тех пор, пока ей не станет лучше. В целом жертв было немного — сорок шесть, не считая тел, которые еще предстоит обнаружить в особняке.

— Значит, мы сделали это? — спросила она. — Возвращение имело значение?

— Да, это имело значение. Для "Восточного Сияния" был заготовлен "Кул-Эйд план". Жизни были сохранены. Кроме того, как ты сказала, если бы Габриэль Кларк был в Блумфилд-Хиллс, он, вероятно, исчез бы с Ричардсом.

Глаза Стеллы распахнулись.

— Он на свободе? Дилан все еще там?

— Теперь он в бегах. Все ищут его. — Я прикоснулся к ее щеке. — Поверить не могу, что он причинил тебе боль после того, как сделал вид, что расстроен твоим глазом. Клянусь, когда мы найдем его, я...

— Дилан? Он этого не делал.

— Не он сделал это?

— Это он дал мне лекарство, но он не причинял мне боль. Брат Марк, который, как мне показалось, был на Собрании в "Восточном Сиянии", был тем, кто выпорол меня. Брат Илайя избил меня. А Сестра Мариам надела на меня ошейник.

— Какого черта? Выпорол? Избил? Ошейник? Что?

Стелла потянулась к моей руке и накрыла ее своей.

— У нас обоих длинные истории. Давай сначала обо всех узнаем. Я хочу позвонить родителям и сказать, что со мной все в порядке. И Дина Роузмонт и Бернارد...

Я остановил ее список еще одним поцелуем.

— Я знаю, что сказал недостаточно, но Стелла Монтгомери...

— Мне определенно больше нравится МакАлистер, — перебила она.

— Стелла М., - я исправил себя, — Ты невероятная женщина. — Я провел пальцами по ее волосам. — Такая сильная и отважная. В течение следующих нескольких месяцев, когда мы будем пытаться исправить то, что было сделано, я хочу быть тем, кто будет рядом с тобой, тем, кто осуществит твои мечты.

Она обхватила мое лицо, и ее глаза заблестели.

— Просыпаться и видеть перед собой твои карие глаза — вот моя мечта. И все это ты воплотил в реальность. — Она наклонилась вперед и наши губы встретились. — Я полностью твоя, Джейкоби МакАлистер. Меня не волнует, через что мы должны пройти, чтобы подвести итоги и вернуться к реальной жизни. То, что я чувствую к тебе, не задано

программой, это настоящее, и я не хочу, чтобы ты когда-либо сомневался в этом.

Я усмехнулся.

— Итак, теперь я тот, кто не может задавать вопросов?

— Я думаю, что это был вопрос, — сказала она с блеском в глазах. — И как бы сильно я не хотела того, что ты сказал, я тоже хочу быть рядом с тобой. Хочу пройти этот путь с тобой. Было бы несправедливо взвалить все бремя на тебя. Я хочу быть командой.

— Думаю, мне бы это понравилось.

Когда я встал, то подумал еще кое о чем.

— Ричардсу позвонили с предупреждением и сообщили об особняке?

Она нахмурилась.

— Нет. Точно нет, потому что у меня был один из его телефонов. Второй телефон зазвонил позже.

— У тебя был его телефон? Ты кому-то звонила?

Она покачала головой.

— Я думала об этом, но не хотела подвергать опасности миссию ФБР, а главное не могла рисковать твоей жизнью.

Я на мгновение онемел, представив себе ад, через который она прошла, и все же, со свободой в руках, ее мысли были обо мне и миссии.

— Ты не перестаешь меня удивлять. Но если ему никто не звонил, почему он забрал тебя из особняка?

Стелла пожала плечами.

— Это произошло после того, как брат Илайя напал на меня. Дилан застрелил его.

Какого черта?

— А потом он вытащил меня из кабинета Отца Габриэля и сказал, что нам нужно уходить. Во всей этой суматохе я, должно быть, выронила его телефон. Если кто-то и звонил ему, то так и не дозвонился.

В ее последнем слове было слишком много такого, что я не мог даже сформулировать вопрос.

Спустя минуту она добавила.

— Он звонил после того, как взорвался особняк. Я попыталась прислушаться, но не слышала, о чем был разговор. Я думаю, он говорил с кем-то по имени Джоэл или Ноэль... что-то вроде того.

Джоэл? Один из тех, кого опознали. Мне было интересно, был ли он сыном Брата Тимоти и Сестры Лилит. Возможно ли, что "Тени" состояли из якобы изгнанных членов «Света»? Отец Габриэль поручил им занимать важные должности во тьме, поддерживая деятельность "Света"?

Размышляя, я подошел к двери и жестом пригласил специального агента Адлера войти. Повернувшись к Стелле, я улыбнулся.

— Специальный агент Адлер, познакомьтесь.

— Жена Агента МакАлистера, — перебила Стелла. — Я Стелла Монтгомери МакАлистер.

Агент Адлер пожал ей руку.

— Мэм, очень приятно познакомиться с вами. Вы заставили нас всех очень поволноваться. — Он указал головой в мою сторону. — Особенно, одного из нас. Кажется, он не спал больше двух дней.

— Я не думаю, что он также принимал душ, — добавила она с ухмылкой.

— Я только что говорил с доктором, — сказал специальный агент Адлер. — Теперь, когда они знают, что с вашими глазами все в порядке, вас можно выписывать. ФБР хотело бы, чтобы еще несколько дней вы находились под нашим особым наблюдением. Мы можем поселить вас в охраняемых номерах отеля с включенными услугами обслуживания. Как только вы восстановитесь, мы отправим вас в Вирджинию. Вы оба нуждаетесь в длительной психологической поддержке.

— Агент, — сказала Стелла, — пожалуйста, поблагодарите ФБР. Если с агентом МакАлистером все в порядке, я бы предпочла избавить наше правительство от дополнительных расходов. Считаю, что одного номера нам будет достаточно.

— Вы слышали мою жену, — сказал я с ухмылкой.

— Тогда решено, — сказал Адлер. — О, и еще кое-что, та подруга, о которой вы говорили по телефону, Минди Роузмонт, мы подтвердили, что она одна из тех женщин, которые все еще находятся в "Северном Сиянии". Потребуется некоторое время, чтобы доставить всех в Анкоридж.

Стелла перевела взгляд со специального агента Адлера на меня.

— Я хочу видеть ее. Я хочу помочь ей. Я пыталась поговорить с ней, когда ко мне вернулась память, но она меня не узнала. Как только закончится действия препарата, я хочу, чтобы она знала, что мы ее искали.

Спрашивала ли она? На этот раз у меня не было ответа. Вместо этого я посмотрел на своего руководителя.

— Это займет некоторое время, — сказал агент Адлер, — но я уверен, что мы сможем это уладить. Кроме того, мы связались с вашими родителями. Они уже на пути в Детройт.

Лицо Стеллы внезапно побледнело.

— Что такое? — спросил я.

— Я хочу поговорить с мамой. Это Дилан, — в ее глазах царил паника, — он упомянул, что она звонила ему каждую неделю. Если она узнает, что со мной все в порядке, она может попытаться позвонить ему. Тогда он поймет, что лекарство не сработало.

— Я немедленно свяжусь с вашей мамой, — сказал Адлер. — Не переживайте, никто не узнает о вашем местоположении.

— "Тени"? — спросил я, не желая знать ответа.

— Я лично займусь отбором агентов для защиты каждого из вас.

Я взял Стеллу за руку и кивнул.

— Все будет в порядке.

Она кивнула.

— Поскольку я уронила телефон Дилана в особняке, и он, вероятно, взорвался, я сомневаюсь, что моя мама смогла бы связаться с ним. Дилан сказал, что "Тени" повсюду. Значит ли это, что они и в ФБР?

Я сделал глубокий вдох. Я обещал ей правду, но в этот момент я не хотел быть правдивым. Я хотел, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Тем не менее, она заслуживала честности.

— Мы считаем, что Ричардса предупредил кто-то из "Теней". Если это так, то звонок поступил из ФБР.

Агент Адлер покачал головой.

— Это не было подтверждено. Мы ведем расследование. Но, как я уже сказал, мы будем

держатъ ваше местоположение в тайне.

— Мои родители?

Я сжал руку Стеллы.

— Простите, Агент. Я могу заверить вас, что она никогда не перестанет задавать вопросы.

Агент Адлер усмехнулся.

— Мы рады, что вы оба в безопасности. Позвольте мне принести вам телефон.

— Спасибо вам, — сказала Стелла, ее щеки порозовели, и она опустила взгляд.

Я прикоснулся к ее подбородку. Когда наши глаза встретились, я сказал:

— Я с нетерпением жду встречи с ними.

Джейкоби МакАлистер

Агент Федерального Бюро Расследований

Спустя два месяца после рейда:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ФИНАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ: СВЕТ

После последнего опроса агента Джейкоби МакАлистера его работа под прикрытием в «Свете» длилась сорок один месяц. Результаты его расследования включают:

"Свет", религиозная, освобожденная от налогов организация, является прикрытием для незаконной деятельности. Деятельность, обнаруженная агентом Джейкоби МакАлистером, были разделены между тремя общинами. В трех кампусах было выявлено в общей сложности 1070 последователей. Эти последователи включают мужчин, женщин и детей. В "Северном Сиянии", расположенном в Северной части Аляски, располагался полнофункциональный фармацевтический завод, способный создавать различные подделки лекарств. Эти лекарства транспортировались в "Западное Сияние", расположенное в Северной Монтане, где они упаковывались и затем транспортировались в Канаду под прикрытием консервов "Консервы Света". За пределами Соединенных Штатов, распространение и логистика происходили через неопознанных членов подразделения "Света", известного как "Тени".

"Восточное Сияние", расположенное в Хайленд-Хайтс, штат Мичиган, служило в первую очередь точкой входа для новых последователей, как добровольно, так и по принуждению. Женщины, похищенные для "Света", сначала проходили через этот кампус, после чего их перевозили в другие общины. Наряду с приобретением новых последователей, в "Восточном Сиянии" также было расположено небольшое предприятие. Этот завод производил наркотические вещества, которые затем были вывезены в Соединенные Штаты под прикрытием консервов «Консервы Света».

Предполагаемые преступления, раскрытые во время этой миссии в "Свете", включают в себя многочисленные обвинения в убийствах первой степени, уголовных преступлениях, торговле людьми, похищении людей, сексуальном насилии, физическом и психологическом насилии, производстве наркотиков, хранении наркотиков, обороте наркотиков и нарушениях трудового кодекса.

Габриэль Кларк, он же Отец Габриэль и Гаррисон Кларксон, а также двенадцать членов Комиссии, содержатся под стражей без связи в различных объектах повышенной безопасности по всей территории Соединенных Штатов. Из-за его связи с нынешней угрожающей организацией, называющей себя "Тенями", Габриэль Кларк в настоящее время находится в тюрьме ADX Florence, вблизи Флоренции, штат Колорадо. Этот объект является тюрьмой строгого режима для заключенных мужского пола с крайне ограниченными возможностями для общения с внешними источниками.

Тридцать три члена Собрании "Света" были допрошены ФБР в индивидуальном порядке. В ходе многочасовых допросов был определен уровень знаний о незаконной деятельности "Света". Уровень знаний и роли в деятельности организации варьировались. Двадцать два члена были полны решимости обладать обширными знаниями и не желали давать показания от имени государства. Эти члены в настоящее время находятся в заключении в ожидании суда. Остальные одиннадцать членов Собрании проходят

добровольный опрос и депрограммирование в качестве свидетелей государства. Из-за предполагаемой опасности, исходящей от "Теней", одиннадцать членов войдут в программу защиты свидетелей до окончания судебных разбирательств.

Жены: десять из одиннадцати жен членов Собрания "Света" добровольно вызвались сопровождать своих мужей в программе по защите свидетелей. Было установлено, что ни одна из жен членов Собрания не обладала значительным уровнем знаний о внутренней работе и операциях. Жены отказавшихся сотрудничать, или погибших членов Собрания, согласились пройти депрограммирование. Те, чьи подлинную личность можно было определить, воссоединились с семьей за пределами "Света", если семью можно было найти. Даже после прекращения приема лекарств, подавляющих память, три жены членов Собрания еще не знают своей истинной личности. ФБР все еще сотрудничает с департаментом похищений и пропавших без вести лиц в этом начинании.

Установлено, что девять из двенадцати жен членов комиссии знали о незаконной деятельности и участвовали в различных незаконных действиях. Этим девяти женщинам были предъявлены обвинения в совершении преступлений, повлекших за собой их лишение свободы. Три другие жены членов Комиссии прошли депрограммирование и добровольно воссоединились со своими семьями за пределами "Света".

Три врача, по одному в каждом кампусе, также находятся в заключении и ожидают суда по различным обвинениям в уголовном преступлении.

Конверт, который был вручен Агенту МакАлистеру, членом Комиссии (Братом Майклом) из «Западного Света», содержал последовательность цифр и пароль. После кропотливой работы кибер-отдела ФБР были обнаружены и доступны зарубежные счета. Пока информация в конверте не была расшифрована, финансовая сторона "Света" была недостающим звеном в расследовании МакАлистера. Содержимое счетов раскрыло большую часть незаконно полученных богатств "Света".

Дилан Ричардс все еще на свободе. Кибер-слежка идентифицировала его как наследника, очевидного для подразделения "Теней". В их сообщениях он теперь упоминается, как лидер, брат Дэвид. В настоящее время считается, что Ричардс находится за пределами Соединенных Штатов.

После утомительных поисков большинство последователей во всех трех кампусах были идентифицированы. В то время как невозможно отчитать за всех последователей, одна женщина-последователь из "Северного Сияния" в настоящее время пропала. Мэри, она же Минди Роузмонт, была обнаружена в общине "Северного Сияния". Однако когда последователи были позже записаны в журнал в полевом офисе ФБР в Анкоридже, было обнаружено, что ее не оказалось среди последовательниц. Такое развитие событий в настоящее время рассматривается внутренним подкомитетом.

Как ключевой свидетель бюро, агент МакАлистер будет участвовать в программе защиты свидетелей до окончания судебных слушаний над Габриэлем Кларком, как и его жена Стелла МакАлистер.

Эпилог

Дэвид

— Мне нужно подтверждение, как только вы его получите, — сказал я, сжимая телефон все крепче с каждой секундой. Судя по тому, как агент Фишер заикался на каждом своем слове, по моему тону он понял, что я не шучу. — Он должен заплатить высшую цену за обман.

Моя кровь закипала.

Агент Джейкоби МакАлистер, чертов Джейкоб Адамс.

Этот ублюдок был у меня в руках. Мне следовало убить его в подвале особняка. Если бы я это сделал, "Свет" все еще зарабатывал бы деньги, необходимые для операций. Проклятье, если бы я его тогда убил, Габриэль все еще был бы на свободе. Я стиснул зубы. Если бы я убил его, я был бы в Квантико, женатый на Стелле.

К черту ее. К черту его.

Как минимум у меня остались связи — "Тени", в Квантико. Ну, если сейчас он перестанет заикаться и выполнит свой чертов долг.

— Брат Дэвид, у м-меня есть необходимое разрешение. Я узнаю, где агент и миссис МакАлистер.

Миссис МакАлистер. От этого имени волосы на моих руках встали дыбом.

— Расскажешь мне, когда выяснишь. Не надо, повторяю, не надо, действовать по своему усмотрению. Я хочу, чтобы последнее, что запомнил этот мудака, это то, что он связался не с той организацией. И я хочу, чтобы он знал, что он не остановил ни нас, ни наши планы. Он, возможно, немного замедлил нас, но "Свет" повсюду.

— Да, Брат.

Не дожидаясь окончания разговора, я нажал на красную кнопку и отправил его в полет через комнату. Когда он столкнулся со стеной, Стейси подпрыгнула. Она покачала головой и с нахальной усмешкой посмотрела в мою сторону.

— Я собираюсь предположить, что ты хотел услышать не эту новость?

Я провел рукой по подбородку, прежде чем протянуть ее в сторону женщины, находящейся со мной в комнате. Без колебаний она встала с дивана, где читала, и подошла ко мне. Я притянул ее к себе на колени и взял за подбородок.

— Тебе не о чем беспокоиться. Теперь у меня есть ты. Я не хочу ее.

Стейси улыбнулась.

— Я не беспокоюсь. Но странно, как все это обернулось. Кто бы мог подумать, что я, ты и "Тени"? Я имею в виду, я никогда о них не слышала, и я помню, когда ты был парнем моей лучшей подруги.

Я обернул руки вокруг ее талии. Если я не буду думать об этом слишком много, я могу представить, что это Стелла. Они были похожи. Вот почему ее привели ко мне. Это была мирная жертва от идиота, который позволил оперативной группе ФБР осуществить операцию без его ведома. Он слышал о Стелле и почему-то подумал, что Минди — это она.

Жаль, что этого было недостаточно, чтобы остановить его изгнание.

— Твоя лучшая подруга? — спросил я, ухмыляясь.

Она покачала головой, ее длинные светлые волосы медленно рассыпались по плечам.

— Больше нет. Теперь я помню, я помню, как она не помогла мне, как она была частью

избранных...

Я коснулся ее губ.

— Детка, это в прошлом. Посмотри на себя. К черту избранных. Большинство из них в тюрьме. Ты жена лидера "Теней". И скоро, очень скоро она и ее агент заплатят.

— Если ты так говоришь, Дэвид.

— Говорю. Никто не остановит "Свет".

Конец

Больше книг на сайте — Knigoed.net